

ЛИНКОЛН ЧАЙЛД

УТОПИЯ

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЕР

Annotation

Утопия — это огромный, полностью компьютеризованный парк развлечений с четырьмя волшебными мирами, где работают самые современные технологии, в том числе голография и робототехника. Здесь вас ждут различные аттракционы, на которых можно испытать свою храбрость, силу и выносливость и при этом получить массу удовольствия. Но однажды в этот райский уголок проникает группа изощренных преступников, которые требуют отдать им самое ценное, что есть в парке, — его главный технический секрет. И чтобы продемонстрировать серьезность своих намерений, они готовы начать убивать.

Впервые на русском языке! От знаменитого создателя бестселлеров «Из глубины», «Золотой город», «Граница льдов».

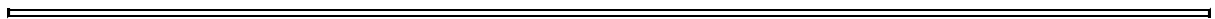

- [Линкольн Чайлд](#)
  -
  - [Пролог](#)
  - [Две недели спустя](#)
    - [7 часов 30 минут](#)
    - [8 часов 10 минут](#)
    - [8 часов 50 минут](#)
    - [9 часов 00 минут](#)
    - [9 часов 10 минут](#)
    - [9 часов 45 минут](#)
    - [9 часов 55 минут](#)
    - [11 часов 00 минут](#)
    - [11 часов 15 минут](#)
    - [11 часов 15 минут](#)
    - [11 часов 45 минут](#)
    - [12 часов 45 минут](#)
    - [13 часов 05 минут](#)
    - [13 часов 09 минут](#)
    - [13 часов 15 минут](#)
    - [13 часов 15 минут](#)
    - [13 часов 17 минут](#)
    - [13 часов 34 минуты](#)

- [13 часов 42 минуты](#)
- [13 часов 45 минут](#)
- [13 часов 47 минут](#)
- [13 часов 50 минут](#)
- [13 часов 52 минуты](#)
- [13 часов 55 минут](#)
- [14 часов 10 минут](#)
- [14 часов 22 минуты](#)
- [14 часов 22 минуты](#)
- [14 часов 26 минут](#)
- [14 часов 26 минут](#)
- [14 часов 40 минут](#)
- [14 часов 40 минут](#)
- [14 часов 55 минут](#)
- [15 часов 12 минут](#)
- [15 часов 15 минут](#)
- [15 часов 15 минут](#)
- [15 часов 25 минут](#)
- [15 часов 30 минут](#)
- [15 часов 33 минуты](#)
- [15 часов 40 минут](#)
- [15 часов 40 минут](#)
- [15 часов 45 минут](#)
- [15 часов 45 минут](#)
- [15 часов 50 минут](#)
- [15 часов 50 минут](#)
- [15 часов 50 минут](#)
- [15 часов 55 минут](#)
- [16 часов 00 минут](#)
- [16 часов 00 минут](#)
- [16 часов 00 минут](#)
- [16 часов 00 минут](#)
- [16 часов 03 минуты](#)
- [16 часов 03 минуты](#)
- [16 часов 08 минут](#)
- [16 часов 10 минут](#)
- [16 часов 12 минут](#)
- [16 часов 15 минут](#)
- [16 часов 15 минут](#)
- [16 часов 16 минут](#)

- [16 часов 16 минут](#)
  - [16 часов 20 минут](#)
  - [16 часов 20 минут](#)
  - [16 часов 24 минуты](#)
  - [16 часов 24 минут](#)
  - [16 часов 25 минут](#)
  - [16 часов 25 минут](#)
  - [16 часов 28 минут](#)
  - [16 часов 32 минуты](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

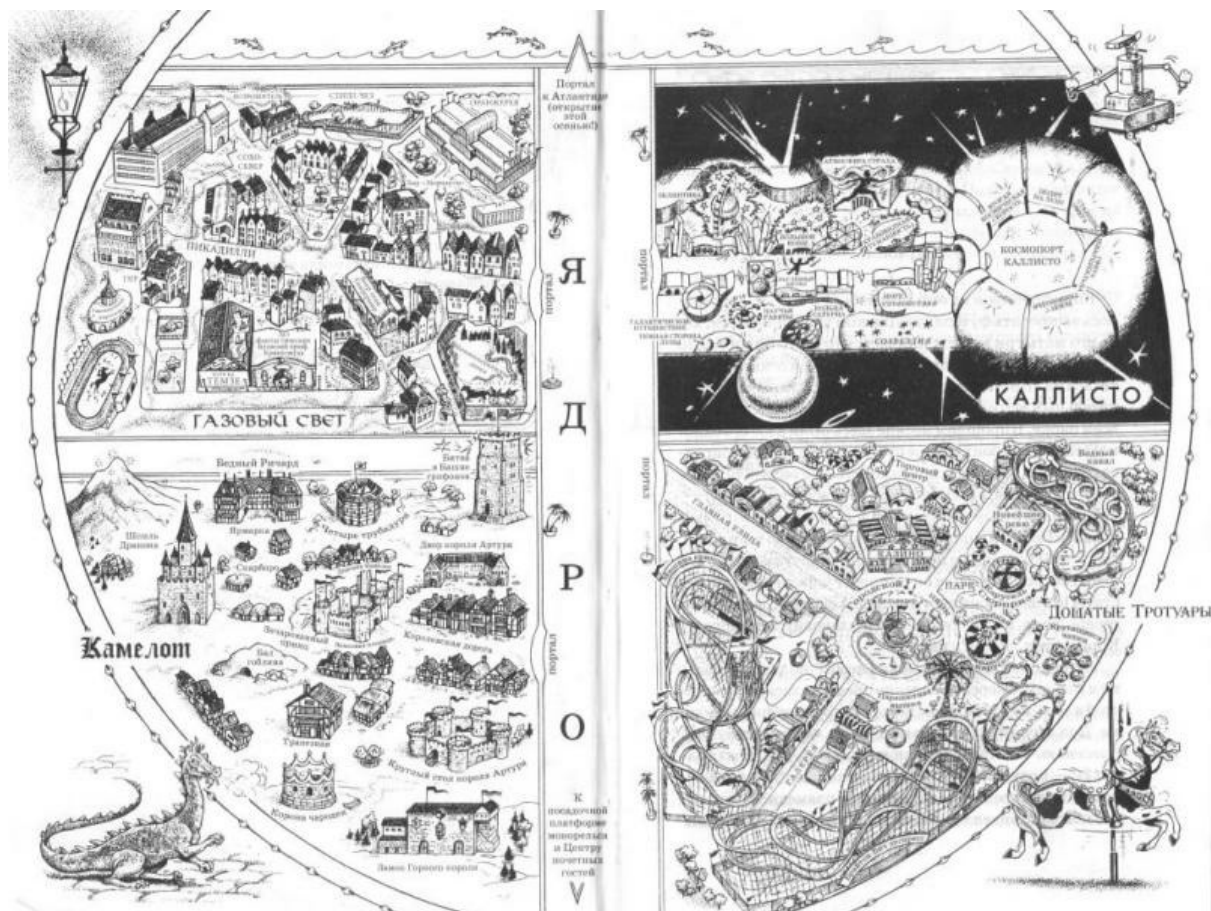

Линкольн Чайлд

Утопия

Моей дочери Веронике

Утопия(суц.) 1. Идеальная ситуация или состояние. 2. Идеальное место или местность, часто воображаемые.

Пролог

Кори пребывал на седьмом небе от счастья. Ему удалось выпросить футболку с Джеком Потрошителем, хотя его мать три месяца клялась, что этого он ни за что не дождетя, а теперь они собирались всей семьей прокатиться на «Ноттингхиллских гонках». А это самый увлекательный аттракцион не только в Газовом Свете, но и во всем парке. В прошлом месяце здесь были двое его одноклассников, и обоих туда не пустили. Но Кори не собирался сдаваться. Он уже успел заметить, что родители, сами того не сознавая, увлеклись тем, что творилось вокруг, — впрочем, он в этом и не сомневался. Все-таки это самый новый и самый лучший парк развлечений во всем мире. Неписанные семейные правила одно за другим уходили в небытие, пока наконец он не прибег к последнему средству. Полчаса жалобного хныканья сделали свое дело, и теперь, видя, как очередь впереди становится все короче, Кори понял, что он у цели.

Аттракцион выглядел весьма необычно даже по здешним меркам. Очередь медленно продвигалась по извилистой аллее, по обе стороны которой стояли старинные дома. Дул легкий прохладный ветерок, слегка пахнувший плесенью. «Интересно, как им удалось подделать запах?» — подумал Кори. На верхушках железных фонарных столбов горели небольшие языки пламени. Естественно, повсюду висел туман, как и везде в Газовом Свете.

Впереди показалась посадочная платформа. Две служительницы в забавных шляпах и длинных темных платьях помогали посетителям сесть в низкие открытые коляски на больших деревянных колесах. Служительницы закрыли дверцу в экипаж и отошли. Подпрыгивая, он покатился вперед и исчез за темным занавесом, в то время как его место занял другой и в него села следующая группа. Коляска скрылась из виду, и ее сменила еще одна. Наступила их очередь.

В какой-то пугающий миг Кори показалось, что ему может не хватить роста для этого аттракциона, но, приложив невероятные усилия, он все-таки сумел дотянуться макушкой до перекладины. Дрожа от возбуждения, он едва дождался, когда одна из служительниц поведет их на посадку, и, словно хорек, тут же метнулся к переднему сиденью и удобно на нем устроился.

— Ты уверен, что хочешь сидеть здесь, шкипер? — нахмурился отец.

Мальчик решительно кивнул. В конце концов, именно потому аттракцион считался таким страшным. Кресла располагались лицом друг к другу, а значит, сидящим спереди придется ехать спиной вперед.

— Я боюсь, — захныкала его сестра, занимая место рядом с ним.

Он грубо пихнул ее в бок, заставив замолчать. Ну почему у него нет крутого старшего брата, как у Роджера Прескотта, а только плаксивая сестренка, которая читает книжки про лошадей и считает видеоигры чем-то неприличным?

— Пожалуйста, не высовывайте из ландо руки и ноги, — сказала служительница со странным акцентом, который Кори считал английским.

Он не знал, что такое «ландо», но это не имело значения. Он собирался прокатиться на «Ноттингхиллских гонках», и ничто не могло его остановить.

Служительница закрыла дверцу, и поперек груди мальчика автоматически опустилась предохранительная перекладина. Экипаж дернулся, и его сестра испуганно взвизгнула. Кори фыркнул.

Когда они двинулись вперед, он выставил голову за борт, поглядев сначала вверх, потом вниз. Мать быстро оттащила его назад, но он успел заметить, что коляска прикреплена к чему-то вроде конвейера, тщательно скрытого и почти невидимого в полумраке, а колеса крутятся просто для вида. Но какая собственно, разница? Повозка въехала в темноту, и послышался громкий стук лошадиных копыт. Кори затаил дыхание, не в силах подавить возбужденную улыбку, и почувствовал, как экипаж начал круто подниматься вверх. Темнота понемногу рассеялась, и теперь вокруг простирались туманные очертания города — тысячи блестящих остроконечных крыш, дымки из труб в вечернем небе, а еще дальше возвышалась красивая башня. Крошечную инфракрасную камеру, скрытую за окнами на самом ее верху, он не заметил.

Сорока футами ниже Аллан Пресли без особого интереса наблюдал на экране монитора, как мальчишка в футболке с Джеком

Потрошителем движется вверх по подъемнику Альфа. Последние четыре месяца эта футболка была самым популярным товаром в Газовом Свете, даже по двадцать девять долларов за штуку. Удивительно, как быстро раскрывали бумажники те, кто приезжал сюда. Мальчик разинул рот, словно на карикатуре; он крутил головой из стороны в сторону, оставляя едва заметные зеленоватые тепловые следы на инфракрасном мониторе, по мере того как его коляска взмывала над крышами Лондона Викторианской эпохи. Естественно, паренек понятия не имел о том, что на самом деле он поднимается внутри усеянного оптоволоконными огоньками звезд цилиндрического экрана, на который отбрасывают цифровое изображение два десятка проекторов. Всего лишь иллюзия — как и все остальное в Утопии.

Взгляд Пресли на мгновение остановился на девочке, сидевшей рядом с мальчишкой. Слишком маленькая, чтобы представлять хоть какой-то интерес. К тому же с ними родители. Он вздохнул.

Большинство основных аттракционов в парке были оборудованы камерами, установленными на ключевых позициях при последних головокружительных спусках и фиксирующими выражения лиц катающихся. Заплатив при выходе пять долларов, можно было купить изображение собственной физиономии — обычно с идиотской улыбкой или с выражением ужаса. А среди наиболее раскованных молодых женщин стало негласной традицией обнажать грудь перед камерой. Естественно, такие фотографии никогда не попадали на глаза публике, но доставляли немало развлечения мужчинам из обслуживающего персонала. Они даже придумали название: «Выставка дынь». Пресли покачал головой. На водном канале в Дощатых Тротуарах происходило по десять-пятнадцать подобных случаев в день. Здесь же, в Газовом Свете, такое встречалось куда реже, особенно в столь раннее время.

Снова вздохнув, он отложил «Георгики» Вергилия и быстро окинул взглядом остальные три десятка мониторов, расположенных вдоль стен диспетчерской. Все спокойно, как всегда. По стандартам Утопии «Гонки» считались не самым высокотехнологичным аттракционом, но большинство операций все же было автоматизировано. Больше всего забавляло Пресли, когда какой-нибудь умник пытался выбраться из коляски в середине маршрута. Даже на этот случай предусматривалась определенная последовательность действий — срабатывали предохранительные

панели вдоль трассы, он давал оператору команду остановить аттракцион, а затем посылал дежурного, чтобы тот вывел гостя.

Пресли опять посмотрел на четвертую камеру. Мальчишка теперь находился на самой вершине подъемника. Секунду спустя тусклый свет полностью погаснет, коляска устремится вниз, и начнется настоящее веселье. Он вдруг обнаружил, что наблюдает за возбужденным выражением маленького личика, хорошо различимым даже в призрачном инфракрасном освещении, пытаюсь вспомнить, когда он первый раз сам катался на «Ноттингхиллских гонках». Несмотря на то что ему, как начальнику аттракциона, приходилось многократно это проделывать, он мог описать свои впечатления лишь одним словом — магия.

— Привет, Элвис, — послышался голос в динамике.

Он не ответил. В Америке жизнь становилась невыносимой для каждого белого мужчины по фамилии Пресли. Примерно то же самое, что носить фамилию Гитлер. Или, может быть, Христос, если предположить, что у кого-то хватило смелости на...

— Элвис, ты там?

Он узнал гнусавый голос Кейла, дежурного на аттракционе «Скачки с препятствиями».

— Да, — ответил в микрофон Пресли.

— Как там у тебя?

— Ничего. Мертвая тишина.

— У меня тоже. Ну... почти. Пятерых сегодня утром стошнило, одного за другим. Тебе стоило бы это видеть — высадка походила на зону боевых действий. Пришлось закрыться на десять минут, чтобы все убрать.

— Восхитительно.

По диспетчерской пробежала дрожь — одна из колясок устремилась вниз по последнему вертикальному спуску, завершающему аттракцион, и покатилась к выходу. Пресли машинально бросил взгляд на мониторы. Ошеломленные, радостные лица.

— Дай знать, если будет что интересное, — продолжал Кейл. — Мне тут сказали, вечером ожидается компания девиц из женского

клуба. Может, загляну после смены.

На панели перед ним вспыхнула красная лампочка.

— Извини, работа, — сказал Пресли, нажимая кнопку связи с оператором на башне. — Вижу отказ предохранительного стопора на повороте Омега.

— Да, я тоже вижу, — последовал ответ. — Где роботы?

— Занимаются смазкой на «Пруды призраков».

— Ладно, свяжусь с ремонтниками.

— Принято.

Откинувшись на спинку стула, Пресли снова пробежал взглядом по мониторам. Предупреждающие лампочки всегда рано или поздно гасли. Система безопасности аттракционов была столь надежной, что поводов для беспокойства никогда не возникало. Скорее всего, опять ложная тревога. Самому большому риску подвергались механики, которым следовало беречь свои пальцы и глупые головы от колясок, когда аттракционы были на ходу.

Кори отчаянно вцепился в перекладину, вопя во все горло. Он чувствовал, как сила тяжести давит ему на грудь, неумолимо таща за подмышки и пытаясь выбросить из коляски. На вершине подъема — как говорилось в сценарии — их воображаемых лошадей напугало некое привидение, и теперь экипаж мчался во весь опор. Его окружал оглушительный шум — грохот колес, пронзительное ржание перепуганных лошадей. И на фоне всего этого — непрекращающийся, бьющий в уши, доставляющий радость визг сестры. Никогда в жизни он еще не испытывал подобного наслаждения.

Они мчались вниз по каменистому склону, мимо удивительно реалистичного пейзажа: призрачного пустынного озера, лабиринта узких темных аллей, пристани с прогнившим причалом и скрытыми в тени парусниками. Коляску с силой подбросило раз, затем другой. Кори крепче схватился за перекладину, поскольку до него уже дошли слухи о том, что ждет их на финише: экипаж должен перевалить через склон холма и рухнуть прямо вниз, в черную бездну.

— Я возле стопора девяносто один, все в полном порядке. Эй, Дэйв, знаешь, почему во время медосмотра доктор просит отвернуться, когда осматривает твой член?

— Нет.

Пресли машинально слушал болтовню механиков по радио, почти не обращая на нее внимания. Пробежавшись взглядом по мониторам, он снова углубился в «Георгики». В университете Беркли он специализировался по классической литературе и планировал поступить в аспирантуру, но никак не мог найти в себе силы бросить Утопию и вернуться к учебе. Так или иначе, он, вероятно, был единственным человеком во всем штате Невада, умевшим говорить на латыни. Как-то раз он попытался этим воспользоваться, чтобы познакомиться с девушкой, но ничего не вышло.

— Так вот, кто-то мне все объяснил. Врачам не хочется, чтобы налицо им попадала слюна, когда ты кашляешь.

— И только-то? А я всегда думал, что это как-то связано с анатомией... Проклятье, девяносто четвертый стопор сгорел.

Пресли выпрямился в кресле, внимательно прислушиваясь к переговорам.

— Что значит — сгорел? Это же не лампочка, черт возьми!

— То и значит. Дымится и воняет. Наверное, перегрузка. Никогда такого не видел, даже на симуляторе. Похоже, и с девяносто пятым то же самое...

Пресли вскочил на ноги, оттолкнув кресло, с грохотом покотившееся в сторону, и посмотрел на схему аттракциона. Предохранительные стопоры девяносто четыре и девяносто пять стояли на последнем вертикальном спуске после поворота Омега.

Плохо. Конечно, система безопасности остановит любое движение. Но он никогда прежде не слышал об отказах стопоров, особенно двух подряд, и ему это не понравилось. Схватив микрофон, он вызвал оператора башни.

— Фрэнк, опусти заслонки. Останови аттракцион.

— Уже сделал. Но... господи, там как раз едет коляска...

Тренированный взгляд Пресли метнулся к мониторам — и от того, что он увидел, кровь застыла у него в жилах.

Экипаж мчался вниз к последнему виражу. Но это не был ровный управляемый спуск, который он наблюдал множество раз. Коляска сильно накренилась, ее шасси раскачивалось из стороны в сторону. Пассажиры навалились на предохранительные перекладины, цепляясь друг за друга; белки их глаз и розовые языки казались на экране мониторов бледно-зелеными. Звука не было, но Пресли понимал, что люди кричат.

Экипаж накренился еще больше, набирая скорость. Затем его резко развернуло, и одного из пассажиров швырнуло вперед. Он отчаянно пытался удержаться, но центробежная сила оказалась чересчур велика; ладонь соскользнула с перекладины, пронеслась мимо отчаянно тянущихся к ней рук взрослых, и мальчишеская фигурка со страшной скоростью кувырком полетела навстречу камере. Пресли едва успел различить рисунок с Джеком Потрошителем, прежде чем камера выключилась от удара и изображение исчезло.

Две недели спустя

7 часов 30 минут

Отходя от Чарлстон-бульвара, чуть дальше Лас-Вегас-стрип, Ранчо-драйв легкомысленно сворачивает влево и стрелой устремляется прямо в сторону Рино, строго на северо-запад, не обращая внимания на все естественные или искусственные соблазны хоть немного изогнуться, словно спешит оставить далеко позади неоновые огни и зелень. Исчезают вдаль загородные клубы, торговые центры и, наконец, даже унылого вида пригородные дома из фальшивого необожженного кирпича. Вновь вступает в свои права скрытая под асфальтом и бетоном пустыня Мохаве. Песчаные щупальца тянутся поперек дороги, переходящей, судя по указателям, в шоссе девяносто пять. Лохматые раскидистые деревья юкки испещряют поросшую кустарником равнину; словно памятники одиночеству, стоят кактусы. После шумных толп и ярких огней переход к пустынным просторам выглядит почти сверхъестественным. Кажется, будто здесь ни к чему не прикасалась рука человека — за исключением шоссе.

Эндрю Уорн наклонил зеркало заднего вида вверх и направо и облегченно вздохнул — яркий свет больше не бил в глаза.

— И как я мог приехать в Вегас без темных очков? — пробормотал он. — Солнце тут сияет триста шестьдесят шесть дней в году.

Девочка на сиденье рядом с ним усмехнулась и поправила наушники.

— Это же мой папа. Рассеянный профессор.

— Бывший профессор, ты хочешь сказать.

Дорога впереди превратилась в пылающую белую линию. Солнечные лучи, казалось, выжгли вокруг всю пустыню, превратив деревья юкки и креозотовые кусты в бледные призраки. Уорн коснулся ладонью окна и тут же отдернул руку. Полвосьмого утра, и уже за сорок градусов снаружи. Даже взятая напрокат машина будто приспособилась к местным условиям — регулятор кондиционера застрял на максимальной отметке.

Возле Индиан-Спрингс слева появилось низкое плато — база ВВС «Неллис». Через каждые несколько миль по обочинам

появлялись новые сверкающие бензозаправки. В этой безжизненной пустыне они казались Уорну совершенно неуместными.

Он бросил взгляд на лежащую между сиденьями папку с картой, приколотой к ней. Уже недалеко. Вот он — знак съезда с шоссе, ярко-зеленый, новенький, с иголочки. «Утопия. Одна миля».

Девочка тоже заметила знак.

— Мы все-таки доехали? — спросила она.

— Очень смешно, принцесса.

— Ты же знаешь, я терпеть не могу, когда ты называешь меня принцессой. Будто я маленький ребенок.

— Порой ты ведешь себя как маленький ребенок.

Она нахмурилась и прибавила звук на плеере. Глухие удары стали слышны даже сквозь шум кондиционера.

— Осторожнее, Джорджия, перепонки лопнут. Что ты там слушаешь?

— Свинг.

— Что ж, хоть что-то новое. В прошлом месяце был готический рок. А еще месяц назад — что?

— Евро-хаус.

— Евро-хаус. Не можешь выбрать стиль, который тебе нравится?

Девочка пожала плечами.

— Я для этого чересчур умная.

Стоило им съехать с дороги, как ее поверхность тут же изменилась — из потрескавшегося серого бетона федеральной трассы девяносто пять, похожего из-за многочисленных ремонтов на шкуру рептилии, она превратилась в гладкое красноватое покрытие с большим количеством полос, чем на шоссе, которое они только что покинули. По обеим сторонам дороги грациозно склонялись изящные фонари. Впервые за двадцать миль Уорн увидел впереди другие автомобили. Шоссе начало плавно подниматься над солончаковыми равнинами. Несколько раз ему встретились белые щиты с синими буквами, гласящими одно и то же: «Стоянка для посетителей прямо впереди».

Парковка, почти пустая в этот ранний час, выглядела невероятно огромной. Следуя за стрелками, Уорн проехал мимо группы больших машин, казавшихся крошечными, словно насекомые, на фоне асфальтового простора. В свое время он недоверчиво фыркнул, когда кто-то сказал ему, что за день парк посещают семьдесят тысяч человек; теперь же он был склонен в это верить. Джорджия оглядывалась по сторонам. Несмотря на свойственный подросткам внешне безразличный вид, она не могла полностью скрыть волнение, охватившее ее.

Еще через полторы мили они оказались в передней части парковки, возле длинного низкого здания с яркой стилизованной надписью «вход» вдоль крыши. Здесь было больше машин, толпились люди в шортах и сандалиях. Когда он подъехал к шлагбауму, появился служащий парка и жестом показал Уорну, чтобы тот опустил окно. На нем была белая рубашка с короткими рукавами и вышитой на левой стороне эмблемой в виде маленькой птички.

Уорн достал из папки ламинированную карточку. Служащий внимательно изучил ее, затем снял с пояса цифровое перо и взглянул на экран. Мгновение спустя он вернул пропуск, дав знак, что можно ехать дальше.

Ученый припарковался рядом с чередой желтых трамвайчиков и опустил карточку в карман рубашки.

— Приехали, — сказал он, задумчиво разглядывая здание у входа.

— Надеюсь, назад ты вернешься без Сары?

Застигнутый врасплох вопросом, Уорн посмотрел на Джорджию. Дочь выдержала его взгляд.

Удивительно, насколько порой она умела читать его мысли. Возможно, все дело в том, сколько времени они провели вместе и в какой степени готовы были положиться друг на друга в последние годы. Но порой это весьма раздражало. Особенно когда дело касалось самых сокровенных мыслей.

Девочка сняла наушники.

— Папа, лучше не надо. Она кого хочешь задолбает.

— Следи за языком, Джорджия. — Он извлек из папки

маленький белый конверт. — Знаешь, похоже, на свете нет ни одной женщины, которую бы ты одобрила. Хочешь, чтобы я остался вдовцом до конца жизни?

Возможно, он выразился чересчур резко. Девочка лишь закатила глаза и снова надела наушники.

Эндрю Уорн любил дочь больше всех на свете, можно сказать, души в ней не чаял. Но он никогда не предполагал, насколько тяжело окажется жить и воспитывать ребенка в одиночку. Порой ему казалось, что ничего хорошего из этого не выйдет. Именно тогда он острее всего ощущал, насколько ему не хватает его жены Шарлотты.

Снова взглянув на девочку, он вздохнул и распахнул дверцу машины.

В салон тотчас же ворвался раскаленный воздух. Захлопнув дверцу, Уорн подождал, пока Джорджия наденет рюкзак и последует за ним, а затем вприпрыжку побежал по сверкающему бетону к транспортному центру.

Внутри царила приятная прохлада. Отделанный светлым деревом и полированным металлом, центр выглядел безукоризненно и официально. Направо и налево тянулись до бесконечности стеклянные окошки касс — свободные, кроме одного прямо впереди. Уорн снова показал пропуск, и они зашагали по ярко освещенному коридору. Он знал, что примерно через час здесь будет полно измученных родителей, непоседливых ребятишек, щебечущих экскурсоводов. Сейчас же вокруг было пусто и тихо, если не считать рядов металлических ограждений и стука каблуков по идеально чистому полу.

У посадочной платформы ждал приземистый серебристый монорельс с открытыми дверями. По обеим сторонам его тянулись огромные окна, сходящиеся наверху у транспортного механизма, прикрепленного к рельсу над головой. Уорн никогда раньше не ездил на подвесном монорельсе, и подобная перспектива его не вдохновляла. Он видел сидящих внутри пассажиров, в основном мужчин и женщин в деловых костюмах. Оператор направил их в первый вагон — безупречно чистый, как и все здесь. В нем не было никого, кроме рослого человека впереди и невысокого мужчины в очках сзади. Хотя состав еще не покинул центр, рослый деловито оглядывался по сторонам, и на его одутловатом лице с нависшими

бровями застыло напряженное ожидание.

Уорн пропустил Джорджию к окну и сел рядом. В то же мгновение раздался негромкий мелодичный сигнал, и двери бесшумно закрылись. Последовал короткий толчок, и вагоны начали плавно набирать ход. «Добро пожаловать в монорельсовый поезд Утопии, — послышался ниоткуда и отовсюду сразу женский голос, не обычный, какой Уорн часто слышал в системах оповещения, но глубокий и проникновенный, с едва заметным британским акцентом. — Время в пути до Ядра составляет примерно восемь минут тридцать секунд. Для вашего удобства и безопасности просим оставаться на своих местах в течение всей поездки».

Центр остался позади, и вагон неожиданно залило ярким светом. Впереди и над ними вдоль узкого каньона из песчаника в обе стороны тянулись рельсы. Уорн быстро посмотрел вниз и от удивления едва не отдернул ноги. То, что он принимал за сплошной пол, на самом деле оказалось рядом стеклянных панелей. Под ним простиралась пропасть глубиной футов в сто, с каменистым дном. Судорожно вздохнув, он отвел взгляд.

— Круто, — сказала Джорджия.

«Каньон, вдоль которого мы движемся, очень стар в геологическом плане, — продолжал голос. — По его краям вы можете видеть заросли можжевельника, полыни и карликовых сосен, характерные для высокогорной пустыни...»

— Нет, вы только взгляните! — послышалось рядом.

Повернувшись, Уорн увидел, что рослый мужчина, грубо нарушив требование оставаться на своих местах, прошел через вагон и сел напротив. Одетый в вызывающе ярко-оранжевую цветастую рубашку, он смотрел на них черными глазами, широко улыбаясь. Как и Уорн, он держал в руке маленький конверт.

— Пеппер, Норман Пеппер. Господи, ну и вид. И к тому же еще из первого вагона. Мы увидим Ядро во всей его красе. Никогда здесь раньше не был, но слышал, что тут просто потрясающе. Только представьте — купить целую гору, или плато, или как оно там называется, чтобы построить парк развлечений! Это ваша дочь? Красивая у вас девочка.

— Скажи спасибо, Джорджия, — сказал Уорн.

— Спасибо, Джорджия, — последовал весьма неубедительный ответ.

«...На стене каньона справа по ходу поезда вы можете видеть ряд пиктограмм. Эти красно-белые изображения человека — творение доисторических обитателей данной местности, относившихся к культуре „корзинщиков“ [\[1\]](#), процветавшей почти три тысячи лет назад...»

— А кто вы по специальности? — спросил Пеппер.

— Прошу прощения? — нахмурился Уорн.

Тот пожал широкими плечами.

— Вы явно не постоянно работаете в Утопии, раз едете на монорельсе. А парк еще не открылся, так что вы не посетитель. Значит, вы консультант или специалист. Я угадал? Так же, как и все остальные в поезде.

— Я... я занимаюсь робототехникой, — ответил Уорн.

— Робототехникой?

— Искусственным интеллектом.

— Искусственным интеллектом, — словно эхо, повторил Пеппер. — Ага...

Набрав в грудь воздуха, он открыл рот, собираясь задать очередной вопрос.

— А вы? — быстро перебил его Уорн.

Тот улыбнулся еще шире, приложил палец к носу и заговорщически подмигнул.

— Дендробиум гигантеум.

Уорн недоуменно уставился на него.

— Каттлея довиана. Ну, вы же знаете.

Уорн развел руками. Вид у него был довольно ошеломленный.

— Извините.

— Орхидеи. — Пеппер фыркнул. — Я думал, вы могли бы догадаться, услышав мою фамилию. Я тот самый ботаник, специалист по экзотическим растениям, который работал на Нью-

Йоркской выставке в прошлом году. Возможно, вы читали про нее? В общем, им нужны какие-то особые гибриды для храма Афины, который они строят в Атлантиде. И еще у них некие проблемы с ночными цветами в Газовом Свете. То ли им влажность не нравится, то ли еще что. — Он широко развел руками, уронив как свой конверт, так и конверт Уорна. — Все расходы оплачены, билет первого класса, неплохой гонорар за консультации. Плюс отличная запись в моем резюме.

Пеппер поднял конверты и протянул один из них Уорну. Тот молча кивнул. В это он мог поверить. Утопия, по слухам, настолько фанатично относилась к достоверности своих тематических Миров, что время от времени там можно было встретить ученых, которые бродили вокруг, раскрыв рот и делая записи. Джорджия рассматривала каньон, не обращая никакого внимания на Пеппера.

«...Двадцать квадратных миль принадлежащей Утопии территории очень живописны и богаты природными ресурсами, включая два источника и бассейн реки...»

Пеппер обернулся через плечо.

— А вы?

Уорн почти забыл про сидевшего позади невысокого человека в очках. Тот моргнул, словно обдумывая вопрос.

— Смайт, — сказал он с акцентом, похожим на австралийский. — Пиротехник.

— Пиротехник? В смысле — фейерверки?

Тот разгладил пальцами тонкую щеточку усов.

— Я проектирую специальные шоу, вроде недавнего празднования полугодового юбилея. Кроме того, устраняю текущие проблемы. Иногда во время вечерних представлений в закрытом помещении «хризантемы» взлетают чересчур высоко и разбивают стеклянные панели купола.

— Так нельзя, — сказал Пеппер.

— А во время шоу в Башне грифонов зрители жалуются, что фейерверки в конце слишком громкие.

Неожиданно замолчав, он пожал плечами и отвернулся к окну.

Уорн перевел взгляд на ползущие внизу красновато-коричневые утесы. Что-то его беспокоило, и внезапно он понял, что именно. Он обернулся к Пепперу.

— Где все персонажи, действующие лица? Оберон, Морфеус, Пендрагон? Пока я ничего подобного не видел.

— О, они, конечно, есть — в магазинах и на некоторых детских аттракционах. Но вы не увидите здесь никаких парней в костюмах грызунов. Говорят, Найтингейл относился к этому весьма внимательно, уделяя большое внимание чистоте восприятия окружающего. Вот почему все это, — он повел вокруг пухлой рукой, — транспортный центр, монорельс, даже Ядро — не производит особого впечатления. Никакой коммерции. И благодаря тому сами Миры выглядят намного более реальными. По крайней мере, я так слышал. — Он посмотрел на пиротехника позади. — Я прав?

Смайт кивнул.

Пеппер наклонился чуть ближе к Уорну.

— Никогда не воспринимал творения Найтингейла всерьез. Помните мультфильмы «Хроники Феверстона», на основе его старых магических шоу? Слишком мрачные, я бы сказал. Но мои дети без ума от них. Смотрят их каждую неделю, как по часам. Они меня едва не убили, когда услышали, что я еду сюда и не могу взять их с собой.

Пеппер усмехнулся и потер руки. Уорну доводилось читать о том, как люди потирают руки от предвкушения, но он сомневался, что когда-либо видел подобное в реальности.

— Моя дочь точно бы меня убила, если бы я не взял ее, — ответил он и тут же невольно вскрикнул: Джорджия пнула его под сиденьем.

Последовала короткая пауза. Уорн потер голень.

— Как вы думаете, это правда, будто под парком находится ядерный реактор? — спросил Пеппер.

— Что?

— Ходят такие слухи. Только представьте, сколько для всего этого требуется электричества. Ради всего святого, это же целый муниципалитет! Какие нужны мощности, чтобы поддерживать работу

кондиционеров, аттракционов, компьютеров! Я спрашивал одну из сотрудниц центра, и она сказала, что для этого используется гидроэлектростанция. Гидроэлектростанция! Посреди пустыни! Я... Смотрите — вот он!

Уорн посмотрел вперед и невольно замер. Рядом послышался восхищенный вздох дочери.

Монорельс только что совершил крутой поворот, и каньон перед ними заметно расширился. От стены до стены и от подножия до вершины простирался обширный медно-красный фасад, сверкающий в лучах утреннего солнца. Казалось, будто ущелье внезапно заканчивается массивной стеной из отполированного металла. Естественно, тупик был лишь иллюзией — сам парк находился в большой круглой каменной впадине, лежащей дальше, — но зрелище впечатляло, захватывало и выглядело по-своему прекрасным. Фасад был сплошным, не считая двух крошечных квадратных отверстий у его вершины, куда уходили рельсы. Вдоль верхнего края шло единственное слово УТОПИЯ, выложенное огромными буквами из похожего на слюду материала, который сверкал и переливался, появляясь и исчезая в лучах солнца. Над ним возвышался громадный геодезический купол — причудливое сооружение из хрустальных многогранников и металлической сетки. На его вершине развевался флаг — стилизованная эмблема в виде фиолетовой птицы на белом фоне.

— Класс! — выдохнула Джорджия.

«Желаем вам приятного отдыха. Помните, если у вас возникнут какие-либо вопросы или замечания, приглашаем вас посетить один из наших центров обслуживания посетителей в Ядре или самих Мирах. Просьба оставаться на местах до полной остановки монорельса».

Вагон плавно въехал в тень, и наступила тишина.

8 часов 10 минут

Ядро представляло собой огромное помещение с такими же стенами из полированного металла и дерева, как и в транспортном центре. Налево и направо уходили в бесконечность ряды ресторанов, магазинов, сувенирных киосков и сервис-центров. Уорн следом за остальными спустился по пандусу, ведущему от посадочной платформы монорельса. Джорджия шла за ним, с любопытством оглядываясь по сторонам. Над головой возвышался огромный стеклянный купол, сквозь который виднелось безоблачное ярко-голубое небо. Впереди в косых лучах солнечного света сверкали информационные стойки и невысокие изящные фонтаны. Большие, но достаточно скромные указатели направляли посетителей ко входам в четыре Мира парка развлечений — Камелот, Газовый Свет, Дощатые Тротуары и Каллисто. Прохладный, слегка влажный воздух был полон приглушенных звуков — голосов, плеска воды и какого-то едва слышного шума, источник которого Уорн затруднялся определить.

У подножия пандуса ожидала группа молодых мужчин и женщин в одинаковых белых куртках и с одинаковыми папками в руках. Создавалось впечатление, будто они приходятся родственниками друг другу; у Уорна даже возникла полушутливая мысль о том, нет ли для служащих Утопии ограничений по росту, весу и возрасту, но он тут же ее отбросил, увидев, что одна из женщин быстро идет ему навстречу.

— Доктор Уорн? Я Аманда Фримен, — сказала она, пожимая ему руку.

— Вижу, — ответил Уорн, кивая на бейдж с именем, прикрепленный к лацкану ее пиджака.

«Интересно, — подумал он, — как она меня узнала?»

— Я познакомлю вас с Утопией. Введу в курс дела. — Голос у нее был приятный, но почти столь же торопливый, как и походка. Она кивнула на конверт в руке Уорна, вдоль одного края которого был отпечатан миниатюрный штрихкод. — Разрешите?

Он протянул ей конверт. Она разорвала его, вытряхнув в ладонь еще одну стилизованную птичку, на этот раз зеленую, и прикрепила к

пиджаку Уорна.

— Пожалуйста, не снимайте этот значок, пока вы у нас.

— Почему?

— Он идентифицирует вас как приглашенного специалиста. У вас есть пропуск? Хорошо. Вместе со значком он даст вам возможность пройти везде, куда потребуется.

— Это лучше, чем платить за вход.

— Держите бейдж при себе. Время от времени вас могут попросить ее показать. Собственно, большинство сотрудников носят его на нагрудном кармане. Это ваша дочь?

— Да. Джорджия.

— Я не знала, что она с вами. Надо и ей выдать значок.

— Спасибо.

— Не проблема. Она может подождать в детской комнате, пока вы занимаетесь своими делами. Потом можете ее забрать.

— В детской?! — звенящим от возмущения голосом переспросила девочка.

Фримен снова улыбнулась.

— Там есть и отделение для подростков. Думаю, ты будешь приятно удивлена.

Джорджия бросила на отца мрачный взгляд.

— Это мы еще посмотрим, — пробормотала она. — В «Лего» я не играю.

Уорн посмотрел в сторону пандуса. Специалист-пиротехник, Смайт, целеустремленно шагал в глубь Ядра. Норман Пеппер о чем-то оживленно беседовал с женщиной в белой куртке, потирая руки и широко улыбаясь. Затем оба повернулись и куда-то пошли.

Оставив Джорджию возле одной из информационных стоек, они направились по центральному коридору Ядра.

— У вас прекрасная дочь, — сказала Фримен.

— Спасибо. Только ей этого не говорите. При любом удобном случае она готова броситься в бой.

— Как вам монорельс?

— Потрясающе.

— В первый день мы предпочитаем доставлять приглашенных специалистов монорельсом. Помогает лучше представить, какие ощущения испытывает обычный посетитель. Вам сегодня в числе прочего покажут, где находится служебная парковка. Естественно, выглядит куда менее впечатляюще, но позволяет сэкономить около пятнадцати минут на поездке. Если только вы не будете ночевать прямо здесь.

— Нет, мы остановились в «Луксоре».

В отличие от большинства парков развлечений, Утопия была рассчитана на полное погружение в течение одного дня и ночлег для туристов не предусматривался. Уорну, впрочем, говорили, что здесь все же есть небольшой комфортабельный отель для знаменитостей, звезд и других важных персон, с более скромными номерами для приглашенных консультантов, музыкантов и ночного персонала.

— Что с часами? — спросил Уорн, изо всех сил стараясь не отставать.

Он уже заметил, что, хотя сейчас было четверть девятого, цифровые часы на уходивших ввысь стенах Ядра показывали ноль сорок пять.

— Сорок пять минут до Нулевого часа.

— То есть?

— Утопия открыта триста шестьдесят пять дней в году, с девяти утра до девяти вечера. Когда она закрывается, начинается двенадцатичасовой обратный отсчет. Таким образом, персонал всегда знает, сколько осталось до открытия. Конечно, в самих Мирах часов нет, но...

— То есть на то, чтобы снова подготовить парк, требуется всего двенадцать часов? — недоверчиво спросил ученый.

— Приходится потрудиться, — снова улыбнулась Фримен. — Давайте пройдем напрямик, через Камелот.

Она повела его к массивной двери в ближайшей стене, над которой сверкало выложенное черными готическими буквами слово «Камелот». Необычный шрифт выделялся на общем фоне строгого

дизайна Ядра, где даже надписи на дверях туалетов и указателях аварийных выходов были сделаны одинаковыми.

Трое служащих в белых куртках у входа в Камелот улыбнулись и кивнули Фримен. Она провела гостя через лес ограждений в просторный пустой зал ожидания, в дальней стене которого виднелось полдюжины металлических дверей. Словно по сигналу, одни из них раздвинулись, и Фримен вошла в мрачный, похожий на пещеру лифт.

Двери снова закрылись, и тот же бархатный женский голос произнес: «Вы прибываете в Камелот. Приятного посещения». Послышался приглушенный металлический стук, и лифт пришел в движение. Уорн заметил, что он не поднимается и не опускается, а движется горизонтально вперед.

— Далеко до самого парка? — спросил он.

— На самом деле мы не перемещаемся, — ответила Фримен. — Кабина лишь создает иллюзию движения. Исследования показали, что посетителям легче воспринимать Миры, если они считают, что до них нужно проделать определенный путь, пусть и короткий.

Двери в дальней стене открылись, и Уорн во второй раз за последние полчаса удивленно замер.

Перед ним простиралась широкая улица, вымощенная темным булыжником. По обеим ее сторонам уходили вдаль ряды старинных зданий с соломенными крышами и остроконечными башенками. Дорога пересекала большую площадь, а затем разветвлялась, огибая с двух сторон массивный замок песочного оттенка; над высокими зубчатыми стенами развевалась сотня разноцветных флагов. Вдали виднелись еще несколько башен и неровная поверхность горы над поросшим травой холмом. Вокруг ее вершины кружился снежный вихрь. Парящий высоко над головой купол создавал иллюзию бесконечного пространства. В воздухе пахло землей, свежескошенной травой и летом.

Уорн медленно шагнул вперед, чувствуя себя словно Дороти, вышедшая из своего бедного сельского домика прямо в страну Оз. «Посмотрим, что скажет Джорджия, когда все это увидит», — подумал он. В ярком солнечном свете спешили во всех направлениях служащие парка, но на этот раз не в вездесущих форменных куртках. Мужчины были в разноцветных трико, женщины — в развевающихся

платьях и вуалях, рыцари — в доспехах. Иллюзию разрушала лишь небольшая группа сотрудников в белых куртках с компьютерами-наладонниками и портативными рациями, а также служитель, который поливал булыжники водой из шланга.

— Как вам? — спросила Фримен.

— Изумительно.

— Да.

Повернувшись, он увидел, что она улыбается.

— Мне нравится смотреть, как люди впервые оказываются в одном из Миров. Поскольку сама я повторить этого уже не могу, остается лишь наблюдать за другими.

Они двинулись по широкой улице. По пути Фримен показывала местные достопримечательности. Когда они проходили мимо пекарни, открылось окно, и оттуда донесся восхитительный аромат. Где-то настраивал свою лютню трубадур, напевая старинную балладу.

— В основе четырех Миров лежит одна и та же идея, — сказала Фримен. — Сначала посетители проходят через декорации — в случае Камелота через то самое селение, где мы находимся, — которые помогают им сориентироваться, настроиться на определенный лад. Расслабиться, так сказать. Конечно, здесь есть рестораны, магазины и так далее, но в основном гости здесь просто осматриваются и акклиматизируются. Затем, по мере углубления в Мир, появляются развлечения — аттракционы, шоу, голографические представления и так далее. Все происходит незаметно, как бы само собой.

— Понятно.

Уорн заметил, что, за исключением вывесок магазинов и закусочных, нигде не было современных обозначений — туалеты и хитроумно встроенные в окружающую обстановку информационные киоски отмечались лишь высокореалистичными голографическими символами.

— Сюда приезжают ученые, поскольку улица, по которой мы идем, представляет собой детальную реконструкцию Ньюболд-Соуси, английского селения, обезлюдевшего в четырнадцатом веке, — сказала женщина. — Посетители же приходят сюда потому,

что «Шпиль дракона» — это, пожалуй, самые захватывающие русские горки в парке после «Машины криков» в Дощатых Тротуарах.

Когда они подошли к площади, над ними нависли стены замка.

— Точная реконструкция Карнарвона ^[2] в Уэльсе, — продолжала Фримен. — Естественно, с искусственной перспективой.

— Искусственной перспективой?

— Верхние уровни — не в натуральную величину, на самом деле они меньше. Они создают иллюзию правильных пропорций, но при этом выглядят не столь угрожающе. В разной степени подобная технология используется во всей Утопии. Например, та гора уменьшена в размерах, чтобы создавать иллюзию расстояния. — Она кивнула в сторону поднятой решетки на воротах. — Так или иначе, именно внутри этого замка показывают шоу «Зачарованный принц».

Песня трубадура давно стихла позади, но ушей Уорна достигли другие звуки — пение птиц, плеск фонтанов и тот же негромкий шум, который он слышал в Ядре.

— Что это за звук? — спросил он.

Фримен быстро посмотрела на него.

— Вы весьма наблюдательны. Наши специалисты проделали немалую работу. Когда Камелот заполнят посетители, звук не будет слышен. Но он никуда не денется.

Уорн бросил на нее озадаченный взгляд.

— Мы научились воспроизводить некоторые эффекты, аналогичные тем, что наблюдаются внутри человеческой матки: температуру, внешние звуки, — вызывающие подсознательное ощущение спокойствия. У нас пять авторских свидетельств в этой области. А в целом холдинг «Утопия» обладает тремястами с лишним патентами. На некоторые из них мы предоставляем лицензию для химических, медицинских и электронных отраслей. Остальные остаются нашей собственностью.

«И три из них — моя заслуга», — подумал ученый, ощущая легкий прилив гордости. Интересно, подумал он, знает ли она о том, какой вклад он внес в повседневную деятельность Утопии, о метасети, координирующей работу и интеллект роботов парка?

Вероятно, нет, судя по тому, как она показывала ему местные достопримечательности, при этом разговаривая с ним так, будто он какой-то ассистент программиста. И вообще, почему Сара Боутрайт столь внезапно вызвала его к ним?

— Сюда, — сказала Фримен, сворачивая в боковую аллею.

Мимо них прошел человек в фиолетовом плаще и темных бриджах до колен, упражняясь в среднеанглийском [\[3\]](#). Навстречу шагали двое коренастых служителей, неся большую металлическую клетку. Внутри, подергивая хвостом, сидел маленький дракон; алая чешуя ярко сверкала на солнце. Уорн смотрел на него. Влажные ноздри дракона раздулись, и он мог бы поклясться, что желтые глаза зверя ярко вспыхнули, когда их взгляд упал на человека.

— Его несут в Башню грифонов, — пояснила Фримен. — Парк еще закрыт, и потому они идут поверху. Что с вами, доктор Уорн?

Ученый все еще смотрел вслед дракону.

— Я просто не привык видеть на них шкуру, — пробормотал он.

— Прошу прощения? Ах да, это ведь ваша область?

Уорн облизнул губы. Костюмы, диалект, потрясающий реализм окружающей обстановки... Он медленно покачал головой.

— Когда вокруг нет посетителей, все кажется таким настоящим. — Голос Фримен звучал спокойнее, не столь отрывисто. — Когда вы только приехали, вы подумали, что Ядро выглядит просто, даже как-то уныло?

Уорн кивнул.

— Людям часто так кажется, когда они впервые оказываются в Утопии. Одна посетительница однажды сказала мне, что ей это напомнило терминал заштатного аэропорта. Что ж, именно так все и задумывалось, и вот почему.

Она обвела рукой вокруг.

— Порой реализм может сбить гостей с толку, и именно потому Ядро обеспечивает нейтральную обстановку, буферную зону, переход между Мирами.

Свернув к двухэтажному бревенчатому строению, она подняла железный засов на входной двери. Ученый последовал за ней. К его

удивлению, внутри оказалось совершенно пусто. В задней стене виднелась простая серая дверь, а рядом с ней — сканер отпечатков пальцев и считыватель для карт. Фримен подошла к сканеру и приложила к нему большой палец. Послышался щелчок, и дверь распахнулась. За ней Уорн увидел зеленое флюоресцирующее свечение.

— Добро пожаловать в реальный мир, — сказала Фримен. — По крайней мере, настолько, насколько он может быть реальным здесь.

Она жестом показала ему на дверь.

8 часов 50 минут

Сара Боутрайт, исполнительный директор парка, сидела за забитым до отказа столом для совещаний у себя в кабинете в тридцати футах под Ядром. В помещении было прохладно — за стеной позади шли основные трубопроводы системы кондиционирования, — и женщина обнимала ладонями большую чашку чая. Сара Боутрайт обожала чай. Каждый час лучший ресторан Газового Света посылал вниз чашку отборного чая сегодняшнего дня. На сей раз это оказался первоклассный жасминовый напиток. Глядя на маленькие шарики молодых цветов, разворачивающиеся в горячей жидкости, Сара наклонилась, вдыхая их аромат, изысканный, экзотический, притягательный.

Было ноль десять по времени Утопии, и руководство парка собралось в кабинете исполнительного директора на ежедневный «военный совет». Сара сделала глоток, чувствуя, как тепло медленно разливается по телу. Вот оно, настоящее начало дня — а вовсе не будильник, не душ, не первая утренняя чашка чая. Все решалось именно теперь, когда она отдавала распоряжения на текущий день своим капитанам и лейтенантам, держа в руках бразды правления величайшим из всех когда-либо построенных парков развлечений. Задача ее заключалась в том, чтобы при любых обстоятельствах — две тысячи взбунтовавшихся бойскаутов, неполадки в электросети, визит премьер-министра с его свитой — для посетителей каждый день выглядел совершенно одинаково. Идеально. Она не могла представить себе никакой более напряженной и вместе с тем содержательной работы.

И все же сегодня к обычным ее чувствам примешивались и некие другие. Нет, не тревога — Сара Боутрайт никогда ничего не боялась — и даже не осторожность. «Эндрю приехал, — подумала она. — И вряд ли он знает, из-за чего он на самом деле здесь». Ее беспокоило царившее вокруг двуличие, которое она отчетливо ощущала, обводя взглядом лица собравшихся. Исследовательский отдел, отдел инфраструктуры, игорные заведения, служба питания, медицинский центр, отдел обслуживания посетителей... В дальнем конце стола сидел Боб Аллокко, начальник службы безопасности, коренастый и невысокий, словно бульдог, с бесстрастным выражением на загорелом лице. Все смотрели на Сару, готовые выслушать и

исполнить любой ее приказ. Ей нравился подобный деловой настрой. Мало кто позволял себе шутить в присутствии Сары — за исключением, конечно, Фреда Барксдейла: его ссылки на Шекспира и колкий английский юмор порой заставляли хохотать всех сидящих за столом. А вот и он, с чашкой кофе с молоком, опасно балансирующей на стопке компьютерных распечаток. Фредди Барксдейл, глава системного отдела, с огромной копной светлых волос и симпатичными морщинками на лбу. Один лишь взгляд на него развеял воспоминания об Эндрю Уорне, отвлекая от мыслей о работе. Сара деловито откашлялась, сделала еще глоток чая и повернулась к остальным.

— Что ж, приступим. — Она заглянула в лежащий перед ней на столе лист бумаги. — Предполагаемое число посетителей на сегодня: шестьдесят шесть тысяч. Системы функционируют на девяносто восемь процентов. Что-нибудь известно о том, когда снова заработает «Станция „Омега“»?

Том Роуз, глава отдела инфраструктуры, покачал головой.

— Аттракцион, похоже, в полном порядке, но система диагностики продолжает выдавать ошибку, так что предохранители отказываются подавать на него электропитание.

— Нельзя ли обойти их?

Роуз пожал плечами.

— Можно. После чего на нас свалится целая армия инспекторов по технике безопасности.

— Глупый вопрос. Извините. — Сара тяжело вздохнула. — Продолжайте этим заниматься, Том. Разберитесь. Этот аттракцион — одна из главных приманок Каллисто. Мы не можем позволить, чтобы он простаивал. Фред выделит вам команду специалистов, если хотите.

— Конечно, — сказал Барксдейл, разглаживая изысканный галстук, повязанный с той же тщательностью, которую он вкладывал во все свои действия.

Хотя выражать личные чувства на публике было не в его правилах, Сара успела отметить, что эта привычка обычно проявлялась, когда у него возникала какая-то идея.

Она обвела взглядом стол.

— Еще какие-нибудь новости?

Заговорил глава службы развлечений:

— Я только что узнал, что группа, собиравшаяся сегодня играть в «Умбиликусе», не сможет приехать. Их задержали в аэропорту Лос-Анджелеса из-за наркотиков или чего-то в этом роде.

— Отлично, просто отлично. Придется нанять кого-нибудь из местных.

— «Фирмвар» могла бы, но они уже заняты в «Бедном Ричарде».

Сара покачала головой.

— «Умбиликус» привлекает втрое больше посетителей. Как только появятся, отправьте их к костюмерам — если им прежде не доводилось играть в скафандрах, придется научиться. Что-нибудь еще?

— В казино Газового Света поймали мошенника, — сказал глава отдела игорных заведений. — Только представьте, ему семьдесят пять лет! «Глаз в небе» зафиксировал, как он пытался обмануть игровой автомат.

— Что ж, тем хуже для него. Отправьте его фотографию в службу безопасности казино и внесите имя в черный список посетителей. — Сара снова заглянула в лежавший перед ней лист. — Как продвигаются дела с Атлантидой?

— Работы идут по плану, — сказал кто-то. — Похоже, успеем вовремя.

— Слава богу, если так. — Атлантидой назывался новый, вызывавший немалые споры Мир, который предполагалось открыть к концу года. — Доктор Финч, каковы данные за прошлую неделю?

Глава медицинского центра взял лист бумаги. Лицо его выглядело слегка землистым.

— Пять родов, все без осложнений. Две смерти: один сердечный приступ, одна аневризма. Двадцать девять травм, самая худшая — перелом запястья. — Он положил распечатку. — Спокойная неделя.

Сара Боутрайт посмотрела на главу отдела персонала.

— Эми, есть новости о возможной забастовке ассенизаторов?

— Нет. И я не знаю, хорошо это или плохо.

— Будьте в курсе дел и сообщите, как только что-то выяснится. — Она снова заглянула в список. — Так, посмотрим. Посещаемость Камелота упала на пятнадцать процентов по сравнению с другими Мирами. Руководство просит нас собрать комиссию и выяснить, в чем проблема. — Директор помолчала. — Решим этот вопрос, когда я вернусь из Сан-Франциско.

Пробежав глазами остальную часть листа, она отложила его в сторону и взяла другой.

— Ну что ж... прошу барабанную дробь. В Дощатых Тротуарах будет выступать оркестр Тони Тришки, позаботьтесь, чтобы им обеспечили надлежащее размещение и питание. В числе знаменитостей, посещающих нас сегодня, — сенатор Чейз из Коннектикута с семьей, глава корпорации «Генодин»... и граф Уиндмурский.

При упоминании последнего имени послышался всеобщий стон.

— Леди Уиндмур снова станет настаивать насчет того замка? — спросил кто-то.

— Вероятно. — Сара отложила второй лист. — Со среды здесь в течение недели будут представители Комитета штата Невада по контролю за игорным бизнесом. Просьба всем отрепетировать улыбки. И еще одно. Сегодня приезжает приглашенный специалист, Эндрю Уорн. — Заметив несколько недоуменных взглядов, она продолжала: — Это ученый-кибернетик, создатель метасети Утопии. Прошу оказать ему всю необходимую помощь.

Последнее объявление было встречено всеобщим молчанием. Боутрайт встала.

— Очень хорошо. Осталось две минуты. За работу.

Все начали расходиться. Директор повернулась к столу. Когда она снова подняла взгляд, в кабинете остался лишь Фред Барксдейл — как она и предполагала.

— Почему Уорн приезжает сегодня? — спросил он с едва заметным изящным британским акцентом. — Его ждали только на следующей неделе.

«Так я и знала», — подумала она.

— Я перенесла его визит.

— Почему ты не сказала мне, Сара? Мне придется перераспределять объемы работ, ему потребуются ресурсы...

Боутрайт приложила палец к губам.

— Это была идея Эмори, все решилось только в четверг. После несчастного случая на «Ноттингхиллских гонках» на позапрошлой неделе, когда едва не вмешалось Управление по охране труда и здоровья, руководство хочет, чтобы мы как можно скорее завершили расследование. Послушай... — Она наклонилась ближе к Барксдейлу, понизив голос. — Завтра я улетаю во Фриско на конференцию.

— Как я мог забыть? — Неожиданно Барксдейл догадался. Он снова едва заметно улыбнулся. — И благодаря конференции ты окажешься вдали от того, кто еще может до сих пор страдать от «боли презренной любви»? [\[4\]](#)

— Я не это имела в виду. Я собиралась спросить: как по-твоему, можем мы доверить Терезе Бонифацио в мое отсутствие поработать вместе с Эндрю? Он единственный, кто может справиться с задачей, но не в одиночку. Им обоим придется нелегко. В конце концов, мы подвергаем риску все дело его жизни. И ты знаешь, как ко всему этому относится Тереза.

Барксдейл медленно кивнул.

— У нас с Терри бывали разногласия, но они никогда не касались качества ее работы. Ей может не понравиться то, что придется сделать, но, думаю, можно на нее рассчитывать.

— И ты проследишь за тем, как у них будут идти дела без меня?

Барксдейл снова кивнул.

— Спасибо, Фредди.

Она посмотрела на открытую дверь кабинета, удостоверившись, что в коридоре никого нет, затем, взяв его за лацканы, привлекла к себе и нежно поцеловала.

— Пообщаемся ближе, когда вернусь, — промурлыкала она.

Шагнув назад, она взяла со стола чашку.

— А теперь — вперед. Пора открывать парк.

9 часов 00 минут

Мгновение спустя на десяти тысячах часов в Утопии завершился отсчет последних секунд, циферблаты погасли, а затем на них появились цифры 9:00, возобновив обычный ход времени. Наступил Нулевой час.

В транспортном центре возникло столпотворение. Служащие с фонариками выстроились на парковках и подъездных дорогах, руководя плотным потоком машин, словно дирижируя тщательно поставленным балетом. Длинные, похожие на змей, бело-синие трамвайчики двигались по извилистым путям между автостоянкой и центром. Сидевшие в их первых вагонах гиды в изящных белых беретах с вышитым на них соловьем ^[5]обращались через микрофон к посетителям на десятке языков, излагая основные правила парка вместе с шутками и интересными фактами об Утопии.

Внутри Центра теперь работали все кассы, принимая кредитные карточки и выдавая, за семьдесят пять долларов, без скидок на возраст, личные значки в форме соловья. Пристегнув их к рубашке или лацкану куртки, посетитель получал однодневный доступ в сказочную страну. Под двойными металлическими путями скользили вагончики монорельса,двигающиеся теперь на тридцать пять процентов быстрее, в «пиковом режиме», каждую минуту доставляя тысячу человек в Ядро и обратно.

Само Ядро, до этого погруженное в настороженную сверхъестественную тишину, наполнилось шумом бесчисленных голосов. Новички стояли в тени пальмовых листьев и фонтанов, почесывая в затылке и изучая путеводители с картами. Посетители-ветераны — «утописты», создававшие целые клубы и интернет-сайты, — уверенно шагали к своим любимым Мирам, ведя за собой неофитов.

В Газовом Свете продавщица рыбы с жареной картошкой пробежала к своему лотку мимо входа в закрытые на ремонт «Ноттингхиллские гонки». В Дощатых Тротуарах наладчики закончили осмотр «Машины криков» и ввели свои коды с консоли в диспетчерской, давая оператору право запустить аттракцион. В подземельях Карнарвонского замка специалист по графике в последний раз проверил компьютеры, управляющие

голографическими картинами для шоу «Зачарованный принц».

Самыми напряженными для персонала Утопии были полуторачасовые периоды непосредственно после открытия и перед закрытием, когда в парк входило или покидало его максимальное количество посетителей. Оперативные дежурные внимательно следили за движением, готовые немедленно устранить любые нарушения, которые могли бы вызвать заторы в транспортном центре, Ядре или в самих Мирах. Тысячи камер, предусмотрительно скрытых за односторонним стеклом, внутри стен и опор или за фасадами, постоянно наблюдали за парком, обеспечивая бесперебойную деятельность аттракционов. Сотрудники службы безопасности, некоторые в черных костюмах, другие в обычной одежде, смешивались с толпой, высматривая потерявшихся детей и карманников. Но все это оставалось невидимым для веселых и беспечных гостей.

Впрочем, посетители никогда не смогли бы оказаться в одном из секторов парка. О существовании подземной части гости в большинстве своем даже не догадывались, предполагая, что находятся на уровне земли, а не на высоте четырех этажей над дном каньона. Хотя в Подземелье не было ни реалистичных голограмм, ни лазерных шоу, ни сказочных сооружений из пенобетона, именно там творилась настоящая магия Утопии. Повсюду спешили служащие парка; одни в сценических костюмах, те, кто работал среди туристов и аттракционов наверху, другие, которых посетители никогда не видели, — в комбинезонах, джинсах и свитерах. Схемы на голых каменных стенах показывали расположение служебных кафетериев, гардероба, парикмахерских, комнат отдыха, складов, компьютерных центров, исследовательских лабораторий и других помещений секретного города, раскинувшегося под парком. Экскурсоводы и работники сферы обслуживания использовали туннели в качестве короткого пути между различными Мирами. Техники, художники и служащие толпились в десятках лабораторий и залов для совещаний, придумывая новые аттракционы или обсуждая стратегию проникновения на рынок. Вдоль лабиринтов с тихим гудением скользили электрокары, доставляя какого-нибудь знаменитого исполнителя или необходимую запчасть из одного сектора Утопии в другой.

Том Тибболд шел по коридорам уровня «С», напевая себе под нос что-то немелодичное. Лет тридцати с небольшим, с густыми

курчавыми каштановыми волосами, он уже начал полнеть. Белую куртку украшала золотая эмблема специалиста-электронщика. Несмотря на внешне беззаботный вид, чувствовалось, что его постоянно что-то тревожит: коллега, спешащий мимо, вмонтированные в сводчатый потолок туннеля камеры наблюдения, но более всего — маленькие твердые кусочки пластика и меди в нагрудном кармане. Он прошел мимо центральной гримерной и машинного отделения номер три и перестал напевать, подходя к посту охраны у служебного входа.

Сотрудник в будке бросил взгляд на его пропуск, кивнул и повернулся к клавиатуре, чтобы ввести данные. Снова мурлыча себе под нос, Тибболд прошел через автоматические двери и оказался на парковке для машин персонала.

После прохлады и приглушенного света в туннелях жара и яркое солнце Невады обрушились на него двойным ударом. Тибболд поморщился, отвернувшись и позволяя глазам приспособиться, потом шмыгнул носом и двинулся вперед, на этот раз медленнее, внимательно оглядываясь по сторонам в поисках фургона.

Задняя часть Утопии не имела ничего общего с впечатляющей красотой ее фасада. По обеим сторонам круто обрывался каньон, спускаясь к бескрайней коричневой пустыне вниз. Позади возвышалась массивная стена парка — сплошной бетон, в котором лишь изредка встречались крошечные оспины окон. С обеих ее сторон, в самом низу, виднелись огромные зеленые двери, выходящие на пологие изогнутые пандусы — аварийные выходы для посетителей, которые использовались во время учений по эвакуации. Между ними на уровне земли тянулись погрузочные платформы, служебные входы, склады оборудования и гаражи.

Вот он — коричневый длинный фургон, припаркованный несколько в стороне от остальных машин, с надписью «Лас-Вегас, дрессировка экзотических птиц» вдоль обоих бортов. Тибболд направился к нему, молясь о том, чтобы внутри был кондиционер. Окна были плотно закрыты — хороший знак. Но когда он протянул руку и открыл дверцу со стороны пассажира, его не встретил приятный поток холодного воздуха. Уныло вздохнув, он ослабил воротник и забрался внутрь.

Запах гуано был почти осязаем, а переднее сиденье фургона было покрыто фиолетовой клеенкой. «Неудивительно, — подумал

Тибболд, — учитывая, сколько тут птичьего дерьма». Сзади виднелась высокая клетка с белыми прутьями, в которой сидели полдюжины огромных бледно-розовых молуккских какаду. Они молча разглядывали его, распушив яркие гребни. Тибболд посмотрел на водителя и удивленно моргнул.

— А где тот парень? — шмыгнув носом, спросил он. — В смысле, тот, с которым я встречался в прошлый раз?

Человек за рулем повернулся к нему — широкие азиатские скулы придавали лицу несколько странную форму.

— У него другая встреча, — помолчав, ответил он.

Немного подумав, Тибболд решил, что это, вероятно, шутка, и рассмеялся.

— Принес? — спросил водитель с едва заметным акцентом.

Электронщик попытался понять, с каким именно. У него были друзья среди обслуживающего персонала, которые каждый день разговаривали с иностранцами и могли опознать любой акцент по единственному слову. Но Тибболд никогда не имел дела с посетителями и несколько мгновений спустя сдался.

— Вот. — Он полез в нагрудный карман, достал пластиковые карточки и развернул их веером. — Знаете, за чуть большие деньги я мог бы раздобыть спецификации технологии аудиоморфинга [\[6\]](#), которые вам нужны. И проблем у вас стало бы куда меньше — не пришлось бы возиться самим. На какой парк, выговорили, работаете? «Райский остров»? «Мир фантазий»?

— Я ничего не говорил, — ответил водитель, показывая на пропуска. — Проверял?

Тибболд гордо кивнул.

— Я сам все перепрограммировал. — Он начал загибать пальцы. — Этот дает доступ в любые зоны для посетителей, этот в служебные помещения, этот в Узел. — Он ткнул пальцем в последнюю карточку розового цвета. — А это настоящая драгоценность. Допуск в закрытые зоны, вплоть до третьего уровня. — Убрав палец, он нервно шмыгнув носом. — Послушайте, если попадетесь, не называйте моего имени. Я ничего не знаю.

Мужчина кивнул.

Улыбнувшись, Тибболд достал из кармана горсть значков в форме соловья.

— Ладно. А это идентификаторы, которые вы просили. Они без меток, их никак не отследить. Просто пристегните один из них к пиджаку и можете идти.

— Все остальное готово?

— Сегодняшняя загрузка данных уже состоялась. Ничего теперь не изменишь, хоть убей. — Тибболд облизнул губы. — Могу я получить деньги?

Хотя слова эти прозвучали как бы между делом, за ними последовало очередное шмыганье носом, свойственное старому потребителю кокаина.

— Само собой.

Водитель полез в карман куртки — Тибболд лениво отметил про себя, что куртка кожаная, несмотря на жару, — и, достав толстую пачку банкнот, протянул ее электронщику.

— Ты хорошо поработал, — сказал он.

Когда тот начал пересчитывать деньги, водитель благодарно положил руку ему на плечо. Другая рука нырнула под куртку и появилась снова, на этот раз вооруженная маленьким пистолетом.

Взгляд Тибболда был сосредоточен на деньгах, и лишь когда убийца приставил пистолет между его ребер и привлек к себе, он понял, что происходит. Глаза его расширились, он попытался протестовать, но от неожиданности лишился дара речи.

Несмотря на экспансивные пули, рассчитанные на то, чтобы разрываться внутри тела, а не пробивать его насквозь, человек в кожаной куртке тщательно направил ствол вниз, в сторону позвоночника сопротивляющейся жертвы, чтобы случайно не попасть в свой собственный локоть.

Послышался приглушенный выстрел, за ним другой. Попугаи одобрительно закричали. Тибболд дернулся и обмяк, издав тонкий писк, похожий на свист выходящего из мехов воздуха. Водитель ослабил захват, позволив телу упасть навзничь, и выхватил пачку денег из-под хлынувшей кровавой струи. Прикрыв труп брезентом, он тщательно завернул его и уложил на заднее сиденье фургона.

Быстро посмотрев в окна, убийца удовлетворенно хмыкнул, довольный тем, что никто ничего не заметил.

Он начал убирать оружие обратно под куртку, но тут же остановился. Он действовал осторожно, но, как оказалось, недостаточно — спереди рубашки пролегла тонкая красная линия.

Выругавшись, он сунул пистолет на место и, схватившись за молнию, наглухо ее застегнул. Пара минут в мужском туалете наверняка все решат.

Кроме того, под костюмом это не будет иметь никакого значения.

9 часов 10 минут

Эндрю Уорн сидел в плюшевом кресле в большом кабинете на уровне «А». Аманда Фримен что-то печатала на компьютере. За последние пятнадцать минут она задала невероятное количество вопросов. Когда-то, много лет назад, Уорн давал консультации для ЦРУ, и офицер, проводивший предварительную проверку для Лэнгли, проявил куда меньшую любознательность.

Аманда отвернулась от клавиатуры и посмотрела на него.

— Я знала, что вы специалист по робототехнике, но понятия не имела, что вы разработчик метасети. Насколько я понимаю, она управляет всеми роботами в парке?

Уорн кивнул.

— За исключением нескольких полностью автономных.

— Весьма впечатляет. — Фримен снова взглянула на экран, затем что-то написала на листке бумаги и протянула ему. — Полагаю, мы закончили. Ваша встреча намечена на одиннадцать. Вот номер кабинета. Просто спросите в отделе обслуживания посетителей, куда идти. А пока что... вы ведь наверняка хотели бы немного осмотреться вокруг?

— Конечно. Возможно, доберусь до ядерного реактора.

Женщина бросила на него быстрый взгляд, и на ее лице вновь возникла ироническая улыбка.

— Значит, вы тоже про это слышали. Меня учили отвечать, что мы получаем электричество от гидроэлектростанции. — Она встала. — Остается лишь пройти вводный курс — стандартный для всех приглашенных специалистов.

— Что, вроде какого-то учебного фильма? Я хотел осмотреть парк вместе со своей дочерью.

— Это займет всего пять минут. Прощу за мной.

Выйдя из кабинета, она направилась прямо по коридору. Ученый двинулся следом, чувствуя все нарастающее раздражение. Ему уже и так пришлось пройти множество бюрократических формальностей, а тут еще какой-то вводный курс? Словно он всего-навсего рядовой

специалист, которого пригласили, чтобы чуть приукрасить здешнюю витрину. Неужели Сара нарочно все подстроила, желая досадить лично ему? Но Уорн тут же отбросил эту мысль — Сару Боутрайт можно было упрекнуть во многом, но не в мелочности.

Он поежился, потирая руки.

— Я думал, в моей старой компьютерной лаборатории холодно. Но тут мясные туши вешать можно.

— Побочный эффект процесса очистки. Парк занимает два миллиона квадратных футов площади, но чистота здешнего воздуха близка к той, что поддерживается на заводе по производству микросхем. — Она показала вдаль по коридору. — Курить, естественно, нельзя. И все скутеры и тележки здесь — электрические. Единственная не электрическая машина, которой позволено здесь появляться, — броневедомоцикл, который еженедельно забирает деньги.

Они шли мимо ряда кабинетов, как две капли воды похожие на тот, который только что покинули. Уорн то и дело бросал взгляд в окошки на дверях, все еще ежась от холода. В одном из помещений он заметил Нормана Пеппера, своего попутчика по монорельсу; мужчина оживленно размахивал руками.

— Знаете ли вы, — доносился сквозь приоткрытую дверь его страстный голос, — что орхидеи — сексуальные маньяки мира цветов? Вместо того чтобы оплодотворять себя сами, как другие растения, они вытягиваются на невероятную длину, чтобы заняться сексом с другими орхидеями. Да что там, цветок Пафиопедилум красивый эволюционировал таким образом, что в точности, вплоть до вен, напоминает...

— Сюда, — сказала Фримен, открывая дверь без таблички и вводя Уорна в маленькую комнату.

Стены, пол и потолок были покрыты одним и тем же темным материалом, а всю обстановку составляли два одинаковых кресла, стоящих друг напротив друга. Уорн с любопытством огляделся. Это оказалась не кинопроекторная, которую он ожидал увидеть, а скорее кабинет психиатра с плохо развитым эстетическим чувством.

Фримен показала на ближайшее кресло.

— Потом сможете выйти отсюда сами. Моя карточка у вас есть,

в любое время можете со мной связаться. Первые визиты порой несколько подавляют, ничего страшного.

Она ушла, закрыв за собой дверь.

Мгновение спустя в кресле напротив появился Эрик Найтингейл.

От удивления Уорн едва не вскочил, ошеломленно уставившись на него.

Голограмма выглядела невероятно реалистично. Уорн, естественно, знал, что подобные технологии — отличительная черта парка, но понятия не имел о том, насколько они совершенны. Изображение в кресле вполне могло быть самим Найтингейлом. Перед ученым сидел знаменитый фокусник-виртуоз, создатель Утопии — в цилиндре, белом галстуке и фраке, с пронзительными черными глазами на худощавом лице и маленькой козлиной бородкой, в которой можно было различить отдельные волоски. Выдающийся, легендарный исполнитель-эксцентрик, прославившийся своими фантастическими театральными постановками, стиравшими грань между реальностью и иллюзией. Соединив традиционное сценическое мастерство с новыми технологиями и мрачными ролевыми играми, он превратил искусство магии в огромную индустрию развлечений. Два анимационных сериала Найтингейла, основанные на персонажах его постановок, демонстрировались в лучшее время по телевидению, привлекая аудиторию в возрасте от пяти до пятнадцати лет. Именно благодаря своему невероятному могуществу он сумел объединить ряд корпораций и венчурных фирм, создав холдинг «Утопия». И именно он лично руководил строительством аттракционов — до своей гибели в авиакатастрофе, за полгода до того, как парк должен был открыть свои двери...

Найтингейл — точнее, безупречная копия гения — смотрел на Уорна.

Через мгновение голограмма заговорила.

— Спасибо за то, что приехали в Утопию, — сказала она. — Мы ценим ваш опыт и надеемся, что пребывание у нас вам понравится.

Ученый выслушал это, все еще не до конца придя в себя от изумления. Именно этот человек два с половиной года назад появился в лаборатории исследовательского центра, попросив помощи в осуществлении его мечты — Утопии. Именно он изменил

жизнь Уорна в лучшую, а затем, увы, в худшую сторону.

Найтингейл погиб больше года тому назад. И тем не менее он был здесь. Глядя на изображение, Уорн внезапно вновь ощутил искреннюю симпатию к этому человеку, с которым они выпили множество чашек кофе и провели столько совместных мозговых штурмов. Только теперь он понял, насколько ему не хватает интеллектуальной мощи их дружбы, их молчаливого взаимоуважения друг к другу. Найтингейла приводили в восторг теории ученого о роботах и искусственном интеллекте. Сам факт, что эти идеи были весьма спорными, придавал ему энергии, и он стал самым могущественным сторонником Уорна — именно таким, какой ему требовался сейчас. Уорн ощутил легкую грусть, и ему стало немного неуютно, словно он сидел лицом к лицу с призраком.

Кое-что о голографии он знал. Трехмерные видеосистемы, генерировавшие изображения размером всего в метр, требовали огромных компьютерных мощностей. Но сидящая перед ним фигура — в натуральную величину и в полном цвете — была лишена каких-либо видимых искажений или дефектов, таких как, например, неровности эмульсионного слоя. И она не имела ничего общего с призрачными, расплывчатыми голограммами первого поколения. Уорн обвел взглядом темные стены, безуспешно пытаясь найти проекционную систему, затем снова повернулся к голографическому изображению в кресле напротив, пытаясь сосредоточиться на том, что он — оно — говорило.

— В этом году парки развлечений посетят около пятисот миллионов человек, — говорил образ Найтингейла. — Но я открою вам один секрет. У меня есть для них нечто более интересное, нежели просто развлечения. Я хочу, чтобы все они приехали именно в Утопию. Если мы сможем обеспечить им полное погружение в наши Миры, просвещая и восхищая одновременно, мы добьемся своей цели. И мы можем этого достичь без помощи примитивных аттракционов или дешевых сенсаций. Именно в этом состоит ваша задача. — На лице Найтингейла появилась хорошо знакомая Уорну широкая, почти заговорщическая улыбка. — Вас пригласили сюда благодаря вашему особому опыту. И этот опыт, каков бы он ни был, поможет сделать Утопию более реалистичной. Или обеспечить ее бесперебойное функционирование. Возможно, шире раздвинуть границы воображения. Ибо Утопия — это задача, постоянно требующая максимума усилий. Если мы не будем бросать вызов

самим себе, то перестанем развиваться.

Образ Найтингейла встал. Уорн отметил, что голограмма словно обладает той жизненной энергией, которую всегда демонстрировал сам фокусник.

— Когда я впервые изложил свою концепцию Утопии, ученые мужи заявили, что я сошел с ума. Никто не поедет на много миль в пустыню ради того, чтобы посетить парк развлечений. «Лас-Вегас — ужасное место, — говорили они. — Это площадка для игр взрослых, не для всей семьи. Людям не нужны развлекательные комплексы, поражающие их воображение. Им нужны просто русские горки». Но я знаю, что Утопия будет достойна своего имени. Она станет самым успешным парком развлечений в мире. И мы будем расти дальше, используя опыт специалистов, подобных вам.

Найтингейл снял цилиндр и перевернул его дном вниз.

— Как вы сами увидите, иллюзия — основная составляющая Утопии. Мы вовсе не избегаем всевозможных трюков, напротив, мы стремимся погрузить посетителей в иллюзию, окружить их ею со всех сторон. — Он опустил руку в шляпу, а когда та появилась снова, на его указательном пальце сидел маленький белый голубь, наклонив голову и глядя на него глазами-бусинками. — А когда люди уедут отсюда с самыми лучшими, самыми яркими впечатлениями за всю свою жизнь — разве эти воспоминания не будут столь же настоящими, как и любые другие? Именно таким образом мы превращаем видимость в реальность.

Улыбнувшись, он подбросил голубя в воздух. Птица подняла лоснящуюся голову и широко расправила крылья. На глазах Уорна белые перья начали сиять почти металлическим блеском. Затем голубь внезапно превратился в маленького дракона. Из его пасти вырвалось пламя, и Уорн инстинктивно пригнулся. Дракон взмыл над головой Найтингейла и исчез в облаке синего дыма.

Изображение создателя парка смотрело прямо на Уорна, все так же широко улыбаясь, словно наслаждаясь произведенным на зрителя впечатлением. Несомненно, он тщательно продумал представление от начала до конца, не зная, что оно в итоге станет эпитафией самому себе.

Черные глаза Найтингейла сверкнули под нависшими бровями.

— С тех пор как был дан старт проекту Утопии, мы уже

воплотили в жизнь многие важнейшие новшества в сфере развлечений. Мы создали соответствующую высокореалистичную среду, воздействующую на подсознание посетителя, применили новейшие технологии в области голографии и видео, запустили интеллектуальных автономных роботов.

— Спасибо, — пробормотал Уорн.

— Именно с вашей помощью мы продолжим внедрение новых идей. И Утопия будет продолжать строиться на основе того, чем она является уже сегодня — авангардом новой эры в сфере семейных развлечений и горнилом новых технологий. Желаю приятно провести время вместе с нами.

Все это время Найтингейл держал цилиндр в руках. Теперь же он развел их в стороны, и изображение начало слегка дрожать. По его краям возникло странное золотисто-серебристое мерцание, отчетливо видимое на фоне приглушенного освещения в комнате. Свечение начало быстро распространяться внутрь, пока фигура Найтингейла не превратилась в облако из магической пыли, очертаниями напоминающее силуэт человека; как показалось Уорну, оно слегка поклонилось.

— До новой встречи, — сказал Найтингейл, но голос его уже становился столь же иллюзорным, как и само изображение.

Его контуры неожиданно стали ярче, рассыпавшись бесчисленными светящимися точками, а затем оно исчезло с едва слышным мелодичным звоном.

Уорн стоял, не в силах пошевелиться, глядя туда, где только что был Найтингейл, и чувствуя себя так, будто оказался где-то в пустоте между прошлым и будущим. Он сморгнул подступившие к глазам слезы.

— До свидания, Эрик, — тихо проговорил он.

9 часов 45 минут

Эндрю Уорн шел вдоль покрашенного белой краской забора, моргая в ярких лучах солнца. Мимо сплошным потоком текли толпы посетителей. Тротуар был выложен широкими деревянными досками, потертыми и выцветшими, словно от многолетнего воздействия соли и солнца. Неподалеку крутил ручку своего аппарата шарманщик с ручной обезьянкой на плече. На противоположной стороне улицы расположился маленький городской парк с живописными аллеями и деревянными скамейками. В центре его стоял бельведер, где оркестр в соломенных шляпах и пиджаках в красно-белую полоску громко играл «Royal Garden Blues» [7]. А над всем этим возвышались огромные русские горки под названием «Брайтон-Бич экспресс»; замысловатая паутина их деревянных опор и широкий трамплин первого спуска напоминали волшебным образом ожившую почтовую открытку.

Это были Дощатые Тротуары, доскональная реконструкция приморского парка развлечений начала двадцатого века, вплоть до чугунных уличных фонарей и даже, как с некоторым удивлением понял Уорн, едва заметного запаха конского навоза, казавшегося в данном окружении странно приятным. И все же, естественно, она не была полностью точной, поскольку никакой настоящий парк тысяча девятьсот десятого года не мог выглядеть столь идеально. Она напоминала тщательно оберегаемое ностальгическое воспоминание, облагороженное прошлое, поддерживаемое арсеналом скрытых технологий. Пробравшись сквозь толпу к границе маленького сада, Уорн достал из кармана карту и, сверившись с ней, двинулся по ближайшей дорожке.

Впереди виднелся голубой овал водоема. Плавная яркая кривая стеклянного купола высоко над головой добавляла ощущение нереальности и без того экзотической обстановке. Вдоль мраморной кромки пруда сидели на корточках дети и взрослые, опуская в воду руки и глядя на маленькие парусные лодки, скользящие по водной глади.

Уорн невольно вздрогнул. Место казалось вполне подходящим для встречи — расположенное в центре и, вероятно, не слишком многолюдное. Ему даже не пришло в голову, что там могут оказаться

парусные лодки. Интересно, подумал он, как станет реагировать Джорджия?

Он тут же попытался отбросить возникшую у него мысль. Желание защитить дочь возникло у него чисто инстинктивно, машинально. Хотя со дня смерти Шарлотты прошло почти три года, оно, казалось, никогда его не оставляло. И чем больше он позволял себе его проявить, тем больше возмущалась Джорджия. «Я уже большая, — постоянно говорил ему весь ее вид. — Я могу и сама справиться». Она никогда не произносила этого вслух — точно так же, как почти никогда не говорила о матери, — но он все понимал неким отцовским шестым чувством. Забавно — несмотря на то, насколько близки они стали за последние три года, в ее душе оставался клочок неизведанной земли, куда ему запрещено было ступить.

А потом он увидел ее. Джорджия стояла между двумя группами азиатских туристов у противоположного берега пруда, глядя вдаль над водой.

Несколько мгновений он просто смотрел на нее со смешанными чувствами любви и гордости. Большинство четырнадцатилетних девочек выглядели слегка неуклюже, шатко балансируя между ребенком и взрослым. Джорджия была совсем другой. Стройная и высокая, она держалась уверенно, как человек с безупречными манерами. В каждом ее движении угадывались черты матери — в том, как она откидывала со лба каштановые волосы, в том, как сходились ее темные брови, когда она смотрела на пруд. И тем не менее она была прекрасна по-своему, совсем не так, как Шарлотта. Уорн часто думал о том, кому Джорджия обязана своей внешностью. Уж точно не ему. Он посмотрел в воду у своих ног: на него глядел высокий худощавый мужчина со смуглым лицом и впалыми щеками. Когда Уорн шел куда-нибудь вместе с Джорджией, он чувствовал себя весьма польщенным, но его не оставляла легкая тревога. Дочь могла вскружить голову кому угодно.

Он подошел к ней. Увидев его, она притворно закатила глаза.

— Ну наконец-то, — сказала она, вынимая наушники из ушей. — Идем.

— Куда? — спросил ученый, шагая следом за ней назад в сторону бульвара.

Его удивило, что при наличии вокруг такого богатого выбора Джорджия может вести себя столь целеустремленно. Но она уверенно шла вперед, лавируя среди толп. У девочки явно имелась цель.

— Туда, конечно, — сказала она, не оборачиваясь, и ткнула пальцем в небо.

Уорн посмотрел вверх.

— Туда? — переспросил он.

Потом он понял — над ними возвышались широкие деревянные бастионы «Брайтон-Бич экспресса», среди которых поднималась и опускалась массивной лентой извилистая трасса.

— Ах это, — сказал он. — Ты... ты уверена, что хочешь на нем прокатиться?

Джорджия не удостоила его ответом.

— Я все спланировала, — сказала она. — Я посетила массу веб-сайтов и составила рейтинг всех аттракционов, от лучших к худшим, для каждого из Миров. Так что сначала мы пойдем на этот, затем на «Машину криков», а потом...

— Эй, подожди! — Уорн вовсе не так представлял себе свой первый визит в Утопию и вовсе не думал, что ему придется метаться среди толпы, не имея возможности увидеть хоть что-то по настоящему. — Что за спешка?

— Ты же не сказал мне, как долго будешь занят. Тут столько всего, и я не хочу ничего пропустить. Дженнифер из моего класса была здесь в феврале, и им так понравилось, что они остались еще на день, просто чтобы все посмотреть. Она говорила, что поменять билеты им обошлось в пятьсот долларов.

— Я не знаю, сколько времени я буду занят, принцесса, но вряд ли очень долго.

Они проходили мимо «Волшебной карусели» — знаменитой, как читал Уорн, самым большим количеством деревянных лошадей. В прохладном ароматном воздухе лениво плыли звуки вальса.

— В одиннадцать я встречаюсь с Сарой. После этого буду знать точнее.

— Неужели это такая великая тайна? Почему она не может

прямо сказать тебе, в чем дело?

— Никакой тайны нет. Думаю, речь идет о расширении роли метасети.

На самом деле Уорн не разговаривал непосредственно с Сарой Боутрайт; о встрече в одиннадцать сообщила ее помощница. Хотя он этого и не говорил, вопросы дочери вновь совпадали с теми, что возникали у него самого. Он попытался сменить тему.

— Угадай, с кем я только что беседовал? С Эриком Найтингейлом.

Джорджия слегка замедлила шаг и посмотрела на него, словно пытаясь понять, шутит он или говорит серьезно.

— Да ну, пап. Чушь какая.

— Следи за своим языком. На самом деле говорил только Найтингейл. Это голограмма в натуральную величину, удивительно реалистичная. Ее показывают всем приглашенным специалистам. Что-то вроде вводного курса.

— Можно подумать, тебе это очень нужно. Ты же сам дал ему половину идей.

Уорн рассмеялся.

— Всего лишь несколько соображений из области искусственного интеллекта, насчет роботов.

— Кстати, а где все роботы? — Джорджия огляделась по сторонам. — Я еще ни одного пока не видела.

— Вряд ли они здесь уместны. Погоди, пока не доберемся до Каллисто.

Вход в «Брайтон-Бич экспресс» представлял собой большое кирпичное здание в стиле девятнадцатого века рядом с «Акварамой». С верхних этажей свисали многочисленные флаги, фасад был оклеен листовками и старинными афишами, рекламирующими все, что угодно, от танцевальных ревю до патентованных лекарств. На аттракцион вели три сводчатые арки, каждая со своей вывеской: «Паноптикум», «Пылающие руины», «Метаморфозы». От каждой из них тянулась очередь посетителей.

— Мы недавно изучали метаморфоз по биологии. — сказала

Джорджия. — Скучища.

— Возможно, но очередь туда самая короткая, — Уорн посмотрел на часы. — Идем.

Очередь двигалась быстро — Уорн читал о способности парка развлекать гостей даже в такой момент, — и через несколько минут они оказались внутри здания. За аркой находился полутемный зал. Поток посетителей разделился надвое, и служительница в строгом платье показала Джорджии направо. Отец последовал за ней, дожидаясь, когда зрение приспособится к слабому освещению. Воздух здесь казался более прохладным и влажным. Впереди слышались смех и приглушенные возгласы. Он мог различить людей, которые стояли рядом, глядя на высокие стеклянные панели, вделанные в стену коридора.

Несколько мгновений спустя Уорн и девочка оказались у первых стекол. Уорн посмотрел на панель напротив и увидел свое собственное отражение. «Зеркало, — подумал он. — Ничего особенного».

Неожиданно Джорджия рядом с ним разразилась хохотом.

— Ух ты! — взвизгнула она, глядя перед собой. — Круто!

Стекло перед Уорном внезапно опустело. «Что за черт? Это не зеркало», — удивился он. Через секунду вновь появилось его отражение, но что-то с ним было не так. Изображение чем-то неуловимо отличалось, но чем именно, он понять не мог. Пожав плечами, он перешел к следующей панели, которую только что освободила Джорджия.

Он вновь увидел собственное отражение. И вдруг оно исчезло. Появилось опять. Но на этот раз сразу стало ясно, в чем дело. Он внезапно растолстел.

Смотревший на него из-за стекла Эндрю Уорн выглядел так, словно в один миг прибавил в весе две сотни фунтов. Живот выдавался вперед, выступающий кадык скрывался под двойным подбородком. Удивительная, шокирующая картина. И все-таки это был именно он — вернее, каким он мог бы быть. Возле следующей панели Джорджия показывала на отражение пальцем и хихикала.

«Действительно метаморфозы, — подумал он. — Как, черт возьми, они это делают?»

Он перешел к следующей панели. Теперь из толстяка он превратился в страшно исхудавшего. Глаза, утонувшие на предыдущей картинке в складках жира, смотрели на него из глубоких впадин. Челюсть, и без того крупная, выглядела чересчур большой на фоне цыплячьей шеи.

Внезапно он понял, каким образом все происходит. Голографическая технология, такая же, как и изображение Найтингейла, которое он видел раньше. Вероятно, за стеклом установлена камера, которая сканирует его изображение, затем оно изменяется с помощью анимационной программы — делается толще, тоньше, как-то искажается, — а потом отображается снова. Примерно как кривые зеркала в комнате смеха, только куда более сложные...

Он заметил, что дочь задержалась у соседней панели дольше обычного, напряженно вглядываясь в изображение. Он наклонился ближе, и от увиденного у него перехватило дыхание.

Это была Джорджия, но постаревшая с помощью компьютера на двадцать лет. Те же каштановые волосы, задумчивый взгляд, изящный рот, тонкие черты лица. Но в лице этом проглядывали и черты его покойной жены Шарлотты — едва заметные, но вместе с тем несомненные. Казалось, будто ее призрак смотрит на него глазами его дочери.

Несколько мгновений они стояли молча, затем Уорн облизнул губы и положил руку на плечо девочки.

— Идем, — сказал он. — Мы задерживаем остальных.

За галереей очередь извивалась к посадочной площадке аттракциона. Пространство вокруг них напоминало станцию подземки начала двадцатого века. «Брайтон-Бич экспресс, выход на посадку» — гласили надписи в черных прямоугольниках на выложенных кафелем стенах. Мимо стоящих в очереди посетителей проходили мужчины и женщины в одежде того времени, весело болтая и смеясь. У стены стоял продавец арахиса, громко расхваливая свой товар. Рядом висела афиша какого-то водевиля. Уорн покачал головой. Иллюзия выглядела удивительно реальной. Если бы не другие посетители вокруг, он мог бы поклясться, что они вернулись назад во времени, на Кони-Айленд столетней давности.

Стоящая рядом Джорджия молчала, что было для нее весьма необычно. Он снова вспомнил отражение в зеркале, которое только

что видел.

— Мы с мамой водили тебя в такой же старомодный парк. Тебе тогда было лет семь, может быть, восемь. Кеннивуд, помнишь?

— Нет. Слушай, а почему мы должны ждать вместе со всеми? Ты что, не можешь пройти без очереди? Ты же здесь важная персона.

— Милая, это было очень давно. Кстати, — сказал он с ехидной улыбкой, — я хотел спросить: как тебе понравилась детская комната?

Джорджия выразительно наморщила нос.

— На самом деле не так уж и плохо. Можно было посмотреть любую старую серию «Атмосферы страха», какую хочешь, и еще там целая куча компьютерных игр. Но меня все это, в общем-то, не особо интересовало, я занималась вот чем.

Она достала из кармана джинсов сложенный листок. Уорн машинально потянулся к бумаге.

— Что это?

Джорджия отодвинула лист.

— Список требований.

Уорн молча ждал.

Девочка пожала плечами.

— Ты же спрашивал какая женщина устроила бы меня в качестве твоей подруги. Вот я и написала. — Она посмотрела на него. — Хочешь послушать?

Он с любопытством взглянул на нее.

— Да, конечно.

Очередь продвинулась вперед, и Джорджия последовала за ней. Развернув бумагу, она начала читать:

— Номер один: не носит высокие каблуки. Номер два: не вегетарианка. Три: играет в карты, шахматы и нарды, но не слишком хорошо.

Уорн усмехнулся. Сам он был асом в нардах, но порой забывал позволить Джорджии выиграть.

— Каждый раз приносит подарки. Ест шоколадный торт.

Уорн обожал шоколадный торт. Слова дочери его тронули — она явно имела в виду не только себя, когда составляла список, но и его тоже.

— Считает, что нужно давать много карманных денег. Не рыжая.

При этих словах она слегка улыбнулась. У Сары Боутрайт были прекрасные огненно-рыжие волосы.

— Играет в ролевые игры онлайн. Не сидит на диете.

Уорн начал замечать неприятную закономерность: Сара, хотя и была всю свою жизнь стройной, похоже, постоянно соблюдала диету.

— Ходит в «Макдоналдс» по крайней мере раз в неделю. Но предпочитает имбирную шипучку молочным коктейлям. Любит «Трех бездельников» больше, чем «Братьев Маркс» ^[8]. Не придирается к моему папе, как Сара.

— И вовсе она не придирается, — машинально возразил Уорн.

— Носит голубые джинсы. Ненавидит анчоусы, сардины и прочую рыбу.

Уорн вздохнул про себя. Становилось ясно, что ни одна женщина никогда не удовлетворит подобным требованиям.

— Считает, что...

— Сколько там еще у тебя? — спросил Уорн, ловко выхватывая листок из рук дочери.

Он улыбнулся, глядя на почерк, — несмотря на все свои претензии на взрослость, Джорджия до сих пор ставила вместо точек над «i» маленькие кружочки. Он просмотрел список, и улыбка исчезла с его лица.

— О господи! Тридцать семь пунктов.

Джорджия гордо кивнула.

— Я потратила на него почти все время, пока тебя ждала. И не указала только одно, поскольку оно и без того очевидно.

— Что именно?

— Она должна любить Фэтса Уоллера ^[9]. Но разве он может кому-то не нравиться?

«Возможно, тебе самой — где-нибудь через месяц», — подумал Уорн.

Они уже подошли к самому началу очереди. Впереди служащий в форме кондуктора сажал десяток человек в нечто похожее на открытую железнодорожную платформу. Уорн судорожно сглотнул.

— Который час? — спросила Джорджия.

— Без пяти десять.

— Хорошо. Еще успеем прокатиться на «Машине криков» до твоей встречи. А может, еще и в «Водном ущелье».

Уорн стиснул зубы. Похоже, ему предстояли долгие шестьдесят минут.

9 часов 55 минут

Человек по имени Джон Доу ^[10] стоял на мостике над центром обслуживания посетителей. Облокотившись на свежеекрашенные перила, он смотрел на Ядро, широким проспектом уходящее к станции монорельса. Хотя было уже почти десять, со стороны платформы тянулись нескончаемые потоки людей. «Настоящая человеческая река», — подумал он, вспомнив Книгу Иоилия.

— Толпы, толпы в долине суда! ^[11] — процитировал он вслух.

Нет, скорее в этой сцене было нечто постмодернистское, более подходящее для Томаса Элиота, чем для Библии. Ему нравилось звучание собственного голоса, и он снова произнес, на этот раз чуть громче:

Поток толпы на Лондонский стремится мост,
Я и не знал, что смерть взяла столь многих... ^[12]

Он снова посмотрел вниз, но сотрудники за столом в форме полумесяца были слишком заняты, чтобы его услышать. Собственно, заметил его, похоже, лишь один человек в вельветовом пиджаке, вышедший из уборной неподалеку. Взгляды их встретились; незнакомец дотронулся до твидового кепи, повернулся и пошел прочь.

Джон Доу окинул взглядом Ядро и решил, что дизайн ему не нравится — конструкции из хромированного металла и дерева напоминали чудовищный синтез творений Вальтера Гропиуса ^[13] и Пиранези ^[14].

Впрочем, и система безопасности по-настоящему впечатляла своим размахом. Камеры наблюдения в транспортном центре и вагонах монорельса представляли собой чудо миниатюризации пятого поколения. Он посмотрел на стену рядом с центром обслуживания. Взять, к примеру, бесконтактный датчик, спрятанный за табличкой «Только для персонала». Обычный посетитель парка не нашел бы его, даже если бы искал. А найдя, не понял бы, что это такое. Опытный глаз мистера Доу опознал последнюю разработку «Де минима сенсалерт», очень дорогую, доступную лишь

могущественным корпорациям — к которым в некотором смысле относилась и Утопия.

Но любая система хороша лишь настолько, насколько это можно сказать об обслуживающих ее людях. В конце концов, укрепления Трои не рухнули сами — сидевшие внутри глупцы по собственной воле впустили туда троянского коня. А сотрудники службы безопасности Утопии выглядели далеко не столь впечатляюще, как игрушки, которыми их снабдили. Они так целеустремленно ходили вокруг, в черных пиджаках вместо обычных белых, с наушниками в ухе, что с тем же успехом могли бы носить «узи» и бронежилеты. Даже агентов в штатском легко было заметить. Он видел их во множестве вариантов — толстый турист в гавайской рубашке, высокий худой парень с фотоаппаратами, якобы беременная женщина. Но на всех были те же одинаковые черные форменные ботинки на толстой подошве, что и на обычных сотрудниках службы безопасности.

Мистер Доу покачал головой. Сам он мог бы все организовать куда лучше. Как оно, впрочем, в некотором смысле и оказалось.

Он еще немного подождал, наслаждаясь теплыми солнечными лучами, согревающими спину, затем взял кожаную сумку и направился вниз, в сторону портала, ведущего в Газовый Свет.

Вновь оказавшись вдали от толпы, мистер Доу шагнул по мощенным булыжником улицам, сунув руки в карманы и насвистывая замысловатую мелодию из «Хроматической фантазии» Баха. Глаза его зорко следили за окружающим, но в отличие от прочих посетителей он смотрел не на представления, аттракционы, артистов в костюмах, а тщательно изучал то, что должно было оставаться скрытым от посторонних взглядов, — посты безопасности, входы и выходы для персонала парка, инфракрасные камеры. Настроение его, и без того хорошее, еще больше улучшилось. Свист стал веселее.

Хотя мистер Доу никогда прежде не бывал в Утопии, он прекрасно знал расположение парка. Без особых усилий он нашел кратчайший путь к казино Газового Света, копии оранжереи в Лондонском королевском ботаническом саду. Он остановился у южного входа, восхищенно разглядывая изящные очертания

сверкающего фасада из стекла и стали. «Вполне подходящее место», — подумал он, входя внутрь.

Внутри царил более спокойная, уютная атмосфера, без всякой суеты, которую можно было наблюдать среди аттракционов и закусочных снаружи. Вдоль стен стояли пальмы в горшках и викторианские флаги. Официантки в черных шелковых платьях неслышно перемещались по залу, разнося бесплатный розовый джин и бренди с содовой. За бесчисленными столами стояли крупные дилеры во фраках эпохи короля Эдуарда. По центру зала расположились двумя большими кругами игральные автоматы — мощные сооружения из латуни и стали, с механическими дисками и нарисованными от руки вишенками. Мистер Доу прошел мимо них, восхищаясь тем, как разработчикам Утопии удалось придать казино облик, соответствующий облику остального Газового Света.

Собственно, лишь одна деталь не имела ничего общего с Викторианской эпохой — «глаза в небе», бесчисленные пузырьки из темного стекла, испещрявшие прозрачные потолочные панели. В отличие от всех прочих мест парка, предполагалось, что система безопасности в казино должна быть видна всем.

Широко улыбаясь, мистер Доу огляделся вокруг, наблюдая, как сотни клиентов склонились над карточными столами, ставят фишки, играя в рулетку, или тянут ручки игровых автоматов. Множество людей были заняты тем, что старательно проигрывали собственные деньги.

Он хорошо разбирался в свойствах человеческой природы, и его в немалой степени позабавила ирония всего того, что происходило в оранжерее. Редкое чудо — парк развлечений, созданный не на основе марки пива или персонажа мультфильма, а на основе казино. Удивительное извращение первоначальной идеи Эрика Найтингейла. Мистеру Доу был вполне ясен переработанный после смерти Найтингейла сценарий — приезжая сюда, люди попадают под влияние тщательно разыгранных чар и теряют сначала контроль над собой, а затем и деньги.

В самом деле удивительно — Утопия работала уже полгода, но вокруг этой ее маленькой грязной тайны почти не поднималось шума. Возможно, именно поэтому дела Утопии шли столь хорошо.

Мистер Доу бросил последний внимательный взгляд на

оранжерею и снова вышел на окутанные туманом улицы Газового Света, остановившись возле маленького магазинчика с вывеской «Табак и сигары Блэкпула». В тени скрывалась маленькая дверь без каких-либо надписей. Как бы между делом бросив взгляд через плечо, он взялся за ручку и повернул ее.

За дверью в обе стороны уходил изогнутый длинный коридор из серого бетона. Участок противоположной стены был выкрашен под древесину — вполне достаточно, чтобы одурачить любого проходящего мимо посетителя, который решил бы, что открытая дверь — лишь часть аттракциона. Тщательно закрыв за собой дверь, мистер Доу мысленно сориентировался и двинулся по коридору. Дойдя до широкой металлической лестницы, он спустился на уровень «А».

У первого перекрестка он остановился. Со стороны коридора с табличкой «Центр обработки данных» ему навстречу шел сотрудник службы безопасности в форме. Мистер Доу повернулся к нему, изобразив на лице легкую растерянность.

Охранник заметил его.

— Могу ли я вам чем-то помочь, сэр? — сдержанно спросил он.

— Да, конечно. Я ищу виварий. Должен там встретиться со своим коллегой.

— Вы приглашенный специалист? Где ваш значок?

— Значок? Ах да, конечно, значок! — пробормотал мистер Доу, доставая из кармана пиджака маленького зеленого соловья. — Я совсем забыл, что нужно его надеть. Извините.

Он прикрепил значок к лацкану.

— Могу я взглянуть на ваш пропуск? — спросил мужчина.

— Пожалуйста.

Порывшись в другом кармане, он вытащил пластиковую карточку. Охранник внимательно рассмотрел ее и вернул владельцу.

— Спасибо. Идите прямо по этому коридору, третий поворот направо, вторая дверь налево.

— Благодарю, — с улыбкой кивнул мистер Доу, глядя вслед охраннику.

Тот поступил именно так, как предписывали правила. Предполагалось, что нижние эшелоны службы безопасности будут действовать строго по инструкциям. «Замечательно», — решил мистер Доу.

Виварий встретил его криками, уханьем и неприятными экзотическими запахами. Наморщив нос, мистер Доу прошел мимо небольшой компании ссорившихся шимпанзе и нашел дверь с номером три. Внутри, возле огромной клетки с попугаями, стоял человек азиатской внешности в кожаной куртке.

— Все в порядке? — спросил мистер Доу, закрывая за собой дверь.

Тот кивнул.

— Они не очень внимательно смотрели, — сказал он, ткнув пальцем в сторону грязной газеты на дне клетки.

— Само собой. Как остальные?

— Все по плану.

— А наш специалист по компьютерам?

— Покоится с миром.

— Рад слышать.

Мистер Доу кивнул в сторону клетки, и человек открыл ящик, спрятанный под дном. Подойдя ближе, мистер Доу достал из него плоскую черную рацию с короткой антенной и, включив ее, набрал код и поднес передатчик к губам.

— Водяной Буйвол, говорит Главный Фактор. Доложи обстановку.

Последовала пауза, затем через помехи послышался голос:

— Я на месте.

— Хорошо. Свяжусь с тобой в тринадцать ноль-ноль. — Мистер Доу поменял частоту и снова поднял рацию. — Взломщик Джек, ответь. Взломщик Джек, слышишь меня?

На этот раз пауза оказалась намного дольше. Затем рация пискнула сквозь треск помех:

— Прием.

— Мы начинаем. Готов напустить туман?

— Готов, — последовал ответ.

— Принято, конец связи.

Мистер Доу положил коробочку в карман и снова повернулся к ящику под клеткой, критически разглядывая его содержимое.

— Теперь подберем оружие.

Мистер Доу подумал о «рюгере», но отверг его чисто по эстетическим соображениям. Взгляд его упал на блестящий кольт, но он решил, что оружие со столь мощной отдачей его не устроит. В конце концов он остановился на «Глоке-9» — легком, эффективном и надежном, на случай, если ситуация выйдет из-под контроля.

Перебросив пистолет из руки в руку, он опустил его в кобуру под пиджаком. Присев рядом с напарником, он открыл сумку и начал осторожно укладывать в нее то, что находилось в ящике. Он действовал быстро, отработанными движениями, и уложил все за тридцать секунд. Застегнув молнию, он встал и передал сумку человеку с миндалевидными глазами, который повесил ее на плечо и направился к двери. Взявшись за ручку, он обернулся и кивнул.

— Знаешь что? — сказал мистер Доу, кивая в ответ. — Ты сейчас очень похож на Джонни Яблочное Семечко [\[15\]](#).

11 часов 00 минут

Центр прикладных исследований на уровне «В» выглядел точно так же, как и старый лабораторный комплекс в Карнеги-Меллоне — или каким он мог бы стать, будь его финансирование в двадцать раз больше, подумал Уорн. Они прошли через просторные, ярко освещенные комнаты, мимо компьютерного центра с множеством терминалов и высококлассных серверов, через лабораторию, где техники в белых халатах склонились над чем-то похожим на голографический проектор.

Джорджия шла рядом с ним, сжимая в руке карту.

— Нам обязательно прямо сейчас встречаться с Сарой Боутрайт? — спросила она. — Мы ведь пока что попали всего на два аттракциона.

«И слава богу», — подумал Уорн.

«Брайтон-Бич экспресс» доставил ему мало приятных ощущений, но второй аттракцион — «Машина криков» — оказался намного хуже. Его желудок все еще пребывал где-то в районе пищевода; закрыв глаза, он снова и снова видел деревянные опоры, проносящиеся в нескольких дюймах от его лица.

— Это ненадолго. Не успеешь и оглянуться, как все закончится. Кроме того, — рискнул спросить он, — разве тебе не интересно увидиться с ней после того, как прошло столько времени? Для нее это будет сюрпризом — я не говорил ей, что ты со мной.

Джорджия в ответ лишь уклончиво фыркнула.

Ученый посмотрел на номера на дверях, мимо которых они проходили, затем на записку, которую дала ему Аманда Фримен. Зал совещаний В-23. «Почему зал совещаний?» — подумал он. Странное место для неформальной встречи с Сарой. Ее помощница сказала ему, что на встрече пойдет речь о дальнейшем развитии метасети, компьютерной инфраструктуры, которую он спроектировал для управления роботами парка. И конечно, ему вполне могут поручить заняться расширением ее функциональности. Впрочем, он старался не радоваться раньше времени. Все-таки его разрыв с высшим руководством Утопии был не слишком мирным. А в прошлый четверг помощница Сары позвонила ему, сообщив, что встреча

переносится на неделю вперед. Это означало, что им приходится спешить — до запуска Атлантиды оставалось не так уж много времени. Метасеть следовало расширить, чтобы обеспечить функционирование роботов в новом Мире. Скорее всего, именно в этом дело. Несомненно, первая встреча будет лишь коротким визитом, с целью составления первоначального проекта. Затем, совершив вместе с Джорджией экскурсию по парку, он отправится домой и подготовит план работ. А потом последуют другие, более долгие встречи. Именно так обычно происходило в Утопии.

— Ну вот мы и пришли, — сказал Уорн, заметив справа двустворчатые двери. Взявшись за ручку, он повернул ее, чувствуя, как ладонь скользит по отполированному металлу. Мысль о том, что он снова увидит Сару, вызвала у него странную смесь предвкушения и настороженности. Пропустив Джорджию, он вошел следом за ней и удивленно остановился.

Зал совещаний оказался намного больше, чем он предполагал. Закрыв дверь, он медленно шагнул вперед, оглядываясь вокруг. В центре располагался большой стол в окружении десятка кресел. В одном конце зала стояла электронная доска, покрытая небрежно нарисованными логическими схемами, в другом — жидкокристаллический проектор. Вдоль стены выстроились несколько компьютерных терминалов на металлических тележках. Джорджия несколько мгновений осматривалась по сторонам, потом с любопытством приблизилась к доске. Уорн рассеянно наблюдал за ней.

Затем дверь снова открылась, и в зал вошла Сара Боутрайт.

Он много раз думал о том, какие чувства испытает, увидев ее снова. Он представлял себе замешательство, легкую досаду, возможно, даже гнев. Но он не мог предполагать одного — что ощутит прежнее желание, которое невозможно было ни с чем спутать.

Прошел год с тех пор, как она согласилась занять пост исполнительного директора Утопии и ушла из Карнеги-Меллона, на чем, по сути, и закончились их отношения. Но сейчас она как будто слегка помолодела, словно прохладный воздух Утопии обладал восстанавливающими свойствами. В искусственном свете Подземелья ее медно-рыжие волосы казались светло-коричневыми, в зеленых глазах мерцали золотые искорки. Она держалась, как всегда,

прямо, высоко подняв подбородок, — хладнокровная, уверенная в себе, вне всякого сомнения, самая сильная женщина из всех, кого он знал. Но он сразу же почувствовал, что в ней появилось и кое-что еще — командный дух, стремление повелевать. В одной руке она держала неизменную чашку с чаем, а локтем другой прижимала небольшую стопку бумаг.

— Здравствуй, Эндрю, — кивнула она. — Спасибо, что приехал.

Поставив чашку на стол, она протянула ему руку.

Уорн пожал ее. Прикосновение Сары было коротким, профессиональным, без каких-либо проявлений симпатии.

В этот момент она увидела Джорджию, которая молча стояла возле доски, наблюдая за ними. Сара опустила руку, и на несколько мгновений на ее лице появилось озадаченное выражение, которое Уорну доводилось видеть крайне редко.

— Привет, Джорджия, — улыбнулась она. — Я не знала, что ты приедешь. Очень приятный сюрприз.

— Здравствуйте, — ответила Джорджия.

Последовала неловкая пауза, длиной секунд в пять.

— Похоже, ты выросла по крайней мере на пять дюймов с тех пор, как мы виделись в последний раз. И стала еще красивее.

Джорджия, не отвечая, отошла от доски и встала рядом с отцом.

— Как дела в школе? Помню, у тебя были проблемы с французским.

— Все нормально.

— Это хорошо. — Сара немного помолчала. — Ты уже была в парке? Каталась на аттракционах?

Джорджия кивнула, не поднимая взгляда.

Сара посмотрела на Уорна, словно спрашивая: «Дрю, что она здесь делает?»

Но тут в дверях появились еще двое — высокий худощавый мужчина лет сорока и молодая женщина азиатской внешности в белом халате.

Сара повернулась к ним.

— Входите, пожалуйста, — сказала она. — Разрешите представить вам доктора Уорна. Эндрю, это Фред Барксдейл, наш технический директор и глава системного отдела.

Тот улыбнулся, показав крепкие белые зубы.

— Очень приятно, — сказал он, шагнув вперед и пожимая руку ученого. — Добро пожаловать в Утопию. Должен сказать, мы давно вас ждали.

— А это Тереза Бонифацио, она работает у Фреда в лаборатории робототехники.

При этих словах Уорн с неприкрытым любопытством взглянул на женщину. Он не раз говорил с ней по телефону — вполне достаточно, чтобы заочно подружиться, — но никогда не видел ее. Ростом Тереза оказалась примерно пять футов четыре дюйма, темноглазая, с коротко стриженными черными волосами. На мгновение его поразила ее экзотическая красота. За множество телефонных разговоров у него ни разу не возникла мысль о том, чтобы связать какую-либо внешность с низким мелодичным голосом в трубке.

— Здравствуйте, Тереза, — сказал он. — Наконец-то мы встретились.

Женщина слегка улыбнулась и по-птичьи наклонила голову.

— Не могу поверить. Мне кажется, будто я знаю вас уже много лет.

Улыбка ее была теплой, но слегка шаловливой, от нее возникали морщинки возле носа и в уголках глаз.

— А это Джорджия, — продолжала Сара. — Дочь Эндрю.

Барксдейл и Тереза Бонифацио с любопытством повернулись к девочке. Глядя на них, Уорн вдруг ощутил внезапную тревогу. Речь шла явно не о неформальной беседе, не о ностальгическом свидании с Сарой, которого он ожидал. Похоже, он серьезно просчитался.

Последовала очередная пауза. Уорн почувствовал, что дочь придвинулась ближе к нему.

— Что ж, давайте начнем. — Сара разложила бумаги на столе. — Послушай, Джорджия, нам нужно несколько минут поговорить с твоим папой. Не могла бы ты подождать за дверью?

Девочка не ответила — впрочем, ответа и не требовалось. Вполне хватало того, как сошлись на переносице ее брови и упрямо выпятилась нижняя губа.

— Подождите, — нарушил тишину Барксдейл. — У меня есть идея. Что, если Терри отведет ее в ближайшую комнату отдыха? У нас есть прохладительные напитки любых сортов, и все бесплатно.

На этот раз уже Тереза посмотрела на них с обиженным видом, но Уорн лишь благодарно взглянул на Барксдейла. Тот явно чувствовал всю неловкость ситуации и нашел из нее вполне тактичный выход.

Уорн снова перевел взгляд на Джорджию.

— Как тебе такой вариант, милая? — спросил он, наблюдая за напряженной работой ее мысли. Она понимала, что не сможет с легкостью отвергнуть подобный вежливый поступок со стороны взрослого. И он надеялся, что ей не хочется смущать собственного отца.

Выражение ее лица несколько смягчилось.

— Черри-кола?

— Целый океан, — улыбнулся Барксдейл.

— Ладно.

Тереза Бонифацио посмотрела сначала на Барксдейла, потом на девочку, а затем на Уорна.

— Рада была с вами наконец познакомиться, доктор Уорн, — сказала она шутливым контральто. — Идем, детка.

Подталкивая перед собой Джорджию, она вышла в коридор и закрыла дверь.

11 часов 15 минут

— Еще черри-колы? — спросила Тереза Бонифацио, пытаясь устроиться в красном пластмассовом кресле.

Джорджия, сидящая напротив нее, покачала головой.

— Нет, — сказала она и добавила: — Спасибо.

Улыбнувшись, Тереза украдкой взглянула на часы.

Совещание должно занять где-то полчаса, может быть, минут сорок. Но пока прошло всего десять минут, и она уже не знала, о чем еще говорить с девочкой. «Не могу поверить, что я отказалась от работы в „Рэнд корпорейшн“ за сто двадцать тысяч долларов лишь ради того, чтобы нянчиться с непослушным ребенком», — тяжело вздохнув, подумала она.

Она снова поерзала в кресле. Как бы ни раздражала ее роль няньки, она была почти рада, что ей не нужно присутствовать на совещании и она не увидит лица Эндрю, когда ему сообщат новости. За последний год она прониклась к нему немалой симпатией, и не только из-за того, что восхищалась его интеллектом. В лаборатории она чувствовала себя одиноко — в конце концов, роботы обычно не общаются с людьми, в противном случае высказанное ими редко представляет интерес. Она обнаружила, что ждет каждой очередной беседы по телефону с Уорном. Ей приятно было поговорить с тем, кто ее понимал и радовался ее маленьким победам, смелым теориям. Казалось, он даже ценил ее своеобразное чувство юмора — и это тоже кое-что значило. Эндрю Уорн был отличным парнем. Но ничего хорошего это не сулило — и не только для него.

Джорджия достала из кармана плеер и надела наушники, но тут же, словно поняв, что поступает невежливо, снова их сняла. Интересно, подумала Тереза, зачем Уорн взял с собой девочку? Но ответ пришел к ней почти сразу: он не мог знать, зачем его на самом деле сюда пригласили. Слишком плотная завеса тайны окружала все происходящее. Наверняка он думал, что сможет приятно провести здесь время.

Она решила зайти с другой стороны.

— Что ты слушаешь? — спросила она, кивая на плеер.

— Бенни Гудмена. В Карнеги-холле.

— Неплохо. Хотя старик Бенни для меня несколько скучноват, если ты понимаешь, о чем я. Тебе нравится Дюк Эллингтон?

Джорджия покачала головой.

— Не знаю.

— Не знаешь?! Можно сказать, он основатель всей современной музыки. И я имею в виду не только джаз. Он умел по настоящему играть свинг. Слышала его концерт в Ньюпорте тысяча девятьсот пятьдесят шестого года? Послушай «Diminuendo and Crescendo in Blue». Саксофонист, Пол Гонсальвес, играет соло на двадцать семь квадратов. Двадцать семь! Невероятно.

Ответа не последовало. Тереза снова вздохнула, поняв, что пытается разговаривать с Джорджией как с равной. Она понятия не имела, как надо говорить с ребенком. Даже в детстве она не умела общаться с другими детьми. Черт побери, порой ей с трудом удавалось разговаривать со взрослыми. Ясно одно — если она просидит здесь еще полчаса, то сойдет с ума.

Внезапно она встала.

— Давай пройдемся.

Девочка вопросительно посмотрела на нее.

— Похоже, тебе так же скучно, как и мне. Идем, я хочу кое-что тебе показать.

Ведя Джорджию за собой, Тереза прошла по запутанным коридорам уровня «В» и остановилась перед маленькой дверью без таблички, за которой оказалась узкая металлическая лестница. Тереза подтолкнула девочку вперед, и они начали подниматься.

Путь вверх, казалось, длился бесконечно. Наконец они добрались до маленькой площадки из рифленого металла, окруженной перилами высотой по пояс. В дальнем ее конце уходила вверх еще более узкая лестница, исчезающая внутри закрытого со всех сторон прохода. Не сговариваясь, обе остановились передохнуть.

— Здесь разве нет лифта? — тяжело дыша, спросила Джорджия.

— Есть. Но я терпеть не могу лифты.

— Почему?

— Клаустрофобия.

Обе помолчали, переводя дыхание. Затем Тереза повернулась к девочке.

— А каково это — иметь такого умного папу?

Джорджия удивленно посмотрела на нее, словно никогда не задумывалась над подобным вопросом.

— Думаю, вполне нормально.

— Нормально? Я бы что угодно отдала, чтобы иметь такого отца, как у тебя. У моего познания в математике не шли дальше подсчета бусин на четках.

Девочка на мгновение задумалась.

— Он такой же, как и любой другой папа. Нам здорово вдвоем.

— Интересуешься роботами?

Джорджия кивнула.

— Конечно. Во всяком случае, интересовалась.

Терезе до сих пор трудно было поверить, что она стоит и разговаривает с дочерью Эндрю Уорна, отца метасети, первопроходца, который вызвал множество споров в области робототехники и искусственного интеллекта и недавно оставил университет Карнеги-Меллон. Работая с метасетью, она столько раз разговаривала с ним по телефону один на один, что порой трудно было представить, что у него есть семья. Но конечно, она знала, что его жена, проектировщик малых судов, утонула четыре года назад, испытывая новый образец парусника в Чесапикском заливе. Знала она и о том, что он работал вместе с Эриком Найтингейлом над ранними проектами парка, но после смерти Найтингейла представители корпораций, взявших завершение строительства Утопии на себя, отказались от его услуг. Ей были даже известны слухи о том, как они встречались с Сарой Боутрайт в Карнеги-Меллоне, как его спорные теории о машинном обучении не дали предполагаемого результата, как основанная им после ухода из Карнеги-Меллона компания потерпела крах, став жертвой кризиса в интернет-бизнесе. Конечно, не все слухи соответствовали действительности. Но если последний был правдой, то сегодня ей

было вдвойне жаль Уорна.

— Идем, — сказала она, отталкиваясь от перил. — Еще семьдесят одна ступенька. Я их как-то раз сосчитала.

Лестница круто уходила вверх, между двух длинных тонких балок, исчезающих из виду высоко над головой. Окон не было, и похожий на трубу коридор освещался длинными флюоресцентными лампами вдоль стен.

— Почти пришли, — тяжело дыша, сказала Тереза, опираясь на перила.

Постепенно подъем стал более пологим. Тереза прошла вдоль крутого поворота, затем шагнула на еще одну металлическую платформу и остановилась, жестом предлагая Джорджии встать рядом с ней. Девочка сделала шаг вперед и изумленно застыла.

— Держись крепче за поручень, — улыбнулась Тереза, глядя на ее ошеломленное лицо. — Порой бывает нужно около минуты, чтобы привыкнуть. Закрой ненадолго глаза, если тебе так легче.

Они стояли на обзорной площадке, высоко под стеклянной куполообразной крышей Утопии. Внизу, под панелью из одностороннего стекла, простирался весь парк. Через его середину тянулась холодная лента Ядра. По обе стороны от него, словно половинки разрезанного грейпфрута, располагались сами Миры, многоцветье красок и форм, резко отличавшиеся друг от друга. Каллисто, футуристический космопорт, с высоты напоминал черно-белую фотографию. Газовый Свет был окутан покровом тумана. Дощатые Тротуары, залитые солнцем, походили на картину в пастельных тонах. Повсюду можно было увидеть людей, которые шли по бульварам и тротуарам, ждали в очередях, щелкали фотоаппаратами, изучали карты, беседовали с персоналом, ели, пили, смеялись, кричали. Казалось, будто перед ними неожиданно ожившая карта парка. Более того, с такой высоты перед ними открывалась вся сложная потайная машинерия, которую не видел никто из туристов, — скрытые входы и выходы, фальшивые задние стены зданий, электрические тележки, декорации, оборудование, проходы между стенами и позади фасадов.

Тереза показала на рабочего, который шел с рацией в руке по узкому коридору прямо у них под ногами.

— Не обращай внимания на человека за занавеской ^[16], — рассмеялась она. — Ну, как тебе?

— Потрясающе, — проговорила Джорджия, горящими от восторга глазами разглядывая простирающуюся внизу картину. — Смотрите! — неожиданно показала она. — Это же «Брайтон-Бич экспресс». Мы катались на нем сегодня утром. А вон там — «Машина криков». Я не знала, что они настолько близко друг к другу.

— Так спроектирован парк, — ответила Тереза. — Выход с одного аттракциона находится рядом со входом в другой.

Она отошла чуть назад, продолжая с улыбкой наблюдать за Джорджией, которая восхищенно оглядывалась по сторонам. В отличие от большинства парков-конкурентов, в Утопии не устраивали экскурсий «за кулисы». Никому из гостей, за исключением особо важных персон, не доводилось бывать в Подземелье. И конечно, никто из посетителей никогда не видел того же, что и они сейчас. В каком-то смысле даже жаль — подобное зрелище наверняка поразило бы любого, даже не по годам развитых четырнадцатилетних подростков, которые уверены, будто уже знают все на свете.

— Взгляни, — сказала Тереза, показывая на маленькую табличку, установленную на перилах перед ними: «Эрик Найтингейл, 1956–2002». — Мы называем это место «Соловьиным гнездом». Оно посвящено его мечте об Утопии. — Она снова посмотрела на Джорджию. — Ты с ним когда-нибудь встречалась?

— Он бывал у нас дома, разговаривал с моим отцом — видимо, о роботах. Несколько раз играл со мной в нарды и позволял выигрывать чаще, чем папа.

Тереза покачала головой, представив себе великого Эрика Найтингейла, играющего в нарды с девочкой-подростком, а затем тоже перевела взгляд на парк.

— Каждый, кто работает в Утопии, приходит сюда хотя бы раз, — сказала она. — Как правило, в первый день — нечто вроде обряда посвящения. Но обычно тут почти никого не бывает — лестницы и так далее. А мне нравится сюда приходить. Здесь тихо и спокойно. А если я начинаю уставать — от лаборатории или еще от чего-нибудь, — я знаю, что стоит мне сюда прийти, и все это сразу напомнит мне, ради чего я работаю. Кажется, и сегодня такой же

случай.

Она неожиданно замолчала, почувствовав, что сказала больше, чем хотела. «Похоже, она думает обо мне, — подумала Тереза, увидев странный пристальный взгляд Джорджии. — Интересно... Впрочем, может, мне и не стоит этого знать».

— Что такое? — спросила она вслух.

Девочка на мгновение отвела взгляд, затем снова посмотрела на нее.

— Просто подумала... вам нравится Фэтс Уоллер?

— Почему бы и нет? Наверное, я заиграла до дыр свой альбом «Handful of Keys». А лучше его в «Голосе Каролины», пожалуй, никто не играл на фортепиано. — Она озадаченно взглянула на Джорджию. — А что?

На мгновение их глаза встретились, затем девочка быстро отвернулась.

— Да нет, ничего, — сказала она, внезапно смутившись.

Тереза посмотрела на часы.

— Ну что ж, нам удалось убить полчаса. Пора вернуться к твоему папе.

Она начала спускаться с лестницы.

11 часов 15 минут

Уорн переводил взгляд с Сары на Фреда Барксдейла.

Директор показала на место у стола.

— Эндрю, присаживайся, пожалуйста, — сказала она. Поставив прямо напротив него свою чашку и блюдце, она села сама и, разложив на столе бумаги, подвинула их Уорну. — Подпиши здесь, прежде чем мы продолжим.

Уорн взял документы и быстро их просмотрел.

— Это подписка о неразглашении?

Сара кивнула.

— Не понимаю. Я уже давал такую на начальном этапе.

— Это все Чак Эмори и высшее руководство. Они хотят быть уверены, что из того, что мы будем сегодня обсуждать, наружу не просочится ни слова.

Больше она ничего не сказала, лишь посмотрела ему в глаза. Вздыхнув, Уорн поставил в требуемом месте свою подпись «Чертова бюрократия, — подумал он. — Нью-йоркские шишки с каждым годом все хуже». И все же какой-то смысл в этом был. Расширение метасети требовало доступа к новым секретным технологиям Утопии.

Исполнительный директор забрала у него бумаги.

— Спасибо, — сказала она, аккуратно складывая их рядом с чашкой. — Извини, что мы не могли раньше сообщить тебе все подробности, но проблемы возникли лишь недавно, и мы пытались определить закономерность.

— Проблемы? — посмотрел на нее Уорн.

Сара повернулась к Барксдейлу.

— Фред, будь любезен, не объяснишь ли в общих чертах?

— Хорошо, — сказал Барксдейл. Положив локти на подлокотники кресла, он сцепил перед собой пальцы, глядя на Уорна из-под аккуратно причесанной копны светлых волос. — В последние две недели мы заметили, что с техникой в Утопии происходит нечто странное. Например, сбои универсальной системы перевода в

информационной службе. Искусственный интеллект, заведующий диагностикой «Станции „Омега“» — аттракциона со свободным падением в Каллисто, — постоянно сообщает об отказах, не позволяя запустить автоматику. Но больше всего проблем с роботами. — Он начал загибать пальцы с ухоженными ногтями. — Робот-уборщик на уровне «С» пытался протереть мокрой тряпкой электрический щит. Его успели деактивировать в последний момент. Робот-почтальон начал бросать почту в мусорные урны вместо почтовых ящиков. Некоторые огнедышащие роботы в «Шпиле дракона» начали извергать огонь не вовремя и едва не сожгли группу японских туристов.

— Проблемы, — повторил Уорн. — Они продолжают постоянно?

— Вот это-то и более всего сбивает с толку. За исключением «Станции „Омега“», они происходят случайным образом. И даже эта трудность исчезла всего час назад, дав инженерам аттракциона зеленый свет. Никто не знает, из-за чего. Мы провели тесты на отказоустойчивость, проделали все инженерные расчеты, даже проверили всю технику с помощью осциллографов и тестеров. Все в полном порядке.

— Фантомные аномалии, — сказала директор. — Минуту назад с роботами все прекрасно — а потом они как будто сходят с ума. А через минуту опять все нормально.

Уорн повернулся к Саре, ощущая неприятный холодок внизу живота.

— Перебои с напряжением? — спросил он.

Начальник системного отдела покачал головой.

— Все линии Утопии находятся в идеальном состоянии. Никаких колебаний в сети никогда не бывает.

— Верно, я совсем забыл, — кивнул Уорн. — Ядерный реактор.

Никто не засмеялся, и он задал следующий вопрос:

— Бета-тестирование?

— Нет, — ответил Барксдейл. — Все работает как положено.

— Программные сбои?

— Которые проявились только теперь и в стольких местах? А потом они исчезают сами по себе?

— Вы пытались выделить отдельные события?

— Учитывая, сколько здесь автономных роботов, мы, честно говоря, не знаем, с чего именно начать.

Наступила тишина. Холодок в животе быстро распространялся по всему телу.

— Периодически возникающие проблемы часто означают вмешательство извне, — сказал Уорн, тщательно подбирая слова.

Барксдейл снова покачал головой.

— Ни в коем случае. Все рабочие серверы отрезаны от внешнего мира и никак с ним не связаны. Единственный открытый портал — информационная сеть для посетителей, но ее сервер находится в другом месте и надежно защищен брандмауэром.

Сара Боутрайт отхлебнула чая.

— Для полной уверенности Фред в прошлом месяце поручил проверить нашу компьютерную систему специалистам из «Безопасности под ключ». Они сказали, что это самая надежная сеть из всех, с которыми им приходилось иметь дело.

Уорн рассеянно кивнул. Он встретился с ребятами из этой фирмы год назад, когда веб-сервер в Карнеги-Меллоне подвергся виртуальной атаке, — с лицензированными хакерами, которых нанимали корпорации, чтобы те пытались взломать их компьютерные системы, обнаруживая слабые места. Ковбои из «БПК» были выдающимися мастерами своего дела.

Уорн облизнул губы, собираясь задать вопрос, который он так не хотел поднимать.

— Итак, в вашем раю возникли проблемы. Мне очень жаль об этом слышать. Но какое все это имеет отношение — как сказала мне по телефону ваша помощница — к дальнейшему развитию метасети?

Барксдейл и Сара Боутрайт переглянулись.

— Доктор Уорн, я даже не знаю, как бы вам сказать, — ответил Барксдейл. — Я надеялся, что вы придете к тому же решению, что и мы. Проблема, похоже, в самой метасети.

Хотя Уорн и опасался подобного ответа, услышанное ошеломило его. Во рту пересохло.

— Вам не кажется, что вы делаете слишком скоропалительные выводы?

— Это единственное, что объединяет все отказы. Все остальное мы исключили. Другого ответа быть не может.

— Не может? — услышал ученый свой собственный голос, прозвучавший намного громче и поспешнее, чем он предполагал.

Барксдейл кивнул.

— Метасеть — самообучающаяся система. Возможно, со временем она изменила к худшему набор своих собственных правил. Помните: «Но к лучшему стремлением своим хорошему мы иногда вредим!»? [\[17\]](#)

— Нет, не знаю. У системы нервный тик, а вы вините во всем голову.

— Пожалуй, это не просто нервный тик, — сказал Барксдейл со странным выражением лица, словно врач, сообщающий пациенту плохую новость. — Есть и еще кое-что. Несчастный случай на «Ноттингхиллских гонках» в позапрошлую пятницу.

Уорн видел короткую заметку об этом случае в газете.

— Там был отказ механизма. Некачественная деталь или что-то в этом роде.

— Все наши высокоскоростные аттракционы изготовлены швейцарской фирмой «Тайттингер и Рошфор». «Роллс-ройс» мира русских горок.

— Неважно. Всего лишь несчастный случай. Какая тут связь?

— На этом аттракционе используются два робота. В течение дня, когда аттракцион открыт, они занимаются смазкой, а после закрытия проверяют безопасность всей трассы. Они запрограммированы так, чтобы обнаруживать усталость металла, точки напряжения, обеспечивать надежную работу электронных предохранительных стопоров, управляющих движением тележек на подъемах и спусках. По какой-то неизвестной нам причине восемь дней назад они ослабили десяток стопоров, вместо того чтобы подтянуть их, поменяв полярность. На следующий день в пяти стопорах произошло короткое

замыкание, причем в двух из них в критической точке. В результате на последнем спуске одна тележка сошла с рельсов. Предохранительные пластины в шасси не дали тележке полностью вылететь с трассы, но ее безжалостно швыряло из стороны в сторону в течение всего падения с высоты в семьдесят футов.

— Я просматривала видеозапись происшествия, — сказала Сара. — Выглядело так, будто собака треплет крысу. Мальчик с переднего сиденья не удержался и выпал из экипажа. Каким-то чудом он остался жив, но у него раздроблены обе ноги и сломано несколько ребер. Несколько месяцев ему придется провести в инвалидной коляске. У его отца сломана ключица. Остальные пассажиры получили серьезные травмы. Не стоит и говорить, что адвокаты с тех пор кружат над нами, словно стервятники.

Уорн внезапно почувствовал, что не дышит. Он медленно выпустил воздух из легких.

— Вы уверены?

Сара и Барксдейл кивнули.

— Ничего не понимаю. Вы проверяли программное обеспечение роботов?

— Это первое, что мы сделали после того, как закрыли аттракцион. Целая команда во главе с Терри Бонифацио тщательно исследовала каждую строку кода. Метасеть перепрограммировала роботов, дав им задание ослабить предохранительные стопоры.

— Обоих?

— Каждый ослабил ровно шесть стопоров.

Уорн с трудом подавил неожиданный приступ легкой паники.

— Погодите. Давайте представим себе работу метасети. Это своего рода нервная система, которая исследует программный код роботов парка и оптимизирует его. И не более того. Это пассивная самообучающаяся система. Она просто не может... — Уорн вдруг замолчал. — Вы не рассматривали возможность вмешательства извне?

Барксдейл кивнул, разглаживая галстук.

— Все сотрудники, имеющие отношение к информационным технологиям, проходят тщательную психологическую проверку.

Служба безопасности изучает биографию каждого из них. У нас лучшие в отрасли вознаграждения и бонусы, и персонал удовлетворен на девяносто девять процентов...

— Пойдите, — прервал его Уорн. — Все это очень хорошо. Но к случившемуся явно имеет отношение кто-то из ваших людей. Как еще можно это объяснить?

Сара и Барксдейл переглянулись. Уорн догадывался, о чем они думают: «Он пытается защищаться, готов обвинять кого угодно, только не собственное творение».

Начальник системного отдела откашлялся.

— У нас крайне строгая процедура внедрения нового кода, и любые изменения производятся только с одобрения администрации и моего лично. Но главное в том, доктор Уорн, что это просто не может быть делом рук промышленного шпиона или недовольного сотрудника. Диагностические отказы почтовых роботов? Почерк совершенно не тот. К тому же проявления проблемы чересчур широкомасштабны. Тем не менее мы начали допрашивать людей и проверять лог-файлы [\[18\]](#) — на всякий случай.

Директор отхлебнула чая и снова поставила чашку на блюдце.

— А пока, Эндрю, мы хотели бы отказаться от использования метасети.

На мгновение Уорн лишился дара речи. Отказаться от использования метасети. Господи! Он подумал о роботах на «Ноттингхиллских гонках», об ослабленных стопорах. Неужели он и в самом деле мог оказаться косвенно причастным к столь ужасному...

Он покачал головой. Нет, такого просто не могло быть.

Ученый снова посмотрел на Сару и Барксдейла. Весь их вид говорил о том, что вся эта беседа — лишь формальность и решение уже принято.

— Сара, — смиренно проговорил он. — Я знаю, что на тебя наверняка давят сверху. Но мне кажется, это слишком поспешное решение. Мы вполне можем потратить несколько дней на то, чтобы во всем разобраться. Постараемся вникнуть в проблему. Я уверен, что-то наверняка выяснится.

— Дело в том, что я завтра утром улетаю в Сан-Франциско, —

ответила женщина. — Фред даст тебе все, что потребуется.

Оба снова переглянулись, и Уорн вдруг понял, что они давно вместе.

К смятению и унижению, которые он уже испытал, добавились ревность и гнев. Конечно, вряд ли стоило в чем-то винить Сару; вполне естественно, что она выбрала Барксдейла, человека симпатичного и обходительного, к тому же, по слухам, замечательного технического директора. Уорн чувствовал себя словно «вольво», который променяли на двенадцатицилиндровый «ягуар».

Ученый горько покачал головой. Все это время он думал лишь о том, как снова увидится с Сарой — как она себя поведет, как он будет себя чувствовать, как отреагирует Джорджия. Сама деловая встреча его почти не волновала, за исключением того, как она могла бы повлиять на его застопорившуюся карьеру... Он откинулся на спинку кресла, внезапно ощутив себя постаревшим на много лет.

— Вы купили технологию, — сказал он с едва сдерживаемой злостью. — И ваше дело, как ею распорядиться. Зачем вы меня сюда пригласили? Просто чтобы сообщить дурную весть?

— Мы хотели бы, чтобы вы возглавили работы по демонтажу, — сказал Барксдейл.

— Вам не кажется, что это уже чересчур? Вы не только устраиваете лоботомию моему детищу, вам нужно, чтобы я держал скальпель?

Барксдейл немного подумал.

— Это нетривиальная операция.

— Наверняка у вас и без меня хватает программистов. Вам ни к чему моя помощь...

— Доктор Уорн, думаете, это моя идея? — сказал Барксдейл с улыбкой, однако подчеркнутый английский акцент выдавал едва заметное раздражение.

— Или, возможно, на самом деле вы ищете козла отпущения.

Барксдейл бросил на него удивленный взгляд. Сара встала.

— Думаю, все уже слышали все, что нужно, — отрывисто

сказала она. — Давайте заканчивать. Фред, увидимся на совещании по текущей ситуации в парке. Эндрю, ты не мог бы ненадолго задержаться?

— Хорошо.

Барксдейл коротко улыбнулся Саре, слегка настороженно кивнул Уорну и вышел.

Посмотрев ему вслед, Сара повернулась к ученому.

— Что ж, рада видеть, что ты не утратил умения настраивать аудиторию против себя.

— А чего ты ожидала после заявлений о том, что дело всей моей жизни готовы отправить на свалку? Что я стану прыгать от счастья?

— Не стоит так к этому относиться. Метасеть отключают лишь временно, для исследований.

— Да, конечно. Я уже имел дело с парнями из высшего руководства после смерти Найтингейла. Если метасеть отключат, больше она работать никогда не будет.

Сара потянулась к чашке.

— Понимаю твои чувства, Эндрю, но...

— Кстати, еще одно. Почему ты называешь меня Эндрю, а не Дрю, как раньше?

— Мне показалось, так будет лучше. — Она убрала руку и посмотрела ему в глаза. — А тебе?

Перед взглядом Сары никто не мог устоять. Внезапно Уорн почувствовал, что весь его гнев куда-то исчез, оставив после себя лишь чувство поражения. Он наклонился к ней, сцепив руки.

— Только что вспомнил. Сегодня двадцать первое июня.

— И что?

— Ровно год с тех пор, как ты ушла.

— Я не ушла, Дрю. Я согласилась на предложение работать в Утопии.

— Разве с тобой что-нибудь случилось бы, если бы ты ненадолго задержалась? Попыталась хоть как-то разобраться в наших отношениях? Понимаю, мы оба были заняты, у нас не хватало

времени друг на друга. И я знаю, что с Джорджией вам пришлось нелегко. Но ты не дала ей ни единого шанса. Да и нам с тобой тоже.

— Я давала тебе шанс, пока могла. Неужели ты думал, что я откажусь от работы?

— Я не рассчитывал, что ты соберешь вещи и уедешь в Неваду.

— Такая возможность бывает лишь раз в жизни! Ты бы предпочел, чтобы я осталась и ненавидела тебя за то, что ты меня этого лишил?

Сара шагнула ему навстречу, но тут же, помедлив, отступила назад, взяла чашку и сделала глоток.

— Давай оставим прошлое, — уже спокойнее заговорила она. — Это бессмысленно и ни к чему не приведет. — Она решительно поставила чашку. — Я долго размышляла над тем, приглашать ли тебя, но у меня не было выбора. Никто другой не разбирается в метасети так, как ты. В конце концов, это ты ее проектировал. И... нам просто не нужны новые проблемы.

Уорн не ответил. Сказать, похоже, было нечего.

— Наверное, не стоит напоминать тебе первоначальные условия договора. Почему бы тебе не рассматривать все это как удачную возможность? Сеть проработала шесть полных месяцев в реальных условиях, которые тебе вряд ли удалось бы воссоздать у себя в лаборатории.

«В данный момент у меня нет лаборатории», — подумал Уорн, но лишь пожал плечами.

— Конечно. Почему бы не поработать над вскрытием трупа?

Директор долго смотрела на него, не говоря ни слова, затем снова повернулась к столу, собрала бумаги и взяла чашку.

— Тереза должна с минуты на минуту вернуться, — сказала она. — Не советую вам обоим тратить зря время. Мистер Барксдейл ждет готового плана действий к концу дня.

Она вышла из зала совещаний, оставив дверь открытой.

11 часов 45 минут

Каллисто представлял собой мир будущего, оживленный космопорт на стационарной орбите — как предлагалось считать посетителям — в шестидесяти милях над шестым спутником Юпитера. Эндрю Уорн обнаружил, что в это действительно не так уж трудно поверить. После короткого полета на челноке в полной темноте он вместе с Джорджией вышел на посадочную площадку, а затем шагнул в заполненный народом главный вестибюль, где снова остановился, удивленно глядя по сторонам. Перед ними простирался торгово-развлекательный центр, словно целиком позаимствованный из двадцать четвертого века. Среди щелкающих фотоаппаратами туристов расхаживали странного вида инопланетяне и сотрудники в футуристической униформе. Над головой плясали рубиновые и голубые лучи лазеров. Повсюду присутствовали невероятно подробные голографические изображения, указывающие путь к аттракционам и парящие, подобно фантастическим вывескам, над входами в рестораны и туалеты.

Как и везде в Утопии, высоко наверху простирался огромный купол. Но на этот раз за ним виднелась не полоса ярко-голубого неба, как в Ядре или Дощатых Тротуарах, а глубокая чернота космоса, испещренная бесчисленными звездами. Больше четверти неба заполнял ярко окрашенный диск Юпитера. Уорн заметил, что облака на поверхности планеты движутся, конвульсивно содрогааясь под воздействием гигантских бурь.

— Потрясающе, — проговорила девочка, оглядываясь вокруг. — Прямо как в кино. Только что мы тут делаем? Мы же еще не все посмотрели в Дощатых Тротуарах.

— На них у нас еще хватит времени, — сказал Уорн. — А сейчас я хотел бы кое-что тебе показать.

Он взглянул на запястье. Они договорились встретиться с Терезой в тринадцать часов, и у них в распоряжении оставалось чуть больше часа. Уорн старался вести себя как можно более непринужденно, зная, что Джорджия легко замечает любые перемены в его настроении. Слава богу, она ничего не спрашивала о том, как прошло совещание.

Быстро сверившись с путеводителем, он повел Джорджию прямо

в шумную толпу посетителей. В прохладном, пахнущем стерильностью воздухе почти осязаемо ощущалось всеобщее веселье. Только в Каллисто можно было встретить костюмированных персонажей популярного мультсериала Найтингейла «Атмосфера страха». Здесь также находились два самых выдающихся аттракциона во всем парке — «Сфера Шварцшильда» ^[19] и «Полет на Луну». Многочисленные ребятишки окружали голограммы Эрика Найтингейла в натуральную величину и костюмированных членов персонала, тащили родителей к любимым аттракционам, выпрашивали деньги на сувениры.

Но карнавальная атмосфера и экзотическая обстановка не могли развеять мрачного настроения Уорна. «Отказаться от метасети». Он с трудом мог в это поверить. Всего два часа назад он бродил по Дощатым Тротуарам, словно полный идиот, размышляя о том, какие восхитительные новые функции ему предложат добавить к роботизированной сети. Он с горечью покачал головой.

— Что случилось, пап? — тут же спросила Джорджия.

— Ничего. Здесь просто... все эти аттракционы, магазины — сплошная коммерция. Найтингейл перевернулся бы в гробу.

— Пап, ничего ты не понимаешь. Тут по-настоящему круто. Ты только посмотри. — Она показала на один из более спокойных аттракционов — похожий на паука комплекс маленьких ракет, вращавшихся на блестящих металлических опорах, которые словно то исчезали, то появлялись, создавая впечатление, будто ракеты летают сами по себе. — Даже детские аттракционы здорово выглядят.

Уорн кивнул. Тем не менее все это являлось лишь бледным подобием того, что описывал Найтингейл, когда они сидели на кухне в вечер их первого знакомства, даже не притронувшись к кофе. Он помнил фанатичный огонь, горевший в глазах фокусника, помнил, как тот то и дело вскакивал с места, расхаживал туда-сюда, как двигались его руки, когда они обсуждали в общих чертах его идею виртуальных миров. Найтингейл объездил весь свет, посещая парки развлечений, замки, храмы, средневековые поселения. Ему хотелось воссоздать виртуальные миры во всех подробностях — миры прошлого, миры будущего, которые одновременно бы просвещали и радовали посетителей; развлечения, основанные на погружении в среду, а не аттракционы. Система миров, как называл ее Найтингейл, должна использовать последние достижения цифровых технологий,

голографии, кибернетики для создания магической иллюзии. И он хотел, чтобы Уорн спроектировал ее роботизированную часть.

Даже без энергии и харизмы Найтингейла подобная мысль выглядела весьма привлекательной. Она отлично вписывалась в весьма спорные теории Уорна в области искусственного интеллекта и машинного обучения. И он разработал идею метасети, которая связывала бы всех роботов парка с центральным процессором. Он должен контролировать действия роботов, совершенствовать программу и ежедневно загружать в них оптимизированный код. Отличный способ продемонстрировать теорию машинного обучения на практике. Но это будет только началом обширной сети роботов с искусственным интеллектом, которая в конечном счете охватит все сферы деятельности Утопии.

По крайней мере, таков был план...

— Тереза — японка? — спросила Джорджия.

Уорн вернулся от размышлений к реальности, слегка удивленный ее вопросом.

— Не знаю, принцесса. Вряд ли.

— Папа, я же просила не называть меня принцессой.

Люди вокруг них толкались, смеялись, показывали куда-то пальцами. Посетители толпились вокруг высокого худого человека в доспехах двадцать четвертого века и блестящем черном плаще. Это был Морфеус, маг-демон, правитель Земли-Прайм — создание, которое обожали ненавидеть пятьдесят миллионов детей-телезрителей. Он позировал для фотоснимка, положив руку на плечо маленького мальчика и улыбаясь сквозь дьявольскую бороду. Уорн хмуро посмотрел в его сторону. Он вдруг сообразил, что не разговаривал с Терезой по крайней мере три недели, что само по себе было необычно — у них вошло в привычку общаться как минимум раз в неделю, мешая деловые разговоры со сплетнями, шутками и иронией.

Она отвечала за работу метасети и хотя бы могла его предупредить. Почему она этого не сделала? Его охватила злость при мысли о том, что, вполне возможно, она каким-то образом сама во всем виновата, совершив — вольно или невольно — нечто, причинившее непоправимый вред его творению. Ученый вспомнил свою первую реакцию, когда увидел ее в реальности, и рассерженно

тряхнул головой.

Они договорились встретиться у нее в лаборатории. Именно так он и поступит. Они обсудят план отключения, убедятся, что для плавного перехода нет никаких препятствий. А потом он сделает то, что и планировал с самого начала, — в полной мере насладится парком вместе с дочерью. Тереза и ее люди смогут остановить метасеть и сами. К черту контракт. Будь он проклят, если собственными руками уничтожит свое величайшее достижение.

Впереди, над входом в ярко освещенный ресторан «Большой Ковш», вращалась голограмма созвездия. Снаружи стояла толпа людей, которые негромко переговаривались, показывая куда-то вдаль. Несмотря ни на что, Уорн почувствовал, что улыбается. Он догадывался, куда именно они смотрят.

Рядом с входом в ресторан располагалось большое окно для торговли навывнос в хромированной раме, выходящее в вестибюль. У его основания вдоль стойки из блестящего прозрачного материала выстроились в ряд круглые табуреты на высоких подставках. За стойкой расположился футуристический магазин мороженого, окутанный призрачными тенями. Его обслуживал большой мобильный робот — странная неуклюжая конструкция, похожая на сооружение из больших металлических блоков, на шасси с шестью синхронно управляемыми колесами. На платформе стоял большой куб, внутри которого находился бортовой компьютер, а на нем, в свою очередь, — высокий цилиндр с вмонтированными в него двумя наборами ультразвуковых датчиков.

Взяв Джорджию за руку, Уорн показал на машину. Она посмотрела в ту сторону и внезапно остановилась, широко улыбаясь.

— Мне кажется, — наконец сказала она, — как-то странно видеть его здесь.

Робот готовил молочный коктейль. Уорн наблюдал, как он деловито накладывает мороженое в металлический миксер короткими четкими движениями мощных клешней. Это самая сложная часть — эхолокационная геометрия. Поскольку он знал, что роботу предстоит работать в неизменной обстановке, все остальное — систему расчета пути для управления колесами, топологическую карту — сделать было относительно несложно. Но на то, чтобы снабдить машину стереоскопическим зрением, необходимым для вырезания идеальных

шариков из мороженого, находящегося в различной таре, потребовалось немало ночей напряженного труда. Именно тогда родилось и имя робота — Хард-Плейс. Его собрат, Рок [\[20\]](#), наверняка находился сейчас внутри ресторана. Уорн спроектировал Рока как робота-бармена, у которого была куда более легкая работа — он наливал заранее отмеренные порции напитков, что требовало в отличие от Хард-Плейса намного менее точного управления сервомеханизмами «рук».

— Пойдем, — сказал Уорн, кладя руку на плечо дочери, — купим мороженого.

Когда они подошли к стойке, Хард-Плейс как раз закончил готовить коктейль и протягивал его девочке-подростку.

— Прошу вас, — произнес он, наклонив камеру в сторону девочки. — Вашу карточку, пожалуйста.

Уорн смотрел, как Хард-Плейс сканирует карточку-пропуск ультразвуковыми датчиками, возвращает ее владелице, а затем с помощью клешней аккуратно ставит коктейль на стойку. Джорджия была права — он тоже настолько привык видеть этого робота в тесноте своей лаборатории в Карнеги-Меллоне, что ему казалось странным встретить его здесь, в сюрреалистическом окружении, подающего настоящее мороженое реальным людям.

Робот повернулся и покатился к следующему клиенту. Проведя Джорджию через толпу зевак, Уорн нашел два места в дальнем конце стойки. Именно дочь в свое время убедила его встроить ультразвуковой датчик в верхнюю часть робота и настроить его так, чтобы он поворачивался в сторону ближайшего человеческого голоса. Он хорошо помнил, как показывал ей робота в первый раз и как недовольно скривилось лицо девочки. «У него должна быть голова, папа», — сказала она тогда.

Он построил две машины просто ради развлечения, желая продемонстрировать Найтингейлу, каким образом можно использовать для коммерческого применения распознавание речи и обработку изображений. Но Найтингейл столь же любил приятные мелочи, как и грандиозные идеи, и Рок с Хард-Плейсом понравились ему не меньше, чем снискавший немалую славу доклад ученого об иерархических нейросетях или его идея самообучающейся метасети. Он настоял, чтобы им нашлось место в Утопии.

Хард-Плейс двигался в их сторону.

— Добрый день, — проскрежетал он. — Чем могу помочь?

— Одну имбирную шипучку, пожалуйста.

Уорну незачем было даже спрашивать — Джорджия могла прожить на одной лишь имбирной шипучке. Именно ее он первым делом научил готовить робота.

— Одна имбирная шипучка, — повторила машина. Уорн успел почти забыть этот искусственный голос, состоящий из оцифрованных образцов его собственного. И он уж точно забыл, насколько велик Хард-Плейс — почти восемь футов до верхней части массива датчиков. — Что-нибудь еще?

— Да. Двойное фисташковое мороженое с шоколадом и взбитыми сливками, пожалуйста.

Хард-Плейс неожиданно замер.

— Доктор Уорн? — спросил он после короткой паузы.

— Да, Хард-Плейс.

Робот снова помедлил, на этот раз чуть дольше.

— Двойное фисташковое мороженое с шоколадом и взбитыми сливками. Сию минуту, Кемо Сабе [\[21\]](#).

Развернувшись на месте, робот удалился. Уорн посмотрел ему вслед. Шутливый намек на «Одинокого рейнджера» был его собственным изобретением, вроде подписи на картине. Он решил добавить эту подпрограмму полтора года назад, когда Хард-Плейса и Рока упаковывали перед отправкой в Неваду. Полтора года — но как же много с тех пор изменилось. Тогда он только начал встречаться с Сарой — уверенной в себе женщиной, равной ему по интеллекту, возможно, второй матерью для Джорджии. Он принялся за первые проекты для Эрика Найтингейла, и будущее выглядело для него ярким и многообещающим.

Но все сложилось совсем иначе. Дочь не испытывала к Саре никаких теплых чувств — фактически она ее ненавидела, откровенно ревнуя к отцу. Его собственная работа подвергалась все большей критике в Карнеги-Меллоне, где ее считали спорной и бездоказательной. А потом Найтингейл погиб. Отношения Уорна с представителями корпораций, слетевшимися со всех сторон, чтобы

заполнить образовавшуюся пустоту, резко ухудшились, а затем полностью прекратились — с Утопией его продолжали связывать лишь контрактные обязательства, касающиеся метасети. Сара уехала, заняв пост руководителя парка. Ученый ушел из Карнеги-Меллона, основав исследовательскую компанию с целью подтвердить свои теории в области машинного обучения, но лишился финансовой поддержки, когда лопнул пузырь интернет-фирм. Но, несмотря ни на что, у него оставалась метасеть — по крайней мере, так он считал до сегодняшнего утра.

Хард-Плейс уже скользил к ним с имбирной шипучкой.

— Пожалуйста, — сказал он, ставя шипучку на стойку перед ним и поворачиваясь к ряду банок с мороженым — его искусственный интеллект уже выполнял программу двойного фисташкового мороженого с шоколадом и взбитыми сливками.

Движения робота казались более отрывистыми, более неуверенными, чем помнил Уорн, — словно нарушилась оптимизация расчета пути. Не результат ли это сегодняшней загрузки данных? Не могла ли в самом деле метасеть... Но Уорн тут же отбросил подобную мысль. Ему и без того хватало дурных новостей.

— Можно одолжить у тебя путеводитель? — спросила Джорджия.

— Пожалуйста.

— А сорок баксов?

— Конечно, только... Погоди — сорок долларов? Зачем?

— Хочу купить футболку от «Атмосферы страха». Такую мерцающую. Не видел?

Уорн видел десятки подобных футболок на подростках в вестибюле. Вдохнув, он открыл бумажник и подал ей деньги, глядя, как она снимает наушники и отхлебывает шипучку.

Честно говоря, он зашел сюда не столько ради нее, сколько ради себя самого. Ему хотелось увидеть подтверждение собственного труда, напоминание о лучших временах. До сегодняшнего дня — когда он узнал, что метасеть собираются отключить, — он не сознавал, насколько она для него важна. Внезапно он опять почувствовал, как на него накатывает волна отчаяния. Что ему теперь делать? Он ушел из Карнеги-Меллона, сжег за собой все мосты. Он

снова тайком взглянул на Джорджию. Как ей все объяснить?

Рядом послышалось негромкое жужжание — вернулся Хард-Плейс.

— Прошу вас, Кемо Сабе, — сказал он, ставя мороженое перед ученым.

Уорн ждал. Робот теперь должен был попросить у него пропуск, записав стоимость мороженого на его счет в Утопии.

Но Хард-Плейс ничего подобного не сделал. Вместо этого он повернул свои датчики сначала налево, потом направо. Продолжая жужжать, робот начал раскачиваться вперед и назад. Движения его казались странно неуверенными, словно машина пребывала в нерешительности, не зная, что делать дальше.

Джорджия подняла взгляд от шипучки и вытащила наушник из одного уха.

— Папа, в чем дело? — спросила она.

С неожиданным резким скрежетом робот устремился к Уорну. Его кубический центральный корпус столкнулся со стойкой, сбив с нее стаканы и подставки для соломинок. Среди клиентов поднялся удивленный ропот. Внезапно Хард-Плейс откатился, ударившись о стену, затем снова на полной скорости кинулся вперед, размахивая манипуляторами и вращая датчиками.

— Джорджия! — крикнул ученый. — Берегись!

Робот снова ударился о стойку. Послышались испуганные возгласы, чьи-то крики — клиенты соскакивали с табуретов, пытаясь уползти от стойки. Но машина опять рванулась назад, с грохотом столкнувшись со стеной. Десяток бутылок с разноцветным сиропом упали на пол, разбившись вдребезги. Взыв моторами, робот снова покатился вперед.

Уорн вскочил с места, ошеломленно глядя на Хард-Плейса. Он никогда прежде не видел, чтобы робот вел себя подобным образом. Собственно, он просто не мог так себя вести — Уорн сам его программировал. Что, черт побери, происходит? Казалось, будто робот пытается вырваться из замкнутого пространства, пробиться в вестибюль. Но его программы расчета пути крайне примитивны; если ему это удастся, то с такими размерами и скоростью он раздавит любого, кто попадется на дороге.

Робот с оглушительным грохотом столкнулся со стойкой. Ее длинная прозрачная крышка затряслась и изогнулась, со звоном сбрасывая на пол оставшееся содержимое. Хард-Плейс попятился, затем снова бросился вперед, словно разъяренный бык в клетке.

За спиной Уорна слышались встревоженные крики. Он посмотрел направо — Джорджия стояла поодаль, глядя на происходящее широко раскрытыми глазами. Он лихорадочно размышлял. Сделать можно было лишь одно — попытаться добраться до ручного выключателя в задней части корпуса и деактивировать робота.

Он осторожно подошел ближе.

— Хард-Плейс, — отчетливо и громко проговорил он, надеясь привлечь внимание робота, прервать ненормальный цикл, из которого тот не мог выйти.

Умиротворяюще подняв левую руку с растопыренными пальцами, он медленно начал опускать правую к корпусу робота.

При звуках его голоса Хард-Плейс повернул к нему датчики.

— Кемо Сабе, — проскрежетал он.

И тут одна из его клешней метнулась вперед, ухватив правое запястье в железные тиски.

Уорн вскрикнул от боли. Робот дернул его на себя, и он перелетел через стойку прямо на банки с мороженым, отчаянно пытаясь помешать машине сломать ему руку.

— Папа!

Дочь бросилась к нему, протягивая руки.

— Джорджия, нет! — выдохнул Уорн, пробуя дотянуться левой рукой вокруг корпуса.

Ногти царапали гладкий металл. Хард-Плейс заскользил назад, таща за собой Уорна и завывая сервомоторами. Вторая клешня робота нацелилась на шею ученого как раз в то мгновение, когда его пальцы нащупали маленькую кнопку выключателя.

Хард-Плейс внезапно остановился. Из-под его тележки посыпались искры. Датчики замерли, вой моторов прекратился. Клешни разошлись, освободив запястье Уорна. Он тяжело упал на

пол, затем медленно поднялся среди банок с мороженым, потирая руку. Джорджия подбежала к нему, и они вместе отошли от дымящегося, потемневшего робота.

Вокруг собралась толпа, наблюдавшая за происходящим с почтительного расстояния. Уорн обвел их взглядом, тяжело дыша, весь в шоколаде и ванили. Он все еще массировал запястье. Джорджия стояла рядом с ним, не в силах выговорить ни слова.

Несколько мгновений все молчали. А затем послышался чей-то одобрителный свист.

— Отлично сыграно, приятель! — сказал кто-то. — Я до последнего был уверен, что все это по-настоящему.

— Даже слишком! — крикнул другой.

И тут ему начали хлопать — сначала одна пара ладоней, потом все новые и новые, пока аплодисменты не перешли в овацию.

12 часов 45 минут

По мере того как солнце поднималось все выше в небе Невады, красные, желтые, коричневые и пурпурные краски песчаных каньонов становились все бледнее, пока не стали полностью белыми. Исчезли тени, падавшие на пустынную растительность.

Солнце освещало обширный лунный пейзаж из горных хребтов и впадин вдоль похožей на чашу каменной стены, окружавшей Утопию. Изрытое оврагами плато напоминало лоскутное одеяло, на котором лишь изредка встречались заросли можжевельника и пихты. Над головой простиралось чистое голубое небо, без единого облачка; лишь одинокий самолет чертил белую линию на высоте в тридцать тысяч футов.

В неглубоком овраге у дальнего края равнины что-то пошевелилось. Мужчина, лежавший почти без движения с самого рассвета, распрямил ноги и посмотрел на часы. Несмотря на жестокую жару, ему удалось поспать. Немалую в том роль сыграла тренировка — большую часть своей профессиональной жизни этот человек провел в ожидании. Ему приходилось ждать много часов, иногда дней — в джунглях Мозамбика, в грязных камбоджийских болотах, среди пиявок и малярийных комаров. По сравнению с ними жаркая пустыня Невады казалась курортом.

Со вкусом зевнув, он щелкнул пальцами и покрутил головой, разрабатывая мышцы шеи. Позади него над каньоном возвышался геодезический купол, накрывающий Утопию, словно верхушка гигантского глобуса. Бесчисленные ряды стальных ребер и стеклянных панелей поблескивали и мерцали в лучах полуденного солнца. Полусферу окружали несколько узких настилов, один над другим, на расстоянии примерно в пятьдесят футов по вертикали. Мостки соединялись друг с другом лестницами. Вдоль одного края купола тянулся широкий темный изогнутый клин — крыша над Каллисто. Со столь близкого расстояния, недоступного ни одному туристу, купол представлял собой почти сверхъестественное зрелище, преисполненное потусторонней красоты.

Но человек на вершине горы не был туристом. И он пришел сюда не ради красивого пейзажа.

Он повернулся к длинному плоскому брезентовому мешку,

лежащему в овраге рядом с ним. Расстегнув молнию, он достал фляжку и жадно глотнул. Хотя здесь, на пустынной вершине утеса, не было ни охранников, ни камер, движения его оставались привычно осторожными и точными.

Отложив фляжку в сторону, он вытер рот тыльной стороной ладони и поднес к глазам большой тяжелый бинокль с лазерным дальномером. Держа его обеими руками, он медленно осмотрел окрестности.

Из его укрытия открывался превосходный вид на служебные входы Утопии. Далеко внизу виднелась бетонированная дорога, извилистой лентой поднимающаяся со стороны пустыни. По ней ехал большой грузовик-рефрижератор; можно было различить даже сидящего в кабине водителя. Мужчина поднял бинокль выше, и красные цифры показаний дальномера начали быстро увеличиваться.

Для постройки парка холдинг «Утопия» приобрел участок земли, ограниченный с юга федеральным шоссе номер девяносто пять, а с севера — военно-воздушной базой «Неллис». В глубинах базы, в месте под названием Грум-Лейк, находилось сооружение, в свое время отмеченное на правительственных картах как «Зона-51», которое патрулировалось подразделениями, имевшими право открывать огонь по нарушителям. С запада и востока парк окружала дикая местность, принадлежащая Бюро по управлению землями. Утопия не нуждалась в защитных ограждениях, применявшихся в других подобных парках, — их задачу выполняли сама природа и правительство.

Возможно, Утопию и ее предшественников убаюкивало то же ощущение безопасности и благополучия, которое они стремились внушить своим посетителям. Когда речь шла о периметре, большинство парков в первую очередь заботились о том, чтобы внутрь не пробрались те, кто не заплатил за вход. Меры безопасности не учитывали людей, кто по-настоящему умел маскироваться и проникать в запретные зоны, приобретая свой опыт в реальных полевых условиях.

Человек снова отхлебнул из фляжки, затем убрал ее в мешок и достал из него снайперскую винтовку М-24. Негромко насвистывая, он быстро проверил оружие.

Снайперскую винтовку на базе системы «Ремингтон-700» нельзя

было назвать самой новой моделью, но более точного оружия, чем она, не существовало. Относительно легкая, весом в десять фунтов, она ничем не выдавала своего присутствия благодаря защитному козырьку на оптическом прицеле.

Положив винтовку на колени, человек порылся в мешке и достал четыре патрона «Винчестер-308», снаряженные пулями весом в сто шестьдесят восемь гранов — наилучшее сочетание заряда и пули для тридцатого калибра. Снарядив магазин, он передернул затвор, досылая первый патрон, и осторожно убрал винтовку обратно в мешок. Его не беспокоило, что солнце может расплавить кевларо-графитовый приклад, но ему не хотелось, чтобы рассчитанный на стрельбу по крупной цели ствол стал чересчур горячим.

Затем он достал из мешка еще одну винтовку — «Баррет М-82». Выглядела она куда проще, чем М-24, и стреляла не столь точно, но снаряжалась автоматными патронами пятидесятого калибра и могла свалить любого даже с расстояния в тысячу ярдов.

Прошлой ночью ему пришлось тащить сюда восемьдесят с лишним фунтов груза. Но запас оружия стал для него привычкой, которую вдолбили в него, начиная с самых первых дней в Пэррис-Айленде [\[22\]](#).

Послышался приглушенный писк, и он снял с пояса рацию, быстро набрав код дешифровки сигнала.

— Водяной Буйвол, Водяной Буйвол, — послышался голос. — Говорит Главный Фактор. Как слышно?

Мужчина поднес рацию к губам.

— Прием четкий.

— Отлично. Оставайся на той же частоте, новая информация через час. Конец связи.

Рация смолкла, и мужчина снова повесил ее на пояс. Он еще раз посмотрел на часы — ровно час дня. Затем вернулся к М-82 и, проверив ее столь же тщательно, как и первую винтовку, удовлетворенно погладил оптический прицел. Естественно, он закреплен намертво — на надежность съемных элементов полагаться не стоит — и оружие уже пристреляно. Он повернулся к огромному куполу, и взгляд его упал на ползущую по нему маленькую черную точку. Прижавшись щекой к прикладу, мужчина посмотрел в окуляр.

Точка оказалась человеком в белом комбинезоне ремонтника, который медленно перемещался вдоль сетки из металлических ребер, проверяя целостность стеклянных панелей. Его фигура занимала ровно два деления в дальномере прицела, что означало расстояние примерно в триста ярдов.

Стрелок просунул палец в скобу, любовно коснувшись спускового крючка.

— Не подведи, — прошептал он.

Затем снова аккуратно и бережно убрал винтовку обратно в мешок.

13 часов 05 минут

Уорну вычистили и отгладили костюм в местной прачечной и доложили об инциденте в службу безопасности. Он стоял посреди коридоров уровня «В», озадаченно потирая подбородок. В детстве он часто видел во сне, будто идет по школьному коридору к кабинету директора, минуя класс за классом, но нисколько не приближается к пугающей двери в конце. Сейчас ему казалось, будто он снова переживает наяву тот же сон.

— Ты заблудился? — беспокойно спросила дочь.

— Нет.

— А мне кажется, что да.

— Разве это не твоя работа? Я ведь поручил тебе смотреть на схемы на стенах.

Они отошли в сторону, пропуская электрокар. Уорн снова окинул взглядом перекресток. Они уже были здесь раньше? Расположение коридоров выглядело знакомым, но из-за спешащих мимо изменчивых людских потоков сориентироваться оказалось нелегко.

К тому же он был слишком погружен в собственные мысли. Запястье все еще болело в том месте, где его схватил Хард-Плейс. Уорн обнаружил, что продолжает машинально его потирать.

Джорджия посмотрела на него.

— С тобой все в порядке, пап?

— Просто чувствую себя слегка помятым. Извини, со стороны, наверное, смотрелось кошмарно.

— Я вовсе не испугалась, — покачала головой девочка.

— Нет? — удивился Уорн. — А я испугался.

— Да ты что? — Она уставилась на него, словно не веря в подобное невежество. — Ты же сам его построил. Он не мог тебе сделать ничего плохого. Просто не мог.

Уорн покачал головой. Джорджия не присутствовала на совещании и не слышала того, что сообщили ему. Если она

предпочла не задавать вопросов — тем лучше. Но у него самого найдется, что сказать Терезе Бонифацио — если только им удастся отыскать ее кабинет.

На глаза ему попался указатель, которого он не видел раньше: «Новые технологии». Что ж, это уже ближе к делу. Он снова оглянулся, чтобы удостовериться, что их не переедет очередной служебный электрокар, и повел Джорджию в том направлении, куда указывала стрелка.

Еще минуту спустя он понял, что они опять заблудились. Новый сектор уровня «В», куда они забрели, похоже, предназначался для руководства, судя по мягкому ковровому покрытию под ногами и окрашенным в приглушенные тона обоям на стенах. Он уже собирался повернуть назад, когда увидел впереди знакомую фигуру, и остановился.

В дверях одного из кабинетов стояла спиной к нему Сара Боутрайт, о чем-то беседуя с двумя мужчинами в темных костюмах. Они внимательно ее слушали, то и дело кивая. Ее прямые рыжие волосы слегка покачивались в такт движениям ее рук.

Увидев ее, он внезапно вспомнил первое утро, когда они оба встали с одной и той же постели. Перед уходом Сара всегда несколько минут стояла перед зеркалом, поворачиваясь и разглядывая себя со всех сторон. Сначала Уорн считал это обычным самолюбованием, но позже понял, что таким образом она просто проверяет, все ли на месте, не появилась ли где лишняя морщинка. Сара любила порядок во всем. Но стоило ей погрузиться в работу, как она тут же полностью забывала о таких мелочах, как собственная внешность, — и именно потому старательно приводила себя в надлежащий вид заранее. Уорна подобное поведение поначалу забавляло, пока он не понял, что, с точки зрения Сары, это наиболее логичное решение.

Сара повернулась и, заметив их, коротко улыбнулась и помахала рукой. Вновь отвернувшись, она сказала несколько последних слов ожидавшим ее мужчинам. Те опять кивнули и куда-то направились.

— Извини, что помешал, — сказал Уорн, подходя к ней.

— Ничего страшного. Это просто заместители по транспорту и общим вопросам. Новые проблемы при строительстве Атлантиды. Обычное дело. — Сара перевела взгляд с Уорна на Джорджию и

обратно. — Вы опоздали на встречу с Терри. Заблудились?

— Да, — сказал ученый.

— Нет, — одновременно с ним сказала девочка.

— Собственно, вы не так уж и далеко от цели. Лаборатория Терри прямо за углом. — Сара снова посмотрела на Джорджию и, слегка поколебавшись, спросила: — Не хотите зайти на минуту?

В большом, хорошо обставленном кабинете стояла необычная даже для Подземелья Утопии прохлада. После ярко освещенных коридоров казалось, будто в нем почти темно. Стол Сары был пуст, не считая нескольких папок, компьютерного терминала и огромной чайной чашки. Как обычно, во всем царил полный порядок. Даже фотографии на стенах — Эрик Найтингейл, обнимающий Сару за пояс, или «Своуп», шестидесятифутовая яхта, в составе команды которой она участвовала в гонках Нью-порт — Бермуды, — висели идеально ровно.

— Очень мило, — кивнул Уорн. — Ты неплохо устроилась. Не одолжишь ключ от туалета для начальства?

— Утопия хорошо мне платит.

— Вижу.

Последовала неловкая пауза, словно между ними возникла некая недоговоренность. Уорн рассеянно подумал о том, не извиниться ли ему за свою вспышку во время утреннего совещания, но тут же понял, что ему совсем не хочется этого делать — неважно, прав он был или нет.

— Я слышала про Хард-Плейса, — сказала Сара. — Рада, что ты не пострадал.

— Если можно так выразиться, — пробормотал Уорн, потирая запястье.

— Я распоряжусь, чтобы его логический модуль отправили в лабораторию Терри для анализа.

Она не стала больше ничего говорить, но вывод напрашивался сам собой.

Уорн посмотрел на Джорджию, которая сидела за столом для совещаний, листая иллюстрированный альбом под названием

«Портреты Утопии».

— Сара, — сказал он, понизив голос и придвинувшись чуть ближе, — метасеть тут ни при чем. Этого просто не может быть. Ты же сама занималась ее разработкой в Карнеги-Меллоне и знаешь, на что она способна. Перепрограммирование роботов не входит в схему ее поведения.

— Откуда ты точно знаешь, на что она способна? Это самообучающаяся экспертная система. Ты изначально задумал ее так, чтобы она могла совершенствоваться не только роботов, но и саму себя, приспособляясь к происходящим изменениям.

— Но ты рассуждаешь так, будто это какая-то дефектная программа. Холдинг не дал бы добро на ее установку, если бы бета-версия [\[23\]](#) не доказала свою работоспособность. За полгода испытаний не случилось ни единого сбоя.

— А теперь она уже полгода работает в постоянно меняющихся условиях. Возможно, мы просто оказались не готовы к тому, каким именно образом она может модифицироваться. По крайней мере, так предполагает Фред Барксдейл. А уж он-то в этом разбирается.

— Но... — Уорн замолчал. Спорить не имело никакого смысла, и он решил отложить дискуссию до встречи с Терезой Бонифацио. Вздыхнув, он покачал головой. — Фред Барксдейл, — повторил ученый. — У вас с ним серьезно или просто весеннее обострение?

Сара быстро посмотрела на него. Но он лишь улыбнулся.

— Это так заметно? — помолчав, спросила она.

— Сразу видно.

Она криво усмехнулась.

— Фред — приятный парень.

— Не сказал бы, что он тебе пара. Слишком уж похож на британского аристократа: охотничьи клубы, джинс с «Ангостурой», свежие экземпляры «Таймс» и тому подобное.

— Он самый умный из всех, кого я до сих пор встречала. Могу сказать точно, поскольку общаюсь с учеными уже много лет. Извини, никого не хотела обидеть.

— Я и не обижаюсь, — слегка натянуто улыбнулся в ответ Уорн.

Заметив, что Сара смотрит куда-то ему за спину, он обернулся. Дочь отложила книгу и наблюдала за их беседой с неодобрительным выражением на лице.

Сара обошла свой безукоризненный стол и присела на корточки.

— Джорджия, у меня для тебя кое-что есть.

Послышался громкий скрежет, словно в замке повернули ключ, затем низкое гудение разгоняющихся вентиляторов.

— Давай, выходи же, — попросила Сара, отходя в сторону.

На мгновение Уорну показалось, будто внезапно шевельнулся сам стол. Затем из-под него появилось нечто большое и неуклюжее, похожее на пивной бочонок, установленный на широких надутых шинах. Оно остановилось, и его «голова» быстро повернулась из стороны в сторону. Казалось, оно заметило их, издав странный низкий звук, похожий на нечто среднее между лаем и отрыжкой, и быстро устремилось вперед.

Джорджия тут же вскочила и протянула руки.

— Непоседа! — воскликнула она. — Иди сюда, малыш.

Уорн смотрел, как большой робот катится навстречу дочери. Он не сумел вовремя остановиться, и девочка растянулась на полу.

Он уже успел забыть о том, насколько встроенные в голову робота стереокамеры напоминали глаза и насколько хорошо вмонтированный в его основание гироскоп имитировал порывистые, нетерпеливые движения щенка-переростка. Даже неуклюжесть робота являлась его отличительной чертой. Изначально Уорн построил Непоседу как демонстрационное устройство, простую машину для объяснения основных понятий робототехники, таких как расчет пути и избегание столкновений. Уорн был ярким поборником этологии, используя модели поведения животных при разработке архитектуры искусственного интеллекта, и Непоседа служил тому идеальным примером — одним из первых, который он собрал, чтобы воплотить в жизнь свои теории машинного обучения. К тому же робот казался идеальным питомцем для Джорджии, страдавшей аллергией на собак. Когда ее интерес к нему иссяк, Непоседа поселился в институте, где быстро стал местной достопримечательностью. Робот обладал двухъядерным процессором, невероятным объемом памяти и достаточно дорогой,

хотя и несколько устаревшей элементной базой. К тому времени, когда Уорн закончил его настройку, пятьдесят тысяч строк его программного кода включали в себя обработку команд «апорт» и «служить», реакцию на посторонних и прочие собачьи премудрости. И тем не менее то ли в программу Непоседы затесалась лишняя заплатка, то ли один из аспирантов Уорна над ним подшутил, но робот вел себя непредсказуемо, в отличие от всех остальных творений ученого. По крайней мере, до сегодняшнего утра.

Непоседа опознал Уорна своими датчиками и, подкатив к нему, ткнулся головным модулем в бедро, словно прося угощения.

— Привет, — сказал ученый.

Непоседа очень ему нравился, и даже сейчас у него возникло странное желание почесать робота за несуществующими ушами. Но, нагнувшись ближе, он с удивлением увидел, что микрофон, сервомоторы и соленоиды покрыты слоем пыли, словно Непоседу только что вытащили из чулана — вовсе не столь ухоженного, как все остальное в кабинете Сары.

Осторожно сдув пыль, он поднялся.

— Иди поиграй с Джорджией, — сказал он.

Во время его встреч с Найтингейлом Непоседа постоянно приводил фокусника в неподдельный восторг. В конце концов Уорн отдал робота ему, в качестве первого образца будущих технических достижений. Он всегда полагал, что проектировщики парка найдут для Непоседы место в одном из аттракционов, вероятнее всего, где-нибудь в Каллисто.

— Почему вы не используете его в парке? — спросил он.

— Мы собирались, но приходилось заниматься реализацией куда более обширных планов — голограмм, лазерных шоу, управляемых компьютерами аттракционов. Судя по опросам гостей, их это интересует куда больше.

— Да, как же, опросы гостей. Скорее уж Чак Эмори со своими шишками.

— К тому же нам казалось, что он может слегка... напугать посетителей.

— Напугать? Малыш Непоседа?

— Не такой уж он малыш.

В дверях кабинета Сары появился человек с пачкой чертежей под мышкой.

— Извини, — сказала Сара, подходя к служащему.

Уорн несколько мгновений наблюдал за ней, затем посмотрел на дочь, которая сидела на корточках, что-то мурлыча роботу. Он снова окинул взглядом кабинет, остановившись на фотографии «Своупа». Когда-то это казалось добрым предзнаменованием — Шарлотта Уорн строила яхты, Сара участвовала в гонках на них. Он не мог предполагать, что подобное сходство интересов может вызвать у Джорджии совершенно противоположную реакцию. Более того — его жена любила яхты простой и чистой любовью, но, узнав Сару ближе, он понял, что ее интерес к парусному спорту заключается лишь в желании ответить на очередной вызов.

Он снова посмотрел на дочь. Джорджия оказалась для Сары вызовом, против которого та была бессильна. Он вспомнил неловкую сцену в зале совещаний, когда Сара увидела Джорджию в первый раз после долгого перерыва. Казалось, будто Сара попросту не понимает детей, хотя и честно пыталась, даже сейчас, с Непоседой. Но Уорн знал, что у нее никогда этого не получится. Сара всегда рассуждала логически. Но безупречный расчет в отношении детей не срабатывал — они в любой момент могли разрушить любые планы, поступить совершенно не так, как предполагалось.

Неожиданно зазвонил телефон на столе. Уорн бросил взгляд на него, затем на часы.

— Наверное, мы лучше пойдем, — сказал он. — Извини еще раз — где лаборатория Терезы?

— Второй поворот направо, третья дверь налево. — Сара отпустила человека в дверях и шагнула к столу. — Эндрю, хочу тебе кое-что сказать насчет Терезы. Она не типичный сотрудник парка.

— В каком смысле?

— Она, конечно, умна — в ее способностях к программированию роботов невозможно сомневаться, — но она не такая, как все. Ей никак не удастся проникнуться духом Утопии.

— Слишком непокорная? Непослушная?

— Скажем так, она плывет против течения. Например, несколько месяцев назад она запрограммировала почтового робота, чтобы он ущипнул за мягкое место кое-кого из симпатичных мальчиков из почтовой службы.

Хотя она говорила тихо, Джорджия услышала ее с другого конца кабинета и прыснула.

— Ничего себе, — сказал Уорн.

— И еще ее подозревают в том, что она повесила в женском туалете системного отдела фотографию голой Маргарет Тэтчер с головой Фреда Барксдейла на плечах. С момента открытия парка она получила три дисциплинарных взыскания.

Директор неодобрительно поджала губы.

— И никак ее от этого не отучить? Похоже, с ней проблем не оберешься.

Сара открыла рот, собираясь ответить, но тут в кабинет заглянула женщина в белой куртке.

— Прямо как на центральном вокзале, — пробормотал ученый.

— И так каждый день. — Сара повернулась к женщине. — Да, Грейс?

— Прошу прощения, мисс Боутрайт, но вы не отвечали. Тут к вам один джентльмен...

— Джентльмен?

— Приглашенный специалист. Говорит, что вы хотели с ним встретиться.

— Не помню, чтобы назначала какие-либо встречи. — Вернувшись к столу, Сара набрала что-то на клавиатуре и посмотрела на монитор. — Хорошо. Пусть немного подождет.

Взяв что-то из ящика, она обошла вокруг стола и протянула Уорну небольшой браслет.

— Это эхолокатор Непоседы. А я все-таки выясню, чего хочет этот специалист.

— Спасибо, — ответил Уорн, застегивая браслет на запястье.

— Завтра утром я улетаю. Если сегодня больше не увидимся —

желаю удачи. Надеюсь, все получится.

Уорн мрачно усмехнулся.

— Всю необходимую помощь окажет Фред. Не забывай, ничто не вечно. Если повезет, ты исправишь ошибки и мы сможем запросить в Нью-Йорке разрешение на повторный запуск. — Она повернулась к девочке. — До свидания, Джорджия. Рада была снова тебя видеть. Приятно тебе провести время.

— Спасибо, — ответила девочка, поднимаясь с пола.

Кивнув Саре, Уорн подтолкнул дочь к двери. В коридоре ждала женщина в белой куртке, а рядом с ней — высокий худощавый мужчина с коротко подстриженной бородкой. Встретившись взглядом с Уорном, он улыбнулся.

Сзади слышалось отрывистое, похожее на звук клаксона таяканье, и Уорн, обернувшись, увидел Непоседу, который катался вперед и назад по ковру, водя во все стороны датчиками.

— Чего ты ждешь? — спросил Уорн. — Пошли.

Они двинулись по коридору. Встречные сотрудники расступались перед всеми троими — мужчиной, девочкой и неуклюжим роботом, беспорядочно перемещающимся между ними.

13 часов 09 минут

Хотя Уорн уже скрылся за углом, Сара еще какое-то время смотрела туда, где он только что стоял. Беспокойное чувство, которое появилось еще на утреннем совещании, не проходило. Собственно, это была даже не тревога, скорее ощущение некоей нерешительности. Она редко занималась долгим самоанализом, предпочитая ему действие, и тем не менее понимала, что это как-то связано с выбранным для визита Эндрю Уорна временем. Естественно, идея принадлежала Чаку Эмори. «Поторопитесь, вызывайте его прямо сейчас, — требовал генеральный директор из Нью-Йорка. — Нужно, чтобы метасеть отключили до того, как случится что-нибудь непоправимое. Но ни слова о том, зачем его приглашают — пока он не окажется на месте. Мы не можем допустить, чтобы сведения просочились наружу. Придумайте что хотите, главное, чтобы он оказался здесь». Обман ей, конечно, не нравился, но так получалось для нее даже легче — это означало, что в течение почти всего визита Уорна она будет в Сан-Франциско. И в этом проявлялась ее слабость — чего она терпеть не могла. Почему, собственно, она так беспокоилась? Она никогда не боялась чьего-либо осуждения, в том числе и со стороны Эндрю. Возможно, она просто ему сочувствовала — предстоящие дни предвещали для него мало приятного. Ей не хотелось видеть того, что будет происходить, а уж тем более в этом участвовать.

Все эти мысли промелькнули у нее в мозгу меньше чем за секунду. Она повернулась к ожидающему ее мужчине.

— Извините. Проходите, пожалуйста.

Человек вошел в кабинет, широко улыбаясь.

— Не помню, чтобы мы с вами разговаривали, сэр, — сказала Сара, садясь за стол.

Незнакомец кивнул, сложив на груди руки. Она невольно отметила, что на нем безупречно скроенный, наверняка дорогой костюм. В посетителе чувствовалось нечто необычное, но она не могла понять, что именно.

— С вашей памятью все в порядке, мисс Боутрайт, — ответил он. — Мы с вами не договаривались о встрече. Боюсь, это небольшой

обман с моей стороны.

Он шагнул вперед, и теперь Сара поняла, в чем дело. Глаза его были разного цвета — левый карий, правый ярко-голубой.

Тревоги она не почувствовала — подобное порой случалось. Некоторые из фанатов Утопии порой бывали чересчур настойчивы. Они посещали парк по десять раз в год, одевались в стиле Эрика Найтингейла, постоянно пытались наниматься на работу, даже столь низменную, как ассенизатор, лишь бы попасть за кулисы. Иногда им действительно удавалось туда пробраться, и их приходилось вежливо, но твердо выпроваживать. Да, никто из них до сегодняшнего дня не пытался разыскать ее лично. Но, несмотря на необычные глаза, человек этот не выглядел ни сумасшедшим, ни опасным. Черты лица его были приятными и благородными, улыбка прямой и открытой. Он словно излучал спокойствие и уверенность, на мгновение напомнив ей Фреда Барксдейла.

— Могу я спросить, как вас зовут?

— Конечно можете, Сара, — вы не против, если я буду называть вас Сара? — Голос его звучал негромко и мелодично, с легким, похожим на австралийский акцентом. — Когда обращаешься по имени, быстрее начинаешь доверять друг другу. Меня зовут мистер Доу, Сара. Но вы можете называть меня Джон.

Последовала короткая пауза.

— Понятно. — Сара повернулась к компьютеру и нажала несколько клавиш. — У меня нет никаких сведений о том, что в Утопии сегодня присутствует приглашенный специалист по имени... э... Джон Доу.

— Тоже верно. Еще один небольшой обман. Да, извините, как-то неловко. Кстати, это у вас жасминовый чай? Он чудесно пахнет.

Мистер Доу все так же непринужденно улыбался. Затем он совершил весьма странный поступок — шагнул вперед, присел на край ее стола, взял чашку с блюдцем и, сделав глоток, с видом ценителя прикрыл глаза.

— Великолепно. — Он сделал еще глоток. — Но вкус словно у весеннего урожая. Первый лист, так сказать. Для этой поры дня больше подошел бы второй лист.

Сара как бы между делом потянулась правой рукой к клавиатуре.

Достаточно было набрать короткую последовательность цифр, чтобы через полторы минуты в кабинете появилась охрана. Но посетитель тут же поставил чашку на стол, и под его пиджаком блеснула рукоятка пистолета. Она убрала руку.

— Что вам нужно? — спросила она.

Тот обиженно посмотрел на нее.

— Куда спешить, Сара? Очень скоро события потекут в быстром темпе. А пока давайте познакомимся ближе, как цивилизованные люди.

Она слегка отодвинула стул, пристально глядя на него.

— Ладно. Кто вы такой?

Мистер Доу слегка задумался, словно никогда прежде не слышал подобного вопроса.

— В смысле, чем я занимаюсь? — Он немного помолчал. — Думаю, меня можно назвать специалистом по продвижению. Мне это слово не нравится — слишком уж эфемерно оно звучит, — но я не знаю, как иначе описать мое занятие. Я добываю то, что нужно другим. Но «посредник» звучит чересчур низменно. Возможно, проще всего будет считать меня одаренным человеком.

Он опустил руку в карман пиджака, и Сара напряглась, готовая при необходимости быстро действовать. Посетитель укоризненно покачал головой, словно обидевшись на проявленное недоверие, и изящным движением пальцев положил на стол маленькую рацию. Он наклонился через стол, словно собираясь поделиться некоей тайной.

— Сара, у меня для вас хорошие новости, — сказал он. — В вашей власти сделать так, чтобы никто в парке сегодня не погиб.

Директор молча посмотрела на него.

— Мне известно, сколь много значит для вас Утопия, — продолжал он, глядя ей прямо в глаза. Лицо его выражало сочувствие и глубокое понимание. — Я знаю, что вы ставите превыше всего ее бесперебойную работу и безопасность ваших гостей. И ничто их не нарушит, если вы станете следовать нескольким простым правилам. — Он все так же не отводил от нее сочувственного, понимающего взгляда. — Вы не должны ничего сообщать местным или федеральным властям. И не пытайтесь эвакуировать людей. Все

останется как обычно. Посетители будут приходить и уходить, как в любой другой день. Все развлекаются, ни с кем не случается ничего плохого. Собственно говоря, разве не в этом состоит ваша работа? Пожалуйста, не нарушайте правила, Сара.

— Что вам нужно? — снова спросила она.

Мистер Доу выпрямился.

— Я намерен кое-чего от вас потребовать. Крайне важно, чтобы вы полностью и в точности следовали всем моим инструкциям. С этой целью мы будем поддерживать связь. — Он нажал кнопку на рации, и та тихо пискнула. — Но мне хотелось сначала побеседовать с вами лично. Так сказать, сломать лед, обсудить все по-дружески.

Он поправил пиджак.

— Надеюсь, вы меня простите, но теперь мне придется перейти к неприятной части нашего разговора.

Сара почувствовала, как проступили желваки у нее на скулах.

— Я не реагирую на угрозы, — холодно проговорила она.

— О, это не займет много времени. К тому же это совсем не сложные условия, Сара. Делайте в точности то, что я скажу и когда я скажу. Не пытайтесь меня остановить, помешать мне или каким-то образом меня обмануть. Или еще что-нибудь. Вы скоро поймете, что я знаю о вас и о вашем парке намного больше, чем вы думаете. Я не один, со мной есть и другие, и они куда страшнее меня. У нас было достаточно времени, чтобы подготовиться. Мы наблюдаем за всеми входами и выходами. Если вы станете нам содействовать, мы уйдем прежде, чем вы сами это заметите. И вы сможете и дальше развлекать ваших гостей.

Он соскользнул со стола.

— Все не так уж и страшно, верно? Мне всегда кажется, будто угрожать кому-то — примерно то же самое, что делать укол. Действуй быстро, и будет совсем не больно.

Он протянул руку, и Сара снова напряглась. Но тот лишь улыбнулся, нежно проведя костяшками пальцев по ее щеке.

— Скоро я с вами свяжусь. Приятного вам чаепития, Сара, — чай у вас превосходный. Но не забывайте, что я вам говорил про второй лист.

Он повернулся и направился к двери. Директор снова потянулась к клавиатуре, но передумала, вспомнив о пистолете и сверхъестественном спокойствии во взгляде Джона Доу.

Остановившись в дверях, он обернулся.

— Еще одно. Возможно, вы склонны сомневаться в том, что я вам сказал. И вы явно из тех женщин, которых нелегко напугать. Вы можете, к примеру, поддаться искушению и закрыть парк для новых посетителей или не исполнить мои требования. И в том и в другом случае последуют немедленные меры воздействия. Так что, дабы избежать ненужных осложнений, я приготовил небольшое шоу. Вы ведь организуете их во множестве, так почему бы вам самой хоть раз не посмотреть одно? Оно наверняка лишит вас всяческих сомнений.

Он посмотрел на часы.

— Демонстрация начнется ровно в час тридцать. Всего хорошего.

Не говоря больше ни слова, он вышел.

13 часов 15 минут

— Может, он просто псих? — спросил Фред Барксдейл. — Вроде того парня на прошлой неделе, который решил, будто он Авраам, а Утопия — Содом?

Он повернул руль электрокара, чтобы объехать пешехода. Машина двигалась со скоростью десять миль в час — вдвое больше разрешенной в коридорах Подземелья.

Сара покачала головой.

— Он не похож на обычного сумасшедшего с бомбой или телефонного шутника. Слишком уж он был вежлив. Даже в некотором роде заботлив... — Она тряхнула головой, словно пытаясь отогнать воспоминания. — Он искал именно меня и в точности знал, чего хотел. И еще вот это... — Она похлопала по карману пиджака.

Электрокар свернул за угол, взвизгнув покрышками по бетону. Сара посмотрела на Фреда. Черты его лица обострились, светлые брови сосредоточенно нахмурились.

Барксдейл встретился с ней взглядом.

— С тобой все в порядке, дорогая?

Женщина кивнула.

Они резко затормозили перед двустворчатой дверью без таблички. Бросив электрокар под углом к стене коридора, Барксдейл подошел к двери и провел пропуском через сканер. Щелкнул замок. Толкнув дверь, он отошел в сторону, пропуская вперед Сару.

Центр видеонаблюдения, известный всему персоналу Утопии как Улей, представлял собой большое круглое помещение, заполненное от пола до потолка мониторами на стеллажах, на которых сводились воедино данные с основных камер, установленных в парке. Сюда передавались не все видеоизображения из Утопии — инфракрасные камеры внутри аттракционов образовывали отдельную систему, а «глаза в небе» в четырех казино контролировались из специальных помещений. Но картинками из шести с лишним тысяч точек парка — включая рестораны, залы ожидания, ремонтные доки и вагоны монорельса — можно было независимо управлять изнутри центра.

Как и во время каждого из своих нечастых визитов в Улей, Сара подумала о том, насколько удачно выбрано для него прозвище. Множество мониторов вокруг, с наклоненными вниз под одним и тем же углом стеклянными экранами, создавали непреодолимое впечатление внутренности огромных пчелиных сот.

Пока что она не очень беспокоилась. Слишком много ложных тревог случилось за прошедшие месяцы, слишком много телефонных звонков и электронных писем с угрозами, за которыми так ничего и не последовало. Но никто из сумасшедших или шутников никогда не представлялся по имени. Никто из них не снабжал ее рацией. И самое главное, никто из них не имел при себе оружия. И потому она позвонила Бобу Аллокко, главе службы безопасности, и потребовала принять меры. Просто на всякий случай.

Воздух внутри Улья был сухим и прохладным, с едва заметным, чуть сладковатым запахом высокой очистки. За пультами по кругу зала сидели около десятка охранников, глядя на экраны или что-то говоря в микрофоны. Возле крайнего стола стоял Боб Аллокко, нетерпеливо барабанил пальцами по черному пластику. Увидев Сару и Барксдейла, он нахмурился, жестом предлагая следовать за ним.

В дальней стене между двумя рядами мониторов виднелась дверь с дымчатым стеклом. Аллокко отпер дверь своим пропуском и вошел первым, закрыв ее за остальными.

За дверью находилась маленькая темная комната, в которой стояли несколько больших мониторов, три телефона, компьютер, пара стульев — и больше почти ничего. Как только щелкнул замок двери, включился вентилятор, издавая низкое скрипучее гудение — «розовый шум», гарантирующий, что их не смогут подслушать из центра за дверью.

Аллокко повернулся к ним.

— Насколько, по-вашему, все это существенно? — спросил он.

— Боюсь, придется отнестись к этому всерьез, чем бы оно ни было на самом деле, — ответил Барксдейл.

— В час тридцать мы все узнаем, — сказала Сара.

Аллокко быстро посмотрел на нее.

— То есть?

— Он сказал, что устроит нам демонстрацию. Чтобы показать, что он говорил правду, а не блефовал.

— И он ничего не говорил о том, чего именно хочет?

Сара достала из кармана рацию.

— Сказал, что свяжется с нами.

Аллокко взял у нее передатчик и повертел в руках.

— Что ж, кем бы ни был этот парень, от безденежья он явно не страдает. Только взгляните: скремблер ^[24]военного образца, наверняка с рассеивателем сигнала. Запеленговать его координаты невозможно.

Он вернул ей рацию.

— Он вам угрожал?

— Он утверждал, что, если мы не поступим в точности так, как он хочет, погибнут люди.

— Чертовски серьезная угроза, — заметил Барксдейл.

— Он также сказал, чтобы я ничего не сообщала властям и не эвакуировала парк. Пусть все идет как обычно. Иначе будет хуже.

Несколько секунд все молчали, обдумывая услышанное.

— А потом он добавил, что он не один. И что у них было достаточно времени на подготовку.

Она повернулась к Барксдейлу. Даже в тусклом свете его лицо, казалось, слегка посерело.

— Что происходит? — спросил он. — Террористы? Фанатики? Какая-то группа безумцев-экстремистов?

— Нет времени рассуждать, — ответил начальник службы безопасности. — У нас есть соответствующая техника, давайте попробуем отыскать этого парня. — Сняв трубку телефона рядом с компьютером, он набрал номер. — Ральф? Это Боб Аллокко. Я в Улье. Ты не мог бы подойти?

Он положил трубку.

— Ральф Пеккем — мой главный видеотехник, — пояснил он. — Раньше работал в системном отделе и знает всю инфраструктуру как свои пять пальцев.

— Ему можно доверять? — спросила Сара.

Аллокко кивнул.

— Когда этот Джон Доу вышел из вашего кабинета?

Сара немного подумала.

— Примерно в десять минут второго.

— Хорошо. — Начальник охраны повернулся к компьютеру и пробежался мышью по ряду меню. — Попробуем взять его след.

Послышался негромкий стук в дверь, и Сара подошла, чтобы открыть. На пороге, посреди неземного сияния бесчисленных мониторов Улья, стоял невысокий худой парень с копной рыжих волос и веснушками на носу и щеках. На вид ему было не больше двадцати. Судя по золотому значку на старомодной спортивной куртке, он принадлежал к числу специалистов-электронщиков.

— Входи, Ральф, — сказал Аллокко. — Садись.

Парень посмотрел на директора, затем сел перед компьютером, громко шмыгнув носом.

— У нас тут есть для тебя небольшое дело. Только между нами.

Пеккем молча кивнул, снова бросив взгляд на Сару. Он явно не привык находиться столь близко к главе парка.

— Помнишь учения, которые мы устраивали? Так вот, это не тренировка. Примерно восемь минут назад из кабинета мисс Боутрайт вышел некий человек. Давай проследим, куда он отправился. — Аллокко показал на экран. — Я вывел перечень камер в том коридоре. Начни с В-2023.

Повернувшись к компьютеру, Пеккем набрал несколько команд. На одном из мониторов появилось изображение — вход в кабинет Сары, заснятый смонтированной под потолком камерой с противоположной стороны коридора. Внизу экрана отображалось время, когда была сделана съемка. Запись пошла в обратном направлении — замелькали почти неразличимые сотые доли секунд. Рядом с ними виднелся длинный ряд цифр.

— Картинка черно-белая? — удивленно спросила директор.

— Все камеры на служебной территории черно-белые. Цветные

только в общественных местах. Мы обсуждали все это на одном из утренних совещаний в прошлом месяце, когда окончательно установили новую систему. Вы что, не слушали?

— Видимо, не слишком внимательно. Можете вкратце объяснить?

Аллокко махнул рукой в сторону монитора.

— Видео теперь полностью цифровое, никакого аналога, — это означает отсутствие потерь сигнала, неограниченные объемы для хранения данных, теоретически бесконечное разрешение картинки. Вся информация кодируется в стандартном формате с частотой... с какой, Ральф?

— Тридцать, — хрипло ответил Пеккем.

— Тридцать кадров в секунду. Мы можем точно синхронизировать данные с двух, трех, с любого количества камер в парке. Сколь угодно долго хранить всю историю.

Сара кивнула.

— Значит, вы регистрируете все, что происходит?

— До определенного предела, поскольку размеры... Ральф, какая у нас сейчас архитектура?

— Каждый монитор соединен по оптоволоконному каналу с массивом жестких дисков, на данный момент размером до четырех терабайт.

Пеккем громко чихнул.

— Похоже, ты простудился, — заметил Аллокко.

— Я ходил два часа назад в медпункт, мне дали какое-то лекарство, — ответил техник. — Но мне от него только спать захотелось.

— В любом случае сейчас вам спать не придется. — Сара снова повернулась к Аллокко. — Если я правильно понимаю, мы можем проверить все старые записи? Выяснить, не бывал ли Джон Доу здесь раньше? Возможно, даже увидеть, что именно такое он сделал?

Аллокко поскреб подбородок.

— Теоретически. Но как я только что собирался сказать, запись

видео в реальном времени требует места. Очень много места. Вы даже представить себе не можете, как быстро заполняются эти четыре терабайта. Вот почему камеры в Подземелье черно-белые. Каждую ночь видеоинформация переписывается на сервера. — Он кивнул в сторону Барксдейла. — А это уже ваша епархия, мистер Бак Роджерс [\[25\]](#).

Сара посмотрела на него.

— Фред?

Барксдейл, до этого молча слушавший, откашлялся.

— Мы храним видеозаписи в нашей сети в течение двух недель. Потом их переносят в архив.

— Как быстро их можно оттуда извлечь?

— За ночь.

— Это не слишком быстро.

— Пока что мы забегаем вперед. Мы еще даже не нашли этого типа. — Аллокко зашел за спину Пеккема и посмотрел на изображение на центральном мониторе. — Хорошо. Десять минут второго. Теперь давай вперед, двести кадров в секунду.

На центральном мониторе мимо кабинета Сары серыми пятнами промелькнули несколько фигур. Затем ее дверь пересекла чья-то тень.

— Стоп, — велел Аллокко. — Назад на сто кадров.

На экране застыл Фред Барксдейл, входящий в кабинет Сары.

— Слишком поздно, — заметила директор. — Фред пришел минуты через две после того, как ушел Джон Доу.

— Назад, скорость пятьдесят, — сказал начальник службы безопасности.

Снова замелькали чьи-то фигуры, на этот раз медленнее, двигаясь назад в безмолвной пантомиме. Затем одна из фигур задом скользнула в дверь ее кабинета, повернулась и исчезла внутри.

— Стоп, — повторил Аллокко. — Вперед, десять кадров в секунду.

На мониторе в замедленном темпе снова возник Джон Доу. Окинув взглядом коридор, он разгладил пиджак, вышел из дверей и

исчез из поля зрения камеры.

— Тот самый сукин сын? — спросил начальник охраны.

Сара кивнула. Вновь увидев его маленькую бородку и непринужденную улыбку, она ощутила злость, смешанную с каким-то другим, не вполне ясным чувством. Щека у нее вспыхнула в том месте, где он дотронулся до нее костяшками пальцев.

— Сто кадров назад и стоп.

Джон Доу неподвижно застыл в дверях.

— Приблизь лицо. Увеличение в десять раз.

Лицо, кажущееся полосатым от падающего сверху света, заполнило весь экран. Сара увидела, что левый глаз темнее правого.

— Можешь очистить картинку? — спросил Барксдейл. — Сделать ее резче?

— Да, — ответил Пеккем. — Но на это потребуется время.

— Тогда можно и подождать. Давай выясним, куда он пошел. — Аллокко взглянул на перечень, шедший вдоль края экрана компьютера. — Выведи данные с В-2027. Синхронизируй время.

Экран монитора на мгновение потемнел, затем на нем появился другой вид коридора, двумя дверями дальше от кабинета Сары.

— Вперед, скорость тридцать, — пробормотал Аллокко.

Секунду коридор был пуст. Затем мимо прошла дама в кринолине Викторианской эпохи. Мгновение спустя за ней проследовал Джон Доу, уверенно и спокойно прошагав с верха экрана до его низа.

— В-2051, — сказал начальник охраны. — Та же синхронизация.

На экране возникло пересечение двух коридоров. Появилась женщина в кринолине, свернула налево и начала подниматься по лестнице. Проехал электрокар. Затем в верхней части экрана возник Джон Доу. На мгновение остановившись, он повернул влево, туда же, куда и женщина.

— Он направляется на уровень «А», возможно в Газовый Свет, — сказал Аллокко, снова бросая взгляд на список на экране. — Выведи А-1904.

— Не забывайте, — сказала Сара, — я не хочу никаких полномасштабных мер. По крайней мере, пока. Давайте выясним, куда он идет и действительно ли он что-то запланировал на полвторого. Возьмите его под наблюдение, просто на всякий случай. Но не вмешивайтесь, пока я не скажу.

На дисплее появился коридор уровня «А», более широкий и ярче освещенный. Людей здесь также было больше. Мимо камеры шли, беседуя друг с другом, группы сотрудников Утопии, направляясь на обед в кафе «А», служебный кафетерий поблизости. Рядом прошла женщина в кринолине. Видимо, она встретила своего приятеля, и оба теперь шли рука об руку, намного медленнее.

— Так-так, — сказал Аллокко. — Надо будет взять их на заметку.

Личные отношения на публике среди персонала если и не запрещались, то однозначно не поощрялись.

В поле зрения камеры возник Джон Доу. Он прошел немного вперед, а затем остановился прямо посреди дороги. Люди проходили мимо, не обращая на него внимания.

— Что он, черт побери, делает? — спросил Аллокко.

Джон Доу неожиданно посмотрел вверх, прямо в объектив, улыбнулся и поднес руку к галстуку, словно собираясь поправить узел.

— Вот нахал, — пробормотал Барксдейл. — Подлец, улыбчивый подлец, подлец проклятый... [\[26\]](#)

Внезапно картинка резко дернулась, и монитор заполнился помехами.

— Что за черт? — воскликнул глава службы безопасности.

Руки Пеккема забегали над клавиатурой.

— Не знаю. Отсчет времени идет. Вероятно, какой-то сбой программы.

Через несколько секунд картинка вернулась на место. Перед камерой все так же шли безразличные ко всему толпы. Но Джон Доу исчез.

— Выведи А-1905, — сказал Аллокко, глядя в перечень. — Та же

синхронизация.

На экране появились точно такие же серые помехи — и так же исчезли несколько секунд спустя.

— А-1906. Давай быстрее.

И снова никакого изображения.

— Господи, — пробормотал начальник службы безопасности.

Он подошел к двери и открыл ее.

— Внимание, — обратился он ко всему Улью. — Были ли какие-то проблемы с цифровым каналом номер пять десять минут назад?

Охранники повернулись к нему. Один из них кивнул.

— Да, мы теряли сигнал секунд на десять.

— Что? По всей системе?

— Нет, сэр. Часть уровня «А» и Сохо-сквер в Газовом Свете.

Алокко закрыл дверь и снова повернулся к Пеккему.

— Давай проследим очевидные пути, по которым он мог пойти. Выведи А-1940. Синхронизация на десять секунд вперед.

Несколько минут они тщетно просматривали данные с различных камер. В конце концов Аллокко вздохнул и развел руками.

— Что скажете? — спросил он.

— Вряд ли дело в технике, — ответил Барксдейл. — Она не могла таким образом отказать, учитывая систему резервирования. — Он взглянул на Сару. — Очередной сбой.

— Не думаю, — сказала она. — Слишком уж подходящий момент.

У нее возникла новая — и весьма неприятная — мысль.

— Мы можем отследить его значок? — спросила она.

— Уже пытались, — ответил Аллокко. — Вероятно, он у него пустой. Ральф, продолжай сканировать. Дай знать, если на него наткнешься.

Начальник охраны отвернулся от монитора.

— И что теперь?

— Будем ждать, — сказал Барксдейл.

Сара посмотрела на часы. Двадцать пять минут второго.

13 часов 15 минут

Лаборатория прикладной робототехники Терезы Бонифацио, вероятно, была самым неприбранным помещением из всех, которые Уорну доводилось видеть после общежития в Массачусетском технологическом институте. Среди царившего в Утопии образцового порядка она казалась воинственным вызовом, символом независимости. Повсюду валялись толстые технические справочники с помятыми страницами и порванными корешками. В углу стоял похожий на скелет робот с поднятой в позе статуи Свободы рукой, облаченный в мантию из компьютерных распечаток в бело-зеленую полоску. Где-то играла мелодия «Парадайз-сити». В отличие от остального Подземелья Утопии, почти лишенного запахов, здесь ощущался странный легкий аромат, похожий на рыбный. Уорн невольно наморщил нос, оглядываясь вокруг. Вместо обычных сверкающих фотографий основных достопримечательностей Утопии или девизов в рамках стены лаборатории Терезы украшали яркие плакаты группы «Ганз энд роузис». На одной из них красовался автограф, сделанный большим красным маркером: «Мир, любовь, Слэш». К обратной стороне двери была прикреплена открытка с надписью «Борокай-бич, Филиппины». Рядом кто-то приклеил скотчем написанную от руки цитату:

«Если задачу нельзя разбить на части, поскольку существуют ограничения на последовательность выполнения этапов, то увеличение затрат не оказывает влияния на график. Чтобы родить ребенка, требуется девять месяцев, независимо от того, сколько женщин привлечено к решению данной задачи.

Фредерик П. Брукс-младший.

Мифический человеко-месяц»

Тереза сидела в дальнем углу, почти невидимая из-за груды специализированных журналов и прошлых выпусков «Дайджеста индустрии развлечений». Она что-то паяла — между ее ладоней поднималась тонкая струйка дыма. Заметив ученого, она отложила паяльник, сдвинула защитные очки на лоб и подошла к нему.

— Эндрю, я так рада вас видеть, — сказала она приятным низким голосом, широко улыбаясь. — Не могу поверить, что вы наконец... о господи!

Уорн проследил за ее взглядом. В лабораторию только что вошла Джорджия, за которой по пятам следовал Непоседа. Робот тотчас же остановился, водя вокруг датчиками, словно не в силах обработать все окружающие его препятствия.

— Не беспокойтесь, — сказала Джорджия. — Это всего лишь Непоседа.

— Да, конечно. — Тереза несколько мгновений разглядывала большого робота, затем снова повернулась к Уорну и рассмеялась глубоким конральто, которое он столь часто слышал в телефонной трубке. — Знаете, в нашем отделе вы нечто вроде легенды. Никто вас никогда не видел. Единственные, кто разговаривал с вами по телефону, — Барксдейл и я. Ходила даже шутка, что вас на самом деле не существует, что вы — просто некое изобретение Найтингейла. Когда распространился слух, что вы приезжаете сегодня утром, по крайней мере двое спрашивали меня, правда ли это.

— Да что вы говорите!

Уорн посмотрел на Джорджию, которая стояла рядом с ним, с любопытством оглядывая беспорядок вокруг. В ее присутствии он не мог сказать Терезе, что он обо всем этом думает. По крайней мере, пока. Но даже при всем при том — будь он проклят, если купится на подобную лесть.

Запах здесь чувствовался сильнее, и Джорджия наморщила нос.

— Это багунг, — сказала Тереза, поворачиваясь к Джорджии, и снова рассмеялась.

— Как-как?

— Креветочная паста. Ее-то запах ты и чувствуешь. С зелеными манго — просто фантастика. Хотя никто больше не может этого вынести, кроме меня. — Ее шаловливая улыбка стала еще шире. — Вот почему я обычно обедаю здесь, а не в кафе.

Вспомнив об открытке с изображением пляжа, Уорн полез в глубины собственной памяти.

— Запах — «мабахо», — сказал он. — Верно? Вкус — «масарап».

Тереза уставилась на него.

— Вы знаете тагальский язык?

— Может, слов пять. Когда-то работал ассистентом в лаборатории на Филиппинах.

— Да. В наше время ученый мир кишит такими, как мы. — Она снова повернулась к беспокойно переступающей с ноги на ногу Джорджии, которой явно не терпелось вернуться обратно в парк. — У меня есть то, что может тебе понравиться. Новая игра для «геймбоя» — «Археоптерикс», специальное издание.

— Я в нее играла, — сказала Джорджия.

— Только наверняка не в эту.

Открыв ящик, Тереза покопалась в нем и извлекла карманную игровую приставку. Уорн никогда не видел таких — без пластиковой крышки, с полудюжиной прикрепленных к ее электронным внутренностям зажимов, от которых тянулись разноцветные провода.

— Некоторые из этих игр обладают выдающимся искусственным интеллектом, — сказала она. — Иногда я в свободное время изучаю их программу, в поисках процедур, которые можно было бы позаимствовать. Работая над этой, я наткнулась на десяток секретных уровней, которые разработчики так и не сделали общедоступными.

— Закрытые уровни? — спросила девочка, широко раскрыв глаза. — Я читала про них в Сети и думала, что это фигня какая-то.

— Джорджия! — возмущенно сказал Уорн.

— Так вот, никакая это не фигня. — Тереза протянула ей игру. — Держи, развлекайся. Только не отсоединяй зажимы, а то придется заново все подключать. Можешь сесть за тот дальний стол. Просто сбрось с него все на пол.

Уорн посмотрел вслед дочери, уже полностью поглощенной игрой. Значит, Тереза в свободное время занималась взломом приставок. Возможно, уделяя она больше внимания метасети, его бы сейчас здесь не было.

Повернувшись, он увидел, что женщина смотрит прямо на него.

— Итак, — помолчав, сказала она. — С чего начнем?

Она снова улыбнулась. Но ученый не ответил ей тем же, и по лицу ее пробежала легкая тень неуверенности.

— Это вам лучше знать, — сказал он. — Дело за вами.

Улыбка исчезла с лица Терезы.

— Послушайте, Эндрю, — сказала она, понизив голос. — Я понимаю ваши чувства. И мне действительно очень жаль, что...

— Не сомневаюсь, — грубо прервал ее Уорн. — Но оставьте эти слова для отчета. Давайте сюда вашу команду, и начнем. Но потом мы уедем, и разбираться в своих проблемах будете сами.

Наступила долгая неловкая пауза.

— Я принесу отчеты о происшествиях, — наконец сказала Тереза и вышла из лаборатории, не закрыв за собой дверь.

Уорн закрыл глаза и тяжело вздохнул. Какое-то время в лаборатории было тихо, не считая попискиваний «геймбоя».

— Папа, — позвала Джорджия.

Уорн оглянулся. Она склонилась над игрой, не поднимая взгляда.

— Да?

— Зачем ты ее обидел?

— Обидел? — удивленно переспросил Уорн.

Он понятия не имел, что дочь вообще что-то слышала. Обычно она почти не обращала внимания на его деловые разговоры. Потом он вспомнил ее вопрос о том, не японка ли Тереза. «Она нравится Джорджии», — понял он.

В дверях снова появилась Тереза со стопкой бумаг в руках. Закрыв дверь, она быстро подошла к нему, низко опустив голову и плотно сжав губы. Вид у нее был недовольный.

— Терминал управления метасетью находится здесь, — сказала она, не глядя на него.

Она подошла к столу в дальнем конце комнаты. Уорн последовал за ней. Перед большим компьютерным монитором стояли два деревянных стула, один из которых был завален распечатками.

Тереза схватила стул и сердито его встряхнула, сбросив бумаги на пол. Сев, она придвинулась ближе к терминалу. Уорн занял место напротив. Тереза наклонилась к экрану, блеснув черными глазами, и пальцем поманила к себе ученого.

— Ну что ж, доктор Уорн, — тихо проговорила она. — Ясно, что вы — как бы выразиться по-научному? — одержимы некой навязчивой идеей. И я даже знаю, какого рода.

— Тогда объясните мне, — так же тихо ответил Уорн.

— Вы считаете, что в этом каким-то образом виновата я.

— Разве нет? Вы или кто-то из вашей команды.

— Моей команды? — с притворным удивлением переспросила Тереза.

— Мы с вами работали вместе почти год. Да, по телефону, но я считал, что у нас сложились хорошие отношения. Можно сказать, дружеские. Вы знаете, что метасеть неспособна на столь аномальное поведение. Уверен, что вы не пытались ее отстоять. Черт побери, вы меня даже ни о чем не предупредили. Позволили мне явиться сюда, словно идиоту, со спущенными штанами.

— Моя команда, — повторила Тереза, словно не в силах поверить в услышанное. Она откинулась на спинку стула. — Господи. Вы же умный человек, я думала, вы все уже поняли.

— Понял что?

— Кто еще разговаривал с вами о метасети кроме меня?

Ученый задумался.

— Кажется, ваш ассистент, по имени Клей...

— Барнетт? Клей последние пять месяцев работает в отделе обработки изображений. — Она снова наклонилась ближе к нему. — Нет у меня никакой команды, Эндрю. Есть только я.

— Что? — недоверчиво переспросил Уорн. — Вы единственная, кто занимается роботами?

— Есть еще обслуживающий персонал, который выполняет вспомогательную работу — замену деталей, диагностику. Но специалистов, кроме меня, больше нет.

Последовала короткая пауза. Ученый с трудом пытался побороть удивление.

— Что касается предупреждения — мне запретили обсуждать эту тему. В первую очередь с вами.

— Папа, — послышался с другого конца лаборатории голос Джорджии, — о чем вы там разговариваете? Почему шепотом?

— Ничего особенного, милая, — сказал Уорн, выпрямляясь. — Мы просто... решаем одну небольшую проблему.

Он снова наклонился к Терезе.

— Думаете, я не сражалась за метасеть? — яростно прошептала она. — Еще как, когтями и зубами. Это ведь мой хлеб с маслом. Особенно сейчас.

Уорн пристально посмотрел на нее.

— Ладно. Расскажите все, что знаете.

Стадив с головы защитные очки, она провела пальцами по волосам.

— Все началось вскоре после открытия парка. Сначала мне говорили, что мы временно работаем в профилактическом режиме и начнем расширять роботизированный персонал, как только проектная комиссия по аттракционам выпустит свой доклад. Доклад они выпустили, но я так его и не видела. Средства, выделенные на роботов, направили на другие нужды — обработку изображений, акустику. А пару месяцев назад программу начали сворачивать.

— Сворачивать?

— Отключать второстепенных роботов, заменяя их людьми или просто отказываясь от их услуг. Собственно, те единственные роботы, которых мы все-таки добавили, — вовсе не настоящие, не автономные. Это просто анимированные машины вроде драконов или мандрагор в Камелоте. И ими занимаются непосредственные руководители Миров, а не я.

Уорн потер лоб.

— Но почему?

— Разве вы не понимаете? Это все шишки из высшего руководства. Роботы не слишком привлекательны. Они чересчур

технологичны и оторваны от реальности. Конечно, неплохо иметь несколько для забавы, чтобы приводить в восторг туристов в Каллисто. И пиарщикам будет о чем писать. Но они не продают билеты. Высшее руководство считает, что роботы уже несовременны. Барксдейл сам мне об этом говорил. На них возлагались немалые надежды, как и на искусственный интеллект, но надежды эти не сбылись. Сегодня у каждого ребенка есть игрушка-робот — маленькие безмозглые штучки, которые лишь портят репутацию подлинных научных достижений. И никого не волнует, кто моет полы на уровне «С» — машины или живые люди.

— Эрика Найтингейла волновало. Он сам мне говорил.

Тереза откинулась на спинку стула.

— Найтингейл был мечтателем. Он считал Утопию чем-то большим, нежели просто парком развлечений, построенным по последнему слову техники. Он называл ее горнилом новых технологий.

— Горнилом новых технологий. Я слышал его речь сегодня утром.

— А я в это верила! — вызывающе парировала она. — И теперь верю. Вот почему я пошла работать сюда. Но Найтингейла больше нет в живых. И деятельность парка уже не основывается на его мечте. Она базируется на опросах посетителей и статистических отчетах. Все внимание — внешним эффектам. Пригласить специалистов по истории искусства, пусть сделают все более реалистичным. Добавить голограммы лучшего качества. Увеличить скорость аттракционов. — Она снова понизила голос. — И никто не был готов к тому, какой доход принесут казино. Изменилось само отношение к парку.

Она замолчала. В каждом ее слове ощущались несвойственные Утопии откровенность и прямота. Уорн понял: когда он ворвался к ней, охваченный праведным возмущением, рубанув плеча, то это высвободило давно копившиеся у Терезы чувства горечи и разочарования.

— Папа, — снова позвала Джорджия, — вы закончили? Давай вернемся в парк.

— Погоди секунду, — откликнулась Тереза. — Уже почти все.

Они с Уорном переглянулись.

— Простите, Тереза, — сказал Уорн. — Похоже, я ошибся насчет вас.

— Ничего страшного. Как я уже сказала, я прекрасно понимаю вас. Я сама чувствую себя точно так же. И называйте меня Терри, пожалуйста. Ненавижу, когда ко мне обращаются «Тереза».

— Надо полагать, вас назвали в честь святой?

— Конечно. Вероятно, я единственная филиппинка-некатоличка на свете. Уже десять лет как не посещала мессу. Мои родители наверняка в гробу перевернулись.

Она снова замолчала. Уорн слегка смутился, не зная, что говорить или делать дальше.

— Что ж, Найтингейлу, по крайней мере, понравились бы голограммы, — наконец сказал он. — Они просто потрясающие.

— Вы правы. — Выражение ее лица слегка изменилось. — Не воспринимайте меня всерьез, доктор Уорн. Возможно, это всего лишь зависть. Здесь множество новых технологий. Просто после своих выдающихся открытий специалисты по голограммам получают все блага. И соответствующее финансирование тоже. Изначально в отделе обработки изображений работало восемь человек. Теперь сорок.

— О каких выдающихся открытиях речь?

— Они придумали, как создавать голографические изображения в натуральную величину, а не размером с сигаретную пачку. Это первое. Но главное достижение свершилось уже после смерти Найтингейла. Горнило.

Уорн быстро взглянул на нее.

— Забавно, правда? Вероятно, его назвали так благодаря знаменитой речи Найтингейла. Технических подробностей я не знаю — их хранят в строжайшей тайне. Но мне известно, что это система для создания фантастически сложных голограмм с помощью компьютеров. Конечно, для этого требуются огромные параллельные процессорные мощности. Но больше нет необходимости в лазерах, фотополимерах и прочем. Это похоже на программы трехмерного моделирования для компьютерной анимации. Только вместо плоских фигур Горнило создает полноценную голографическую проекцию.

— Господи. — Ученый немного помолчал. — Представляю себе его потенциал.

— Еще бы! Но лицензии на эти технологии никому не продаются. Руководство Утопии сделало их своей визитной карточкой, воплотив в жизнь с самого открытия парка. Первым голографическим аттракционом был «Потрошитель» в Газовом Свете.

— Ничего о нем не знаю.

— Сначала это был скорее пробный шар. Представьте: публика сидит в театре и смотрит какую-то викторианскую пьесу. Вдруг кто-то кричит, что полицейские преследуют Джека Потрошителя и что его загнали в угол. Затем еще кто-то кричит, что убийца вбежал в театр. А потом гаснет свет.

— Звучит заманчиво.

— Скорее пугающе. Невероятно реалистичные голограммы Потрошителя, который бежит по театру, появляясь за креслами с окровавленным ножом в руке. Люди вопят от страха. — Она пожала плечами. — Аттракцион сразу же произвел немалый фурор. Сильные мира сего насторожили уши, осознав его потенциал. Так что следующим шагом стало внедрение голограмм в «Сферу Шварцшильда», которая тогда еще только разрабатывалась.

— Это аттракцион типа русских горок в Каллисто? Я видел его в путеводителе.

— Скорее следующее поколение русских горок. Полная темнота. Ряд кресел, закрепленных на платформе, раскачивается вверх-вниз и из стороны в сторону — синхронно с несущимися мимо изображениями. Но перед вами не просто плоский экран — это трехмерные кометы и метеоры, проносящиеся прямо у вашего лица. Не нужны никакие стереоочки. Фактически вы находитесь внутри голограммы.

Уорн восхищенно покачал головой.

— Потом кому-то пришла в голову идея усовершенствовать технологию. Видели галереи «Мысленный взгляд» в Каллисто и Ядре?

— Нет.

— Это студии, где можно получить собственный голографический портрет — в одиночку или с кем-то из персонажей, даже с самим Найтингейлом. И знаете, их просто не успевают производить в достаточном количестве. А теперь поставьте себя на место главного бухгалтера Утопии, который созерцает потоки льющихся в казино денег и видит папаш, сражающихся за право отдать сто баксов за голографический портрет своего отпрыска. А потом он смотрит на Терри Бонифацио и ее робототехническую программу. Кому, по-вашему, урежут финансирование при подготовке бюджета на следующий квартал?

Вопрос повис в воздухе, оставшись без ответа.

— Но это только начало. — Она встала. — Джорджия, иди сюда на минутку. Хочу кое-что тебе показать.

Терри подождала, пока девочка подойдет к ним с «геймбоем» в руке, затем повернулась к небольшому предмету, который Уорн сначала принял за робота, — черный цилиндр на колесах, высотой не больше сорока дюймов.

— Они работают также и над этим.

Наклонившись, она нажала несколько кнопок. В воздухе возникло призрачное мерцание, а затем на его месте неожиданно появился слоненок, встав плечом к плечу с Уорном.

Ученый инстинктивно отшатнулся, едва не сбив с ног Джорджию. Слоненок выглядел идеально, вплоть до мельчайших подробностей. Маленький черный блестящий глаз пристально смотрел на него из складок серой шкуры. Можно было различить волоски на верхней губе. Это была голограмма, но намного более реалистичная, чем даже изображение Найтингейла, которое он видел утром.

— Господи! — проговорил ученый.

— Круто! — выдохнула Джорджия.

Терри нажала еще одну кнопку, и слоненок исчез.

— Переносной голографический проектор, — сказала она. — Все еще в разработке. Мне отдали этот старый прототип лишь потому, что рассчитывают позаимствовать чипы памяти из моих деактивированных роботов. Подобные ему планируется использовать в магических шоу Найтингейла, которые открываются во всех Мирах

в будущем году. — Она ткнула пальцем в сторону черного корпуса. — Тот слоненок был последним в его буфере изображений. Им очень легко пользоваться. Смотрите.

Подстроив небольшой объектив на корпусе, она нажала кнопку с надписью «образец», после чего отошла на несколько футов назад, встав перед объективом и заложив руки за голову. Послышался прерывистый предупредительный писк, затем короткое жужжание. Снова шагнув вперед, Терри нажала другую кнопку с надписью «вывод». В то же мгновение рядом с ней возникла вторая Терри Бонифацио, совсем как настоящая, изображение которой машина зафиксировала несколько секунд назад.

— Он может воспроизводить только неподвижные объекты, — сказала Терри. — Но при этом в мельчайших подробностях. — Она посмотрела на застывшее изображение. — Эй, привет!

— А меня можете сделать? — спросила Джорджия.

— Конечно.

Терри подтолкнула их к аппарату, показав ученому, как им пользоваться. Несколько секунд спустя рядом друг с другом стояли две Джорджии.

— Неужели у меня действительно такие толстые щеки? — спросила девочка, внимательно разглядывая голограмму.

Уорн невольно покачал головой в немом восхищении. Терри выключила устройство, и изображение исчезло.

— Но для чего используется вся эта технология? — вдруг спросила женщина. — Для развлечения. Чтобы изобразить монстра в кабинке темного аттракциона, напугать детишек. Вы в самом деле думаете, что Найтингейл бы такое одобрил? Думаю, он назвал бы это недальновидным, и...

Внезапно прямо над головой раздался громкий, пронизывающий до мозга костей рев, словно одновременно взорвалось десять вулканов. Джорджия вскрикнула, инстинктивно прижавшись к отцу. Уорн съежился, обхватив ее голову руками. Стул позади него с грохотом упал на пол. Непоседа испуганно пискнул и поспешил в ближайший темный угол.

Досада на лице Терри сменилась улыбкой. Уорн медленно опустил руки.

— Что, черт побери... — начал он.

— Прошу прощения, что не предупредила вас. Мы находимся прямо под Башней грифонов в Камелоте. В час двадцать началось очередное шоу.

Уорн поставил на место стул и посмотрел на потолок.

— Сколько раз в день идет шоу?

— Одно утром, два днем, одно вечером.

— И вам приходится терпеть такое четыре раза в день?

Улыбка Терри стала чуть шире.

— С тех пор как меня перевели в лабораторию меньшего размера, стало даже лучше. До этого надо мной была «Буря на Темзе» в Газовом Свете. Река часто протекала.

Уорн немного подождал, пока пройдет звон в ушах.

— Итак, вы закончили? В смысле, сколько времени вам понадобится, чтобы отключить метасеть или что вы там хотели сделать? — Джорджия нетерпеливо переводила взгляд с отца на Терезу.

Уорн удивленно повернулся к ней.

— Ты знала? — Он посмотрел на Терезу. — Вы ей что-нибудь говорили?

— Да ну, пап. У тебя же все на лице написано, еще с того совещания.

Уорн покачал головой и уныло почесал в затылке. Над головой раздался еще один взрыв, не столь громкий. Ему показалось, будто он слышит крики возбужденной публики.

— Если честно, все это довольно глупо, — сказала Джорджия.

— Что именно?

— Отключать метасеть. Нет в ней ни сбоев, ни ошибок и вообще ничего такого, что бы там ни говорила Сара.

В глазах Терри блеснул озорной огонек.

— Откуда ты знаешь?

Девочка выпрямилась на стуле, пристально глядя на нее.

— Потому что ее сделал мой отец.

Ученый отвел взгляд, боясь что-либо сказать. В лаборатории наступила тишина.

— Сара говорила, что им нужен план действий к концу дня, — наконец сказал он.

— Да. Шишки Эмори в Нью-Йорке дали нам неделю на то, чтобы остановить работу метасети. По сути, это означает вывести из-под ее контроля сто с лишним роботов. Фред хочет знать самый быстрый и безопасный способ, как это сделать.

Снова опустившись на стул, Уорн глубоко вздохнул.

— Прежде всего нужно исключить возможность автономной работы. — Он немного подумал. — Сейчас каждую ночь метасеть анализирует потоки информации, получаемой от отдельных роботов, ища способ увеличить их производительность. Если ей это удастся, она передает новый код роботам во время сеанса загрузки на следующее утро. Верно?

— Да.

— Значит, в первую очередь следует отключить систему машинного обучения. Затем просто деактивировать автономную работу. Таким образом, остается возможность удаленно передавать роботам новые инструкции и команды, но метасеть не сможет самостоятельно производить никаких модификаций.

— Логично, — кивнула Терри.

— Самое сложное — отключить искусственный интеллект. Конечно, сначала придется смоделировать процесс в тестовом режиме. Но все остальное уже намного проще. Составьте список роботов и их функции, с указанием степени важности задач.

— Все я и я, — сказала Терри. — И почему все только я?

Уорн задумчиво посмотрел на нее. Он рассчитывал провести здесь всего несколько минут — оценить ситуацию, дать краткие инструкции, после чего предоставить Терри возможность самой произвести лоботомию. Но теперь ему в голову пришла новая мысль.

Он быстро обернулся к Джорджии, занятую голографическим проектором. «Нет в ней ни сбоев, ни ошибок, — так она сказала о метасети. — Ее сделал мой отец».

— Терри, я хотел бы вас спросить, — сказал он, поворачиваясь. — Вы ничего не делали с метасетью как администратор? То, что могло бы повлиять на нее?

Ее карие глаза возмущенно вспыхнули.

— Что вы! Она полностью автономна. Я только регистрировала все обновления.

— Значит, вы отслеживали изменения, которые метасеть вносила в программы роботов?

— В основном они минимальны. Корректировка поведения, обновление системы правил и тому подобное. Она прекрасно работает сама по себе.

Уорн задумчиво помассировал запястье, все еще болевшее в том месте, где в него вцепился Хард-Плейс.

— Что у вас на уме? — нахмурившись, спросила Терри.

«Потому что ее сделал мой отец».

Кроме дочери, метасеть была всем, что у него еще оставалось. Она давала ему ту степень уверенности в себе, которая необходима ученому-исследователю. И будь он проклят, если сдастся без боя.

Уорн снова посмотрел на Терри. Если он правильно понял, то после сокращения численности роботов и связанных с ними задач метасеть стала означать для нее почти то же самое, что и для него.

Неожиданно протянув руку, он коснулся ее плеча.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, но разве мы уже не составили план действий?

Она осторожно кивнула.

— Что ж, значит, у нас появилось немного свободного времени. Что скажете, если вместо того, чтобы отправить систему на свалку, мы откроем капот и попробуем ее починить?

Терри несколько мгновений смотрела на него. Хмурое выражение постепенно исчезло с ее экзотического лица, вновь сменившись озорной улыбкой.

— Кажется, мне начинает нравиться ход ваших мыслей, капитан. — Она хитро поглядела на Уорна и перешла на пиджин-

инглиш: — Можете на моя рассчитывать.

13 часов 17 минут

— Внимание, — послышался скрипучий голос в динамиках за кулисами. — Начало представления через три минуты.

Торопясь в сторону костюмерной, Роджер Хаген посмотрел на часы. С точностью до секунды, как всегда. Местная пунктуальность порой наводила тоску.

Вокруг шли обычные последние приготовления к шоу в Башне грифонов. Инженер сидел в своей будке, настраивая приборную панель. Помощница режиссера и ее ассистент проверяли очередность эпизодов. Повсюду толпились рабочие, готовя аппаратуру для дымовых эффектов и запуская генераторы разноцветного тумана. Во всех направлениях спешили осветители, электротехники, дизайнеры и гримеры. Пиротехник подключал огнепроводной шнур к фейерверкам. Несколько актеров, уже в костюмах, отрабатывали фехтовальные движения. Другие сидели, упражняясь в среднеанглийском.

В других парках исполнители за кулисами обычно вели себя так, словно присутствовали на молодежной вечеринке. В Утопии они порой больше напоминали студентов-юристов, усердно готовящихся к экзаменам. Хаген, пригнувшись, пробежал через кулисы, следя за тем, чтобы не споткнуться о лежащие на полу связки кабелей, и спустился по небольшой лесенке в костюмерную.

В костюмерной Башни грифонов толпился народ — колдуны, девы в вуалях, странствующие рыцари. Слышалось лихорадочное жужжание швейных машин, ассистенты катили вешалки со старинными одеяниями. Харви Шварц, дородный старший костюмер, заметил Хагена и широко улыбнулся.

— Эй, смотрите! — крикнул он, отходя от ряда стиральных машин и показывая на Хагена. — Наш неудачник!

— Да-да, — пробормотал Хаген.

Стачив рубашку, он открыл свой шкафчик и, надев камзол из огнеупорной ткани, беспокойно огляделся по сторонам. Несмотря на рабочую атмосферу, за кулисами Утопии существовали свои традиции, как и в любом другом парке. И одна из этих традиций заключалась в весьма своеобразных шутках над теми, кто работал

последний день.

К нему подошел ассистент, чтобы помочь надеть доспехи. Хаген внимательно осмотрел каждую деталь — кольчугу, краги, сапоги — в поисках неприятных сюрпризов. В прошлом месяце работавшему последний день парню сунули в шлем собачье дерьмо. Бедняга ничего не замечал до тех пор, пока не стало слишком поздно, и ему пришлось отработать все представление с перекатывающимся внутри доспехов куском экскрементов.

Однако все оказалось в полном порядке, и Хаген дал костюмеру знак надеть шлем ему на голову. Мир актера тут же сократился до маленького прямоугольника, видимого сквозь забрало. Больше всего его волновали вовсе не доспехи из легкого и относительно гибкого алюминия, а именно уменьшившееся поле зрения. И еще запах — к концу представления в доспехах обычно воняло, словно в старой раздевалке.

Раздался звук фанфар, слышались нарастающие аплодисменты — поднялся занавес, и началось шоу. Костюмер застегнул последнюю застежку, включил прикрепленный к шлему маленький инфракрасный передатчик, подал ему щит и меч и напутственно похлопал по спине. Кивнув Харви Шварцу, Хаген поднялся по ступеням за кулисы. Ходить в доспехах было намного труднее. Следовало ступать крайне осторожно — если он споткнется и упадет, то уже не сможет подняться без посторонней помощи.

Подойдя к кулисе, он выглянул из-за занавеса. Зал на три тысячи мест был забит до отказа. «Битва в Башне грифонов», впервые состоявшаяся около четырех месяцев назад, быстро стала одним из самых популярных шоу в Утопии. Детям в первую очередь хотелось увидеть персонажей «Хроник Феверстоуна», мультсериала Найтингейла о мифическом волшебном Камелоте. Глядя на улыбки детей в свете двадцатипяти тысячеваттных прожекторов и мерцающих лазеров, Хаген вдруг ощутил легкое сомнение в том, правильно ли он поступил.

Парк был неплохим местом. Когда-то, еще учась в колледже, Хаген работал капитаном речного катера в Диснейленде, развлекая гостей. В Утопии все оказалось совсем по-другому. Да, постоянные требования как можно большего реализма быстро его утомили. На каждом шоу постоянно присутствовали один или два наставника, следящих за исторической достоверностью и присуждающих

премиальные очки лучшим исполнителям. Впрочем, платили здесь больше, чем где-либо. Каждую неделю всем выдавали на двести долларов бесплатных фишек в казино. И тяжелый труд достойно вознаграждался: те, кто хорошо работал, мог сам выбирать время для представлений и имел неплохие шансы на повышение.

На самом деле Хагену просто не нравилась пустыня. Многие работники парка — те, кому не хотелось ежедневно ездить за тридцать миль из северных пригородов Вегаса, — поселились в городке Креозот, в нескольких милях к северу от Утопии по шоссе девяносто пять. За прошедший год поселок, служивший не более чем остановкой для водителей грузовиков, превратился в оживленное скопление трейлерных стоянок и бунгало, где кипела бурная ночная жизнь и царил дух студенческого кампуса. Но Хагену жизнь тридцатилетнего студента больше не доставляла никакого удовольствия.

На сцене архимаг Мимантеус творил страшное заклятие, намереваясь оживить грифонов Башни. Кто-то постучал по доспехам Хагена. Обернувшись, он увидел Олмстеда, парня, который играл его щитоносца.

— Привет, — улыбнулся Олмстед, голова которого торчала из воротника обильно смазанной горючей смесью кольчуги. — Как дела?

— Лучше некуда. В такой-то экипировке.

Улыбка Олмстеда стала шире.

— Что ж, удачно тебе развлечься. Сегодня твой последний день. А мне до конца недели еще восемь раз выступать.

Из скрытых за фальшивыми стенами динамиков ударила драматическая музыка. Архимаг уже завершал свое заклинание, и напряжение за кулисами возросло, став почти осязаемым. Именно теперь должно начаться настоящее веселье. Хаген бросил взгляд на помощницу режиссера, которая стояла у кулисы позади ряда мониторов, положив палец на кнопку включения спецэффектов. Стоящий рядом техник готовился привести в действие управляемый компьютерами огненный смерч. Позади них расположился похожий на ученого невысокий человек в очках, которого Хаген не узнал, с измерителем уровня шума в руке. «Видимо, тот самый специалист по фейерверкам, которого собирались пригласить», — подумал он.

Салюты в конце представления выглядели весьма зрелищно, но сопровождались чудовищным грохотом. Гости постоянно жаловались, а у двоих работников сцены появился звон в ушах. Хаген снова бросил взгляд на лысого типа, которого пригласили, чтобы это исправить. «Бесшумные фейерверки, — подумал он. — Господи, кто бы мог подумать?»

Впрочем, сегодня на тишину можно не рассчитывать. Через секунду должен начаться настоящий ад. Пробудятся грифоны, окружив королеву Калину и принца-регента. Злой архимаг Мимантеус напустит на них ледяные стрелы и магические снаряды. Дети в зале поднимут крик. А затем в действие вступит сам Хаген — выбежит на сцену, чтобы сразиться и героически погибнуть две минуты спустя. Три раза в день. Вот только в конце сегодняшнего дня он умрет в последний раз. А потом повесит на стену щит и уберет в ножны меч, надеясь добраться до Креозота, не получив на прощание струю воды из пожарного шланга или еще какую-нибудь милую шутку от коллег.

Рабочие сцены трудились не покладая рук. Машины работали на полную мощность, заливая театр потоками серого тумана. Помощница режиссера нажала кнопку включения электронной пиротехнической системы, кивнув инженеру в будке.

Раздался чудовищный грохот, от которого содрогнулись стены, сопровождавшийся криками публики. Грифоны ожили. Еще тридцать секунд. Сквозь занавес пробивались красно-оранжевые отблески. То и дело темноту прорезала яркая вспышка — лазерные эффекты, сопровождающие заклинания архимага. Олмстед снова улыбнулся и кивнул. Хаген почувствовал прилив адреналина в крови. Один из техников поднялся на мостик у правой дальней кулисы, проверяя, на месте ли маленький робот с лазером. Пол снова содрогнулся — включился комплекс сабвуферов под сценой. Актер посмотрел на часы — час двадцать восемь. Еще несколько вспышек, затем злобный смех — знак того, что сейчас его выход.

Помощница режиссера махнула рукой.

— Хаген! Давай!

Глубоко вздохнув, актер крепко сжал в руке меч, поднял щит и тяжело шагнул вперед. Помощница режиссера подняла большой палец. Рабочий раздвинул занавес, в складках которого клубились

облака пахнущего порохом дыма. А потом он оказался на сцене.

Он выполнял этот трюк уже, наверное, раз триста. Но сегодня, в свой последний рабочий день, он попытался взглянуть на происходящее по-новому, запечатлев в памяти, каково это — на взгляд, слух и запах — находиться на сцене в Башне грифонов.

Со всех сторон на него обрушились звуки — крики публики, рык разъяренных грифонов, крадущихся по сцене, громкий треск магических стрел. Хаген шагнул в лучи прожекторов, и туман рассеялся. Зрители приветствовали его новыми радостными возгласами.

Сцена представляла собой прямоугольный внутренний двор замка, окруженный стенами высотой в восемь этажей. Пахло плесенью и сырым камнем. Высоко на стенах висели горящие факелы и жаровни. Воздух казался живым из-за ослепительных вспышек. Над головой снова хрипло расхохотался архимаг, швыряя огненные шары в перепуганных королеву и принца-регента. Один из шаров ударился в дальнюю стену башни; массивный кусок каменной кладки с грохотом раскололся и обрушился на зрителей, подвешенный на невидимых тросах, в последнее мгновение отклонившись в сторону. Послышались восхищенные возгласы.

На сцене разъяренный грифон терзал несчастного Олмстеда, как и предполагалось по сценарию. Взмахнув мечом над головой, Хаген бросился в атаку. Одно из чудовищ повернулось к нему, и его механические глаза сверкнули красным. Следя за тем, чтобы грифон оставался между ним и зрителями, Хаген нанес могучий удар мечом, промахнувшись дюймов на шесть. За кулисами рабочий нажал кнопку на пульте, и зверь, дернувшись, рухнул наземь, изрыгая из пасти дым. Все выглядело весьма реалистично, и публика разразилась аплодисментами.

Перепрыгнув через тело павшего щитоносца, Хаген устремился к королеве, по пути расправившись со вторым грифоном. Внутри доспехов уже становилось жарко. Пот стекал по его лбу. В передней части сцены, скрытые позади рампы, были установлены маленькие мониторы, показывавшие актеров так, как их видели зрители. Хаген приучился постоянно за ними следить. Хотя его роль продолжалась всего две минуты, среди дыма и вспышек лазеров легко потерять ориентацию.

Он шагнул вперед, встав перед королевой и повернув щит в сторону мага.

— Злодей! — крикнул он. — Во имя Господа, оставь свою алхимию!

Колдун снова зловеще расхохотался, собираясь с силами для очередного заклинания. Огни мигнули, сцена содрогнулась — опять включились сабвуферы. Актер бросил взгляд сквозь забрало на мониторы, удостоверившись, что стоит вполоборота к зрителям. Когда Мимантеус применит магию, луч лазера ударит в шлем рыцаря, а затем, отразившись от него, начнет дико плясать по сцене, вызывая новые взрывы. Асам герой упадет, раскинув руки, став жертвой жестокого архимага. Публике очень нравилась эта сцена, и Хаген хотел, чтобы в последний день у него все получилось как никогда лучше.

Послышался пронзительный свист; колдун поднял руки, и из его растопыренных пальцев ударил голубой луч. Хаген не отводил взгляда от монитора. Никогда не надоедало подобное зрелище.

Но на этот раз все выглядело иначе. Луч не отразился от его шлема, сверкая в облаке дыма. Вместо этого лазер пронзил шлем и прошел прямо сквозь голову Хагена, выйдя с другой стороны и прочертив прямую линию до левой кулисы. На мониторе казалось, будто его щеки проткнула светящаяся игла. Толпа одобрительно взревела.

Но актер этого не слышал. Боли он почти не ощутил — лишь невыносимый жар и давление внутри черепа, которое все нарастало, и наконец его чувства отказали одно за другим и он тяжело рухнул на сцену.

Несколько мгновений спустя упал занавес — под оглушительную канонаду фейерверков, которые взорвались под крышей башни, отбрасывая разноцветный узор на зрителей. Их эхо почти сразу же заглушили аплодисменты и одобрительные возгласы публики, в едином порыве поднявшейся на ноги.

За кулисами шла лихорадочная деятельность. Актеры спешили в сторону гримерных, жестами поздравляя друг друга; художники быстро проверяли костюмы на предмет повреждений; инженеры начали устанавливать декорации для следующего представления.

Никто не обращал внимания на овации за занавесом. Специалист по фейерверкам взглянул на измеритель уровня шума и сделал несколько заметок в блокноте. В дальнем углу один из наставников ругал трубача, мальчишку лет десяти, за то, что тот неправильно держал трубу. Лишь Роджер Хаген продолжал неподвижно лежать лицом вниз на досках сцены.

К нему не спеша подошел Олмстед, его щитоносец.

— Эй, хватит валяться на работе, — ухмыльнулся он, толкая Хагена ногой в сапоге.

Актер не пошевелился. Кривая ухмылка Олмстеда стала шире.

— И что это значит? — спросил он. — «Оскара» получить хочешь?

Ответа снова не последовало, и улыбка начала исчезать с его лица.

— Эй, Роджер, в чем дело? — спросил щитоносец, приседая рядом с неподвижным рыцарем и слегка встряхивая его за плечо.

Встряхнув коллегу во второй раз, Олмстед кое-что заметил. Взгляд его упал на шлем Хагена. Он наклонился ближе, приняхиваясь, и ощутил запах жареного мяса.

Он вскочил на ноги, но его отчаянных криков почти не было слышно на фоне непрекращающегося рева толпы.

13 часов 34 минуты

За шесть месяцев, прошедших с открытия Утопии, Боб Аллокко, глава службы безопасности парка, повидал всякое. Но ни с чем подобным ему не приходилось сталкиваться.

Он стоял в помещении поста наблюдения у выхода из Башни грифонов, глядя через одностороннее стекло на зрителей, покидающих аттракцион. Слышались смех, свист, грубоватые шутки — обычное поведение возбужденной толпы после представления. Возможно, она выглядела даже более восторженной, чем обычно. Он прибавил мощность микрофонного канала, чтобы послушать разговоры.

— Просто класс! — говорил один мальчишка другому. — Как тебе эти драконы? Круто!

— Никакие это не драконы, тупица, — сказал тот. — Это грифоны. Ни черта ты не знаешь.

Из дверей вышла пожилая женщина, обмахиваясь путеводителем.

— Силы небесные, — проговорила она, обращаясь к идущей рядом с ней другой женщине, еще старше. — Эти фейерверки прямо мне в лицо... знаешь, я думала, мне придется уйти — с моим сердцем.

— Видела, как погиб тот рыцарь? — сказал своей жене мужчина, толкавший детскую коляску. — Бах — и прямо сквозь шлем. Интересно, как они это сделали?

— Ничего особенного, — ответила женщина. — В наши дни с помощью спецэффектов можно имитировать все, что угодно. Но когда на нас свалился кусок башни — вот это было действительно нечто.

Молча вода по губам гигиенической помадой, Аллокко дождался, пока выйдут последние зрители. Затем он открыл дверь, кивнув служителям и служительницам в костюмах, и вошел внутрь. Упавшую часть башни поднимали на место с помощью надрывно гудящих гидравлических механизмов. Огромные воздухоочистители всасывали остатки дыма в трубы над головой.

Он остановился между рядами кресел, глядя на высокие стены из искусственного камня. Конечно, дурные предчувствия были у него и раньше — похоже, он испытывал их всегда, когда парк был открыт. Больше всего Утопия нравилась Аллокко в шесть утра — такая, какой она и должна была быть, при минимальной численности персонала и в отсутствие разрушающих иллюзию посетителей. Можно было пройтись по мощенным булыжником улочкам Газового Света или по воздушным эстакадам Каллисто, не беспокоясь о потерявшихся детях, о слабых здоровьем ил и о любителях судебных исков. Или о пьяных студентах.

Всего лишь на прошлой неделе трое мотоциклистов решили искупаться голышом в лодочном пруду Дощатых Тротуаров. Потребовалось восемь человек, чтобы убедить их одеться и уйти. За неделю до этого какой-то португальский турист, недовольный тем, что в «Сферу Шварцшильда» приходится стоять два часа, пытался угрожать ножом служащему, контролирующему очередь. Аллокко покачал головой. Сотрудникам службы безопасности запрещалось носить оружие, даже для самозащиты. Никаких дубинок, никакого слезоточивого газа и уж тем более пистолетов. Приходилось полагаться на улыбку, на способность убеждать. Не лучшая замена девятимиллиметровому стволу. Охраннику, владеющему португальским, удалось успокоить того парня, но несколько минут ситуация висела на волоске.

Аллокко прошел по устланному ковром проходу к сцене, поднялся по ступенькам и заглянул за занавес. Актеры стояли небольшими группами, все еще в костюмах, негромко переговариваясь. Велев им разойтись, начальник охраны подошел к человеку в белом халате, который склонился над неподвижно лежащим рыцарем в доспехах.

Шлем рыцаря лежал в стороне. Аллокко поднял его, повертел в руках. В обеих боковых пластинах виднелись маленькие аккуратные отверстия. Приподняв шлем, Аллокко взглянул сквозь дырочки. Крови почти не было заметно. От шлема пахло обожженным металлом и пригоревшим гамбургером. Положив шлем на пол, он повернулся к сидящему на корточках доктору.

— Как он? — спросил Аллокко.

— Луч лазера прошел насквозь через обе щеки, — ответил доктор. — Ссадины на коже, повреждения тканей и мускулов. Это

понятно. Язык обожжен, и, вероятно, он лишится двух-трех зубов. У него будет чертовски болеть голова, когда он очнется. Но ему повезло, что он остался жив. Если бы луч прошел на пару дюймов выше, нам потребовался бы мешок для трупа, а не носилки.

Начальник службы безопасности что-то невнятно проворчал.

— Мы можем наложить ему швы в медицинском центре, но ему, вероятно, потребуется косметическая хирургия. Может, позвонить в Лейк-Мид и вызвать оттуда «скорую»?

Аллокко вспомнил про Джона Доу.

— Нет. Пока не надо. Просто постарайтесь привести его в чувство. И дайте знать, если что-то изменится.

Доктор дал знак ожидавшему неподалеку санитару, и Аллокко отвернулся. Возле кулисы помощница режиссера наблюдала за техниками, спускавшими что-то с лестницы. Подойдя ближе, Аллокко увидел, что это робот. Он походил на тележку на колесиках, увенчанную длинной белой трубой — лазерной пушкой — с линзой на одном конце и проводами, тянувшимися с другого. Линза была разбита и свободно болталась в креплении. Верх лазерной пушки был разорван, иззубренные края металла обуглились и дымились.

Техники осторожно поставили робота на пол.

— Кто следит за лазером? — спросил Аллокко.

Высокий мужчина повернулся к нему.

— Я отвечаю за лазерную безопасность в Камелоте, сэр.

— Можете рассказать, что случилось?

— Не знаю, сэр. — Техник судорожно сглотнул. Вид у него был крайне напуганный. — Это всего лишь тридцативаттный лазер. Я ничего не понимаю, этого просто не может быть...

— Спокойнее, сынок. — Аллокко показал на робота. — Просто расскажи, что произошло.

— Это аргоновый лазер с многолинейной головкой и воздушным охлаждением. Нам был нужен именно аргон, чтобы цвет луча совпадал с цветом огненных шаров архимага.

— Продолжайте.

Если позволить этому парню достаточно долго болтать, он мог в конце концов сказать нечто важное.

— И мы не могли воспользоваться стандартным контроллером для лазерных шоу, поскольку определенной программы нет. Понимаете?

Начальник охраны кивнул. Процедура была ему знакома.

— Луч должен каждый раз попасть в рыцаря. Но вы не можете в точности сказать, где будет стоять рыцарь, когда сработает лазер.

Техник кивнул в ответ.

— У нас был лишний робот, которого использовали для каких-то служебных целей и который больше не требовался. Кому-то пришла в голову умная мысль.

На лице его отразился еще больший страх. «Догадываюсь, кому именно», — подумал глава службы безопасности, но промолчал.

— В общем, к нему приделали аргоновую пушку и закрепили робота на рельсах прямо над сценой. — Он показал в сторону мостика. — Та женщина-робототехник... Тереза? Она переделала его так, чтобы он отслеживал инфракрасный луч на шлеме рыцаря и в нужный момент выстреливал лазером прямо в сторону источника сигнала.

— И давно это было?

— Недели через две после открытия шоу. Уже почти три месяца, четыре раза в день. Никаких проблем.

— Никаких проблем... — Аллокко показал на разрушенный корпус. — Каким образом могла случиться подобная перегрузка?

— Никогда такого не видел, сэр. Как будто на него подали мощность в сто раз больше обычной.

Глава службы безопасности искоса посмотрел на техника.

— Похоже, этот инцидент собирается расследовать Администрация США по охране труда и здоровья.

Тот побледнел. На мгновение Аллокко показалось, что он лишится чувств.

— Вы соблюдали все правила? — уже спокойнее спросил он.

Техник снова кивнул.

— Все по Зет-136, как по учебнику.

Речь шла об АНСИ Зет-136, стандарте лазерной безопасности для промышленности и научных разработок.

— Еженедельные проверки, как положено, техническое обслуживание...

— Молодец. А теперь отнесите эту штуку вниз и проведите вскрытие. Если что-нибудь найдете, сообщите мне.

Он посмотрел на помощницу режиссера, которая молча слушала их разговор.

— Больше никаких лазеров для архимага, по крайней мере в ближайшем будущем, — сказал он. — Сможете что-нибудь соорудить к представлению в четыре двадцать?

— Придется, а что делать?

Повернувшись, она следом за техниками ушла за кулисы, скрывшись в темном туннеле, который вел к костюмерным.

Аллокко посмотрел ей вслед, затем достал из кармана рацию.

— Девяносто седьмой, говорит Тридцать третий.

— Да, сэр.

— Проверьте историю Башни грифонов. Были попытки проникновения за последние сутки?

— Одну минуту. — Начальник охраны ждал, прислушиваясь к негромкому шипению помех. — Нет, сэр. Разрыв одного луча, остальное чисто.

— Разрыв луча? Где?

Послышался стук клавиш.

— Башня грифонов, двести шесть. Западная сторона, мостик четыре.

— И когда это произошло?

— Примерно пять минут назад, сэр. Хотите, я направлю кого-нибудь для осмотра?

— Нет, спасибо. Проверю сам. На сигналы с башни не

обращайте внимания, пока я снова с вами не свяжусь.

Убрав рацию в карман, Аллокко направился дальше за кулисы, задумчиво разглядывая переплетение перекладин и металлических балок, составляющих каркас Башни грифонов.

Все общественные места в Утопии были окружены сетью инфракрасных лучей, гарантирующих, что посетители аттракционов будут оставаться в своих тележках и не забредут, преднамеренно или случайно, в потенциально опасные места за кулисами. Когда человек пересекал инфракрасный луч, происходил лишь временный его разрыв. Если луч оставался разорванным постоянно, это почти всегда означало отказ оборудования.

К тому же кто из посетителей стал бы карабкаться по металлическим стропилам, избежав всех остальных датчиков, а затем сидеть неподвижно прямо на пути луча?

Аллокко посмотрел на металлический мостик, по которому прежде двигался робот с лазером, затем на то место на сцене, где только что лежал раненый рыцарь.

Сама мысль казалась ему безумной. И тем не менее глава службы безопасности знал, что должен ее проверить.

Перекладины металлической лестницы, выкрашенные серой краской, казались холодными на ощупь. Он стал осторожно подтягиваться вверх, перебирая руками. Прошло немало лет с тех пор, как он карабкался по лестницам — или бежал трусцой, или плавал, или занимался какой-либо физической деятельностью, кроме ходьбы, — и меньше чем через минуту он начал задыхаться. Перед глазами проплывали разнообразные элементы закулисного оборудования — антенные оттяжки, подъемные блоки занавеса, черные электропровода.

Стало темнее. Едва можно было расслышать доносившиеся снизу звуки — бормотание голосов, звонкую песню трубадура. Над головой виднелись очертания мостика с нарисованной снизу белой краской цифрой «2». Он выбрался на мостик, тяжело дыша. По одну его сторону располагался наблюдательный пост с биноклем и телефоном. Во время представлений здесь царило оживление, но сейчас не было ни души. Вдоль стены над мостиком тянулась узкая лента светящихся огоньков, чтобы рабочие не наталкивались друг на друга, спеша туда и обратно.

Пройдя по мостику двадцать футов до следующей лестницы, Аллокко вздохнул, схватился за перекладины и начал подниматься дальше.

До мостика номер три карабкаться пришлось дольше. Добравшись до него, Аллокко подтянулся, уселся на жесткую решетку и прислонился спиной к перилам. Он чувствовал, как пот стекает у него по спине, пропитывая рубашку. Это просто безумие. Следовало послать сюда обычную команду охранников. А лучше поручить это отделу технического обслуживания. Но раз уж он забрался так далеко, нет смысла возвращаться. Да и физические упражнения не помешают.

Тяжело дыша, он огляделся вокруг. Теперь он находился на уровне потолка кулис. Свет здесь был слабее; в дальнем конце мостика угадывалась большая надстройка — помещение для гидравлического механизма, сбрасывавшего на зрителей в кульминационный момент шоу отвалившийся кусок каменной кладки. Наверху сходились вместе внешняя и внутренняя стены — узкий вертикальный канал, образующий фасад Башни грифонов. Впереди виднелось основание еще одной лестницы, уходящей в темноту над головой. Он подождал минуту-другую, переводя дыхание, затем поднялся на ноги. Слишком много еще нужно сделать, нельзя сидеть здесь весь день.

Подниматься внутри оболочки башни оказалось намного труднее. Если он слишком сильно отклонялся назад, его спина цеплялась за шершавый искусственный камень внутренней стены. Приходилось прижиматься к перекладинам и подтягиваться. К тому времени, когда над ним возникли туманные очертания мостика номер четыре, мускулы его рук сводило судорогой. Задышавшись, он с трудом выбрался наверх.

Эта площадка использовалась лишь для техобслуживания и редких проверок безопасности; здесь было очень темно. Трудно поверить, что прямо за внешней стеной ярко светит солнце, гуляют менестрели, смеются туристы. Аллокко прислонился к лестнице, чувствуя, как отчаянно колотится сердце. Будет здорово, если его хватит сердечный приступ. Никто не найдет его как минимум неделю.

Минуту спустя, когда дыхание немного успокоилось, он достал из кармана рубашки маленький фонарик. Слабый, похожий на нитку

луч осветил мостик над его головой. И почему он не подумал о том, чтобы взять нормальный фонарь?

Взобравшись по последним перекладинам, он шагнул на четвертую площадку — узкую, с высокими перилами. Хотя под ногами Аллокко видел лишь темноту, он прекрасно осознавал величину пропасти, отделяющей его от сцены внизу. Он чувствовал себя маленьким насекомым, ползущим по внутреннему краю банки с завинчивающейся крышкой.

Платформа уходила влево и вправо, исчезая во тьме. Ему говорили про западную сторону. Сориентировавшись, Аллокко осторожно двинулся вперед, освещая фонариком путь перед собой.

Мгновение спустя луч выхватил из темноты корпус инфракрасного датчика, закрепленного на перилах примерно в футах над полом. Он был искусно спрятан, но тем не менее легко доступен, если знать, что искать. Начальник охраны присел рядом с ним, направив луч на переднюю панель. GT-205. Это означало, что дефектный датчик — следующий. Слава богу. Поднявшись, он снова двинулся вперед.

Внезапно он остановился, напряженно прислушиваясь. Он открыл было рот, чтобы крикнуть, но некое шестое чувство подсказало ему, что стоит промолчать.

Затем произошло нечто странное — его правая рука потянулась к поясу, наткнувшись на пустоту.

Аллокко удивленно посмотрел на собственную ладонь.

Много лет назад — в другой жизни — он служил в полиции Бостона. Ему уже лет десять не приходилось доставать пистолет — какой атавистический импульс побудил его сделать это сейчас?

Глава службы безопасности оглядел мостик, освещая темноту фонариком, пытаясь заметить какое-то движение, блеск металла — все, что могло бы представлять угрозу. Сердце его колотилось, инстинкты поднимали тревогу. Но он не слышал ни звука, не видел ни малейшего движения и несколько минут спустя заставил себя расслабиться. Вздохнув, он выпрямился, достал рацию и поднес к губам, но тут же снова опустил в карман. Он рядом с датчиком. Какой смысл теперь вызывать подкрепление?

Аллокко тряхнул головой, ругая себя за собственную глупость.

Он позволил Джону Доу себя напугать. Слава богу, что Сара Боутрайт его сейчас не видит. Она терпеть не могла любых проявлений слабости. А он стоит тут, весь в поту, тяжело дыша, с отчаянно бьющимся сердцем, словно полицейский-новобранец на первой операции. Просто стыд и позор. Полный непрофессионализм. Возможно, тот тип всего лишь пудрил им мозги. И все это просто игра вроде ложных предупреждений о заложенных бомбах, которые они постоянно получали. Кто из террористов, бандитов, профессиональных наемников, вообще кто угодно, стал бы атаковать парк развлечений? В Утопии не было ничего такого, что могло бы им понадобиться.

Тихо посмеиваясь над собой, Аллокко снова двинулся вперед, освещая мостик фонариком в поисках дефектного датчика. Вот он — у самого пола, в том же месте, что и предыдущий, футах в двадцати впереди.

Он тут же увидел, что датчик вполне исправен. Но на пути луча что-то виднелось.

Глава службы безопасности сделал еще несколько шагов, на этот раз медленнее, — и у него перехватило дыхание.

— Господи, — прошептал он.

Опустившись на колени, он уставился на пол перед собой.

Теперь у него уже не оставалось ни малейших сомнений: что бы здесь ни происходило, это в любом случае не игра.

13 часов 42 минуты

Тщательно закрыв и заперев за собой дверь кабинета Сары Боутрайт, Аллокко задернул шторку на окне, выходящем в коридор, и подошел к столу для совещаний, положив на него металлический чемоданчик. Фред Барксдейл, который стоял в дальней части кабинета, шагнул ближе, нахмурившись и плотно сжав безупречно очерченные губы.

Сара откинулась на спинку кресла.

— Итак, Боб, рассказывайте.

Лицо Аллокко покраснелось, рубашка под пиджаком промокла от пота.

— Я велел технику, отвечающему за безопасность лазеров, исследовать пушку. Он считает, что ее перегрузили — подали триста с лишним ватт вместо расчетных тридцати. Ее просто разорвало.

— Этого не может быть. В парке используются только лазеры второго класса, и они не... — Сара осеклась. — Лазер управлялся роботом?

— Да. Он двигался по подвесному тросу, отслеживая сигнал с шлема того бедняги.

Наступила тишина.

— Опять метасеть, — негромко проговорил Барксдейл.

— Я только начал, — продолжал начальник службы безопасности. — Поступило сообщение о срабатывании датчика охранной сигнализации в Башне грифонов. Я проверил, в чем дело. И нашел вот это.

Щелкнув замками чемоданчика, он открыл его и приподнял за края то, что лежало внутри. Саре оно показалось похожим на брусок серого пластилина, завернутого в прозрачную пленку с отштампованными на ней рядами цифр.

Аллокко очень осторожно положил брусок на стол.

— Си-четыре, — сказал он.

— Си-четыре? — переспросила Сара, вставая и приглядываясь к

странному предмету.

— Бризантная взрывчатка военного образца. Пятифунтовый заряд.

Сара застыла на полушаге. Затем она медленно опустилась обратно в кресло, не отводя взгляда от серого бруска.

— Я нашел его на мостике в башне. Кто-то специально подложил его под датчик сигнализации.

— Господи, — сказал Барксдейл. — Они собирались взорвать аттракцион.

Начальник охраны покачал головой.

— Не думаю.

— Это почему же, черт возьми?

По лицу Аллокко пробежала странная, едва заметная улыбка.

— Смотрите, что было вместо детонатора.

Сунув руку в нагрудный карман пиджака, он достал завернутый в розовую бумагу леденец.

Все молчали. Сара уставилась на маленький круглый шарик на конце белой палочки.

— Виноград, — пробормотала она.

— Я разговаривал с рабочими сцены. Никто ничего не видел. Но кому-то удалось обмануть все датчики, подложить взрывчатку и уйти.

— Ничего не понимаю, — сказал Барксдейл.

— Зато я, похоже, понимаю. — Аллокко положил леденец рядом с чемоданчиком. — Он просто сообщает нам, что в состоянии причинить нам немало вреда. Безнаказанно разрушить аттракционы. Собственно, если подумать, все те сбои, которые мы наблюдали, могли быть вовсе не сбоями. Мы получили обещанное шоу, и я полагаю, что наш друг Джон Доу ясно дает нам понять: он может действовать в двух направлениях.

Барксдейл перевел взгляд с Аллокко на Сару и обратно.

— Боб имеет в виду, что мы в полной их власти, — медленно проговорила директор, не желая, чтобы охватившие ее чувства —

удивление, тревога, злость — помешали принять правильное решение. — Они перепрограммировали нескольких роботов, чтобы создать хаос в парке, ослабили стопоры русских горок, перегрузили лазеры. Но у них также есть средства для того, чтобы взорвать нас ко всем чертям и уйти.

— Что вам говорил Джон Доу? — сказал глава службы безопасности. — Он хочет развеять любые оставшиеся сомнения? Меня он убедил.

Аллокко подошел к столу Сары и снял трубку телефона.

— Что вы делаете? — спросила директор.

— Я намерен объявить начало эвакуации парка, — ответил он, набирая номер. — А потом связаться с полицией штата. Моим приятелям из подразделения «Е» очень интересно будет об этом услышать. Нам потребуются две или три команды спецназа, а также федеральные агенты в штатском, обученные рассеивать толпу в опасной зоне...

Барксдейл шагнул вперед и резко опустил руку на рычаг телефона. Жест выглядел таким нехарактерным и поспешным, что Сара удивленно уставилась на него.

— В чем дело, черт бы вас побрал? — прорычал начальник охраны.

— Могу спросить вас о том же самом. Вы что, не помните, зачем они устроили эту демонстрацию? Чтобы предостеречь нас от неразумных поступков.

Яростно сверкнув глазами и не говоря ни слова, Аллокко снова снял трубку.

— Оставьте телефон, — тут же сказала Сара.

Аллокко замер. Несколько мгновений на его лице отражалась внутренняя борьба, но холодному командному тону директора невозможно было противостоять. Глава службы безопасности разжал пальцы, и трубка снова упала на рычаг.

— Прежде чем поступить в точности противоположно тому, о чем нас предупреждали, нам стоило бы лучше узнать то, с чем мы имеем дело, — сказала она, чуть смягчив тон голоса.

Аллокко заговорил, продолжая смотреть на нее:

— С чем мы имеем дело? Давайте объясню. Я наблюдал за публикой, выходящей после представления из Башни грифонов. И знаете что? Они были в полном восторге. Никто не понял, ни у кого не возникло даже малейшей мысли о том, что кто-то пострадал. — Он махнул рукой в сторону взрывчатки. — Если бы этот заряд сработал, внутренняя стена башни обрушилась бы прямо на аудиторию в три тысячи человек. Это был бы провал всего шоу — в буквальном смысле. И знаете, что бы случилось? Они продолжали бы восторгаться — вплоть до момента, когда она рухнула бы им на головы. Ведь все они только что видели, как обвалился другой фрагмент башни с противоположной стороны зала. И это являлось частью спектакля.

Он медленно обошел вокруг стола, затем остановился напротив Сары.

— Сколько у нас сегодня посетителей? Шестьдесят шесть с лишним тысяч? И никто из них не ощущает даже примитивного чувства самосохранения. Все инстинкты они оставили у входа. Именно за это они и платят. Люди видят пламя, слышат взрыв, чувствуют, как тележка начинает сходить с рельсов, — и что они делают? Смеются еще громче. Потому что все думают, что это часть аттракциона. И в итоге любой из них становится легкой добычей.

Он повернулся к Барксдейлу.

— Сколько роботов работает у нас в парке?

Тот немного подумал.

— Тех, что подключены к метасети? После сокращения в прошлом месяце — восемьдесят, плюс-минус пять.

— Восемьдесят, и каждый из них — потенциальная бомба с часовым механизмом. Даже если бы мы могли без особых проблем все их отключить, у нас нет времени добраться до каждого. Но дело не только в роботах. Мы предоставили этому Джону Доу идеальное поле деятельности. — Он наклонился через стол. — Он подложил взрывчатку в стены Башни грифонов. Но он мог с тем же успехом устроить диверсию на газовых трубах для пиротехнических эффектов. Или...

— Именно в том и суть! — кивнул глава системного отдела. — Вы сами сказали: мы не в состоянии все проверить. У этих негодяев в руках все карты. Нужно думать о безопасности наших гостей. И

сейчас не может быть и речи об эвакуации, о вызове полиции...

— Прошу прощения, но это единственный выход. У нас нет средств, чтобы защититься от подобной угрозы. — Аллокко показал на пластиковую взрывчатку. — Что касается гостей — думаете, тех, кто ее подложил, заботит жизнь нескольких сотен туристов?

— Вряд ли, — ответил Барксдейл. — Именно потому и нельзя их провоцировать.

Оба повернулись к Саре, словно призывая их рассудить. Взгляд начальника охраны был непреклонен и решителен; на аристократическом лице Барксдейла отражались почти физические страдания.

— Мы не станем вызывать полицию, — сказала она.

По лицу англичанина пробежала волна облегчения.

Аллокко побагровел.

— Что? — возмутился он. — Вы собираетесь подчиниться этому негодяю?

— Нет, — ответила директор. — Я не стану этого делать.

Она ощутила, как холодный гнев вытесняет все остальные чувства. Она вспомнила надменность, с которой Джон Доу явился к ней в кабинет, пил ее чай, выдвигал свои требования, гладил ее по лицу; то, как он продуманно, словно мимоходом осквернял ее парк, причиняя страдания ее людям... Он полагал, что она попросту опустит руки перед его угрозами. Но он ошибался.

— Джон Доу говорил мне, что наблюдает за входами и выходами, — сказала она. — Он намекал, что, если мы начнем эвакуацию, посетители погибнут. У меня нет оснований полагать, что он лжет. И наводнять Утопию полицейскими тоже не выход. Мы будем договариваться с Джоном Доу. Но на наших условиях и с участием наших людей. — Она повернулась к начальнику системного отдела. — Фред, ты говорил, что у них в руках все карты. Мне так не кажется. Это наш парк. И преимущество на нашей стороне.

Барксдейл протестующе поднял руку, но тут же снова ее опустил.

— Но прежде всего о деле. Они намекали, что наблюдают за монорельсом, поэтому всеобщую эвакуацию мы объявить не можем

— по крайней мере, пока. Так что начнем с процедур, рассчитанных на случай угрозы взрыва бомбы. Боб, проинструктируйте сотрудников службы безопасности, но без подробностей. Соберите вместе всех важных персон, проводите их в центр для почетных гостей. Скажите им, что приезжает президент, вообще что угодно, но соберите их там. Тем временем я позвоню в Вегас и отменю молочную развозку. Фред, предупредишь свою финансовую службу?

Барксдейл кивнул. Хотя большинство финансовых операций в парке совершались с использованием кредитных карточек посетителей, во многих местах продолжали использоваться наличные, особенно в казино. «Молочной развозкой» в Утопии называли еженедельный рейс броневедомобиля из Лас-Вегаса.

Сара снова посмотрела на начальника охраны.

— Вход в парк мы закрыть не можем. Но давайте начнем раньше закрывать билетные кассы, скажем, по четыре каждые полчаса. Нужно сдвинуть расписание монорельса на пару часов, увеличив поток уезжающих.

— Можно отключить один или два основных аттракциона, — сказал Аллокко. — Если люди подумают, что они уже все увидели или что очереди становятся чересчур длинными, они могут уехать быстрее.

— Хорошо, но без лишнего шума. И отправьте того робота из Башни грифонов в лабораторию Терри Бонифацио. Пусть доктор Уорн изучит его. Возможно, найдется нечто общее, что поможет нам выяснить, нет ли подобных повреждений и у других роботов.

— Сделаем это немедленно.

Аллокко снова потянулся к телефону. Барксдейл хмуро посмотрел на него, затем повернулся к Саре.

— Но если ты хочешь, чтобы все оставалось в тайне...

— Мы не станем говорить Эндрю больше, чем требуется. Но сейчас нам нужна его помощь. Особенно если учесть... — Она помолчала. — Особенно если учесть, что, похоже, метасеть может быть тут и ни при чем.

Барксдейл стоял рядом с ней, с отсутствующим видом разглаживая галстук. Увидев озабоченное выражение на его лице, Сара вдруг ощутила, насколько он ей близок. Однако она тут же

отбросила подобные мысли — сейчас не время для этого.

— О чем ты думаешь, Фред? — спросила она.

— Просто не могу понять. Если метасеть ни при чем, тогда что могло случиться? Каким образом эти парни могли загрузить программы в роботов? Наша компьютерная система полностью закрыта, и никто извне не мог...

Глава системного отдела замолчал.

Послышался щелчок — Аллокко положил трубку телефона.

Сара пристально наблюдала за лицом Барксдейла. Он был самым безукоризненным и обаятельным из всех мужчин, которых она когда-либо встречала. Но в нем странным образом сочетались проведенная в английских частных школах юность и карьера в высших эшелонах информационной службы. Если возникала какая-либо проблема, он инстинктивно предполагал, что ее причиной является отказ машины. Ему никогда не приходило в голову рассмотреть возможность человеческой ошибки или предательства. Это было просто нечестно, неспортивно. Но теперь Сара заметила в его глазах проблеск некоей мысли, которая, как она уже поняла, вполне могла оказаться правдой.

— Фредди, — сказала она, понизив голос, — составь мне список всех ваших сотрудников, имеющих соответствующие права доступа и опыт, чтобы проделать такое. И кто из них сегодня на работе.

Барксдейл несколько мгновений стоял неподвижно, словно сама мысль о подобном заставила его окаменеть, затем медленно кивнул.

— И я сделаю это прямо сейчас.

Он направился к выходу.

— И еще, Фред. Держи язык за зубами. Молчи как рыба.

Когда за англичанином закрылась дверь, Сара повернулась к Аллокко.

— От вас мне хотелось бы того же, — сказала она. — Составьте мне список сотрудников службы безопасности, у которых могут быть либо соответствующие возможности, либо мотивы. Всех, кто недоволен своей работой, кому не нравится начальство. Тех, у кого проблемы с наркотиками, нехватка денег.

Они многозначительно переглянулись. Аллокко кивнул.

— Этот ваш техник, Ральф Пеккем, — он что-нибудь нашел?

— Все еще просматривает журнал видеозаписей.

Сара задумчиво помолчала.

— Он не мог инсценировать тот сбой в Улье сам? Когда мы потеряли видеослед Джона Доу?

— Нет. По крайней мере, без соответствующей подготовки.

— Вы говорили, что он работал в системном отделе. Вы ему полностью доверяете?

— Готов лично за него поручиться. Он никогда бы в подобное не ввязался, я слишком хорошо его знаю.

— Ладно, — кивнула директор. — Пусть дальше занимается журналом. — Она отошла от стола к схеме Утопии. — Держите меня в курсе, Боб. Если вам удастся придумать, каким образом покончить со всем этим без ненужного риска для нашего парка или наших посетителей, — сообщите мне.

Ее прервало негромкое жужжание.

Сначала Сара не поняла, что это за звук. А потом удивилась, как она могла забыть, даже на секунду.

Она достала из кармана маленькую рацию.

— Мисс Боутрайт? — послышался приятный, с легким акцентом голос Джона Доу. — Сара?

Директор посмотрела на Аллокко. Шеф службы безопасности полез в карман, вытащил миниатюрный диктофон и протянул ей.

— Сара? Вы меня слышите?

— Да, — ответила она, включая диктофон на запись и держа его рядом с рацией.

— Вы видели наше шоу в час тридцать?

— Не лично. Но мне доложили.

— Значит, мы можем перейти к делу без дальнейших неприятностей?

— Давайте скорее.

— Как хотите. Я хочу рассказать вам небольшую историю.

Слушайте внимательно. Она не длинная и, думаю, будет вам весьма интересна.

13 часов 45 минут

— Можно мне выйти в сеть с одного из этих терминалов? — Джорджия прошла последний уровень на «геймбое» и теперь с несчастным видом сидела на полу, скрестив ноги и бросая Непоседе комок бумаги. — Может, скачаю что-нибудь из Дюка Эллингтона.

В другом конце лаборатории Терри Бонифацио деловито намазывала коричневой креветочной пастой ломтик зеленого манго.

— Не получится, детка.

Джорджия посмотрела на десяток свободных компьютерных терминалов, всем своим видом словно говоря: «Что, даже одного выделить не можете?»

Терри перехватила ее взгляд и улыбнулась.

— Это закрытая система, выхода во внешний мир нет. Слишком рискованно с точки зрения безопасности. Впрочем, если тебе интересно, у меня есть несколько пиратских концертов «Ганз энд роузис».

— Нет, спасибо.

Уорн, до этого смотревший на монитор метасети, откинулся на спинку стула и устало огляделся вокруг.

— Период увлечения калифорнийским постпанковским хардрокком закончился у нее в прошлом декабре. — Взгляд его упал на манго. — Прошу прощения, но выглядит неаппетитно.

— Вам еще повезло. В свое время я приносила на обед динугуан.

— Боюсь даже спрашивать, что это.

— Свиная голова, сердце и печень в соусе из свиной крови. И еще балун-балуна, который...

— Ладно, ладно.

Сидящая на полу Джорджия исполнила замысловатую пантомиму, сунув два пальца в рот. Улыбка Терри стала шире.

Девочка бросила комок бумаги в дальний угол лаборатории. Робот немедленно устремился за ним, водя по сторонам датчиками. Его головной модуль наклонился вперед, раскрылись большие

механические челюсти. Схватив комок, он на полной скорости покатился обратно к Джорджии, удивительно мягко выронив бумагу в ее протянутую руку.

— Хороший мальчик, Непоседа! — проворковала девочка.

Робот возбужденно твякнул и неуклюже завертелся на месте.

— Смотри, он гоняется за собственным хвостом, — сказала Терри. — Совсем как настоящий пес.

Джорджия бросила бумагу на пол и повернулась к отцу.

— Пап, вы еще не закончили? Мы целый час тут торчим.

— Полчаса, принцесса.

— Не называй меня принцессой. — Она посмотрела на часы. — Уже почти два.

— Еще чуть-чуть. — Он взглянул на Терри, затем показал на терминал. — С метасетью все в порядке. Я пытался взломать ее любым возможным способом. Многопоточные загрузки, пропуск параметров, что угодно. И каждый раз она лишь выдает сообщение об ошибке.

Женщина доела манго и пожала плечами, словно заявляя: «Я же вам говорила».

— Все так, как вы сказали. Все изменения в метасети вполне доброкачественны. — Снова повернувшись к терминалу, Уорн начал водить по экрану мышью. — Что меня по-настоящему беспокоит, так это сообщения о происшествиях. Я проверил почти все сбои тех машин. И знаете что? Судя по логам метасети, ни к одному из роботов даже не притрагивались. Метасеть не вносила корректив в их программный код. И вот это-то мне непонятно.

Он повернулся к терминалу. С экрана на него смотрело отражение его собственного лица — бледного, слегка осунувшегося. Неожиданно на него нахлынула волна воспоминаний. Последний раз, сидя за таким же терминалом в Карнеги-Меллоне, он чувствовал почти отеческую гордость за свое творение, которому предстояло отправиться в Неваду. Метасеть должна была стать первой в ряду революционных достижений, которые, вне всякого сомнения, вышли бы из его лаборатории. Его теории машинного обучения произвели фурор в обществе специалистов по робототехнике. И он нашел

могущественного сторонника в лице Эрика Найтингейла...

У того Эндрю Уорна, который смотрел на него теперь с экрана монитора, дела обстояли куда хуже... Он закрыл глаза и опустил голову. «Что произошло? — спрашивал он сам себя. — Как могло все столь быстро перемениться? Такое ощущение, будто мне никак не поймать свой шанс...»

Послышались гудение моторов и громкое металлическое тьяканье. Непоседа катался вперед и назад по середине лаборатории, словно что-то искал. Затем он остановился перед рядом флуоресцентных ламп.

— Что он делает? — спросила Терри.

— Заряжает солнечные батареи. Поскольку его аватар — которым в последнее время является Джорджия — не двигается, он находится в состоянии ожидания, выполняя фоновые задачи вроде поиска самого яркого источника света и движения к нему. Помните институтский курс кибернетики? Черепашку Грея Уолтера [\[27\]](#), ее примитивное поведение с поиском и избеганием света? Тут то же самое.

Терри наблюдала за роботом, неподвижно застывшим под лампами.

— Он полностью автономен? Если бы он был подключен к метасети, я бы об этом знала.

— Да.

— Как я понимаю, он использует для поиска пути алгоритм А-стар? Как вам удалось обойтись без обычных зигзагов?

— Добавил кое-какую постобработку.

— А его архитектура полностью основана на реакции на внешние раздражители? Скорее всего, да, учитывая всю ту обработку случайных данных, которой бедняге приходится заниматься.

— Верно. Но иерархическое ядро придает ему некоторые личные черты, делает его поведение более реалистичным. Хотя далеко не всегда он ведет себя так, как от него ожидают. Порой он бывает просто невыносим.

Он посмотрел на Терри. Она явно хорошо разбиралась в своей области.

Сообщество специалистов по робототехнике делилось на два лагеря. Представители старшего поколения верили в создание роботов с «жестким» искусственным интеллектом — высокоструктурированных иерархических систем с заранее определенными внутренними моделями мира и жестко заданными представлениями об этом мире. Сторонники более нового течения — к числу вызывающих споры лидеров которого принадлежал Уорн — верили, что будущее за робототехникой, основанной на поведении, — системами, действия которых базировались на том, что подсказывали им их датчики, а не на готовых инструкциях.

— Есть в нем нечто тревожащее, — сказала Терри. — Словно никогда заранее не знаешь, как он поступит. И почему он такой большой?

— Когда я его впервые собрал, компоненты еще не были столь миниатюрными, как сейчас. За прошедшие годы я поменял множество деталей, и в итоге вес его уменьшился вдвое, освободилось место для более мощных моторов и приводов. Вот почему он такой проворный, в числе прочего. — Уорн посмотрел на нее. — Вы говорите так, будто никогда его раньше не видели.

— Только на расстоянии. Он стоял в углу кабинета Сары Боутрайт. Или, может быть, Барксдейла — не помню.

Уорн вздохнул. Почему-то его это не удивило.

— Расскажите мне про Фреда Барксдейла, — попросил он. — Что он за человек?

— В общем... он обаятельный, вежливый, воспитанный, обходительный... Если, конечно, вам нравятся такие черты в людях. Может часами цитировать Шекспира. Все женщины в системном отделе от него без ума. Собственно, именно потому ко мне это не относится.

Ученый усмехнулся.

— По слухам, у него роман с Сарой Боутрайт, — продолжила она.

Смех застыл на губах Уорна. Он посмотрел на Терри, и ему показалось, что в ее голосе прозвучали ехидные нотки.

— Не беспокойтесь, доктор Уорн, — сказала она. — Я все знаю. И про вас тоже. Утопия еще больше полна сплетнями, чем Пейтон-

Плейс [\[28\]](#).

Вздохнув, он отвел взгляд.

— Это старая история.

— Не очень, — пробормотала Джорджия.

Терри расхохоталась.

— Знаете, а мне нравится ваша дочь.

Девочка покраснела и улыбнулась.

Уорн снова посмотрел на экран, перемещая мышь от одного окна с кодом к другому. И снова на него нахлынули смешанные чувства — страх, безысходность. Он понимал, что теряет метасеть и это происходит прямо у него на глазах. И тем не менее с ней все было в порядке — он только что провел все тесты, какие только мог себе представить. Но что-то все же явно не так. Несчастный случай на «Ноттингхиллских гонках». А сегодня утром его собственное творение, Хард-Плейс... Непонятно. Убрав руку с мыши, он рассеянно потер саднящее запястье.

Рядом послышался шум — Непоседа, батареи которого полностью зарядились, метнулся к нему, схватил мышь и бросился прочь. Раздался громкий щелчок. Уорн посмотрел на громадного робота, который держал в металлических челюстях мышь со свисавшим, словно хвост, оборванным проводом, словно приглашая поиграть в салочки.

— Непоседа, не гоняйся, — устало сказал он, поворачиваясь к Терри. — Не могли бы вы принести другую мышь?

— Конечно. Он всегда так?

— Он обожает гоняться за автомобилями, роботами, за всем, у чего есть колеса. Не спрашивайте, откуда это у него. Пришлось закодировать ему специальную команду «не гоняйся». Да и то она не всегда срабатывает.

«Моя карьера в миниатюре», — подумал он, мрачно глядя на робота. Неудивительно, что тот превратился в пыльный реликт.

Тереза отошла за новой мышью. Ее изящная фигура выглядела весьма привлекательно даже в лабораторном халате. Уорн посмотрел на Джорджию, которая с несчастным видом листала промышленный

каталог, затем снова на экран.

И опять у него возникло ощущение, будто что-то не так.

А потом он неожиданно понял, что именно. Все оказалось так просто и очевидно, что он до последнего не мог уловить никакой связи.

— Терри, — сказал он, — если система изменила программы некоторых роботов для неуместных действий, почему эти модификации не отражены в логах? Я проверял все логи метасети. Но по поводу свихнувшихся роботов в них ничего нет.

Терри покачала головой.

— Этого не может быть.

— И еще одно. На совещании сегодня утром Барксдейл сказал, что проблемы непостоянны. Роботы сегодня ведут себя некорректно, а завтра все в полном порядке. — Уорн помолчал. — Если система дала роботам указание вести себя неправильно, кто приказал им вернуться к обычному поведению?

Тереза посмотрела на него, и в ее черных глазах отразилось беспокойство.

— Это может сделать только метасеть.

— Именно. Но ни в каких внутренних логах не отражено ни появление сбоев, ни их исправление. — Уорн отодвинул в сторону стопку сообщений. — Сколько применений неверного кода вы наблюдали собственными глазами?

— Только один. «Ноттингхиллские гонки».

— Как вы определили, в чем ошибка?

— Техники прошли вдоль всего аттракциона и обнаружили неисправные предохранительные стопоры. Я нашла в коде команду, изменившую поведение роботов.

— Как именно?

— Программа была скорректирована таким образом, чтобы ослабить стопоры, а не подтянуть их.

Уорн невольно вздрогнул. Роботы могли получить такие инструкции только двумя способами. Доступ к терминалу метасети

имела только Терри. Либо она преднамеренно вручную перепрограммировала роботов, либо их задачу модифицировала сама система, и именно она стала причиной случившегося. Он снова ощутил нарастающую безысходность.

— Пап, — сказала в наступившей тишине девочка, — ну пойдем. Пожалуйста!

— Джорджия! — Уорн резко повернулся к ней, но тут же глубоко вздохнул, пытаясь подавить раздражение. — Извини, но мне нужно закончить. — Он посмотрел на экран, немного подумал, затем снова повернулся к дочери. — Вот что. Разрешаю тебе самой прокатиться на нескольких аттракционах. Что скажешь? Дай мне еще час. Нет, полтора.

— Не хочу одна, — сказала Джорджия. — Что в этом интересного?

— Иначе не получится, милая. Извини. Всего полтора часа. Встретимся у... — нашарив в кармане путеводитель, он развернул карту. — У стойки информации в Ядре. В четверть четвертого. И вместе закончим осмотр Дощатых Тротуаров. Хорошо?

Джорджия задумчиво пожевала губу, затем кивнула и встала.

— Спасибо за «геймбой», — сказала она Терри и, вставив в уши наушники и закинув за спину рюкзак, направилась к двери.

— Джорджия! — позвал ученый.

Она обернулась, остановившись на пороге.

— Никаких русских горок, никаких опасных аттракционов. Дождись меня.

Она нахмурилась.

— Обещаешь?

— Да, — вздохнула она и выскользнула из кабинета, закрыв за собой дверь.

Наступила тишина. Уорн обнаружил, что взгляд его остановился на двери.

— Милый ребенок, — сказала Терри. — Насколько вообще могут быть симпатичны дети.

Она проказливо улыбнулась.

Уорн повернулся к ней.

— Не любите детей?

— Не в этом дело. Думаю, я никогда не умела общаться с ними. Особенно когда я сама была ребенком. — Тереза пожала плечами. — У меня почти не было друзей моего возраста, да и вообще друзей. Я всегда уютнее себя чувствовала среди взрослых.

— Очень похоже на Джорджию. Меня самого это порой беспокоит. С тех пор как умерла ее мать, такое ощущение, будто она окружила себя каменной стеной. Я единственный, кто ей по-настоящему близок.

— По крайней мере, у нее есть любящий отец.

— А у вас не было?

Тереза закатила глаза.

— Не спрашивайте. Это был злой волшебник с Востока.

Потянувшись, Уорн снова взглянул на терминал.

— Вернемся к делу. Во всем этом есть некая загадка, которую я не могу понять. — Он махнул в сторону пачки отчетов. — Только метасеть могла стать причиной сбоя. Но почему вы на самом деле видели измененный код только в «Ноттингхиллских гонках»? Что в нем было особенного по сравнению с другими?

Терри уставилась в пол.

— Там произошел несчастный случай, — сказала она.

Ученый на мгновение опустил взгляд.

— И вы закрыли аттракцион, — подытожил он. — Когда вы исследовали двух роботов с «Ноттингхилла»?

— На следующее утро.

— Они были тогда подсоединены к метасети?

— Нет, конечно. Весь аттракцион отключили.

— Естественно. — Уорн взял стопку отчетов. — А проблемы с остальными роботами — когда их тестировали?

— Обычно на следующий день после составления отчета.

— Их когда-либо проверяли раньше?

— В срочных случаях мы осматривали их в первую очередь.

— А именно?

— Около половины десятого утра. Сразу после загрузки.

— Сразу после загрузки. — Он быстро посмотрел на нее. — Вот оно. Вот почему вы видели измененный код только в «Ноттингхилле». И нигде больше.

— Не совсем понимаю.

— Я уверен, что если мы исследуем внутренние программы Хард-Плейса, то увидим то же самое. Господи, разве вам не ясно? Все остальные наверняка...

Внезапно раздался стук в дверь.

— Войдите! — крикнула Терри.

Дверь открылась, и вошел высокий худой человек в лабораторном халате, толкая перед собой тележку. На ней лежал металлический ящик размером с коробку из-под молока, из которого торчали разноцветные провода — центральный процессорный модуль Хард-Плейса. Рядом с ним стоял приземистый робот. Уорн узнал его тип — автономная система последней модели, часто используемая для простых служебных задач. Но его верхняя панель выглядела странно обугленной, словно кто-то прошелся по ней паяльной лампой.

Непоседа повернул головной модуль к новоприбывшим. Издав низкое рычание, он покатился к тележке.

— Непоседа, не гоняйся, — предупреждающим тоном произнес Уорн, тщательно выговаривая команду.

Робот остановился.

— В чем дело? — спросила Терри.

— Мисс Боутрайт просила меня доставить их доктору Уорну. Сказала, что его можно найти у вас в лаборатории. — Человек в халате повернулся к ученому, то и дело бросая нервные взгляды на Непоседу. — Это вы?

— Тот, что больше, — мозг Хард-Плейса, — сказал Уорн, кивая

в сторону тележки. — Я уже рассказывал, как он сегодня на меня набросился. Пришлось отключать его вручную. А вот другого я не знаю.

— Это робот с шоу в Башне грифонов, — пояснила женщина, поворачиваясь к технику. — В чем дело? — повторила она чуть громче.

Техник облизнул губы.

— Лазер свихнулся. Во время шоу в час двадцать.

— Что?

Тот кивнул:

— Перегрузка. Выстрелил парню прямо в лицо.

Побледнев, Терри подошла к тележке, но тут же остановилась, словно не находя в себе сил дотронуться до робота.

— Господи, — сказала она. — Я же его программировала. Это я виновата...

Она в ужасе обернулась к Уорну.

Но тот ее не замечал. Мысли его были заняты другим.

13 часов 47 минут

Сара Боутрайт ждала ответа. В трубке телефона, подключенного к выделенной линии, не раздавалось ни звука — ни цифровых искажений, ни шума помех, вообще ничего.

Наконец снова послышался скрипучий голос Чака Эмори:

— Бризантная взрывчатка?

— Совершенно верно, мистер Эмори.

— Вы уверены?

— Она лежит на столе прямо передо мной.

— Прошу прощения?

— Ее нашел Боб Аллокко. Без детонатора. Нам явно намекают, что шутить не собираются.

— Ничего себе намек. Вы уверены, что это не розыгрыш?

— Начальник службы безопасности говорит, что на этот раз все вполне серьезно. Да и сбой лазерного робота, происшествие на «Ноттингхиллских гонках» — все это не похоже на шутку.

Снова наступила тишина. Сара засомневалась, стоило ли впутывать во все это Эмори, но тут же напомнила себе, что все равно не смогла бы действовать дальше — неважно каким образом, — не поговорив сначала с ним.

Если Эрик Найтингейл был гением-творцом Утопии, то Чарльз Эмори Третий стал тем, кто довел идею до логического завершения и воплотил ее в жизнь. После смерти фокусника Эмори быстро поднялся с поста финансового директора до главы холдинга «Утопия». Ему удалось сохранить поддержку спонсоров и акционеров на последнем этапе разработки и создания парка. Многие ставили Эмори в заслугу то, что он спас Утопию, взяв на себя руководство ее строительством перед лицом неожиданной трагедии. Другие — те, кого, как Эндрю Уорна, привлекала изначальная мечта Найтингейла, — считали иначе, полагая, что новый глава холдинга предал ее, запятнав духом наживы. При Эмори в парке появились завлекательные аттракционы, сдаваемые в аренду участки, торговля сувенирами. И — что вызывало больше всего споров — казино.

Найтингейл планировал построить небольшое игорное заведение в Дощатых Тротуарах, где посетители могли бы играть в азартные игры конца века на никели [\[29\]](#) с головой буйвола. Эмори же заменил его четырьмя большими казино, где крутились настоящие деньги.

Сара с уважением относилась к деловой хватке главы холдинга, зная, что входная плата покрывает лишь половину накладных расходов парка. Остальное поступало за счет торговли едой, напитками и сувенирами, аренды и в особенности казино — реальность бизнеса, с которой Найтингейл вряд ли когда-либо смирился бы. К его чести, Эмори быстро замечал новые тенденции — например, голографические технологии — и старался извлечь из их применения максимальную прибыль. Ему превосходно удавалось руководить Утопией на расстоянии, предоставив заниматься повседневной работой административному персоналу и художникам-оформителям. Впрочем, с критическими ситуациями он справлялся куда хуже. За последнее время подобное случилось лишь однажды — оказавшаяся безосновательной паника из-за мнимой вспышки сальмонеллы в Камелоте, — но Саре хорошо запомнилась его нерешительность, когда требовались срочные меры.

Сейчас нельзя было проявлять ни нерешительности, ни колебаний. Чем дольше она думала, тем больше убеждалась в том, что промедление подобно смерти.

— Вам известно, сколько людей к этому причастно? — спросил Эмори.

— Нет. Судя по всему, это хорошо спланированная операция. И вряд ли она возможна без помощи изнутри парка.

— Господи. Мы знаем чьей?

— Пока нет. Но велика вероятность того, что предатель — кем бы он ни был — работает в службе безопасности или системном отделе.

Пауза.

— Кто эти люди? Фанатики? Какие-то сектанты?

— Вряд ли. Я только что общалась по рации с их представителем. Он сказал мне, что им нужно.

— И что же?

— Горнило, мистер Эмори.

На другом конце линии снова наступила тишина. Затем Сара услышала — или ей показалось, что услышала, — долгий, протяжный выдох.

— Горнило, — повторил глава холдинга.

— Да. Исходный код, базы изображений, вообще все.

Снова пауза.

— Мы можем записать все это на один диск с защитой от копирования, — продолжала она. — Но сначала нам потребуются три электронных ключа — ваш, мой и Фреда Барксдейла, чтобы дешифровать корневые программы.

— Он сказал вам, что произойдет, если мы не подчинимся?

— Весьма подробно. Он заявил, что выведет из строя аттракционы, взорвет рестораны и людей в очередях. Это сотни пострадавших.

— Мы можем найти взрывные устройства? Отключить роботов? Эвакуировать посетителей?

— Нас предупредили, что любая подобная попытка повлечет немедленное возмездие. Он сказал, что монорельсы находятся под наблюдением, и намекнул, что в них заложена взрывчатка. Кроме того, мы должны доставить им программу через полчаса. У нас просто нет времени.

— Понятно. Кто в парке, кроме вас, знает об этом?

— Служба безопасности приведена в состояние готовности. Но в курсе событий только Боб Аллокко и Фред Барксдейл.

— Пусть так и остается, пока возможно. — (Директор услышала, как скрипнуло кресло.) — Но все-таки, Сара, я не понимаю. Технология Горнила слишком отличается от прочих, и никто не осмелится ее использовать. Если мы увидим голограммы, похожие на наши, в другом парке или на каком-нибудь представлении в Вегасе, мы сразу же узнаем, кто истинный виновник.

— У Фреда Барксдейла есть соображения на этот счет. Он полагает, что эти парни собираются использовать Горнило вовсе не для развлечений.

— В смысле?

— По словам Фреда, технологию Горнила можно модифицировать для иных применений. Например, воспроизведения голограмм, использующихся для защитных наклеек на дисках с программным обеспечением и фильмами. Но Фред считает, что, возможно, у них на уме и кое-что более серьезное. Типа новой супербанкноты.

— Супербанкноты?

— Так называли поддельную стодолларовую купюру, найденную в обращении пару лет назад. Помните? Она была почти неотличима от настоящей. Никто не знает, откуда она взялась. Впрочем, возникли предположения, что создать ее могла лишь мировая держава средней величины или террористическое государство. Случившееся настолько напугало казначейство США, что они разработали новую валюту. Со всеми видами защиты от подделок — краской с меняющимися цветами, голографическими водяными знаками, защитными нитями. Но...

Сара замолчала.

— Но Горнило можно перепрограммировать так, что оно будет их воспроизводить, — закончил за нее Эмори.

— Это лишь теория. Фред также предположил, что, возможно, Горнило нужно им для каких-то военных целей — создания ложных тепловых меток или радарных изображений, сбивающих с толку самонаводящиеся ракеты, что-то в этом роде. Сами знаете, как правительство старается наложить лапу на наши патенты.

— Барксдейл говорил вам, насколько сложно это будет осуществить?

— Дело не столько в программном коде, сколько в процессорных мощностях. Воспроизвести небольшую голограмму относительно просто. Но для того, о чем говорил Фред, потребуется доступ к суперкомпьютерам. Ко множеству суперкомпьютеров. Понадобятся ресурсы средней мировой державы.

— Или террористического государства.

Эмори замолчал. Сара почти слышала, как он мысленно перебирает возможные варианты. В первую очередь его интересовали деньги, в которые он переводил и потерю технологии, и связанный с

ней ущерб, и возможную гибель одного-двух десятков посетителей. Если подумать, то уравнение получалось не таким уж и сложным.

Наконец Эмори заговорил:

— Их представитель давал вам какие-либо гарантии, если мы отдадим им исходный код?

— Нет. Он просто сказал, что, если мы сделаем то, о чем он просит, никто не умрет. Они уйдут, и парк снова будет нашим.

Послышался долгий вздох, снова скрипнуло кресло.

— Мне бы хотелось услышать ваши соображения, Сара. Вы находитесь в гуще событий, вы разговаривали с их человеком. По моему, вполне разумно.

Итак, Эмори спрашивал ее мнение. Сара не знала, хороший это знак или дурной.

— Он наглец, ведет себя крайне надменно. Он сидел у меня в кабинете, улыбаясь, словно Братец Кролик [\[30\]](#). — При воспоминании об этом она снова вспыхнула от гнева. — У него нет недостатка в средствах, по крайней мере судя по тому, что мы видели. Как раз эту проблему мы обсуждали с Бобом Аллокко.

— Продолжайте.

— Первая наша реакция была спонтанной: он опасен, нужно дать ему то, что он хочет. Но потом мы начали размышлять. Что, собственно, мы видели? Пистолет, заряд взрывчатки, пару раций. Возможно, они настоящие, а может быть, дорогие подделки. Чего мы не видели, так это людей. Ясно, что на него наверняка работает кто-то из наших, иначе он не смог бы манипулировать роботами и видеокамерами. Но это может лишь означать, что их двое. Не исключено, что это все, чем он располагает. А остальное — блеф.

— В противном случае он смертельно опасен.

— Верно. Но Горнило — драгоценность в короне Утопии. Что, если речь идет всего лишь о двоих аферистах? Мы не можем сдаться без борьбы.

Последовала пауза.

— В результате могут пострадать посетители, — заметил Эмори.

— Этого, разумеется, нельзя допустить. Но даже Братцу Кролику

в конце концов попало смоляное чучелко [\[31\]](#). Аллокко разработал план, как помешать Джону Доу в последний момент.

— Это очень опасная игра, Сара. Если что-то пойдет не так...

— Боб не станет рисковать. Он сядет преступнику на хвост, перехватит его на выходе из парка и отберет диск с технологией Горнила. Если окажется, что Джон Доу не лжет, их целая команда и они хорошо вооружены, — мы немедленно отступим и вызовем полицию. Но только когда они окажутся снаружи, за пределами Утопии.

Снова последовала пауза.

— Есть только два других варианта, — сказала женщина. — Объявить, что Джон Доу блефует, и прекратить переговоры. Или отдать ему диск и просто позволить уйти. С нашей лучшей технологией в кармане.

Послышался вздох.

— И вы можете доверить все это Аллокко? Понимаете, о чем я?

Сара понимала. Из всего персонала Утопии только она и Эмори знали, что Боб Аллокко ушел из полиции Бостона десять лет назад из-за проблем с деньгами, виной чему стала игровая зависимость.

— Идея этой операции принадлежит мне, и я беру всю ответственность на себя. Кроме того, я доверяю Бобу. Ни к чему ворошить прошлое. И думаю, что сейчас у нас нет выбора.

На этот раз пауза затянулась настолько, что Сара подумала, не оборвалась ли связь.

— У нас осталось всего двадцать шесть минут, — наконец сказала она. — Если мы собираемся записать диск, мне потребуется ваш электронный ключ.

Молчание.

— Мистер Эмори? Мне нужно ваше решение.

Наконец генеральный директор Утопии ответил.

— Отдайте его им, — сказал он. — Но пусть Аллокко подложит им свое смоляное чучелко. И ради всего святого, будьте осторожны.

13 часов 50 минут

За стойкой с мороженым в ресторане «Большой Ковш» девушка в летной форме с медным отливом смешивала шоколадно-банановый коктейль. К середине дня посетителей стало больше, и в вестибюле стояла толпа разочарованных зрителей, которые недоуменно разглядывали стойку в попытках понять, что случилось с роботом, на которого они пришли посмотреть. Пространство над головой заполнял огромный диск Юпитера, на фоне которого медленно перемещалось похожее на фурункул ярко-красное пятно. Система громкоговорителей Каллисто, скрытых внутри воздуховодов и пустых стен, издавала смесь низкочастотных звуков — медитативную электронную музыку, которую заглушали разговоры взрослых и восторженные возгласы детей.

Возле большой круглой двери в ста ярдах дальше по вестибюлю крики раздавались особенно громко. Здесь находился вход — «входной шлюз», как называл его персонал на посадке, — в «Галактическое путешествие», новый аттракцион, спроектированный дизайнерами Утопии после смерти Найтингейла. Большинство аттракционов Каллисто из-за чрезмерной остроты ощущений не подходили для маленьких детей. Тогда появилось «Галактическое путешествие». Это был обычный для парков развлечений «темный туннель», в котором маленькие тележки ехали по электрифицированным рельсам мимо ряда движущихся картин — астероидных поясов, туманностей в виде конской головы, сверхновых.

Малыши обожали «Галактическое путешествие». Но любой ребенок старше пяти лет считал аттракцион крайне тупым и обходил его стороной. Учитывая, что его единственными пассажирами были маленькие дети и их измученные родители, вероятность каких-либо инцидентов сводилась к минимуму и потому здесь не было ни постов, ни камер, ни инфракрасных датчиков. А поскольку аттракцион работал практически сам по себе, операторы в основном сидели без дела. В итоге «Галактическое путешествие» стало столь же непопулярным среди персонала Утопии, как и среди взрослых посетителей.

Собственно, почти единственными, кому нравилось там

работать, были романтически настроенные натуры. Как и все основные аттракционы, «Галактическое путешествие» располагало обширной, похожей на лабиринт закулисной территорией. В дальней части находилась мастерская, где отмеряли и чинили темную сетку и черный бархат, применявшиеся в качестве фона. Операторы сочли ее идеальным местом для любовных встреч с коллегами или импровизированных свиданий с кем-то из посетителей. Мастерская стала столь популярной в этом смысле, что стоящий в ней большой раскройный стол окрестили «любовным ложем». Узнав об этом, руководство произвело стратегические перестановки, и теперь в «Галактическом путешествии» работали в основном женщины пятидесяти-шестидесяти лет. Мастерская стала использоваться лишь по своему изначальному назначению — и то нечасто.

Но сейчас на краю раскройного стола сидел Джон Доу, покачивая скрещенными ногами. Было темно, и белки его глаз тускло блестели в приглушенном фосфоресцирующем свечении космоса. Как и Сара Боутрайт в своем кабинете далеко внизу, он разговаривал по телефону.

— Это очень интересно, — сказал он. — Вы правильно сделали, что сообщили мне. Жду от вас подробностей. — Он немного послушал. Что-то, видимо, показалось ему забавным, поскольку он неожиданно добродушно рассмеялся, из вежливости прикрыв рукой трубку. — Нет, — продолжал он. — Нет, нет, нет. Не думаю, что это повод для беспокойства, тем более для отмены. Мой дорогой друг, это просто невообразимо. — Пауза. — Прошу прощения? Да, весьма печально, согласен. Но видите ли, мы занимаемся лазерами и взрывчаткой, а не операциями на мозге. Последствия порой трудно предсказать.

Он снова послушал, на этот раз дольше.

— Мы об этом уже говорили, — наконец сказал он. — Кажется, всего лишь на прошлой неделе. — Голос его звучал спокойно и буднично, как подобает воспитанному человеку, который ведет беседу с равным себе. — Позвольте, я повторю то, что сказал тогда. Беспокоиться не о чем. Мы недаром потратили время на подготовку и на устранение всех помех. Мы проанализировали любой возможный результат, предусмотрели любые случайности. Вы знаете это не хуже меня. Возьмите себя в руки. «Сомнение — предатель: из-за него мы многое теряем, боясь рискнуть» [\[32\]](#).

Джон Доу усмехнулся, и тон его голоса неожиданно изменился, став холодным, далеким, снисходительным.

— Несомненно, вы помните, о чем еще я говорил. Не слишком приятные вещи, которые мне не хотелось бы повторять. Мы прошли точку возврата. Пути назад нет. Слишком многое уже сделано для того, чтобы теперь колебаться. Не забывайте, одного лишь слова будет достаточно, чтобы вас раскрыли, арестовали и посадили на всю жизнь за решетку в компании... скажем так, весьма занимательных соседей. Впрочем, вряд ли дойдет даже до этого. У моих друзей найдется куда более быстрый и надежный способ выразить свое недовольство вами.

Угрожающий тон столь же быстро сменился прежним.

— Но конечно, этого не случится. Вы уже сделали все, что от вас требовалось. Собственно, ваша задача теперь — кое-чего не делать. Это даже забавно.

Отключив мобильный телефон, он положил его на стол рядом с собой, затем достал из кармана пиджака рацию, набрал код и выбрал частоту.

— Крутой, говорит Главный Фактор, — сказал он. Весь его вежливый тон куда-то пропал. — Сообщение доставлено в час сорок пять. Прием товара в два пятнадцать, как и планировалось. Впрочем, как я только что узнал, возникла небольшая проблема. В парке сегодня находится человек по имени Эндрю Уорн. Именно он построил метасеть Утопии, и его вызвали, чтобы ее починить. Он должен был появиться только на следующей неделе, но приехал раньше. Нет, не знаю почему. Но мы не можем позволить ему просто так рыть землю в поисках жучков. Белоснежка должен сообщить мне описание его внешности и последнее местонахождение — я передам их дальше. Сделай все, что нужно, чтобы устранить угрозу. Как именно — решать тебе. Конец связи.

Мистер Доу опустил рацию, окидывая взглядом уединенное помещение. Вдали слышался детский смех, доносящийся из проезжающей по аттракциону тележки. Еще раз посмотрев на передатчик, он переключил частоту и снова поднес его к губам.

— Водяной Буйвол, говорит Главный Фактор. Ты на месте?

Послышался треск помех.

— Так точно.

— Как погода?

— Солнечно. Вероятность осадков ноль процентов.

— Жаль. Слушай, у нас все по плану. Будешь готов — действуй.

— Принято. Конец связи.

Рация смолкла. Мистер Доу убрал ее обратно в карман пиджака, скрестил руки на груди, удовлетворенно вздохнул и откинулся на «любовное ложе», покачивая ногами.

13 часов 52 минуты

Человек на горном плато медленно убрал рацию от уха. На этот раз, вместо того чтобы вернуть ее на пояс, он положил ее в вещмешок, рядом с толстой потертой книгой в мягкой обложке. Взгляд его на мгновение задержался на книге — первом томе «В поисках утраченного времени» Пруста. Взяв ее в руки, он пролистал грязные страницы до той, уголок которой загнул несколько секунд назад.

Водяной Буйвол не любил читать. В молодости у него с лихвой хватало всевозможных проблем, и времени на книги просто не оставалось. Когда-то в исправительном заведении для малолетних священник читал мальчикам проповедь, рассказывая о том, что книги открывают двери в иные миры. Тогда Водяной Буйвол пропустил его слова мимо ушей. Но позже, служа снайпером в разведке морской пехоты, когда приходилось бесконечными часами лежать в крошечном укрытии наедине с собственными мыслями, он вновь вспомнил ту проповедь, задумавшись об упомянутых в ней мирах.

У штатских имелось одно преимущество — они могли читать на работе.

Он решил, что если уж он собирается прочесть книгу, то пусть она будет длинной. Он не понимал, зачем тратить время и силы на чтение, которое закончится всего через пару сотен страниц. Приходилось начинать все заново, запоминая новые имена, постигая новый сюжет. Крайне неэффективно.

И бессмысленно.

Так что, изучив содержимое полок книжного магазина в Денвере, он остановился на Прусте. Цикл «В поисках утраченного времени» был в достаточной степени длинным — три тысячи триста шестьдесят пять страниц.

Крик пустынной птицы вывел его из задумчивости, и он снова убрал книгу в вещмешок, достав из него подзорную трубу и снайперскую винтовку. Повернувшись, он направил трубу в сторону огромного купола Утопии, ведя вдоль бесчисленных стеклянных многоугольников, пока в конце концов не обнаружил ремонтника. Тот только что перебрался к большому черному клину в форме

полумесяца — крыше над Каллисто.

Водяной Буйвол удовлетворенно хмыкнул. Хорошо. Очень хорошо.

Положив подзорную трубу, он поднял винтовку, привинтив на место глушитель, затем приложил глаз к окуляру оптического прицела и нацелил оружие на купол. Прицел — «Льюпольд М-3 ультра», с дальномерной сеткой и встроенным компенсатором смещения — постоянно хранился в вещмешке рядом с фляжкой. Он вновь ощутил знакомое холодное прикосновение металла к глазнице.

Стрелок медленно вел прицелом вдоль купола. Джон Доу как-то рассказывал ему, что во время Второй мировой войны японские снайперы забирались на пальмы с помощью стальных крюков, привязывали себя к стволам и оставались там в течение нескольких дней подряд, ожидая появления цели. Водяной Буйвол вполне мог это понять. В работе снайпера есть нечто такое, что, можно сказать, доставляет душевное спокойствие. Невозможно объяснить это тому, кто никогда не имел к этому отношения. Мир внезапно сократился для него до маленького кружка в конце туннеля. Если правильно подготовиться, можно забыть обо всем остальном, кроме этого кружочка. И все становится очень просто.

Он снова подумал о Джоне Доу, о том, как тот нашел его в китайском храме в Бангкоке и взял к себе на службу. В отношении руководства Водяной Буйвол всегда был исключительно разборчив. Но у Джона Доу имелись безупречные рекомендации, а его способность руководить и тактическое мастерство не раз подтверждались в течение полудюжины успешных операций. Он обладал редким для штатского пониманием необходимости скрывать свое имя, что вполне устраивало одиночку, такого как Водяной Буйвол.

Но с другой стороны, Джон Доу не всегда был штатским.

Водяной Буйвол слегка передвинул ствол, и в поле зрения прицела вновь появилась фигура ремонтника, увеличенная в десять раз. Он находился примерно на трети высоты купола, осторожно, словно кот, пробираясь по узкому горизонтальному мостику. С пояса свисала клавиатура размером с ладонь. Водяной Буйвол наблюдал за человеком, который добрался до пересечения стеклянных панелей. Осторожно отстегнув страховочный трос, рабочий прицепил его к

поручням на противоположной стороне и обошел вокруг. Он снова двинулся вперед, но тут же остановился и, достав клавиатуру, что-то на ней набрал — вероятно, обнаружив треснувшую панель. Затем он двинулся дальше. Водяной Буйвол продолжал следить за ним в прицел.

У следующего пересечения от мостика вдоль искривленной поверхности купола уходила вверх и вниз металлическая лестница. Прицепив к ней трос, ремонтник начал спускаться между темными стеклянными панелями, перебирая перекладины руками. Что-то в нем напомнило Водяному Буйволу Пруста — возможно, его белый комбинезон. Где-то в предисловии к книге говорилось, что писатель любил одеваться в белое.

Он добрался до того места в первом томе, где автор описывал пожилую тетюшку, жизненное пространство которой постепенно сокращалось, пока не ограничилось двумя из комнат ее квартиры. Это Водяной Буйвол тоже мог понять. У него когда-то была бабушка. Правда, ее убогая квартирка целиком состояла всего из двух комнат. Но, постарев, она перестала из нее выходить, словно мир за дверью стал другой вселенной, которой следовало опасаться и избегать. Если кому-то хотелось узнать, как у нее дела, справиться о здоровье, дать ей супа — он должен был прийти к ней сам.

Пруст писал о том, как бывал в гостях у тетюшки, делал ей чай из цветков лайма. Водяной Буйвол бывал у собственной бабушки один или два раза, а потом навсегда перестал ходить к ней гости. Интересно, подумал он, каков на вкус чай из цветков лайма?

Когда он только начал читать книгу, она показалась ему бессмысленной. Насколько он мог понять, некий француз просто описывал собственное детство. Кому, черт возьми, интересно, как долго он не мог заснуть? Но потом Водяному Буйволу пришлось участвовать в долгой и утомительной операции на мексиканской границе, и он снова попытался взяться за книгу. Постепенно жизнь Пруста начала обретать для него форму и содержание. А затем ему показалось, что он все понимает. Возможно, священник был прав — книги действительно открывали двери в иные миры.

Рабочий перестал спускаться по куполу и пробирался теперь вдоль другого, расположенного ниже горизонтального мостика, который отделяло от поверхности чуть больше тридцати футов. Снайпер удобно устроился во впадине, широко раскинув ноги и

цепляясь носками за каменистую землю. Поставив сошку винтовки на небольшой скальный выступ у края впадины, он удостоверился, что она держится прочно. Одна его рука скользнула вперед, ухватившись за рукоятку, палец другой щелкнул предохранителем и лег на спусковой крючок. Он глубоко вздохнул, потом еще раз.

Человек отстегнул трос и перешел вокруг металлической крышки к следующей панели. Водяной Буйвол точно рассчитал время выстрела, нажав на спуск как раз в тот момент, когда рабочий протянул руку, чтобы снова прицепить трос к мостику.

Голова его дернулась, будто кто-то позвал его по имени. Стрелок наблюдал в прицел, как на белой ткани расплывается красное пятно. Автоматическим движением он передернул затвор, изготовившись ко второму выстрелу. Но этого не понадобилось — пуля вошла в тело в нужном месте, повредив большинство жизненно важных органов. Ремонтник уже соскальзывал головой вниз по темной поверхности купола.

Водяной Буйвол следил за ним в прицел, пока тот не застыл неподвижно в неглубокой впадине у основания купола. Его было там почти не видно, одна рука лежала на камне, словно он прилег отдохнуть. Водяной Буйвол наблюдал за ним минуты две и наконец отодвинулся от окуляра. На фоне темной крыши Каллисто не было видно ничего, что могло бы дать повод для тревоги. Все прошло точно по плану. И теперь он был один.

Убрав винтовку обратно в вещмешок, он сделал большой глоток воды из фляжки, затем достал армейский пистолет сорок пятого калибра и вложил его в наплечную кобуру. Потом он взял рацию и тяжелый рюкзак. Послед — ними он извлек два камуфляжных пояса с туго набитыми карманами и, присев во впадине, застегнул их на поясице. Снова повернувшись к вещмешку, он мгновение поколебался, положив руку на молнию и с легким сожалением глядя на книгу.

Застегнув молнию, он осторожно поднялся на ноги и начал пробираться по камням к куполу.

13 часов 55 минут

Сара Боутрайт сидела за своим столом, держа в руке диктофон. Рядом стоял Фред Барксдейл. Оба молчали, слушая спокойный приятный голос Джона Доу.

«Внимание, Сара, — говорил он. — Ровно в два пятнадцать вы должны дать указание диспетчеру аттракциона „Галактическое путешествие“ отправить пять вагончиков пустыми. Посылку вы должны положить в средний из них. Когда вагончики окажутся у поворота с Крабовидной туманностью, оператор должен остановить аттракцион на полторы минуты. Девяносто секунд. После этого можно продолжать. В остальном все должно идти как обычно. Как только я проверю содержимое посылки, я снова с вами свяжусь. Если все пройдет по плану, это будет наш с вами последний разговор».

На секунду наступила тишина. Слышался лишь шорох магнитной ленты.

«Сара, вы поняли все, что я только что сказал? Мне очень важно, чтобы все было ясно».

«Да, поняла».

«Пожалуйста, повторите».

«В два пятнадцать отправить пять пустых вагончиков в „Галактическое путешествие“. Оставить диск в среднем. Когда вагончики окажутся у Крабовидной туманности, остановить аттракцион на полторы минуты».

«Очень хорошо. И вряд ли мне стоит напоминать вам, Сара, — никаких трюков. Сейчас не время умничать. Весь исходный код, самая последняя версия. И никаких героических поступков. Понятно?»

«Да».

«Спасибо, Сара. А теперь можете начинать. У вас впереди напряженные полчаса».

Сара выключила диктофон и повернулась, чтобы положить его возле чашки. Ее ноздрей достиг едва заметный запах одеколона Барксдейла, как всегда отчего-то напомнивший ей о твидовых

костюмах и охотничьих лошадях. Она повернулась к нему. Он смотрел на диктофон со странным отсутствующим выражением на лице.

— Ты все сделал со своей стороны? — спросила она.

Услышав ее голос, Барксдейл опомнился и кивнул.

— Как только будут введены все три ключа, сработают протоколы безопасности. Мы сможем загрузить дешифрованную копию основной программы на носитель. Затем я скопирую остальные, незашифрованные файлы. Как я понимаю, диск должен быть защищен от копирования?

— Конечно.

— Хорошо. На запись искусственных ошибок чтения потребуется некоторое время, но, думаю, минут десять, не больше.

— Как насчет второго вопроса?

— Прощу прощения? Ах да. — Взгляд его голубых глаз стал еще более озабоченным. — Кто бы за всем этим ни стоял, им досконально знакомы наши системы. И у них есть соответствующий доступ.

— Кто из твоих сотрудников имеет такую возможность?

Барксдейл достал из кармана пиджака сложенный листок бумага. Движения его, как всегда, были изящны и сдержанны.

— Взломать метасеть, обойти датчики сигнализации, перепрограммировать пропуски, получить доступ к протоколам безопасности Горнила могут восемь человек. Со мной — девять. Вот список.

Сара быстро проглядела имена.

— И сколько из них сегодня в парке?

— Шесть. Я нашел всех, кроме Тома Тибболда. С утра никто не видел его.

— Сделай копию для Боба Аллокко, пожалуйста. Попроси его, чтобы объявил розыск Тибболда, но без лишнего шума. И нужно проверить лог-файлы системы безопасности. Но сначала запиши диск. Эмори ждет в Нью-Йорке. Позвони ему, когда закончишь с нашими электронными ключами.

Глава системного отдела кивнул, потирая ладонью щеки. Озабоченное выражение не покидало его лица.

— В чем дело, Фред? — спросила она.

— Да нет, ничего. — Он поколебался. — Я хотел спросить, отправили ли робота из Башни грифонов Эндрю Уорну.

— За этим собирался проследить Боб Аллокко. А что?

— Да нет, ничего. — Он почесал бровь. — Но когда я составлял список, то подумал: а не стоит ли подождать?

— С чем?

— С привлечением Уорна. Мне это кажется несвоевременным. У него тут свои дела, и вовсе не те же самые, что у нас. Вспомни слова Шекспира: «Люби ты всех, но верь немногим» [\[33\]](#).

— Ты же не думаешь, что он может быть в этом как-то замешан? Метасеть — его дитя. Ты видел его лицо на утреннем совещании. — Она искоса посмотрела на него, а затем неожиданно улыбнулась. — Знаешь что, Фредерик К. Барксдейл, эсквайр? Мне кажется, ты просто ревнуешь. Бывший бойфренд и все такое. — Она придвинулась ближе к нему. — Я права? Ревнуешь?

Он посмотрел ей в глаза.

— Нет. По крайней мере, пока.

Сара погладила его по руке.

— Порой у тебя возникают странные мысли.

Англичанин на мгновение отвел взгляд.

— Наверное, мне просто стало интересно, — сказал он. — То, что он взял и вернулся. Если бы меня вдруг тут не оказалось, ты не думаешь, что вы могли бы...

Пальцы ее застыли.

— Как ты можешь даже задавать такие вопросы? Теперь у меня есть ты. И больше мне никто не нужен.

Взяв Барксдейла за другую руку, она привлекла его к себе. Но взгляд его продолжал оставаться слегка озабоченным.

Дверь в кабинет открылась, и вошел Эндрю Уорн.

Саре показалось, будто это призрак, которого неожиданно вызвал из небытия их разговор. Взгляд его упал на нее, на Барксдейла, на их соединенные руки. На мгновение по его лицу пробежала болезненная гримаса, но тут же исчезла.

— Простите, не хотел разрушать идиллию, — сказал он с порога.

— Никакой идиллии, — ответила Сара, отпуская руки Барксдейла и отходя назад. — Фред как раз собрался уходить. Фред, увидимся у входа в «Галактическое путешествие» в десять минут третьего. Ровно в два десять.

Англичанин снова кивнул и направился к двери, на ходу обменявшись взглядами с Уорном.

Неожиданно вслед за ученым в кабинет вкатился Непоседа, и Барксдейл неуклюже подпрыгнул, чтобы не столкнуться с роботом. За Непоседой вошла Тереза Бонифацио. Обычно она всегда слегка улыбалась, словно обдумывая некую шутку, но сейчас от улыбки не осталось и следа.

— Прошу прощения, — сказал Уорн, подходя к Саре. — Похоже, я вторгся в самый интимный момент.

— Вовсе нет, — ответила она, возвращаясь за стол.

— Он очень приятный человек, — заметил Уорн. — Я так рад за вас обоих.

Сара с любопытством посмотрела на него. В Карнеги-Меллоне он выглядел шмелем среди мотыльков — выдающийся гений робототехники, известный своими спорными теориями и удивительными творениями. Но сегодня утром на совещании она видела другого Уорна — очутившегося под перекрестным огнем. И едва заметный сарказм, прозвучавший сейчас в его голосе, показался ей чем-то новым.

— В данный момент у меня нет на это времени, Дрю, — сказала она.

Терри перевела взгляд с нее на ученого и обратно.

— Схожу, пожалуй, выпью чашку кофе в комнате отдыха, — проговорила она.

— Нет. Оставайтесь. Вы не меньше других заслуживаете того, чтобы услышать, что я сейчас скажу. — Уорн подвинул кресло и,

рассмеявшись, упал в него. Он снова посмотрел на Сару. — Значит, в данный момент у тебя нет на это времени? Боже мой!

Его горькие слова эхом отдались в прохладном воздухе.

— Ладно, — сказала Сара. — Я слушаю.

— Ты заманиваешь меня сюда, придумав какую-то вымышленную историю. Потом усаживаешь меня в зале для совещаний и устраиваешь целое представление на тему того, как плохо ведет себя метасеть. Ты даже обвиняешь в этом меня, возлагаешь на меня ответственность за того мальчика на «Ноттингхиллских гонках». И просишь меня выдернуть шнур из розетки.

Он наклонился к ней через стол.

— И так далее. Ты даже не удосужилась сообщить мне, что происходит на самом деле. Вместо того чтобы увеличить масштабы роботизированной системы, ты сокращаешь их до минимума. Подвергаешь опасности программу, выбиваешь почву из-под ног Терри.

— Я не просила его об этом говорить, — заявила Тереза.

Взгляд Сары на мгновение остановился на ней, затем вернулся к Уорну.

— Меня вовсе не радует то, из-за чего ты здесь оказался, Эндрю. Так решило высшее руководство. Что касается роботов — да, стыдно об этом говорить, но это бизнес, а не научный центр. Я уже говорила, когда отдавала тебе Непоседу: все дело в статистике.

Она взяла чашку и посмотрела на часы: без трех минут два.

— В статистике, вот как? Найтингейл бы в гробу перевернулся, если б узнал, как бухгалтеры и статистики управляют Утопией. — Ученый снова невесело рассмеялся. — Знаешь, в иных обстоятельствах это могло бы даже показаться забавным, ведь в конце концов мы выяснили, что с метасетью на самом деле все нормально. Это твой чертов парк не в порядке.

Сара опустила чашку и пристально взглянула на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Да, Барксдейл отчасти был прав. Именно метасеть меняла

программы роботов и так далее. Но он отчасти и ошибался, поскольку система передавала роботам не собственные инструкции, а чьи-то чужие.

Директор промолчала, и он продолжил:

— Вот как, скорее всего, все происходило. Некто извне — назовем его мистер Х — пишет программу, изменяющую поведение одного из роботов, и вводит ее вместе с остальным набором инструкций метасети. На следующее утро система, как обычно, выполняет загрузку данных — за исключением того, что этот робот вместе с обычными обновлениями и корректировкой получает и программу мистера Х. И эта машина начинает капризничать. Как положено, делается соответствующая запись в логах. Но мистер Х заботится о том, чтобы во время загрузки на следующее утро робот вновь получил свою обычную программу, и скрывает свои следы, дав метасети команду не фиксировать изменения. Так что когда появляются специалисты, чтобы обследовать непослушного робота, он выглядит совершенно нормальным, словно жертва некоего фантомного сбоя.

Он посмотрел на Терри.

— Ну как?

Она показала ему большой палец.

— Единственный раз, когда было иначе, — в случае с роботами «Ноттингхилла». Потому что сразу же после аварии их отключили, отрезав от метасети. И у мистера Х не было никаких шансов восстановить нормальную программу.

Он взглянул на Сару.

— Почему тебя все это не удивляет?

Директор обдумала его слова.

— Примем пока твою гипотезу. Ты знаешь метасеть лучше, чем кто-либо другой. Ты можешь найти следы взлома и выяснить, какие из роботов подверглись ему?

— Возможно. На это потребуется время. Меня в числе прочего навело на мысль то, что... — Он замолчал. — Погоди-ка. Похоже, ты что-то знаешь, но не хочешь говорить?

Сара просмотрела составленный Барксдейлом список

возможных агентов. Третьим в нем стояло имя Терезы Бонифацио.

— Сара, отвечай. Что происходит, черт побери?

Она быстро перебрала возможные варианты. Именно Уорн мог ей сейчас помочь нанести ответный удар, раз и навсегда разделавшись с противником. Директор снова посмотрела на список. Она могла приказать Терри выйти, но Уорн, вероятно, все равно бы все ей рассказал. К тому же, возможно, он не справится в одиночку и нуждается в помощи.

Директор не одобряла несвойственное Утопии поведение Терезы, ее мятежный характер и привычку высказывать свое мнение по поводу и без повода. Но интуиция подсказывала, что вряд ли Терри способна предать любимую работу. А чувствам Сара всегда доверяла.

— Тереза, закройте дверь, — спокойно сказала она и, когда женщина вернулась, продолжила: — То, что я собираюсь вам рассказать, необходимо хранить в строжайшей тайне. Строжайшей. Понятно?

Оба переглянулись, затем кивнули.

— Утопию держат в заложниках.

Ученый нахмурился.

— Что?

— В парке действует группа тайных агентов. Мы не знаем, сколько их. Помнишь того человека, который вошел в мой кабинет, когда ты уходил? Он называет себя Джоном Доу, ион — их предводитель. Они повредили нескольких роботов, вероятно, именно таким образом, как ты предполагаешь. Они также заявляют, что заложили в нескольких местах взрывчатку. Возможно, угроза реальная, а возможно, и нет. Но нам приходится исходить из первого. Мы должны передать им исходный код Горнила, нашей голографической установки, или...

Побледнев, Уорн уставился на нее.

— Или что?

Директор не ответила.

На мгновение наступила тишина, затем Уорн вскочил.

— Господи, Сара! Джорджия сейчас в парке!

— Передача состоится через пятнадцать минут. Нам обещали, что никто не пострадает. Дрю, если с помощью метасети удастся установить, программы каких роботов изменены, мы, возможно, могли бы...

Но Уорн ее не слушал.

— Надо ее найти, — сказал он.

— Дрю...

— Как, черт побери, мне ее найти? — заорал он, наклоняясь через стол. — Должен ведь быть какой-то способ. Помоги мне, Сара!

Она посмотрела на него, потом на часы. Ровно два.

— Мы можем отследить ее метку, — сказала Терри.

Ученый быстро повернулся к ней.

— Отследить метку?

— Каждому посетителю выдается специальная метка, уникальный разноцветный значок, который он должен носить во время пребывания в Утопии. У тебя и у нее он тоже есть.

Уорн взглянул на стилизованную птицу у себя на лацкане, затем повернулся к Саре.

— Это правда?

Она посмотрела на него. Представившаяся было возможность исчезала у нее на глазах. Разочарованно вздохнув, она обернулась к компьютеру. Медлить было нельзя.

— По всему парку установлены камеры, которые снимают посетителей и персонал Утопии, — сказала она, начиная печатать. — Каждый вечер после закрытия мы обрабатываем фотографии с помощью алгоритмов распознавания образов, выделяя метки посетителей, и сопоставляем их с карточками, которые люди используют для приобретения еды и сувениров. Таким образом мы получаем информацию о посещаемости аттракционов, структуре покупок и так далее.

Уорн слегка расслабился.

— Большой Брат собирает данные, — сказал он. — Но я не

жалуюсь. Давай все-таки попробуем ее найти.

Директор набрала еще несколько команд.

— Вызываю программу обнаружения меток, — прокомментировала она. — Ввожу имя Джорджии.

Наступило молчание.

— Так, вот ее метка. Теперь запрашиваем хронологическую последовательность снимков с камер.

Последовала новая пауза, на этот раз более длинная.

— Почему так долго? — нетерпеливо спросил Уорн.

— Я поставила специальное задание, которое требует немалых ресурсов. Обычно мы запускаем его только по вечерам, когда компьютеры не заняты поддержкой функционирования парка.

Экран очистился, и на нем появилось новое окно с коротким списком внутри.

— Готово, — объявила Сара.

Уорн и Терри подошли к ней сзади и посмотрели на экран.

— Ничего не понимаю во всех этих сокращениях, — пробормотал Уорн.

— Она в Каллисто. Без четырех минут два, «Кольца Сатурна».

Сара развернулась к ним.

— Это было пять минут назад, — сказала она.

Уорн несколько мгновений смотрел на нее напряженным, загнанным взглядом, затем повернулся и бросился из кабинета.

— Подождите! — крикнула вслед ему Терри. — Я с вами.

Она тоже скрылась за дверью. Захваченный врасплох Непоседа завертелся на месте и устремился в сторону коридора.

— Непоседа, место! — скомандовала Сара. — Ко мне.

Робот остановился, затем медленно вкатился обратно в кабинет, издавая громкий разочарованный скрежет.

Несколько секунд директор смотрела на открытую дверь, затем крепко зажмурилась, массируя пальцами веки.

Компьютер тихо пискнул. Она посмотрела на монитор.

Странно. Кто-то еще пользовался программой поиска меток.

Она встала, положив рацию Джона Доу в карман. Времени больше не оставалось — нужно успеть к аттракциону «Галактическое путешествие».

И все же она медлила.

Сара снова взглянула на дисплей. За исключением экстренных случаев, никто не имел права запускать поиск меток в часы работы парка.

Снова опустившись в кресло, она пробежалась мышью по ряду меню, выведя на экран анонимный запрос, и застыла от удивления.

Кто-то искал Эндрю Уорна.

14 часов 10 минут

— Единственный аттракцион в Утопии без камер видеонаблюдения, — сказал начальник службы безопасности, перекрывая шум голосов главного вестибюля Каллисто. — Только не говорите мне, что это случайное совпадение.

Они стояли в зоне отдыха среди изогнутых скамеек из полупрозрачного пластика и инопланетного вида пальм в горшках — оазисе относительного спокойствия недалеко от входа в «Галактическое путешествие».

— Одиннадцать минут третьего, — сказала Сара, глядя на часы. — Фреду уже следовало бы появиться.

В тот же миг она заметила Барксдейла, который быстро шагнул по вестибюлю, прокладывая себе путь между группами посетителей.

Директор махнула рукой стоящей неподалеку Пегги Салазар, главному менеджеру Каллисто.

— Все готово? — спросила она, когда та подошла к ней.

Салазар кивнула.

— Я все объяснила служащему на посадке. Похоже, он несколько удивился.

Она с любопытством посмотрела на Сару.

— Просто импровизированные учения. Руководство хочет, чтобы все всегда были начеку. Иначе без постоянных тренировок сотрудники расслабляются.

Салазар медленно кивнула, словно обдумывая услышанное.

Директор снова быстро огляделась по сторонам. От осознания того, что Джон Доу где-то рядом, у нее обострились чувства и сильнее забилось сердце. Она ощутила, как у нее сжимаются кулаки.

— Пошли, — сказала она Аллокко. — Зайдем лучше внутрь.

Они пересекли вестибюль, шагнули в главный вход «Галактического путешествия» и вошли в фойе. Салазар вошла следом за ними, и они остановились в стороне от очереди, не привлекая ничьего внимания. Сара наблюдала, как диспетчер на

посадке помогает очередной группе — женщине с тремя маленькими детьми — сесть в ожидающий вагончик, а затем опускает предохранительную перекладину им на колени. Хотя лица служащего за стеклом космического шлема не было видно, Сара понимала, что вряд ли ему доставляет особое удовольствие работать под взглядами собственной начальницы и исполнительного директора.

Как и в других основных аттракционах, фойе «Галактического путешествия» выполняло две функции — играло роль зала, где стояли в очереди на посадку посетители, и демонстрировало, чего им следует ожидать во время поездки. Проектировщики Утопии давно поняли, что ни для кого не имеет значения, сколько предупреждающих знаков размещено у входов на аттракционы с острыми ощущениями вроде «Полета на Луну» или «Ноттингхиллских гонок». Родители настаивали на том, чтобы взять с собой маленьких детей, а потом горько жаловались на то, как перепугались их малыши.

В итоге фойе были модифицированы. Первой подверглась переделке «Сфера Шварцшильда», вызывавшая больше всего нареканий. В соответствии с тематикой Каллисто изначально ее фойе выглядело как посадочная платформа гиперпространственного звездолета. Дизайнеры Утопии добавили инфразвуковой шум, искрящиеся электропровода и угрожающе дрожащий под ногами пол. После этих перемен маленькие дети часто пугались настолько, что требовали от своих родителей, чтобы те отвели их на другой аттракцион. Подобная технология оказалась столь удачной, что навязчивые, не отвечавшие духу Утопии предупреждающие знаки можно было убрать вообще.

Фойе «Галактического путешествия» не имело ничего общего с фойе «Сферы Шварцшильда» — яркое и веселое, отделанное словно детский сад будущего, стартовая точка для путешествия ребенка сквозь космос.

Взгляд Сары задержался на очереди. Некоторые малыши клевали носом. Другие подпрыгивали на месте, не в силах дождаться, когда же они наконец смогут попасть на аттракцион. Часто с ними был лишь один из родителей — взрослые, особенно те, кто уже побывал в «Галактическом путешествии» раньше, не слишком стремились повторять неинтересный опыт.

Перед мысленным взором Сары вновь возникло воспоминание:

Аллокко осторожно кладет на стол взрывчатку. Директор закрыла глаза, стараясь отогнать его прочь.

К ним подошел Барксдейл. Кивнув Пегги Салазар, он сунул руку под пиджак, достал плоскую пластиковую коробочку и молча протянул ее Саре.

— Что это? — спросила Салазар.

— Составная часть учений, — быстро ответила директор. — Пегги, не могли бы вы оставить нас на минутку?

— Конечно.

Девушка с любопытством посмотрела на всех троих и направилась в сторону диспетчера.

Сара взглянула на диск внутри пластиковой коробочки. Трудно было поверить, что этот тонкий кружок из алюминия и поликарбоната содержит самое ценное из всех сокровищ Утопии — спецификации и программное обеспечение, составлявшие суть технологии Горнила. Диск предназначался только для внутреннего применения, со словами «Запатентовано и секретно» под изображением соловья, а также строгими предупреждениями более мелкими буквами о том, что ожидает любого, кто попытается использовать диск незаконным образом. Она протянула коробочку Аллокко.

— Повторите все еще раз, — попросила она.

Начальник охраны показал на вход в аттракцион.

— Как я уже говорил, этот парень — умная бестия. Он выбрал «Галактическое путешествие», потому что здесь меньше всего систем безопасности по сравнению с любым другим аттракционом в парке. Но он не знает, что рядом с поворотом у Крабовидной туманности — там, где остановятся вагончики и где он должен забрать диск, — есть ниша.

— Что? — удивленно переспросил Барксдейл. — Ниша?

— Технологический отсек, в котором может поместиться один человек. Мой агент уже на месте. Он увидит, как Джон Доу заберет посылку, а потом проследит, куда тот направится. Или, если нам по-настоящему повезет, сумеет его задержать.

Сара нахмурилась.

— Мы ведь говорили о том, чтобы следить за Джоном Доу до тех пор, пока он не окажется за пределами Утопии. И только потом арестовать.

— Слишком уж он скользкий тип. Помните, что случилось тогда в Улье? Если окажется, что на самом деле он работает один, или мы получим какие-то сигналы о том, что все это лишь хитрость, уловка, — мы должны его схватить, пока есть такая возможность.

Сара задумалась. К предупреждениям Джона Доу не стоило относиться пренебрежительно — напротив, в них крылась смертельная опасность. В первую очередь она отвечала за посетителей. И тем не менее мысль о том, чтобы уменьшить угрозу — нейтрализовать его сейчас, вместо того чтобы позволить ему безнаказанно бродить по парку, — казалась ей весьма привлекательной. Чувство гнева и возмущения не проходило, и все так же горела ее щека в том месте, где он до нее дотронулся.

— Это слишком рискованно, — с необычной для него горячностью проговорил Барксдейл.

— У меня надежный агент — бывший полицейский, как и я. За свою карьеру он арестовал сотни преступников. Ему строго приказано не трогать Джона Доу, если не будет стопроцентной уверенности в успехе. Еще один мой человек прячется у выхода с аттракциона. — Начальник охраны показал на агента в штатском, стоящего у посадочной платформы. — А Крис Грин — вот он — будет наблюдать со стороны входа. Это мои лучшие сотрудники. Вместе они организуют тройную слежку. Или, если Джона Доу удастся задержать, обезвредят его и препроводят в службу безопасности.

Аллокко кивнул агенту по фамилии Грин. Тот кивнул в ответ и скользнул в неприметную дверь рядом с посадочной площадкой. Никто в очереди даже не взглянул в ту сторону.

— Это безответственно, — продолжал Барксдейл. — Мы не можем рисковать.

Сара снова посмотрела на часы — осталась минута на принятие решения.

— Послушайте, — сказал Аллокко. — Вариант с привлечением полиции вы исключили, так что приходится действовать самим, пока остается возможность. Предположим на минуту, что все

действительно серьезно. Кто знает, что еще у них на уме? Что они потребуют дальше, кого возьмут в заложники? Нам известно только одно: Джон Доу — главарь. Если мы сумеем отрубить голову, тело погибнет. Это идеальный шанс взять его без каких-либо жертв.

— Вы готовы нести ответственность за то, что может случиться, если мы его арестуем? — спросил Барксдейл.

— А вы готовы нести ответственность за то, что может случиться, если мы этого не сделаем?

Сара перевела взгляд с одного на другого. Поколебавшись, она повернулась к Аллокко.

— Ваш агент не должен арестовывать Джона Доу, если не будет полностью уверен в успехе. При первых же признаках опасности, при любой неожиданности — отзывайте своих людей. Даже если речь идет только о слежке. Согласны?

— Согласен, — энергично кивнул начальник службы безопасности.

— Тогда начинайте. — Она повернулась к Барксдейлу, который смотрел на нее с выражением, близким к ужасу. — Фред, подойди сюда на минуту, пожалуйста.

Она отвела его на несколько шагов в сторону, к стене напротив очереди.

— Сара, не делай этого, — сказал англичанин, умоляюще глядя на нее голубыми глазами.

— Все уже решено.

— Но ты не знаешь, против кого выступаешь. В первую очередь мы несем ответственность за посетителей. Они платят нам не только за развлечения, но и за собственную безопасность.

При этих его словах Сара ощутила смешанные чувства — раздражение, злость, неуверенность. Впрочем, она тут же отбросила их.

— Послушай, Фредди, — негромко сказала она. — Помнишь наш первый совместный ужин? В ресторане «У Андре», в Вегасе?

Барксдейл озадаченно посмотрел на нее.

— Конечно.

— Помнишь вино?

Он на мгновение задумался.

— Линч-Баж, шестьдесят девятого года.

— Нет-нет. Десертное вино.

Барксдейл кивнул.

— Шато-д'Икем.

— Верно. Помнишь, как выяснилось, что я никогда раньше даже не слышала про десертное вино? И считала, будто все сладкие вина по вкусу похожи на кагор?

Барксдейл невесело усмехнулся.

— Ты мне тогда объяснял про благородную плесень.

Глава системного отдела снова кивнул.

— Она внедряется в кожицу винограда, обогащая сахар и создавая лучшее сладкое вино в мире. Когда ты мне об этом рассказал, я не могла поверить: оказывается, существует грибок, который садоводы специально поддерживают! Я даже заставила тебя повторить это дважды. — Она наклонилась ближе, дотронувшись пальцами до его лацкана. — Фредди, у нас в парке завелась плесень. Здесь, сегодня. И в ней нет ничего благородного. Если мы ничего не станем делать и позволим себе стать легкой мишенью, кто может гарантировать, что то же самое не случится снова и снова?

Мужчина молча смотрел на нее, шевеля губами.

Слегка погладив безупречно чистый лацкан, она повернулась и направилась обратно к Пегги Салазар и Аллокко. Помедлив, Барксдейл последовал за ней.

Все вместе подошли к платформе. В вагончик сажали испанку с детьми-близнецами.

Сара подождала, пока диспетчер отправит пассажиров в путь.

— Отправьте два пустых вагончика и подготовьте третий, — сказала она служащему на посадке.

Тот кивнул. Плексигласовый шлем странным образом искажал черты его лица.

Два вагончика, покачиваясь, скрылись в темноте в конце

пандуса, у площадки остановился следующий. Аллокко шагнул вперед, наклонился, запоминая номер вагончика, и положил диск на пол.

— Отправляйте, — сказала Сара служащему, и вагончик покатиł вдаль.

Она смотрела ему вслед, пока тот не скрылся за темным поворотом.

— Теперь пропустите еще два пустых вагончика, — сказала она.

Позади нее послышался недовольный ропот очереди. Повернувшись, Сара ослепительно улыбнулась посетителям, после чего велела служащему продолжать работу в обычном режиме.

Поездка в «Галактическом путешествии» занимала чуть больше шести минут. Пустые вагончики должны были достичь Крабовидной туманности через четыре.

Сара отошла от платформы, окидывая взглядом фойе. Где-то плакал младенец, и этот звук отчетливо выделялся на фоне шума толпы. Из одной из дверей сбоку аттракциона вышел техник. Как и было принято в зоне для гостей, на нем был костюм, и лишь цвет значка с соловьем на скафандре обозначал его профессию. Сара пробежала взглядом по лицам в очереди — возбужденным, нетерпеливым, уставшим. Все выглядело совершенно нормально. Ничего особенного.

За исключением посылки. И человека, который ее ждал где-то внутри аттракциона.

— Идемте в диспетчерскую, — сказал Аллокко.

Сара еще немного подождала, затем повернулась к нему и кивнула.

В диспетчерской «Галактического путешествия» было тесно даже для оператора, а когда в ней появились еще трое, Сара обнаружила, что ей стало трудно дышать.

— У нас нет времени, — сказал начальник службы безопасности. — Аттракцион полностью управляется компьютером. Нам придется временно обесточить контактный рельс.

Он склонился над плечом диспетчера.

— Следите за мнемонической схемой. Когда вагон семьдесят четыре — семьдесят достигнет Крабовидной туманности, отключите ток.

Оператор неуверенно перевел взгляд с Аллокко на Сару и обратно. Он ел фисташки и читал «Рокфор для „чайников“» и явно не ожидал визита руководства.

— Экстренное отключение? — спросил он.

— Нет-нет. Не все электричество. Просто служебная остановка. Как если бы возникли какие-то проблемы на выходе. Полторы минуты, не больше и не меньше. Потом можете снова включать. — Он достал из кармана рацию. — Тридцать третий — Форварду, ты на месте? Очень хорошо. Не пытайся, повторяю, не пытайся арестовать подозреваемого, если только не будешь уверен на все сто процентов.

Он посмотрел на Сару.

— Я дал указание наблюдателям у входа и выхода соблюдать тишину в эфире.

Минуту, за ней вторую в диспетчерской было тихо — все следили за белыми номерами вагончиков, которые двигались вдоль светящихся кривых на схеме.

— Десять секунд, — сказал диспетчер.

Начальник охраны снова поднес к губам передатчик.

— Форвард, прием товара через десять секунд. Приготовься.

На этот раз он не стал убирать рацию.

Директор смотрела, как цифровая метка с номером 7470 продолжает медленно двигаться по схеме. Она вдруг поняла, что не дышит.

— Силки для куликов [\[34\]](#), — сдавленно пробормотал рядом с ней Барксдейл.

— Есть, — сказал диспетчер, наклоняясь вперед.

Во все стороны разлетелась красная скорлупа от фисташек. Он нажал кнопку на панели управления. Раздался сигнал тревоги. Вагончики прекратили движение вдоль мнемонической схемы,

номера их стали красными и начали мигать.

— Девяносто секунд, — пробормотал диспетчер.

Сара обнаружила, что смотрит на вагончик 7470, неподвижно застывший возле метки «Крабовидная туманность». Где-то под диспетчерской, внутри аттракциона, в окружавшей пустой вагончик темноте, прятались люди. Она глубоко вздохнула. В любом случае все должно было закончиться меньше чем через две минуты.

— Форвард? — спросил по радио Аллокко. — Есть что-нибудь?

— Вижу, — послышался голос из рации. — Там кто-то есть.

— Имеешь в виду — забирает что-то из вагончика?

— Повторяю — внутри. Сидит внутри.

Аллокко повернулся к диспетчеру.

— Вы уверены, что остановили нужный вагончик?

— Уверен. — Диспетчер показал на мнемоническую схему. — Пятнадцать секунд.

— Форвард? Сколько пассажиров в вагончике?

— Похоже, один.

— Принято. Иди проверь. Не торопись.

Сара коснулась руки начальника охраны.

— Не надо. Может быть, это Джон Доу.

— И что он, черт побери, делает? Решил прокатиться?

— Ждет ловушки. Хочет выяснить, не замышляем ли мы что-нибудь.

Аллокко посмотрел на нее, затем снова заговорил в рацию.

— Форвард? Отбой. Оставайся на месте.

— Время, — сказал диспетчер, нажимая другую кнопку.

Номера вагончиков на схеме перестали мигать, стали белыми и вновь пришли в движение.

— Что произошло? — спросила директор.

Глава службы безопасности взглянул на схему.

— Думаю, наш приятель что-то сделал с пультом, так же как и с мониторами в Улье. Заставил нас остановить вагончики не в том месте или еще что-нибудь в этом роде. Наверняка этот мерзавец уже схватил диск и был таков. — Он поднес ко рту рацию. — Альфа, Омега, говорит Тридцать третий. Объект, вероятно, уже забрал товар. Оставайтесь на местах. Сообщайте обо всем, что увидите, но никого не задерживайте. Повторяю: никого не задерживать.

— Омега, принято, — слышался голос.

Аллокко опустил рацию.

— Диска давно уже нет, — неожиданно усталым голосом проговорил он.

— Давайте проверим, что на выходе, — ответила Сара. — Просто на всякий случай.

Когда они добрались через заднюю часть аттракциона до зоны высадки, женщине с близнецами уже помогали выбраться из вагончика. Сара слышала, как пожилой служащий извиняется за задержку во время поездки.

— Будьте внимательны, — сказал глава службы безопасности Саре и Барксдейлу. — Вряд ли Джон Доу настолько глуп, чтобы как ни в чем не бывало выйти с аттракциона. Но теперь меня уже мало что может удивить.

Появились два первых пустых вагончика, и он направился по пандусу в их сторону.

Сара кивнула Барксдейлу, и они вместе последовали за Аллокко. «Сара, никаких трюков. Сейчас не время умничать», — вспомнила она и, неожиданно ощутив доселе малознакомое ей чувство тревоги, оглянулась через плечо. Ведущий обратно в вестибюль коридор был пуст, не считая испанки с детьми.

Когда она повернулась назад, к посадочной площадке подъезжал третий вагончик. В нем кто-то сидел, и на мгновение Сара оцепенела, решив, что это Джон Доу. Но человек этот был слишком невысок и коренаст. Он сидел, наклонившись вперед, будто спал.

Внезапно Аллокко бегом бросился к вагончику. Сара узнала человека внутри — Крис Грин, охранник, нырнувший в дверь у входа в аттракцион.

Вагончик остановился. Грин тяжело осел вперед.

Обойдя служащего, директор подошла к Аллокко. Она заглянула внутрь вагончика, внезапно охваченная дурным предчувствием. Под ногой охранника виднелась разломанная на куски пластиковая коробочка. В ней и вокруг нее валялись осколки диска.

— Крис? — окликнул охранника начальник службы безопасности, кладя руку ему на плечо. Грин продолжал сидеть неподвижно, наклонившись вперед.

Аллокко осторожно усадил охранника вертикально. Голова его откинулась назад, и Сара похолодела от ужаса.

— О господи, — простонал Аллокко.

На них смотрели широко раскрытые невидящие глаза Криса Грина. Ниже, под большим осколком диска, засунутым глубоко ему в рот, медленно стекала по подбородку и шее струйка крови, исчезая на фоне темной рубашки.

14 часов 22 минуты

Тело охранника скрытно перенесли в медицинский центр и поместили под замок. Никому, даже врачам, не позволялось к нему приближаться до тех пор, пока не появится возможность вызвать полицию.

Они вернулись в Улей и просматривали видеозаписи с немногих камер, наблюдающих за «Галактическим путешествием», пытаясь понять, что произошло и что именно пошло не так, завершившись столь ужасным образом.

— Ладно, останови здесь, — сказал Аллокко своему видеотехнику, Ральфу Пеккему.

Это были первые слова, которые он произнес за несколько минут. Они только что закончили просмотр данных с камеры в зоне высадки. Ничего необычного. Никаких признаков Джона Доу, прячущегося среди родителей и детей.

— Что еще у нас есть? — устало спросил начальник охраны.

Пеккем заглянул в таблицу.

— Только камера в фойе, — сказал он, шмыгнув носом.

— Хорошо. Выводи запись, тот же временной интервал, двести кадров в секунду.

Пеккем набрал несколько команд, затем повернул встроенный в огромную клавиатуру регулятор. Сара уставилась на экран, по которому в ускоренном темпе, обтекая барьеры и усаживаясь по несколько человек в подъезжающие навстречу пустые вагончики, двигались потоки туристов. Она понимала, что должна испытывать хоть какие-то чувства — горечь, злость, угрызения совести. Но она не ощущала ничего, кроме целиком захватившего ее оцепенения. Перед ее глазами по-прежнему стояло лицо Криса Грина — невидящий взгляд, из раскрытого рта торчит осколок с неровными краями. Она посмотрела на Фреда Барксдейла, очертания профиля которого казались призрачными в искусственном освещении Улья. Он на мгновение перевел взгляд на нее, затем снова на экран.

— Все как обычно, — мрачно пробормотал Аллокко, тоже глядя на экран. — Еще один день в раю.

Сара держала запечатанный пластиковый пакет с фрагментами диска, собранными на дне вагончика. Вероятно, его раздавили во время завязавшейся драки. Поняв, что машинально вертит пакет в руках, она сунула его в карман пиджака.

С левого края экрана возникло какое-то движение — возле посадочной площадки появилось несколько фигур.

— Замедли до тридцати, — сказал начальник службы безопасности.

Фигуры в левой части экрана стали отчетливо видны — Аллокко, менеджер Пегги Салазар и сама Сара. Перед ее глазами вновь разыгрывалась сцена, случившаяся менее получаса назад. В кадре появился Фредди с диском в руке. Развернулась небольшая драма, пока он и Аллокко приводили ей свои доводы. Она приняла решение, и Крис Грин, сотрудник службы безопасности, скрылся за дверью, ведущей внутрь аттракциона. Сара смотрела, как она отводит Фреда Барксдейла в сторону, чтобы убедить его в разумности упреждающего удара по Джону Доу. Объяснить, почему в итоге она лишь обрекла человека на смерть.

Положив диск на место, они отправили пустые вагончики и скрылись из виду, направляясь в сторону диспетчерской.

— Останови, — сказал Аллокко Пеккему.

Экран погас.

— Вот и все. Мы проверили все пять камер. Ничего.

В маленьком темном помещении наступила тишина.

Наконец начальник охраны нарушил молчание.

— Крис Грин был достойным человеком, — медленно проговорил он. — Лучшее, что мы можем для него сейчас сделать, — это попытаться выяснить, что же, черт побери, произошло. — Вздохнув, он повернулся к Пеккему. — Ральф, выведи еще раз картинку с последней камеры. С того места, где пустые вагончики уходят внутрь аттракциона.

Пеккем вновь вывел на экран изображение фойе. Сара снова увидела, как Аллокко кладет коробочку с диском в пустой вагончик. Вагончик покатился по рельсу и исчез в темноте за первым поворотом.

— Непонятно, — словно про себя пробормотал глава службы безопасности. — Крабовидная туманность находится глубоко внутри аттракциона. Именно там должен был ждать злоумышленник, чтобы забрать посылку. Но Крис Грин стоял возле входа. Каким образом он мог столкнуться с Джоном Доу?

Вопрос повис в воздухе, оставшись без ответа. Взгляды всех были устремлены к экрану.

— Стоп! — неожиданно воскликнул Аллокко. — Хорошо. Пятнадцать секунд вперед. — Он показал на монитор. — Смотрите.

Сара увидела, как техник, которого она заметила раньше, вышел из боковой двери и не спеша направился через фойе. Охватившее ее оцепенение внезапно спало, словно пелена.

Учитывая объемистый шлем и неприменный скафандр, ничего определенного сказать было нельзя. Но инстинкт подсказывал Саре, что перед ней Джон Доу.

Судя по выражениям лиц остальных, они пришли к тому же самому выводу.

— Вот черт, — сказал Аллокко. — Вся эта история с полутораминутной остановкой была лишь обманом. Джон Доу вовсе не ждал возле поворота у Крабовидной туманности. Он собирался забрать диск из вагончика, как только тот окажется внутри аттракциона, а потом просто уйти — еще до того, как мы остановили проклятую машину. Но вместо этого он наткнулся на Криса Грина.

— Хотите, чтобы я его отследил? — спросил Пеккем.

— Нет. То есть да. Но боюсь, об этом он тоже позаботился. — Начальник охраны посмотрел на Сару. — Свяжусь с костюмерной, пусть проверят, вся ли униформа на месте.

Сара кивнула. Она уже наверняка знала, что именно они выяснят.

В ее кармане негромко-зажужжала рация.

Все замолчали, глядя на директора.

Включив рацию, она медленно поднесла ее ко рту.

— Сара Боутрайт слушает.

Это были первые слова, которые она произнесла с тех пор, как

вошла в Улей.

— Сара?

— Да.

— Зачем, Сара?

На этот раз голос Джона Доу звучал несколько иначе — холоднее, более по-деловому. Все добродушие и вежливость куда-то исчезли.

— Что — зачем?

— Зачем вы подстроили мне ловушку?

Директор с трудом пыталась подобрать слова.

— Разве я не был всегда честен с вами, Сара? Разве честность не была основой всех наших отношений?

— Мистер Доу, я...

— Разве я не нашел время для того, чтобы лично встретиться и познакомиться с вами? Разве я не объяснил в точности, что вы должны, а чего не должны делать?

— Да.

— Разве я не счел нужным устроить для вас демонстрацию? Разве я не приложил все мыслимые усилия к тому, чтобы к концу дня на вашей совести не было ничьих смертей?

Женщина молчала.

— О господи, — пробормотал Барксдейл. — Что мы наделали?

— Мистер Доу, — медленно начала Сара, — я лично прослежу, чтобы...

— Нет, — ответил голос. — У вас был шанс. Вы не оправдали моего доверия. Теперь я стану учителем, а вы учеником. И вы будете присутствовать на моем уроке. Знаете, какова его тема? Нет, не говорите, я сам скажу. Паника.

Директор слушала, приложив рацию к уху.

— Знаете ли вы, Сара, что существует искусство дирижирования паникой? Это очень увлекательная тема, я собирался написать о ней целую монографию. Я стал бы знаменитостью, Аристотелем

управления толпой. Что самое интересное — есть возможность для творчества. В моем распоряжении столько средств и столько способов, что выбрать подходящий не так-то просто. Взять, к примеру, пожар. Во время пожара динамика толпы приобретает уникальные свойства, Сара. Я изучал все великие пожары — на трикотажной фабрике «Триангл», в театре «Ирокез», в ночных клубах «Кокосовая роща» и «Хэппилэнд». Все они очень разные, и вместе с тем в них есть нечто общее. А именно — люди давят друг друга у выходов. Закрытых выходов.

— Наши выходы открыты, — пробормотала Сара.

— В самом деле? Но это уже не относится к делу, и я несколько забегаю вперед. Мне нужно идти. Я с вами свяжусь.

— Один человек уже погиб...

— Один человек — это даже не статистическая погрешность.

— Вы получите свой диск...

— Я знаю, что я его получу. Но сначала я должен кое-что сделать. Вы считаете свой парк знаменитым, Сара? С моей помощью он прославится навеки.

— Нет! Подождите...

Но рация уже смолкла.

14 часов 22 минуты

Выйдя с аттракциона под названием «Эклиптика», Джорджия Уорн смешалась с гуляющей по просторному вестибюлю толпой. Она только что купила местный вариант сахарной ваты — переливающуюся радугу из скрученного сахара, пронизанного газированными кристаллами, которые шумно лопались на языке, — и теперь сосредоточенно ее поедала. Она не слышала ни треска кристаллов, ни разговоров и смеха проходящих мимо посетителей, ни едва слышимой фоновой акустики Утопии — в ее наушниках раздавалась мелодия «Jumpin' at the Woodside» Каунта Бейси.

К ней вразвалочку направлялась группа подростков с пурпурными волосами, в футболках со «Шпилем дракона», и Джорджия отошла в сторону, пропуская их мимо. Она не ожидала ничего особенного от «Эклиптики» — в конце концов, всего лишь чертово колесо, и только, — но аттракцион оказался очень даже неплох. Кабина вращалась вокруг планеты с кольцом вроде Сатурна, только поставленного вертикально. Как и большинство аттракционов в Каллисто, «Эклиптика» была погружена в темноту, но давала удивительное ощущение глубины, настоящего пребывания в космосе. А голографические кольца выглядели настолько реально, что она не сомневалась — стоит ей высунуть из кабины руку, и она могла бы до них дотронуться.

Но она была одна, и ее запихнули в кабину вместе с непоседливой девчонкой из большой семьи, которая постоянно болтала обо всем, что попадалось ей на глаза, слишком глупой для того, чтобы просто заткнуться и получать удовольствие. Так что Джорджия в конце концов просто надела наушники и прибавила громкость.

Она остановилась, хмурия брови. Впереди и направо от центрального вестибюля уходил пандус с движущейся дорожкой в конце, которая исчезала в низком туннеле, окруженном неоновыми полосами и вспышками лазеров. Там находился вход в «Темную сторону Луны», аттракцион, про который она читала столько интересного в Сети. Она достала из кармана листок с заранее составленным маршрутом. В самом деле, это четырехзвездочный аттракцион. Она направилась к нему, но тут же остановилась. Она

ведь обещала отцу не кататься на русских горках и опасных аттракционах, а «Темная сторона Луны» явно попадала в эту категорию. Впрочем, к ней же, вероятно, относилась и «Эклиптика», но что ей еще оставалось делать? Она уже попробовала прокатиться на нескольких детских аттракционах вроде «Колес Сатурна», но чувствовала себя очень глупо в окружении шестилеток.

Она пристально посмотрела на вход, хмурясь все больше, затем с неохотой повернулась и двинулась дальше по вестибюлю, пока не нашла скамейку. Сев, она развернула карту-путеводитель, взглянула на нее и снова убрала в карман. Доев сахарную вату, она повернулась, чтобы бросить длинную белую трубку в урну, но замерла, глядя на тонкий бумажный конус в руке.

Она говорила отцу, что не помнит, как они много лет назад ездили в парк Кеннивуд, но на самом деле кривила душой. Она не забыла, как мама сделала ей сюрприз, купив высокое облако сахарной ваты, опасно подрагивающее на белой палочке, совсем как это. Розовая сладость казалась ей, восьмилетней девочке, невероятно огромной. Она помнила жаркое солнце, загорелые черты лица мамы, ее бледную губную помаду, морщинки в уголках глаз, когда та улыбалась.

Она помнила о матери и другое — как они спускали на воду опытный образец одной из ее яхт, как катались на пони по усыпанному листвой парку, как сидели в кресле у окна, закутавшись в одеяла, и читали вместе «Сказки просто так» Киплинга. Она бережно хранила отрывочные воспоминания, бледные и выцветшие, как старые фотографии, словно они могли исчезнуть навсегда, если кому-то о них рассказать — даже отцу.

Какое-то время она разглядывала бумажный конус, вертя его в руках, затем бросила его в урну, встала и двинулась дальше.

Впереди виднелась галерея «Мысленный взгляд». Над ней парила голограмма Эрика Найтингейла в натуральную величину, который махал шелковым цилиндром, приглашая зайти внутрь. Вокруг толпились люди, разглядывая портреты в окне галереи и показывая на изображение фокусника. Джорджия замедлила шаг, с любопытством глядя на голограмму. Найтингейла она тоже помнила. Казалось, он никогда не мог усидеть на месте, постоянно двигаясь и жестикулируя. Она помнила, что, хотя он был не слишком высок, даже для взрослого, комната всегда выглядела для него чересчур

маленькой. Иногда, когда он приходил в гости к отцу, они долгими часами сидели за кухонным столом. Джорджия помнила запах кофе, трубочного табака. Она забиралась под стол и играла там, слушая их голоса и зная, что, если она не станет привлекать к себе внимания, ее никто не погонит в постель.

«Пляски в Вудсайде» закончились. Музыка в плеере на несколько мгновений смолкла, и на ее место ворвались звуки Утопии — возгласы, шум голосов, далекое эхо громкоговорителя, радостный детский крик. Затем начался «Swingin' the Blues», и звуки снова пропали. Сунув руки в карманы, Джорджия пошла дальше. Она помнила, как внимательно смотрел на нее Найтингейл, когда она что-то говорила, как будто ее слова для него в самом деле что-то значили. Он не казался ей тупым, как большинство взрослых. Он не говорил тех же глупостей, что и все, например, какая она красивая или как она выросла за то время, пока они не виделись.

Непонятно отчего мысли Джорджии переключились на Терри Бонифацио. Та тоже не казалась ей тупой. Вероятно, она даже любила сахарную вату. Обычно Джорджию мало интересовали разговоры взрослых, но она обнаружила, что ей очень интересно было бы услышать, что думает Терри о музыке в стиле блюграсс или бибоп, какие книги она читала в детстве, какого цвета одежда ей нравится, какая ее любимая еда. Она искренне надеялась, что это не та отвратительная, воняющая рыбой дрянь, иначе могут возникнуть проблемы.

Дойдя до конца центрального вестибюля, девочка остановилась, прыгая с ноги на ногу на зеркальных плитах пола. Впереди возвышалось нечто напоминающее огромный круглый терминал — космопорт Каллисто, с полудюжиной «посадочных зон», ведущих к нескольким самым популярным аттракционам этого Мира. Повсюду стоял гул голосов. Джорджия посмотрела на карту. «Полет на Луну», «Сфера Шварцшильда», «Форсаж». Фантастические аттракционы — и все как раз из тех, на которых папа не разрешил ей кататься.

Как обычно, нигде вокруг не было часов. Она взглянула на свои — еще сорок пять минут до встречи с отцом.

Это просто нечестно. Всего пара приличных аттракционов утром, а потом только нудные совещания и высиживание в лабораториях. К тому же одной совсем неинтересно — особенно если тебя даже не пускают на по-настоящему приличные аттракционы.

Уныло вздохнув, Джорджия повернулась, собираясь отправиться назад. И тут ее взгляд упал на зону посадки с вывеской «Побег с Темноводья».

Она посмотрела на мерцающие голографические буквы. Про этот аттракцион она читала в Сети — он изображал ее любимую тему из «Атмосферы страха», в которой команда юных героев бежит из тюрьмы Морфеуса на морской планете Темноводье-4. Аттракцион появился недавно, и никто из ее школы еще на нем не бывал. И еще по двум причинам он казался ей особо крутым — все происходило полностью в мире воды и дождя, и это был первый аттракцион, в котором использовалась технология невесомости. Без всяких имитаций — настоящая живая невесомость.

Джорджия заметила, что большинство посетителей идут в ее сторону, а не от нее — они уже побывали на аттракционах космопорта и устремлялись назад, в сам Каллисто. Хотя эти шесть аттракционов принадлежали к числу самых популярных, очереди здесь были короче, чем те, в которых ей уже приходилось стоять.

В журналах, издаваемых клубами фанатов Утопии, содержались подробные перечни с указанием идеального времени для посещения тех или иных аттракционов — времени, когда по каким-то не вполне объяснимым причинам очереди казались короче. Джорджию это мало волновало. Она знала лишь, что ее уже тошнит от детских аттракционов и от бесцельного шатания вокруг. И похоже, что минут через десять она вполне могла бы попасть утопия в «Темноводье». В конце концов, это не русские горки. Вряд ли папа был бы очень против.

Неожиданно кто-то оттолкнул ее в сторону. Она подняла взгляд: мимо прошли в сторону «Темноводья» двое маленьких детей, держась за руки матери — молодой привлекательной женщины, загорелая кожа которой выделялась на фоне красного платья.

Джорджия вытащила из ушей наушники и вприпрыжку побежала вперед. Самодовольно улыбнувшись через плечо малышам, она заняла место в очереди в «Темноводье» перед ними.

14 часов 26 минут

— Кончай толкаться, вонючка.

— И ничего я не толкаюсь, придурок тупой. Это ты толкаешься. Еще раз попробуй — и схлопочешь у меня.

Энгус Пул без особого интереса слушал, как пререкаются дети его двоюродной сестры. Ссора разгоралась каждый раз, когда им приходилось стоять в очереди. Сначала Пула даже слегка заинтриговал внушительный арсенал оскорблений, которыми осыпали друг друга мальчишки. В очереди на «Брайтон-Бич экспресс», в Дощатых Тротуарах, он начал даже их считать, но когда они добрались до следующего аттракциона, «Машины криков», он сдался, дойдя до пятидесяти.

К счастью, хотя бы здесь очередь была короткой.

Вокруг него по всему космопорту отдавалось эхо множества голосов. Пул огляделся. Дизайнеры отлично поработали, превратив его в некий футуристический транспортный терминал, вплоть до табло отправлений и постоянно бубнящего громкоговорителя. Сегодня у него имелось еще одно преимущество — поскольку посадка на все аттракционы осуществлялась из одного и того же места, Пул мог незаметно ускользнуть, чтобы выпить холодного пива, на какое-то время предоставив двоюродной сестре самой разбираться со своим семейством.

Словно услышав его мысли, Соня повернулась к нему. На ее обширной талии висели три фотоаппарата, а колпак великого мага на голове слегка покосился.

— Как, ты говорил, называется этот аттракцион?

— «Побег с Темноводья».

Хотя голограмма с этим чертовым названием парила прямо у них над головами, ей обязательно нужно было спросить.

— А куда пойдём потом?

— Здесь есть еще пять других отличных аттракционов. Видишь? Это как бы большой аэропорт, только каждый вход ведет к своему аттракциону. Вам стоит прокатиться на всех.

«Пожалуйста, прокатитесь на всех», — умоляюще подумал он.

— А ты? — спросила Соня.

— Пожалуй, после «Темноводья» пойду выпью пива в «Море Спокойствия». В том баре возле казино — я тебе его показывал. Там можем потом встретиться.

При упоминании о пиве муж Сони, страховой агент, вышел из оцепенения и бросил на Пула короткий загнанный взгляд.

Соня и Мартин Клемм из Лардуна, штат Айова, и трое их очаровательных мальчиков. До того как постучать сегодня утром в дверь их номера в мотеле, Пул не видел свою двоюродную сестру Соню по меньшей мере лет десять. Но то же было и с его сестрой Викки, и с его племянником Полом или любыми другими родственниками, близкими и дальними, появившимися на горизонте за последние полгода. С их точки зрения, вместе с Утопией у него наконец появилась цель в жизни. Странный дядюшка Энгус, который после ухода из армии перебрался в Лас-Вегас и с тех пор так и не женился. Странный двоюродный брат Энгус — или двоюродный племянник Энгус, или четвероюродный кузен Энгус, или еще кто-нибудь, — которого никто, похоже, не спрашивал, чем он зарабатывает на жизнь. А Пул никогда не делился подробностями на этот счет.

Но теперь, по некоему негласному соглашению среди родни, его назначили их гидом по Утопии.

В общем-то, он был не против. Не то чтобы ему нравились подобные встречи после долгой разлуки — он мог бы вполне обойтись и без них, — но, к его удивлению, парк его полностью захватил. В прежние годы и прежние жизни он бывал в Диснейленде, Юниверсал Студио, Буш Гарденс, и, честно говоря, они особо его не впечатлили. Но Утопия была иной, и дело заключалось вовсе не в новизне или более интересных развлечениях, а в самой атмосфере погружения — ты мог почти поверить, что перенесся в Лондон девятнадцатого века или средневековый Камелот. Конечно, ты знал, что находишься посреди пустыни в Неваде. Но аттракционы и развлечения были столь искусно интегрированы в каждый из Миров, что ощущение себя частью фантастической сказки доставляло настоящее удовольствие. А для столь лишенного воображения человека, как он, это кое-что значило.

Но у любого наслаждения есть свои пределы. И к двадцати шести минутам третьего Пул окончательно почувствовал, что сыт семейством Клеммов по горло.

— Эта невесомость — ерунда, — говорил старший из мальчишек. — Это все фокусы. Ускорение, вызванное силой тяжести, составляет девять целых и восемь десятых метра в секунду за секунду по направлению к центру Земли. Чтобы создать состояние невесомости, необходимо создать силу, противоположную силе тяжести, и...

Пул уставился на мальчишку — долговязого, нескладного, с торчащими вперед зубами. Ходячий аргумент в пользу эвтаназии новорожденных, если бы она существовала. К тому же парень понятия не имел о том, что говорил. Стоит ему оказаться внутри воздушного шлюза, и он заткнется.

Зевнув, Пул снова окинул взглядом космопорт. Народу, конечно, полно, но чуть меньше обычного. Все то же море счастливых лиц, в котором лишь иногда встречались измученные родители или нетерпеливые детишки. Вокруг мелькали служащие в скафандрах, выстраивая очереди или позируя для фотографий.

Натренированный взгляд Пула заметил необычное поведение одного из посетителей. В отличие от всех прочих, стоящих в очереди или целеустремленнодвигающихся от одного пункта к другому, человек этот беспорядочно метался среди толп в вестибюле, то кидаясь к стойке с сувенирами, то приближаясь к одной из очередей, глядя в разные стороны и изгибая шею, будто в поисках чего-то или кого-то.

Мужчина снова исчез в толпе, и Пул отвел взгляд. Очередь уверенно продвигалась вперед, и он уже стоял почти у самого шлюза. Если бы не «Побег с Темноводья», Пул давно наслаждался бы пивом в «Море Спокойствия». Это был его любимый аттракцион в парке. Если невесомость и подделана, то столь искусно, что для него это не имело никакого значения.

Он рассеянно подумал о том, что его так привлекает в этом аттракционе. Вряд ли стоило полагать, что он вызывает острые ощущения, как, к примеру, «Полет на Луну», что с левой стороны, или «Станция „Омега“» наверху футуристического вида эскалатора. Собственно говоря, если не считать первых нескольких толчков, пока

капсулы покидали тюрьму Темноводья, поднимаясь на орбиту к кораблю-базе, никаких острых ощущений не было вообще. Вероятно, все дело заключалось в удивительной реалистичности происходящего — действительно казалось, будто поднимаешься сквозь насыщенное дождем небо в космос. На этот раз стоило присмотреться внимательнее к тому, какие потайные кнопки там нажимают, добиваясь подобного реализма. Он хорошо помнил, как по мере того, как они поднимались все выше и выше в атмосфере, большие капли дождя, стекавшие по стенам капсулы, казалось, замедляли свое движение, а потом, по мере ослабления силы тяжести, практически замирали, паря и танцуя во тьме космоса. Он помнил, как его прижало животом к предохранительной перекладине, когда перед ними появился корабль-база, как стаканчик с напитком словно выплыл из держателя. Подождем, пока мальчишка Клеммов наберется впечатлений по самую макушку.

А вот это уже интересно — человек, метавшийся до этого по вестибюлю, зашел внутрь космопорта и остановился в самом его центре, оглядываясь вокруг. Рядом стояла молодая женщина азиатской внешности. Они быстро обменялись несколькими словами, затем разделились, побежав в разные стороны. Эти люди явно кого-то искали, и притом в большой спешке. «Попробуй найди тут кого-нибудь», — подумал Пул. Перед аттракционами не было фойе, все стояли в очереди в самом космопорту — возможно, чтобы усилить иллюзию оживленного транспортного центра, — и вокруг толпилась по крайней мере тысяча человек. Впрочем, того парня, похоже, это не останавливало — отделившись от женщины, он устремился в сторону «Форсажа», не обращая внимания на удивленные взгляды других.

Пул посмотрел на него внимательнее, пытаясь определить, что это за человек. Темноволосый, светлокожий, высокий, нормального телосложения, лет сорока с небольшим — ничего подозрительного, кроме явного волнения. Странно — уже второй раз за сегодняшний день нечто подобное. Выбросив ненужные мысли из головы, Пул вновь переключил внимание на очередь.

Перед ним оставалось четыре, самое большее пять групп, и даже дети его двоюродной сестры затихли в предвкушении. Они явно пришли в удачное время — очереди позади них были как минимум вдвое длиннее, чем когда он появился здесь. Если мальчишки захотят прокатиться на всех шести здешних аттракционах, у него будет не меньше двух часов блаженного одиночества в «Море Спокойствия»

— только он, пиво «Сэм Адаме» и кроссворд в «Лас-Вегас джорнал-ревью». И тогда...

Мысли его прервал ряд едва слышных возгласов. Оглянувшись, он вновь увидел того человека. Тот стоял у начала очереди в «Форсаж», зовя кого-то по имени и глядя прямо на него. Нет, сразу же понял Пул, не на него, но на кого-то в начале очереди. Возможно, на симпатичную девочку, которая только что вошла в воздушный шлюз аттракциона. Человек побежал через весь космопорт к ним, огибая посетителей. Пул машинально опустил руки и шире расставил ноги. Но взгляд незнакомца был устремлен на шлюз. Пробежав вдоль очереди и растолкав стоящих впереди Пула, он заговорил с одним из служащих на посадке, быстро жестикулируя и показывая на вход. Подошел другой сотрудник в серебристом скафандре и заботливо положил руку ему на плечо, но незнакомец тут же ее стряхнул.

— Как думаешь, что ему нужно? — спросила Соня.

Пул не ответил. На мгновение у него возникло желание вмешаться, но потом он решил — к черту. В конце концов, люди отдыхают. Этот человек заплатил свои семьдесят пять долларов, как и все, так что пусть делает что хочет.

14 часов 26 минут

Эндрю Уорн остановился на зеркальных плитах вестибюля, тяжело дыша и оглядываясь по сторонам. Пытаться найти дочь среди бесчисленных гостей — бесполезная трата сил. Вероятность того, что с ней что-то случится, была минимальной, но тем не менее сама мысль о том, чтобы ждать до запланированной встречи, ничего не зная, казалась ему невообразимой. Они двадцать минут обыскивали очереди и магазины сувениров, надеясь заметить стройную фигурку и каштановые волосы Джорджии, но тщетно. Чем дольше ее не удавалось найти, тем сильнее он начинал тревожиться.

Он вспомнил выражение лица дочери, перед тем как она покинула лабораторию Терри. «Я не хочу идти одна», — сказала она. У него не осталось больше ничего, кроме нее. Ион отправил ее сюда, в заминированный взрывчаткой парк. Невольно и с добрыми намерениями — но какое это имеет значение?

К нему быстро подошла Терри.

— Что? — спросил он.

Она покачала головой и, тяжело дыша, сказала:

— Я проверила очереди на входе и выходе «Эклиптики» и «Атмосферы страха». Никаких следов.

— Она может быть где угодно.

— Думаю, мы уже обыскали все, что можно.

Его переполняли чувства раздражения и беспомощности. Может, она уже покинула Каллисто, отправилась в один из других Миров? Они дошли до конца вестибюля, и впереди виднелся только космопорт.

Он посмотрел на Терри.

— Полагаете, я сумасшедший?

— Не знаю. Возможно. — Она помолчала. — Но будь это мой ребенок, я бы вела себя точно так же.

Он показал в сторону космопорта.

— Что там?

— Аттракционы с острыми ощущениями. Она обещала вам, что на них не пойдет.

— Лучше все-таки проверить. Вы не знаете Джорджию.

— Само собой. Беру на себя аттракционы в той стороне от табло, встретимся здесь.

Она ушла.

Уорн благодарно посмотрел ей вслед. Большинство попытались бы его успокоить, отговорить от поисков Джорджии — но не Терри. Возможно, она не могла понять тревогу отца-одиночки за единственную дочь, но согласилась помочь и искала столь же усердно, как и он сам.

Повернувшись, он вошел внутрь космопорта, глядя вдоль очереди в «Форсаж», первый аттракцион, оказавшийся рядом. Как он и ожидал — ничего, кроме тех же, что и везде, любопытных или удивленных взглядов туристов. Он повернулся. По эту сторону табло оставались еще два аттракциона. Он проверит очереди в них, потом встретится с Терри, и...

Внезапно он заметил дочь.

На него нахлынула волна облегчения. Джорджия стояла в начале очереди в — как его там? — «Побег с Темноводья». «Слава богу», — подумал он, зовя ее по имени.

Оглянись он мгновением позже, и она уже скрылась бы в шлюзе...

И тут, еще до того, как он успел сообразить, что происходит, один из сотрудников на посадке помог девочке пройти в шлюз, и за ней плавно задвинулась блестящая крышка люка.

От прежнего облегчения не осталось и следа. Он бегом бросился через космопорт, прямо к шлюзу, и стал проталкиваться к началу очереди. Удивленно вскрикнула женщина, и Уорн услышал позади мужской голос:

— Эй, приятель, в чем дело, черт побери?

Когда он подбежал к люку, служащий помогал войти внутрь женщине в красном платье с двумя детьми. Уорн успел заметить предупреждающую надпись: «Внимание! Зона невесомости».

Он развернулся лицом к сотруднику аттракциона.

— Остановите! — крикнул он.

Из-за стекла шлема на него, моргая, уставилась женщина-диспетчер.

— Прошу прощения?

— Я сказал, остановите! Остановите аттракцион!

К ним подошел еще один диспетчер.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он, кладя руку на плечо ученого, — все спешат сбежать из тюрьмы, и, боюсь, вам придется подождать своей очереди, как и...

Уорн стряхнул его руку.

— Туда только что вошла моя дочь. Я хочу ее забрать.

Второй сотрудник — высокий и худощавый — недоуменно моргнул. Уорн понял, что тот мысленно вспоминает «Справочник по обхождению с посетителями», выбирая наилучшую стратегию поведения.

— Я не могу остановить аттракцион, сэр, — сказал он, понизив голос и выходя из роли. — Уверен, ваша дочь в восторге. Все обожают «Побег с Темноводья». Если хотите ее подождать, лучше всего пройти в зону высадки, вон туда. — Он указал направление рукой в серебристой перчатке. — Аттракцион длится всего двенадцать минут, она скоро выйдет. А теперь, если вы будете столь любезны отойти, мы продолжим обслуживать наших гостей.

Уорн посмотрел на него.

«Он прав, — подумал он. — Это неразумно».

Он молча отступил назад.

— Спасибо, сэр, — сказал служащий и повернулся к группе во главе очереди, подводя к шлюзу тучную супружескую пару с ребенком, отец которого мрачно посмотрел на Уорна.

Сотрудник аттракциона нажал кнопку на пульте, и люк с шипением отошел в сторону.

Уорн уставился на открывшийся перед ним проход, а затем вдруг метнулся мимо служащего и нырнул внутрь.

Там было прохладно и сухо, откуда-то лился слабый голубоватый свет. Со всех сторон доносился низкий грохочущий звук, похожий на гудение гигантских турбин. В шлюзе ждала пустая капсула, низкая и обтекаемая, парящая у его ног без видимой опоры, с окнами из прозрачного пластика, но без крыши. За ней виднелась дальняя стена шлюза, в которую была врезана массивная круглая дверь, запертая на прочные металлические засовы, с единственным окошком из толстого стекла в центре. Сквозь стекло Уорн видел женщину и двух детей, поднимающихся вверх в капсуле. Они улыбались. До него донесся едва слышный голос из установленных в их капсуле динамиков: «Просим сохранять тишину и спокойствие. Чем меньше вы будете двигаться, тем меньше шансов, что охрана Темноводья поднимет тревогу. Как только мы покинем тюрьму, мы начнем подъем к кораблю-базе. По мере уменьшения силы тяжести вы будете ощущать некоторые проявления невесомости. Это нормально. Полная сила тяжести автоматически восстановится, как только мы пристыкуемся к кораблю...»

Негромко выругавшись, он понял, что до Джорджии ему не добраться. Даже если он каким-то образом сумеет завладеть стоящей перед ним капсулой, толку от этого все равно не будет.

Развернувшись, он выскочил из люка столь же быстро, как и вбежал в него. Вокруг слышались возбужденные голоса. Сотрудник аттракциона говорил по рации:

— Диспетчерская, говорит пост два. У нас непредвиденная ситуация, повторяю, непредвиденная ситуация в зоне посадки.

Не обращая на него внимания, Уорн пробежал мимо, туда, куда служащий показывал ему до этого, прокладывая путь сквозь заполняющую космопорт толпу, к маленькой голограмме «Высадка с корабля-базы, входа нет». Терри нигде не было видно.

Выходной пандус представлял собой пустой коридор с серо-голубыми стенами, полом и потолком. Пройдя мимо небольшой группы оживленно болтающих и улыбающихся посетителей, он двинулся дальше по плавно изогнутому вверх коридору к люку из полированного металла. Люк с шипением открылся, выпуская на пандус очередную группу, и он нырнул внутрь.

Перед ним предстал корабль-база — большая рубка управления с низким потолком, полная мерцающих огоньков. Вдоль верхней части

одной из стен тянулась большая труба из темного стекла. Почти все остальные вертикальные поверхности заполняла разнообразная фантастическая электроника.

Раздался внезапный свист, и внутри трубы появилась капсула, остановившись у короткой платформы. По ее окнам и обтекателям стекала вода. К ней подошла женщина-служанка, подняв стекло шлема.

— Добро пожаловать на корабль-базу Каллисто, — сказала она, открывая замки на панели в борту капсулы и распахивая ее. — Поздравляю с удачным побегом с Темноводья.

— Круто! — сказал парнишка лет двенадцати, выбираясь из капсулы и оглядываясь вокруг. Руки у него были мокрые, глаза блестели. — А можно еще раз?

— Невесомость у вас просто потрясающая, — сказал отец мальчика. — Как вы это делаете?

— Делать ничего не приходится, — ответила женщина, продолжая оставаться в роли. — Невесомость — часть космического путешествия. Но корабль-база сейчас причаливает к космопорту, и в нем поддерживается сила тяжести, равная ста процентам земной.

— Я слышал, они купили технологию у НАСА, — сказал мальчик.

Оператор повернулась, чтобы открыть люк и проводить семью к выходу, и заметила нарушителя.

— Сюда нельзя входить, сэр, — сказала она.

— Где служебный проход? — спросил он.

Глаза женщины сузились.

— Не понимаю, — сказала она, но взгляд ее предательски упал на стену за плечом Уорна.

Он тут же повернулся и бросился через рубку в ту сторону. Стена представляла собой сплошную массу суррогатной техники — телеметрических приборов, датчиков окружающей среды, криогенных мониторов. Он начал беспомощно водить по ней руками.

Женщина подошла к нему.

— Сэр, я вынуждена просить вас уйти, — сказала она.

Уорн наконец сумел разглядеть среди приборов едва заметные очертания прямоугольника. Приложив руки к его краям, он с силой надавил на них. Переборка откинулась назад, открыв впереди темный коридор. Он нырнул внутрь, закрыв за собой дверь и заглушив протесты оператора.

Внутри аттракциона все выглядело совсем иначе. Воздух казался густым от влажности, и сверху доносился раздражающий стук дождевых капель. Перед ним тянулся мостик — с решетки стекала вода, перила были скользкими наощупь. Уорн огляделся в темноте, пытаясь сориентироваться. Глядя вверх и чувствуя, как влажные капли собираются на его лице, он словно слышал холодный голос у себя в голове: «Ты глупо себя ведешь, приятель. Что ты, собственно, можешь сделать? Почему бы тебе просто не подождать снаружи? Она выйдет через пару минут».

Но доводы разума не играли никакой роли — ему хотелось оказаться рядом с дочерью, прямо сейчас. Просто на всякий случай.

Он двинулся по мостику, уходящему вверх по широкой дуге. Справа, вдоль внутренней стороны спирали, ступени шли вокруг бескрайней стены из темного стекла. Слева громоздились компьютерные блоки, сложные гидравлические механизмы, замысловатая сеть труб, поднимающихся снизу и исчезающих в темноте над головой.

Он продолжал взбираться наверх, ощущая все большее замешательство. Где капсулы? Предполагалось, что они поднимаются сквозь космос к кораблю-базе. И тем не менее корабль находился внизу — трасса аттракциона, похоже, шла сверху. Подобная архитектура выглядела совершенно непонятно. Неужели он потерял ориентацию и двигался не в ту сторону?

Так или иначе, через несколько минут Джорджия выйдет с аттракциона, а он будет все так же тщетно карабкаться неизвестно куда. Снова заговорил внутренний голос, на этот раз громче. Возможно, стоило выбраться обратно, дожидаться дочь, найти Терри и покончить с этим. Он замедлил шаг, а затем нерешительно остановился, держась обеими руками за мокрые перила.

И тут он увидел в нескольких шагах впереди нечто вроде разрыва в черной стене — низкий узкий свод, отмеченный едва заметным желтым свечением, в который стекали тонкие струйки

воды. Подойдя к арке, он наклонился, собираясь заглянуть внутрь.

С ревом и воем что-то вылетело из темноты и зависло в шести футах перед ним.

Удивленно вскрикнув, Уорн упал на мостик. Он едва успел разглядеть полную смеющихся, улыбающихся лиц капсулу, прежде чем она вновь нырнула вниз и исчезла.

Поднявшись, он осторожно присел возле отверстия. Впереди простиралось звездное небо, ограниченное со всех сторон стеклянной стеной. В дальнем конце арки виднелась узкая платформа, примерно два фута шириной, выкрашенная в черный цвет и почти невидимая на фоне быстро движущихся звезд. Ее окружали перила, тоже черные.

Немного подождав, Уорн глубоко вздохнул, пролез в отверстие и ступил на платформу.

Он словно шагнул в космическую бездну. Его окружали бесчисленные, бесконечно далекие звезды, мчавшиеся стремительным вихрем у него под ногами. На мгновение иллюзия показалась ему столь ошеломляющей, что он закрыл глаза и слегка пошатнулся, схватившись за перила. Стоя в тумане, он чувствовал, как его одежду пропитывает вода. Ученый немного подождал, медленно дыша, борясь с головокружением и пытаясь сосредоточиться на обнадеживающе прочных перилах, затем снова открыл глаза и, прищурившись, всмотрелся сквозь пелену дождя.

Постепенно он начал понимать, что перед ним. Он стоял на платформе с внутренней стороны огромного пустого цилиндра. Его искривленная поверхность представляла собой нечто вроде одностороннего зеркала, в котором многократно отражались тысячи звезд, создавая удивительно реалистичное ощущение глубины.

Над головой послышался грохот, быстро перешедший в рев. Взглянув вверх, он увидел еще одну капсулу, которая мчалась в его сторону под острым углом, вращаясь в потоках дождя. Казалось, будто она несется прямо к нему, и он инстинктивно попятился, но капсула замедлила ход, остановившись рядом с платформой. Рев сменился воем, и тут же без всякой на то причины направление дождя словно слегка изменилось. Движение звезд на окружавших его стенах постепенно замедлялось, пока они не повисли неподвижно в пустоте. Внутри капсулы можно было разглядеть семью из пяти человек, с такими же ошеломленными и счастливыми лицами, как и в

предыдущей. Они цеплялись за привязные ремни, словно пытаются удержаться в креслах. «Внимание, — послышался голос в громкоговорителе капсулы. — Разрешение на подход к кораблю получено, начинаем стыковочный цикл».

Одна девочка, все время глядевшая по сторонам, заметила Уорна. Несколько мгновений она таращилась на него, словно не веря своим глазам, а затем толкнула мать в бок и показала на незнакомца.

Женщина повернулась, не сразу его увидев, и удивление на ее лице сменилось испугом. В тот же миг снова раздался рев, и капсула унеслась вниз, к конечной точке своего пути.

Уорн смотрел ей вслед, пока она не скрылась из виду. Звезды вокруг него снова пришли в движение. Как и все прочее в этом аттракционе, платформа явно была спроектирована таким образом, чтобы усилить иллюзию и замаскировать реальность. Несомненно, любой находящийся здесь наблюдатель должен быть одет в черное, оставаясь невидимым для пассажиров внутри капсул.

Он начал наконец постигать изящную идею, положенную в основу «Побега с Темноводья». Аттракцион был построен внутри цилиндра — вернее, конуса, расширяющегося наверху и сужающегося внизу. Хотя капсулы на самом деле спускались по спирали к кораблю-базе у его основания, у пассажиров внутри создавалось ощущение подъема в космос. Даже в столь исключительный момент его потрясла простота замысла и вместе с тем все его великолепие. По сценарию капсулы должны были подниматься из тюрьмы на планете к кораблю, находящемуся на орбите. И при этом тюрьма оказывалась самой высокой физической точкой аттракциона — корабль-база находился в нижней части конуса. Все — бездонная чернота космоса, управляемые компьютерами движения капсулы, вращение звезд, направление потоков дождевой воды — было точно рассчитано и синхронизировано, позволяя проектировщикам Утопии наложить их собственную реальность на законы физики. Поворачиваясь на невидимых осях, капсулы неслись вниз с все возрастающей скоростью, создавая ложное ощущение невесомости. Угол поворота постоянно корректировался, так что пассажиры не догадывались, что движутся по уходящей вниз спирали. А сам он стоял на платформе, использовавшейся для скрытного наблюдения за пассажирами или, возможно, на случай...

Над его головой раздался рев очередной капсулы. Едва Уорн ее увидел, как поток его мыслей тут же оборвался. Внутри с открытым ртом сидела дочь, и в ее широко распахнутых глазах отражались звезды.

Не задумываясь, Уорн метнулся вперед, перегнувшись через перила и на шаривая замок дверцы. Перевалившись через ограждение, он наполовину спрыгнул, наполовину упал в капсулу.

Девочка оглянулась. Удивление на ее лице быстро сменилось тревогой и замешательством.

— Папа? Что ты тут делаешь? Как ты сюда попал?

— Все хорошо, — сказал он, закрывая дверцу и беря дочь за руку. — Все хорошо.

— Круто, — проговорила Джорджия. — Ты весь мокрый.

Он немного посидел, испытывая смешанные чувства облегчения и неловкости и ощущая, как с его носа и ушей течет вода, капая на пол. Как только они доберутся до кораблями все объяснит. «Ну, не совсем все», — подумал он, ожидая, когда капсула начнет последний спуск.

— Что случилось, папа? Почему...

Девочка неожиданно посмотрела в сторону, нахмутив темные брови. Свет звезд падал ей прямо на лицо.

Уорн тоже слышал голоса — сначала отдаленные, потом все ближе.

— Вот он. Платформа восемнадцать.

— Темноводье, диспетчерская, прошу экстренной остановки. Повторяю, экстренной остановки.

Послышался звук шагов, и на платформе рядом с ним появились туманные силуэты. Изнутри капсулы трудно было различить их на фоне звездного неба, но Уорн догадался, что это охранники.

— Просту прощения, сэр, — сказал один из них, — но вам придется пройти со мной.

— Нет, — ответил Уорн. — Все в порядке. Теперь все в порядке.

— Сэр, прошу вас покинуть капсулу и выйти на мостик, — снова

приказал тот, на этот раз жестче.

Уорн почувствовал, как дочь крепче сжала его руку.

Глупо. Они с Джорджией теперь вместе, ей ничто не угрожает. Все будет в полном порядке, если они просто снова запустят аттракцион.

Он повернулся, чтобы объяснить все это людям на платформе, но обнаружил, что не слышит своего голоса. Собственно, он не слышал ничего, кроме неожиданного оглушительного грохота, который донесся словно со всех сторон одновременно.

Над головой что-то ярко вспыхнуло. Посмотрев вверх, он увидел два огромных языка оранжевого пламени, устремившихся прямо к ним. На миг в ослепительном свете перед ним предстало все секретное устройство аттракциона — расширяющийся стеклянный конус, центральная ступица с расходящимися от нее, словно зонтик, поддерживающими спицами, — прежде чем его окончательно ослепило усиленное бесконечным зеркалом сияние. Отдернув голову, он зажмурился. С платформы слышались удивленные, встревоженные крики. Капсула резко накренилась. Грохот прекратился, сменившись треском и скрежетом рвущегося металла.

— Папа! — закричала Джорджия.

Уорн повернулся к ней.

Повинуясь внезапному судорожному порыву, он наклонился, прикрывая девочку своим телом. В то же мгновение капсула вновь конвульсивно дернулась, и их обоих окутала всепоглощающая тьма.

14 часов 40 минут

Медицинский центр Утопии находился на уровне «А», прямо под Ядром. Его спроектировали таким образом, чтобы в случае стихийного бедствия или катастрофы до него можно было добраться из любой точки парка за кратчайшее время, а его оборудованию мог позавидовать травматологический центр мирового класса — респираторы, вентиляторы, дефибрилляторы, интубаторы, системы мониторинга, тележки для перевозки тяжелобольных. Большинство этих дорогостоящих произведений искусства, предназначенных для спасения жизни, простаивало в темных кладовых и на складах, собирая пыль в нестерильной среде. В бурных морях Утопии медицинский центр всегда оставался архипелагом спокойствия — симпатичные медсестры обрабатывали случайно поцарапанное колено или растянутую лодыжку, санитары доставляли лекарства со склада, техники проводили обязательную диагностику редко используемой аппаратуры.

Но теперь медицинский центр превратился в арену лихорадочной деятельности. Крики боли нестройно смешивались с требованиями доставить кровь для переливания. Врачи метались из комнаты в комнату. Санитары, обычно занятые инвентаризацией лекарств, катали тележки с оборудованием между операционными. Посетители толпились в приемной, склонившись над рыдающими людьми или сидя в креслах, бездумно уставившись в потолок.

Уорн задернул голубую занавеску палаты, пытаясь отгородиться от шума. Левое плечо пронзила пульсирующая боль. Вернувшись к койке, он заметил собственное отражение в зеркале над маленькой раковиной — щеки ввалились, глаза глубоко запали. Марлевая повязка на виске, потемневшая от крови, придавала ему бандитский вид.

На койке лежала Джорджия, медленно и размеренно дыша. Глаза под похожими на пергамент веками не шевелились. В руке она сжимала свой плеер. Ладонь Уорна все еще болела в том месте, где ее стискивали пальцы девочки. Она так ни разу их и не разжала — ни когда спасательная команда вытаскивала их из разрушенного аттракциона, ни когда электрокар мчал их по коридорам к медицинскому центру.

Она открыла глаза и посмотрела на него.

— Как ты себя чувствуешь? — мягко спросил он.

— Спать хочется.

— Это все демерол. Укол, который тебе сделал доктор. Тебе нужно немного отдохнуть.

— Да.

Глаза ее снова закрылись. Он взглянул на уродливую царапину на ее щеке, затем протянул руку и погладил ее по волосам.

— Спасибо, что пришел за мной. В смысле, тогда.

— Добрых снов, Джорджия, — ответил он.

Она слегка пошевелилась под одеялом.

— Ты не назвал меня принцессой, — пробормотала она.

— Я думал, тебе не нравится, когда тебя называют принцессой.

— Не нравится. Но все-таки скажи так. Просто в этот раз.

Наклонившись, он поцеловал ее в оцарапанную щеку.

— Я люблю тебя, принцесса, — прошептал он.

Но она уже спала.

Он немного постоял, глядя, как вздымается и опадает ее грудь под тонким больничным одеялом, затем разгладил края одеяла у нее под подбородком, взял плеер из ее руки, поднял со стула рюкзачок и расстегнул молнию. Когда он клал в него плеер, что-то упало на пол. Снова положив рюкзак на стул, он присел и поднял упавший предмет. И тут же на него нахлынули воспоминания.

Это был браслет, сделанный из простой серебряной цепочки. С ее звеньев свисало полдюжины суденышек — ялы, кечи, изящные шлюпки. Он повертел цепочку в пальцах, чувствуя, как к глазам подступают слезы. Его жена подарила этот талисман Джорджии, когда той исполнилось семь лет. Каждый раз, заканчивая проект нового судна, она дарила дочери маленькую модель, которую та прикрепляла к браслету. Он совсем о нем забыл и понятия не имел, что его дочь постоянно носит цепочку с собой.

Его пальцы нащупали изящные линии «Светлого будущего», последней лодки, которую спроектировала его жена. Судна, с

которым она утонула в тот день у побережья Виргинии.

— Шарлотта, — прошептал он.

Послышался приглушенный шорох, и за занавеску заглянул лысеющий человек средних лет, с небольшими усиками над маленьким ртом. Заметив Уорна, он шагнул в отсек. За ним последовал второй. Вместо обычных белых курток персонала Утопии на них были темные неброские костюмы.

— Доктор Уорн? — спросил первый, справляясь с листком в металлическом зажиме.

Ученый поднялся, на мгновение отвернувшись, чтобы вытереть глаза, и кивнул вошедшим.

— Прошу прощения за беспокойство, — сказал человек с усиками. — Моя фамилия Фельдман, а это Уитмор. Не могли бы мы задать вам несколько вопросов?

— И возможно, ответить на несколько ваших, — добавил Уитмор, высокий, с тонким голосом и бегающими глазками.

Прежде чем Уорн успел ответить, занавеска снова раздвинулась и вошла Сара Боутрайт, следом за которой с жужжанием катился Непоседа.

Взгляд Сары упал сначала на Уорна, затем на мужчин в костюмах.

— Не беспокойте его, — сказала она.

Оба кивнули и быстро вышли.

— Кто это? — без особого любопытства спросил Уорн.

— Фельдман из юридического отдела и Уитмор из отдела обслуживания посетителей.

Уорн смотрел, как невидимая рука задерживает занавеску снаружи.

— Оценивают ущерб? — спросил он.

— Улаживают инцидент.

Уорн кивнул.

— И что им известно?

— Они знают только то, о чем им рассказали. Это был незначительный механический сбой. — Она подошла ближе. — Как ты себя чувствуешь?

— Словно столкнулся с грузовиком. Что там случилось?

— Я собиралась спросить тебя о том же самом.

— Не знаю. — Уорн глубоко вздохнул, пытаясь вспомнить. — Был взрыв, яркая вспышка. Весь аттракцион шатался и содрогался. Я думал, он рухнет прямо на нас. — Он помолчал. — Я зажмурился, прижал к себе Джорджию. Больше ничего не помню, до того как прибыла ваша спасательная команда.

Он вопросительно посмотрел на нее.

— Не стану лгать тебе, Эндрю. Все висело на волоске. Кто-то прикрепил взрывчатку к центральной оси аттракциона, на которой он держится. Если бы она сломалась, все капсулы рухнули бы на землю. Но те, кто закладывал заряд, просчитались. Одна из опорных балок выдержала и не дала колонне рухнуть, что позволило нам эвакуировать посетителей.

Просчитались. На какой-то миг ученый ощутил нечто вроде облегчения. Кем бы ни оказались преступники, они все же не были непобедимы. Если у них не получилось один раз — они могут ошибиться и в другой.

Сара кивнула в сторону койки.

— Как Джорджия?

— Немного поранилась. Доктор говорит, с ней все будет хорошо. Она смелая девочка.

Сара посмотрела на спящую Джорджию, затем протянула руку и дотронулась до ее лба.

Уорн проследил за ней взглядом, впервые по-настоящему взглянув на Сару с тех пор, как она вошла в отсек. Он никогда прежде не видел подобного выражения на ее надменном лице — болезненного, почти страдальческого. Вспомнив их последний разговор у нее в кабинете, он вдруг понял, что она никогда прежде не просила его о помощи. «Парк значит для нее все, — подумал он, глядя на нее. — Так же, как для меня — Джорджия».

Его внезапно охватила злость — злость на тех, кто все это

совершил, причинил боль людям, которые значили для него так много.

— Что я могу сделать? — спросил он.

Сара подняла взгляд.

— У себя в кабинете ты просила о помощи. Я бы хотел помочь тебе, чем смогу.

Она поколебалась, снова посмотрев на Джорджию.

— Уверен?

Ученый кивнул.

Помолчав, она убрала ладонь со лба девочки.

— Нас предупредили, чтобы мы ничего не сообщали полиции. Неизвестно, что они заминировали или повредили, а что нет. Ясно, что в парке есть как минимум один их сообщник, но мы не знаем, кто именно. Однако очевидно, что метасеть использовали для взлома операционного кода некоторых роботов.

— Вы можете провести эвакуацию?

— Они заминировали монорельс. Они также сказали нам, что наблюдают за аварийными выходами.

— Вы знаете, зачем они устроили взрыв в «Темноводье»?

Выражение лица Сары стало еще более страдальческим.

— Мы — я — недооценили этих людей. Мы договорились, что отдадим им технологию Горнила. Но мы планировали организовать слежку за Джоном Доу, их главарем, после того как он заберет диск. Он об этом узнал. — Пошарив в кармане, она достала пластиковый пакет с полудюжиной серебристых осколков и, горько улыбнувшись, положила его на край койки. — В результате погиб охранник, и это все, что осталось от диска с Горнилом. «Темноводье» было наказанием для нас. Теперь я жду, когда они снова свяжутся со мной, чтобы договориться о передаче нового диска.

Она посмотрела ему в глаза.

— Так что я могу сделать? — помолчав, спросил Уорн.

— Если ты сумеешь воспользоваться метасетью, чтобы выяснить, какие из роботов подверглись взлому и каким образом...

Пригодится любая мелочь. Если мы узнаем, что именно они сделали, возможно, нам удастся вычислить их следующий ход. И подготовиться. — Она уставилась в пол. — Будем уповать на Господа, что до этого не дойдет.

Наступила тишина.

— Сделаю, что смогу. Но пока... — Он показал на койку.

— Я лично позабочусь, чтобы Джорджии обеспечили надлежащий уход. Охрана тщательно проверила ряд помещений — медицинский центр, номера для почетных гостей. Здесь она в большей безопасности, чем где-либо еще в парке. — Она понизила гол ос. — Хочу тебе сказать еще кое-что.

— Что?

— Тереза Бонифацио в списке возможных подозреваемых.

— Терри? — недоверчиво переспросил ученый.

— Я тоже в это не верю. Но лишь немногие обладают соответствующим опытом и правами доступа, и она — одна из них. Имей это в виду. И еще одно. Помнишь, тогда у меня в кабинете мы отследили местонахождение Джорджии по ее метке? Так вот, я заметила, что кто-то пытался найти тебя.

— Меня? — удивленно спросил Уорн, ощутив неприятный холодок. — Зачем?

— Понятия не имею. Но будь осторожен. И наверное, лучше тебе снять свой значок. Попрошу кого-нибудь бросить его в мусорную урну в дальнем конце парка.

Уорн посмотрел на свой лацкан и обнаружил, что там пусто.

— Пропал. Видимо, я потерял его в «Темноводье».

— Тем лучше. Если кто-то из персонала тебя остановит, покажи свой пропуск и в случае чего попроси связаться со мной.

Занавеска снова раздвинулась, и вошел человек в белом халате.

— О Сара, — сказал он. — Мне говорили, что вы здесь.

— Да, доктор Финч, — кивнула она. — Как у нас дела?

— Намного лучше, чем могло бы быть, слава богу. Это чудо, что выдержала опора, не дав всему сооружению обрушиться. Иначе нам

потребовался бы целый парк похоронных машин. И без того у нас около двух десятков пострадавших, самый тяжелый случай — мальчик с переломами обеих ног.

Директор плотно сжала губы.

— Держите меня в курсе.

Доктор ушел, и Сара снова повернулась к Уорну.

— Ты кое-что забыл у меня в кабинете, — сказала она.

Взяв его за руку, она застегнула у него на запястье браслет эхолокатора.

Уорн ощутил, как щекочет кожу давно забытое прикосновение.

— Поэтому ты и привела его с собой?

— Он твой пес. Помнишь?

Уорн посмотрел на неуклюжего, похожего на собаку робота, который, в свою очередь, обернулся к нему. Рука его невольно коснулась эхолокатора, и ему показалось, что происходящее приобрело некий сюрреалистичный оттенок.

Занавеска раздвинулась в очередной раз, вошел невысокий, крепко сложенный мужчина и кивнул Саре. Всем своим видом он излучал уверенность в себе, и его светлые волосы на фоне загорелого лица выглядели почти седыми.

— Это он? — спросил он у Сары.

— Нет, это Эндрю Уорн, — ответила она. — Пул, по-моему, в соседней палате, с Фельдманом и Уитмором.

Вошедший нахмурился.

— Парень — герой, черт возьми. И нечего всяким юристам его донимать.

Уорн вопросительно повернулся к Саре.

— Это наш глава службы безопасности, — объяснила Сара. — Он пришел поблагодарить посетителя по имени Энкус Пул. Похоже, он был в «Темноводье» через несколько капсул после Джорджии. И рисковал своей жизнью, чтобы спасти других пассажиров.

Аллокко кивнул, что-то проворчал, раздвинул занавеску и вышел.

— Пожалуй, я тоже пойду и поблагодарю его, — сказала директор.

Уорн вернулся к спящей Джорджии. Наклоняясь, чтобы поцеловать ее в щеку, он заметил, что Сара оставила пакет с осколками диска на краю койки. Взяв его, он еще раз бросил взгляд на дочь и последовал за Сарой и Аллокко.

В соседней палате на койке сидел человек лет сорока, беспокойно поглядывая на только что обработанную рану на правом запястье. Явно кто-то из посетителей: коричневое твидовое кепи, вельветовый пиджак, черный свитер с высоким воротником. На губах его застыла едва заметная улыбка. Собственно, все его лицо казалось неподвижным, кроме живых голубых с серыми крапинками глаз, с нескрываемым любопытством оглядывающих окружающую обстановку. Фельдмана и Уитмора нигде не было видно.

Взгляд голубых глаз упал на Уорна, и они тут же слегка расширились от удивления.

— Это вы! — сказал человек на койке.

Сара шагнула вперед.

— Мистер Пул, меня зовут Сара Боутрайт. А это Боб Аллокко, глава службы безопасности Утопии.

— Мы хотели бы поблагодарить вас за вашу смелость, там, на аттракционе, — одобительно кивнул Аллокко. — За то, что помогли людям целыми и невредимыми выбраться из разбитой капсулы.

— Эти люди — мои родственники, — сказал человек по фамилии Пул.

Он обращался к Аллокко, но не отрывал взгляда от Уорна.

— Мы крайне сожалеем о случившемся, — сказала Сара. — Утопия считается самым безопасным из всех парков, но, боюсь, даже самые строгие проверки не могут стать гарантией от любого механического...

Пул перевел взгляд на нее.

— Вы тут главная? — спросил он.

— Я исполнительный директор, если вы об этом. И мне бы хотелось что-то для вас сделать, как-то вознаградить вас за ваш

поступок.

Улыбка Пула стала чуть шире.

— Собственно, я думал, что это я мог бы что-то сделать для вас.

Директор нахмурилась.

— Не понимаю.

Мужчина удивленно посмотрел на нее.

— Короче, сколько их?

— Их? — переспросила Сара.

— Плохих парней. С кем мы имеем дело? С бандой злодеев?

Сара Боутрайт и Аллокко переглянулись.

— Сэр, — сказал начальник охраны, — думаю, что вам стоит вернуться к своей семье...

Сара дала ему знак замолчать.

— Прошу прощения, мы просто в легком замешательстве.

— Из-за чего?

— Из-за того, что вы сказали. Это всего лишь серьезный несчастный случай, и...

Человек издал короткий лающий смешок, похожий на кашель.

— В самом деле серьезный, — сказал он. — Только это не несчастный случай.

Никто не ответил, и он продолжил.

— Не могу поверить, что вы включили свет, — печально проговорил он. — «Побег с Темноводья» был моим любимым аттракционом. Но теперь я знаю, как там все устроено. Для меня вы его уничтожили.

Аллокко и Сара снова переглянулись, но промолчали.

— Я был наверху, в самом начале аттракциона, когда произошел взрыв. После того как я помог выбраться родственникам, мне еще пришлось какое-то время ждать. А потом меня спускали вниз мимо той разрушенной балки. К тому времени уже зажегся свет, и я все хорошо разглядел. Прямо как на картинке. Си-четыре, верно? Три

заряда, расположенные с одной стороны. Называется «клуб-сэндвич». По-настоящему точная работа. И весьма тщательно проделанная, учитывая обстановку.

Наступила тишина.

— Продолжайте, — сказал Аллокко.

— А нужно? Если только у вас нет привычки использовать взрывчатку для ваших спецэффектов, я бы решил, что вам попалась компания вредителей. Или какой-то всерьез разозлившийся на весь мир посетитель. — Пул махнул рукой в сторону занавески. — Но где полиция? Почему не охраняется место преступления? Вместо этого вокруг бегают какие-то типы в костюмах и извиняются за случившееся. За несчастный случай. Нутром чую, это только повод. Кто-то вас основательно припугнул. И думаю, я знаю кто.

— Наверняка, — сказала Сара.

Пул кивнул.

— Сегодня утром, в Ядре, я видел, как тот тип разговаривал сам с собой. Именно этим он в первую очередь и привлек мое внимание — он, похоже, читал стихи или что-то в этом роде. К тому же у него был южноафриканский акцент. И еще покрой его костюма: никто из туристов не надевает в парк развлечений итальянский костюм за пять тысяч долларов. Но больше всего меня поразило то, как он оглядывался по сторонам — словно оценивал ситуацию. Или, скорее всего, уже владел ею. Будто для него не осталось больше никаких неожиданностей.

Пул покачал головой и усмехнулся.

— Но сегодня у меня выходной, так что я об этом просто забыл. Пока, сидя в разбитой капсуле, не начал складывать два плюс два.

— Вы полицейский? — спросила директор.

Мужчина снова рассмеялся.

— Не совсем.

— Что значит — не совсем?

— Вооруженное сопровождение. Служба личной безопасности. Что-то вроде того.

Аллокко закатил глаза.

— А я-то думал, вы Шерлок Холмс.

За последнюю минуту или две тон его голоса существенно изменился.

Снова наступила тишина, на этот раз более продолжительная.

Наконец директор глубоко вздохнула.

— Вы сказали, что могли бы что-то для нас сделать, мистер Пул. Что именно вы имели в виду?

— Не знаю. Что вам нужно?

Неожиданно вмешался глава службы безопасности.

— Достаточно, — сказал он. — Мистер Пул, вы нас извините, если мы вас ненадолго покинем?

— Конечно.

Уорн последовал за Сарой и Аллокко обратно в отсек Джорджии.

— Что вы делаете, черт бы вас побрал? — набросился на Сару начальник службы безопасности. — Он всего лишь какой-то наемный охранник. А у нас и без того хватает дел.

— В том-то и проблема, — негромко ответила директор. — Каких, собственно, дел? Со списком подозреваемых Барксдейла что-нибудь прояснилось?

— Ничего подозрительного. Техник по фамилии Тибболд отметился сегодня рано утром на посту охраны при выходе и больше не вернулся, так что у нас не было возможности его допросить. А на видеозаписях все чисто.

— Понимаете, о чем я? Нам ничего не остается, кроме как зализывать раны и ждать, когда зазвонит телефон.

Аллокко ткнул большим пальцем за занавеску.

— Откуда нам знать, может, он один из них.

— Да бросьте, Боб. Сами знаете, что это глупо. На аттракционе были его родственники, он рисковал жизнью, чтобы их спасти.

— Значит, он — посетитель. Еще хуже. Вы понимаете, как это будет выглядеть? Что он станет говорить?

— А что, по-вашему, он станет говорить, если мы от него просто отмахнемся? Нам нужна любая помощь, которую мы можем получить. Если вы пошлете повсюду своих агентов, это будет выглядеть подозрительно. Но если это будет турист в вельветовом пиджаке и твидовом кепи? Вряд ли. Он явно знает, что говорит. Я все-таки склонна привлечь его на нашу сторону. И насколько мне известно, демократии здесь нет.

Аллокко недоверчиво посмотрел на нее. Он открыл было рот, собираясь возразить, но тут же снова его закрыл и лишь недовольно покачал головой.

— Вы правы, ее нет. Но я не хочу иметь с ним никаких дел. И пусть держится как можно дальше от моих людей.

— Ничего не обещаю.

Директор направилась обратно в палату, остальные последовали за ней.

— У вас тут родственники, мистер Пул? — спросила она, когда они вернулись.

Тот кивнул.

— Семья моей двоюродной сестры. Хорошее, крепкое семейство из Айовы.

— С ними все в порядке? Я имею в виду — после того... несчастного случая?

— Шутите? После того как ваши пиарщики начали раздавать ваучеры на питание и фишки в казино, будто конфеты? Они давно уже снова там.

— И вы не хотите к ним присоединиться?

— Я ведь вам уже сказал. Мой любимый аттракцион только что перестал для меня существовать. — Пул покачал головой, и улыбка его стала чуть более печальной. — Теперь мне уже и пивом не насладиться.

Слова его были встречены очередным молчанием.

— Вы упоминали про личную безопасность. Это нечто вроде телохранителя?

— Мы предпочитаем не употреблять этот термин. У нас обычно

разовые задания. Бизнесмены, высокопоставленные иностранцы, очень важные персоны...

— Ладно. — Сара махнула рукой в сторону Уорна. — Мистер Пул, познакомьтесь с Эндрю Уорном.

Пул кивнул ему.

— Я видел вас в космопорту. Думал, вы просто один из посетителей. Помню, вы все бегали туда-сюда. — Он посмотрел на ученого более пристально. — С вами все в порядке, приятель?

— Так вот, он не просто один из посетителей. Считайте его своей очень важной персоной.

Пул немного подумал, затем кивнул.

— И еще, мистер Пул, — сказала Сара.

Тот обратился к ней взгляд голубых глаз.

— Если он останется в живых до конца дня, возможно, вы получите пожизненный пропуск.

Телохранитель улыбнулся.

14 часов 40 минут

Норман Пеппер сидел на широком кожаном диване в комнате отдыха для приглашенных специалистов на уровне «В», потягивая лимонад из стакана и читая национальный выпуск «Нью-Йорк таймс». Он уже потратил приятные полчаса на чтение первой части и намеревался потратить на менее приятные полчаса на остальное.

День прошел даже лучше, чем он рассчитывал. Персонал Утопии оказался профессиональным, деловым и готовым помочь. Его предложение высадить клумбы с орхидеями в атенеуме Атлантиды приняли без вопросов. Фактически ему выделили даже больше средств, чем он запрашивал. И сама Атлантида представляла собой нечто выдающееся. Он не сомневался, что когда она откроется, то станет наиболее притягательным из всех Миров. Называть ее водным парком было несправедливо. Скорее она походила на внутреннее море или что-то вроде того, по которому посетителей доставляли из полузатонувшего города к каждому из аттракционов специальные лодки. Но лучше всего выглядел сам вход в Мир. Даже в незавершенном виде он смотрелся восхитительно, просто потрясающе — несомненно, самый искусно выполненный портал во всей Утопии. И он, Норман Пеппер, видел его раньше, чем кто-либо другой. Его дети просто умрут от зависти, когда обо всем этом услышат. Он ощутил тайное самодовольство, словно его посвятили в государственный секрет, и тихо усмехнулся про себя.

И эта комната отдыха была просто замечательной. Бесплатная еда и напитки, видео всех шоу Найтингейла, душевые кабины, бильярдные столы, небольшая библиотека, отдельные помещения с телевизорами и телефонами. И что самое лучшее — никто, похоже, ею не пользовался. Вероятно, все дело в названии, предположил Пеппер. «Комната отдыха для приглашенных специалистов» вызывала в воображении нечто вроде автобусной станции — пластиковые стулья, журналы годичной давности, растворимый кофе в пенопластовых чашках. Ничто не могло быть дальше от истины, но как иначе можно было объяснить то, почему здесь так безлюдно? Кроме него в комнате отдыха находился лишь один человек, который пришел всего минут пять назад. Возможно, другие приглашенные специалисты осматривали сейчас парк. Но Пепперу этого не хотелось. Он планировал посетить в шесть часов Газовый Свет,

чтобы решить проблемы с ночными цветами. На завтра предполагались новые встречи, обсуждение окончательных планов. А потом, в среду, он пойдет осматривать Утопию как следует — с девяти до девяти, от начала до конца, от Камелота до Каллисто. Удовлетворенно вздохнув, он отложил газету, чтобы наполнить стакан остатками «Доктора Пеппера» из банки.

Пеппера с самого детства дразнили за его любимый напиток. Он ничего не мог поделать со своей слабостью, и никакие издевательства не могли заставить его изменить мнение. Теперь же ему нравилось рассказывать, что тот самый доктор был его прапрапрадедом. Шутка, конечно, но насколько она порой оказывалась полезной! Сделав большой глоток, он снова взял газету, держа стакан в правой руке. Вот это действительно жизнь.

Переверачивая страницы, он бросил взгляд на второго посетителя комнаты отдыха. Одет тот был довольно нелепо — свободный плащ с капюшоном, облегающий шерстяной костюм с кожаными лацканами и множеством пуговиц. В одной руке он держал высокий цилиндр, а в другой — длинную трость с бронзовым набалдашником. Незнакомец бродил по комнате отдыха, глядя по сторонам, и в конце концов подошел к Пепперу.

— Очень уж тут тихо, — заметил он.

— Как в могиле. Вы единственный, кого я видел за все время.

Мужчина кивнул.

— А вы, значит, тут уже давно?

— Да уж точно, — сказал Пеппер.

«И что?» — подумал он. Ему не нравился тон этого человека. В конце концов, он ведь приглашенный специалист. У него есть полное право здесь находиться. Он мог бы сказать этому типу и больше. В подобном наряде — это явно кто-то из персонала. Что он делает в комнате отдыха? Вероятно, польстился на бесплатную еду.

Человек смотрел в потолок. Глаза у него были раскосые, лицо широкое, почти круглое.

Аккуратно положив цилиндр на ближайший столик, он не спеша направился к Пепперу. Блестящую деревянную трость он теперь держал в правой руке, постукивая громадным бронзовым набалдашником по ладони. Пеппер посмотрел на поблескивающий

металлический ободок и опустил газету.

— Вас не так-то легко отыскать, мистер Уорн, — сказал незнакомец, подходя к Пепперу.

Отчего-то он не остановился вовремя и продолжал идти, пока его ноги не уперлись в колени флориста.

Пеппера настолько убаюкала спокойная и дружелюбная атмосфера Утопии, что сначала подобное поведение его лишь удивило. Потом, осознав, что происходит, он вжался в кожаные складки дивана, выронив стакан. Ледяные кубики и жидкость выплеснулись на газету. В чем дело? Этот человек вторгнулся в его личное пространство. Более того, его голос — что это за акцент? французский? израильский? — звучал явно угрожающе. Пеппер настолько перепугался, что до него не сразу дошел смысл сказанного незнакомцем.

— Уорн? — пробормотал Пеппер, чувствуя, как холодная содовая растекается по дивану, пропитывая сзади его брюки. — Я не Уорн. Вы ошиблись.

Незнакомец отступил назад, опустив тяжелую трость.

— Вот как? Не вы?

— Нет. Хотя погодите, погодите! Я вспомнил. Уорн, ну конечно. Это тот, кто ехал сегодня утром вместе со мной на монорельсе. Я не Уорн. Я Пеппер. Норман Пеппер.

Незнакомец перевел взгляд с лица Пеппера на банку из-под напитка.

— Конечно же, — улыбнулся он, подходя еще ближе.

14 часов 55 минут

Сидя за консолью Терри Бонифацио, Уорн наблюдал, как Пул отпирает дверь лаборатории, осторожно открывает ее, выглядывает в коридор, затем снова закрывает ее и запирает. В твидовом кепи, вельветовом пиджаке и свитере с высоким воротником он походил на туриста, играющего в тайного агента. И это не слишком вдохновляло.

— Знаете, мне один ваш вид действует на нервы, — сказал Уорн.

Оглянувшись, Пул улыбнулся, продемонстрировав ослепительно-белые зубы.

— Замечательно, — ответил он. — Нервы — это хорошо. Помогает быть начеку.

Отойдя от двери, он начал медленно обходить помещение, оглядывая стены и потолок. Закончив обход, он подошел к Уорну и встал за его спиной, скрестив на груди руки.

Ученый покачал головой. Сама необходимость в телохранителе казалась ему нелепой. Ладно — допустим, преступники, кем бы они ни были, узнали о его присутствии. Но могли ли они действительно счесть его серьезной угрозой? Наверняка их куда больше беспокоила здешняя охрана. И кто вообще такой этот Пул? У него возникло возрастающее чувство нереальности происходящего. Слишком уж много неожиданностей и потрясений он испытал за последние несколько часов.

— Вам обязательно нужно там стоять, между мной и дверью? — спросил Уорн. — Это чтобы принять на себя предназначенную мне пулю и все такое?

— Я бы предпочел в свой выходной обойтись без пули. Просто занимайтесь своими делами.

Несколько мгновений Уорн смотрел на его бесстрастное лицо, затем тяжело вздохнул.

— Займемся своими делами, — повторил он, поворачиваясь к сидящей рядом Терри. — С чего начнем?

Терри молчала. Она в конце концов нашла его в медицинском центре, когда он уже собирался уходить в сопровождении Пула.

Когда Уорн объяснил, что случилось в «Темноводье» — так же как и то, что рассказала ему Сара о происходящем в парке, — она заметно побледнела. Но теперь взгляд ее темных восточных глаз был прям и тверд.

— Если вы действительно мне все рассказали, похоже, что Сара дала вам два задания, — наконец сказала она. — Найти, у каких роботов повреждена программа. А потом выяснить, чьих рук это дело.

— Два задания. — Уорн раскачивался вперед и назад, глядя на экран терминала. — И мне кажется, что они связаны между собой.

— Гм? Каким образом?

— Любой вор — в данном случае хакер — оставляет след. Если мы сможем узнать, каким образом были взломаны роботы, возможно, мы сумеем проследить, кто это сделал.

— Тогда не поговорить ли нам с Барксдейлом? Это ведь его область. Если уж у кого-то и есть соответствующие средства, так это у него.

— Преступники тоже об этом знают. И примут меры предосторожности. — Уорн помолчал. — Проблема в том, что все это лишь предположения. У нас недостаточно информации.

— Тогда стреляйте в голову, — вмешался Пул.

Уорн вопросительно посмотрел на него.

— Стреляйте в голову, — повторил Пул, будто речь шла о чем-то очевидном. — Первое, чему учил нас наш командир. Вы в боевой ситуации, и у вас есть выбор из нескольких мишеней. В кого вы станете стрелять?

Никто не ответил.

— В того, кому можно прицельно попасть в голову, — ответил Пул на свой собственный вопрос.

— Ваш командир, — повторил Уорн. — Так вы служили в вооруженных силах?

— Это уж точно, вооружены мы были.

Уорн снова посмотрел на Терри.

— Если отбросить всю эту шелуху про убийства, он, судя по всему, имеет в виду, что мы в первую очередь должны сделать самое очевидное.

— Вычислить поврежденный код.

— Да. Если мы сможем определить, каким образом вносились изменения в метасеть, возможно, нам удастся найти и поврежденных роботов.

— Значит, придется влезть в шкуру детективов.

Уорн со вздохом кивнул.

— Детективов? — переспросил Пул.

У Уорна отчаянно болело левое плечо, и на этот раз он не стал оборачиваться. Не хватало им еще телохранителя, явно проявляющего нездоровый интерес к делам своих клиентов.

— Нужно изучить систему, — ответил он. — Искать крошки, которые оставили за собой преступники.

Терри ткнула большим пальцем в сторону металлической тележки, на которой лежали детали неисправных роботов.

— Можно начать с них, — сказала она. — Прогнать диагностику, проверить последние операции.

— Пожалуй. — Уорн поерзал в кресле, глядя на путаницу проводов и микросхем, составляющих мозг того, кто всего несколько часов назад был лучшим продавцом мороженого в Каллисто. — Знаете, я все время думаю насчет Хард-Плейса.

— А что с ним?

— Просто странно. Его явно перепрограммировали так, чтобы он вышел из-под контроля, устроил хаос. Но почему это случилось с ним именно тогда? Мне кажется, слишком рано. В смысле, Джон Доу еще не начал свою игру.

Терри немного подумала.

— Вы заметили что-нибудь необычное перед тем, как это произошло?

Уорн покачал головой.

— Хард-Плейс вел себя так же, как и во время всех испытаний.

Он приготовил имбирную шипучку для Джорджии. Потом я сделал ему особый заказ, идентифицировавший меня как его создателя.

— Особый заказ?

— Всего лишь встроенный «черный ход». Ничего особенного. Двойная порция фисташкового мороженого с шоколадом и взбитыми сливками. Когда он слышит эту фразу, запускается специальный процесс. Он зовет меня Кемо Сабе, выполняет тот самый особый заказ. Но сразу же после того, как он подал мне мороженое, он сломался. Начал крушить все вокруг. Мне удалось отключить его, прежде чем он успел причинить кому-то серьезный вред. Кроме меня. — Он мрачно потер запястье.

— Гм... «Черный ход». — Терри быстро посмотрела на него. — Можно не сомневаться — кто бы ни изменил его код, он об этом не знал. Даже я не знала. Вы не думали, что, активировав свой «черный ход», вы вызвали и поврежденный набор команд? Скажем так, заставили его сработать раньше времени?

Уорн удивленно взглянул на Терри.

— Нет, не думал. Но я не сомневаюсь, что именно это и случилось. Отличная мысль, Терри.

— Бросьте. Вы наверняка говорите это всем девушкам.

Впрочем, ей не удалось скрыть вспыхнувший на ее щеках легкий румянец.

— Мы можем потом это проверить. Но Хард-Плейс и другие — лишь отдельные роботы. Думаю, нам проще будет разобраться с самой метасетью. — Уорн снова положил руки на клавиатуру. — На совещании сегодня утром Барксдейл говорил, что внутренняя сеть Утопии — защищенная система, полностью изолированная от внешнего мира. Это так?

— Да.

— Значит, кто бы ни внес в нее изменения, это было сделано изнутри. И это означает, что мы можем пропустить шаги, которые обычно совершают взломщики для проникновения в сеть извне. Мы будем считать, что хакер уже обладал соответствующими привилегиями. Верно?

Терри снова кивнула.

— И таким образом, можем перейти к заключительным ходам, которые сделал бы любой хакер. Вы сохраняете листинги каталогов?

— Каждую неделю.

— Можете мне их дать за последние полгода?

— Конечно.

Терри отодвинула стул и направилась к высокой стопке бумаг на соседнем столе.

Пул подошел ближе на несколько шагов и остановился рядом с Уорном, глядя на экран.

— Что вы делаете? — спросил он.

— Стреляем в голову, — ответил Уорн.

Телохранитель поднял густые брови.

Уорн показал на терминал метасети.

— Кто-то взломал этот компьютер, используя его для загрузки поддельных программ в роботов парка. Но поскольку система безопасности Утопии весьма надежна, хакер, даже если это кто-то из местных, не мог просто сесть и начать печатать на клавиатуре. Им явно пришлось прибегнуть к помощи трояна.

— Трояна?

— Ну да. Троянского коня. Кода, который прячется внутри другой программы и втайне делает свое грязное дело. — Уорн пожал плечами. — Конечно, это всего лишь один из вариантов сценария, но он наиболее вероятен. Так что мы намерены поискать, не было ли каких-либо признаков взлома за последние месяцы.

Вернулась Терри с пачкой пожелтевших распечаток в руке.

— Я решила, что вас больше устроит бумажная копия, — сказала она. — Не столь высокотехнологично, зато надежнее.

— Согласен. — Уорн быстро набрал на терминале несколько команд, и на экране появилось окно с бегущими в нем строчками. — Давайте сравним эти старые распечатки с текущим состоянием метасети. Начнем с самых последних и будем двигаться назад.

Оба замолчали, склонившись над бумагами. Пул некоторое время наблюдал за ними, затем еще раз обошел лабораторию.

Непоседа пристально следил за всеми движениями Уорна, катаясь туда-сюда на огромных колесах. Из динамиков доносился хриплый голос Акселя Роуза ^[35] на фоне замысловатого гитарного перебора в исполнении Слэша.

— Надо полагать, вряд ли мне удастся убедить вас выключить его, — сказал Уорн, кивая в сторону проигрывателя компакт-дисков.

— Мне это помогает мыслить.

Терри перевернула лист и хихикнула.

— Что такое?

— Просто подумала. Двойное фисташковое мороженое с шоколадом и взбитыми сливками. Звучит совершенно чудовищно.

— И это говорит женщина, которая намазывает коричневую креветочную пасту на недозрелый фрукт. — Поколебавшись, он поднял взгляд от распечаток. — Забавно.

— Что именно?

— Мы с вами разговаривали каждую неделю почти год. И все это время я полагал, что с фамилией Бонифацио вы не можете быть никем иным, кроме как итальянкой.

— Понятно. Вы представляли себе Софи Лорен, склонившуюся над терминалом метасети в блузке с огромным вырезом. А вместо нее увидели всего лишь дружелюбную филиппинку. Разочарованы?

— Нет, — покачал головой Уорн. — Ни в малейшей степени.

Возможно, в его искренних словах прозвучало что-то еще, потому что широкая улыбка, которую вызвало у Терри его замечание, не имела ничего общего с ее обычным ироничным выражением лица.

— Фу-у-у, — сказал Пул, подходя к двери и отпирая ее. — Пойду проверю коридор. Не впускайте никого, кроме меня.

Дверь за ним закрылась. Терри заперла дверь и вернулась на свое место. Взгляды их снова встретились.

— Думаете, он вроде подсадной утки? — спросила она, больше не улыбаясь.

— Не знаю. Все может быть. Сара утверждает, что вы тоже в числе подозреваемых.

Терри закатила глаза.

— Ничего себе!

— Но, честно говоря, не могу представить, что Пул — один из преступников.

— Понимаю, о чем вы. К тому же кто из террористов стал бы так одеваться?

Уорн вернулся к своей распечатке. Минуту спустя он вздохнул и положил ее на стол.

— Что случилось? — спросила Терри, коснувшись ладонью его плеча.

— У вас никогда не было такого — нечто кажется вам совершенно безумным и тем не менее происходит на самом деле? Как сейчас. Я отдавал себе отчет в том, что искать Джорджию глупо и вероятность того, что с ней что-то произойдет, крайне мала. Но это действительно случилось. И теперь меня постоянно преследует страх. — Он замолчал. — Понимаете?

Терри пристально посмотрела на него, затем убрала руку с его плеча и снова опустила взгляд, уставившись на распечатки.

— Когда я была еще девочкой, на Филиппинах, — начала она, — родители отдали меня в школу при монастыре. Настоящий кошмар, почти как в «Оливере Твисте». Я была самой маленькой, и мне постоянно доставалось. Я не любила, когда меня задирали, и всегда давала сдачи. Но наказывали почему-то только меня одну. Палками. Иногда я часами не могла сидеть. — Она тряхнула головой, отгоняя мрачные воспоминания. — Но это не самое страшное. Чего я не могла терпеть, так это исповедь. Я ненавидела ее всей душой. Я боялась маленькой темной кабинки, уверенная, что однажды меня там запрут и забудут обо мне. Не знаю почему, но я была убеждена, что, если это когда-либо случится, я умру. Меня настолько это пугало, что однажды я отказалась пойти на исповедь. В наказание за столь неслыханную провинность мать настоятельница заперла меня в кладовой — в крохотной комнатке без света.

Хотя Терри продолжала смотреть на распечатку, Уорн заметил, как по лицу ее пробежала судорога.

— И что случилось? — спросил он.

— Силы полностью оставили меня. Видимо, я потеряла сознание. Я ничего не помню, даже не знаю, как долго я там пробыла. Я очнулась в монастырском лазарете. — Она вздрогнула. — Мне было всего девять лет, но я была уверена, что умерла в той кладовой. На следующий день я сбежала. И с тех пор я страдаю клаустрофобией. Даже не могу кататься на темных аттракционах парка.

Наконец она посмотрела на него.

— Так что, думаю, я действительно понимаю ваши чувства. Даже самые безумные кошмары порой становятся явью.

Наступившую тишину нарушил шепот Пула возле двери. Терри встала, чтобы открыть ему.

— Давайте вернемся к делу, — сказала она, пройдя к столу.

Работа была весьма утомительной — выбрать файл на экране, отметить его дату и размер, а затем сравнить с тем же файлом на старых распечатках в поисках каких-либо расхождений в размере файла или дате последнего доступа, которые могли бы сигнализировать о вмешательстве извне. Уорн покончил с одной распечаткой, потом еще с одной и еще... «Словно ищешь иголку в виртуальном стоге сена, — подумал он. — Я...»

Неожиданно он остановился.

— Странно, — сказал он, показывая на строчку. — Взгляните.

Он указал на файл с именем `/bin/spool/upd_disply.exe`.

— Что-то не узнаю, — ответила Терри. — Что он делает?

— Гм... это подпрограмма для обновления информации на дисплее перед утренней загрузкой данных в роботов.

— Выглядит вполне невинно.

— Вы не рассуждаете как хакер. Где вы спрятали бы свой код — в файле под названием «`virus_infect_reformat`» или в каком-нибудь неприметном месте? — Он ткнул пальцем в распечатку. — Самое главное, что это служебный файл, часть подпрограмм ядра. Его нет никаких причин менять. Но посмотрите на его размер.

Терри взглядела внимательнее.

— Семьдесят девять килобайт.

— А каково его нынешнее состояние в системе?

Он показал на строку на экране.

Терри присвистнула.

— Двести тридцать один килобайт.

Уорн уже просматривал остальные листы.

— Видите, размер файла остается неизменным вплоть до... — он перевернул еще одну страницу, — прошлого месяца.

Они переглянулись.

— Что такое? — спросил телохранитель.

Уорн быстро пробежался пальцем по бумаге, сравнивая файлы месячной давности с нынешними на экране. За исключением небольшого количества временных файлов, ничего больше не изменилось.

— Вот он, — пробормотал он.

— Мы не могли ошибиться?

— Нет.

— Это двоичный файл.

— Кому вы это говорите?

Терри закатила глаза.

— Что такое? — снова спросил Пул.

Уорн отложил распечатки и потер лицо руками.

— Кто-то изменил одну из наших основных программ. Она стала втрое больше, чем должна быть. Ее превратили в программу-диверсанта. Каждый раз при работе метасети этот файл выполняет некие действия, о которых мы ничего не знаем. И если мы хотим выяснить, какие именно, нам необходимо его дизассемблировать.

— Диза... что?

— Разобрать на машинные инструкции, попытаться вычислить, что именно он делает. Нелегкая работа.

— И небыстрая, — добавила Терри.

— Но я уверен, что именно из-за этого роботы сходят с ума.

Если мы сможем узнать, что делает тот код, возможно, нам удастся устранить его последствия. — Уорн развернулся в кресле. — Есть возражения?

— Разве что самое очевидное, — сказал Пул.

Оба повернулись к нему.

— Выкладывайте, — сказал Уорн. — Не тяните.

— Злоумышленники не велели вмешиваться? Так вот, для меня это — явное вмешательство. Вряд ли они обрадуются.

Он безмятежно посмотрел на Уорна. Некоторое время тот глядел ему в глаза, затем повернулся к Терри, вопросительно смотревшей на него.

— Только если они об этом узнают, — сказал Уорн. — Но этого не будет. Если только они не лучшие программисты, чем террористы. А теперь за дело.

Он снова сел за клавиатуру.

15 часов 12 минут

Шум и суматоха в медицинском центре утихли почти столь же быстро, как и начались. Большинство клиентов ушли, за исключением нескольких небольших групп, собравшихся вокруг занавешенных мини-палат. Один или двое посетителей решительно направились к выходу, угрожая подать в суд, но подавляющее большинство, соблазнившись бесплатными ваучерами на питание и фишками в казино, вернулись обратно в парк.

Сара Боутрайт со смешанными чувствами смотрела им вслед. Как и весь персонал Утопии, она ненавидела судебные иски, но вместе с тем она жалела, что столь немногие решили отправиться на станцию монорельса. Вид гостей, устремляющихся обратно в различные Миры, чем-то напомнил ей раненых солдат, которые, сами того не зная, идут назад на поле боя.

Она прошла по ярко освещенному центральному коридору, кивая на ходу медсестрам. Ненадолго остановившись, чтобы переговорить с одним из охранников, она в конце концов проскользнула за занавеску в палату Джорджии Уорн. Доктор Финч сказал, что девочке ничто не угрожает, но из-за снотворного она проспит еще как минимум час.

Сара устроилась на стуле в ногах койки, глядя на прикрытую одеялами неподвижную фигуру. Девочка спокойно спала — волосы разбросаны по лбу, губы чуть приоткрыты, — на время забыв о том, что ей довелось пережить на аттракционе «Темноводье».

Женщина сидела, прислушиваясь к отдаленным голосам на посту медсестер. Ей многое нужно было сделать — сообщить о случившемся Чаку Эмори в Нью-Йорк, связаться с менеджерами, создавая видимость, будто все идет как обычно. Но почему-то это казалось ей лишенным всякого смысла. Все теперь зависело от Джона Доу, и только от него. Она откинулась на спинку стула, пытаясь расслабиться и почти не удивившись тому, что ей это не удастся.

Взгляд ее снова упал на Джорджию, на свежую царапину на ее щеке, на тонкие руки, сжимающие край одеяла. Как ни странно, ноги сами принесли ее к постели первой главной неудачи в ее жизни.

Переехав жить к Эндрю Уорну, она старалась понравиться

Джорджии, принять ее такой, какая она есть. Сара знала, что любую проблему можно решить, приложив достаточные усилия. Но чем настойчивее она пыталась, тем больше сопротивлялась девочка.

Конечно, если быть честной, то она понимала, что винить следует не только Джорджию. Да, Сара появилась в ее жизни в тот момент, когда смерть Шарлотты Уорн была еще свежа в памяти девочки, и Джорджия весьма собственнически относилась к отцу. Но возможно, девочка также чувствовала каким-то своим детским инстинктом, что Сара никогда не сможет стать ей полноценной матерью. Она и сама теперь понимала, что подобного не могло быть — слишком важна для нее карьера. В конце концов, разве она не приняла предложение работать в Утопии без малейших колебаний? Она хорошо помнила выражение лица Эндрю, когда она ему об этом сообщила, — настолько он был уверен, что она поедет с ним в Чепел-Хилл, поможет ему поднять его новое технологическое начинание. Но возможность руководить такой организацией, как Утопия, выпадала лишь раз в жизни, и ничто не могло ее заставить от этого отказаться.

Руководить такой организацией, как Утопия...

Она беспокойно пошевелилась на стуле. Важнее всего для Сары была организация, благодаря которой процветал парк, — сложная, идеально взаимосвязанная замкнутая система. А Джон Доу оказался случайным элементом, внесшим в нее беспорядок, даже хаос.

Она наклонилась, опустив подбородок на руки.

— Что мне делать, Джорджия? — спросила она. — Похоже, впервые в жизни я не знаю, как быть.

Ответом ей стал лишь донесшийся с койки шорох и приглушенный вздох.

Неожиданно Сара почувствовала, что ей не хватает Фреда Барксдейла. В обычной ситуации она тут же отбросила бы подобную мысль как проявление сентиментальности или слабости, но не сейчас. Фредди наверняка нашел бы слова, чтобы поддержать ее.

Когда она только начинала работать в Утопии, она даже и не думала о каких-то романах, а уж тем более с Фредом Барксдейлом. Ей всегда нравились мужчины типа Уорна — серьезные, не слишком высокомерные, не боявшиеся продемонстрировать всем свой интеллект. Фредди был совсем другим. О нет, в его уме никто не

сомневался — сам его вклад в создание и поддержание цифровой инфраструктуры Утопии стал выдающимся достижением. Но он был слишком безупречен во всех отношениях — аристократические британские манеры, внешность кинозвезды и литературная эрудиция превращали его практически в образец идеального мужчины.

Но однажды вечером два месяца тому назад они случайно встретились за рулеточным столом в казино Газового Света, незадолго до того, как нью-йоркская дирекция сочла нежелательным посещение игорных заведений Утопии ее руководящими работниками. Барксдейл проиграл намного больше денег, чем рассчитывал, но тем не менее очаровал ее остротой из «Фальстафа» о том, что игра есть зло. Вечер закончился в баре «Мориарти» поблизости. На следующей неделе последовал ужин в лучшем французском ресторане Вегаса. Фред оказался настоящим открытием. Он двадцать минут обсуждал винную карту с сомелье, но вовсе не из желания покрасоваться перед ней — он действительно интересовался винами и явно знал намного больше о замках Сен-Эмильона, чем официант. Большую часть ужина он был занят тем, что отвечал на вопросы Сары о Бордо, объясняя особенности различных сортов винограда.

Саре слишком хорошо были знакомы мужчины, стремившиеся продемонстрировать свою привлекательность, строя из себя мачо или ведя себя как генералы, планирующие операции. Прежде она сама не понимала, насколько ей хотелось, чтобы к ней относились просто как к женщине — пригласили на изысканный ужин, сделали комплимент, восхищались ее умом, флиртовали с ней, приучали к хорошей жизни, возможно, иногда поднимали на пьедестал. Неужели прошло всего три недели с тех пор, как, проснувшись солнечным воскресным утром, она поняла, что ее чувства к Фреду Барксдейлу намного сильнее, чем она могла предполагать?

Вздохнув, она выпрямилась на стуле. Утопия и Фредди стал и для нее самым важным в жизни, по сути — единственным. Их нужно защитить любой ценой.

Встав, Сара подошла к изголовью койки, собираясь с мыслями. Пора было уходить из медицинского центра, надо появиться еще в нескольких местах. Потом найти Боба Аллокко, поговорить о минимизации последствий...

Кто-то негромко постучал по стене рядом с палатой. Занавеска

раздвинулась, и появилось лицо Фреда Барксдейла. Взгляд его водянисто-голубых глаз скользнул по койке и упал на женщину.

— Сара! — сказал он. Бросив взгляд на спящую девочку, он вздрогнул и понизил голос — Привет. Мне говорили, что ты можешь быть здесь.

На мгновение она лишилась дара речи. Его неожиданное появление после всех только что промелькнувших в ее голове мыслей вызвало у нее настоящий шквал чувств. Сара шагнула ему навстречу.

— Фред, — сказала она. — Фредди, я чувствую себя совершенно разбитой.

Он взял ее за руки.

— В чем дело? Что случилось?

— Я совершила ужасную ошибку. Позволила злости на Джона Доу затмить мой рассудок. Смерть Криса Грина, то, что случилось в «Темноводье», — моя вина.

— Как ты можешь так говорить, Сара? Это дело рук Джона Доу, и только его. Вини его, а не себя. Кроме того, план предложил Аллокко. Ты его просто одобрила.

— И потому на мне вся ответственность. — Она безутешно покачала головой. — Помнишь, что ты говорил тогда, возле «Галактического путешествия»? Ты говорил, что наш план опасен, авантюрен. Что прежде всего мы отвечаем за наших посетителей. Стремясь расправиться с Джоном Доу, я об этом забыла.

Барксдейл промолчал.

— У меня не выходит из головы то, как он вошел в мой кабинет, разговаривал со мной. Не могу объяснить, но мне кажется, будто он откуда-то меня знал: знал, что я хочу услышать, знал, что для меня важно. Для меня лично. Понимаю, это странно звучит, но он говорил так, будто желал мне только добра. И самое странное, что мне хотелось ему верить. — Она вздохнула. — Господи, кто он такой? И почему он выбрал в качестве жертвы именно нас?

Барксдейл не ответил, потрясенно глядя куда-то в пространство.

— Фредди?

Она поразилась тому, насколько глубоко он ощущает ее

отчаяние.

Взгляд его бледных глаз медленно вернулся к ней.

— Нет ли у Шекспира чего-нибудь подходящего на этот случай? — вымученно улыбнувшись, спросила она. — Чего-нибудь утешительного, поднимающего настроение?

Барксдейл еще немного помолчал, затем словно очнулся.

— Чего-нибудь, скажем, из «Двух веронцев-террористов»? — Он слабо улыбнулся в ответ. — Ничего не приходит на ум, кроме разве что названия: «Все хорошо, что хорошо кончается».

В нем словно происходила некая внутренняя борьба.

— Сара, — неожиданно добавил он, — что, если нам уехать отсюда? Просто все бросить?

Она посмотрела на него.

— Мы так и сделаем. Когда все закончится, мы с тобой уедем. Куда-нибудь, где нет телефонов и никто не носит обуви. Выберем маленький кусочек пляжа и объявим его своей собственностью. На неделю, может быть, на две. Хорошо?

— Нет, — начал он. — Я не это имел ввиду... — Он замолчал. — В самом деле, Сара?

— Конечно.

— Что бы ни случилось?

Его беспокойство словно придало ей сил.

— Ничего не случится. Мы обязательно выберемся. Обещаю.

— Чертовски хотелось бы надеяться, что ты права, — сказал он столь тихо, что она едва расслышала.

Оба замолчали. Взгляд Сары упал на койку.

— Это ведь дочь Уорна? — спросил Барксдейл, проследив за ее взглядом. — Как она?

— Слегка оцарапалась, но в остальном цела и невредима.

Он кивнул. Высвободив одну руку, она погладила его по лицу и наклонилась, чтобы поцеловать.

— Так или иначе, — сказала она, — все это скоро закончится.

Держись.

— Конечно, — ответил он.

Несколько мгновений он смотрел ей в глаза, затем повернулся к занавеске.

— Помни мое обещание.

Он колебался, потом, не оборачиваясь, кивнул и выскользнул из палаты.

Она вслушивалась в его шаги, пока те не окончательно затихли, поправила одеяло на Джорджии, погладила лоб девочки и собралась уже уходить, но занавеска снова раздвинулась, и появилась голова медсестры.

— Мисс Боутрайт, — сказала она, — вам звонит мистер Аллокко. Он говорит, что это очень важно.

— Хорошо.

Она собралась было последовать за медсестрой, но тут в ее кармане тихо зажужжала рация.

Сара тут же остановилась, не выходя из палаты. Достав рацию, она нажала на кнопку.

— Сара Боутрайт слушает.

— Сара?

Джон Доу говорил не спеша, голос его вновь звучал вежливо, почти приторно.

— Да.

— Надеюсь, урок оказался для вас не слишком болезненным?

— Некоторые бы с вами не согласились.

— Изначально он предполагался куда суровее. Считайте, что вам в некотором смысле повезло. — Раздался сухой смешок. — Впрочем, в следующий раз подобного уже не будет.

Сара промолчала.

— Я вам не угрожаю. Я просто хотел бы, чтобы вы полностью осознавали последствия любых других своих безответственных поступков.

Директор продолжала молча слушать.

— Вы не хотели бы искупить вину за свое предательство? — мягко спросил Джон Доу.

— О чем вы?

— Компенсировать все те неприятности, которые устроил ваш маленький комитет по встрече. Это поможет нам с вами преодолеть барьеры. Скажем, отдать мне Эндрю Уорна? Слишком уж неуловимым он оказался.

Сара крепче сжала в руке рацию, но не ответила.

— Впрочем, вряд ли вы это сделаете. Вы очаровательная женщина, Сара Боутрайт, но меня уже утомили эти хождения вокруг да около. Вам дается еще один шанс передать нам Горнило.

— Говорите.

— Передача состоится в Зеркальном зале, ровно в четыре.

Она посмотрела на часы — три пятнадцать.

— Обеспечьте, чтобы за десять минут до встречи там не было никого из посетителей и персонала. Согласны?

— Согласна.

— Да, Сара, я тут подумал про то грязное дельце в «Галактическом путешествии». Это ведь ваша идея?

Сара не ответила.

— На этот раз вы передадите диск лично. Мне кажется, так будет разумнее всего. Учитывая наше взаимопонимание.

Молчание.

— Вы поняли, Сара?

— Поняла.

— Вы войдете в зал, как обычный посетитель. Я буду ждать внутри. На этот раз — только вы одна. Уверен, мне незачем предупреждать вас об иных нежелательных гостях.

Сара ждала, прижав к щеке жесткую коробочку рации.

— Мне ведь незачем вас предупреждать?

— Да.

— Я так и думал. Но позвольте мне сказать несколько слов напоследок. В эссе «Душа человека при социализме» Оскар Уайльд говорил, что любое произведение искусства, созданное с надеждой на прибыль, таит в себе опасность. Отчасти я с ним не согласен. Видите ли, я сделал Утопию своим произведением искусства. И я намерен получить прибыль, и притом немалую. Но оно действительно станет опасным для любого, кто окажется у меня на пути. Порой искусство может быть ужасным в своей красоте, Сара. Не забывайте об этом.

Сара с трудом перевела дыхание.

— С нетерпением жду нашей новой встречи.

15 часов 15 минут

По мере того как шло время и безоблачное голубое небо над пустыней Невады начало бледнеть, предвещая наступление вечера, толпа в шестьдесят шесть тысяч человек, гуляющих по бульварам Утопии, достигла того состояния, которое психологи парка называли «выдержанным». Первоначальное возбуждение прошло, и оживление несколько спало. Усталые родители искали временного убежища в ресторанах, на представлениях или шоу вроде «Зачарованного принца», где можно было расслабиться в удобных креслах. Небольшой процент посетителей, не желавших ждать на парковках перед самым закрытием, уже направлялись в сторону Ядра и монорельса, поезда которого ходили несколько чаще обычного. Впрочем, подавляющее большинство оставалось в парке, предпочитая еще раз вернуться на любимившийся аттракцион или посетить Мир, в котором они еще не побывали, рассчитывая свое время до половины девятого. Именно тогда начиналось самое красочное зрелище Утопии — четыре одновременных шоу синхронизированных с помощью компьютеров в каждом из четырех Миров фейерверков, ярко вспыхивающих под темным пологом купола. За ними следовала еще более впечатляющая картина — салюты взмывали высоко над куполом за его пределами, даря прощальный подарок посетителям, покидающим Утопию и спешащим в сторону Вегаса или Рино.

Но в очередях к русским горкам и аттракционам со свободным падением дневное затишье почти не ощущалось. Вокруг главных аттракционов, таких как «Сфера Шварцшильда» или «Шпиль дракона», продолжали толпиться люди и царила такая же, как всегда, атмосфера возбужденного веселья.

Особенно это было заметно у входа в самый известный аттракцион Дощатых Тротуаров, «Машину криков». Все знали, что «Машина» — реконструкция разновидности русских горок, ставшей знаменитой на Кони-Айленде в двадцатые годы. Внешне она полностью имитировала аттракцион с ярмарки тех времен — обширный лес из столбов и балок, которым мастера иллюзий парка придали опасно ветхий вид. При одном лишь виде ее почти вертикальных спусков и крутых поворотов многие посетители предпочитали выбрать себе более спокойное развлечение.

Эффект «Машины», как и всех русских горок, заключался скорее в психологии, чем в ее конструкции. На самом деле она представляла собой трубчатую стальную трассу, тщательно замаскированную под традиционную деревянную горку, что позволяло реализовать более резкие заносы и крутые повороты, а также больше моментов отрицательной силы тяжести, когда пассажиров действительно приподнимало на сиденьях. Сложная оболочка из древесины, с другой стороны, усиливала эффект деревянных горок — столбы и балки, проносящиеся всего в нескольких футах от пассажиров, вызывали иллюзию в несколько раз большей скорости, чем реальные пятьдесят миль в час. Проектировщики аттракциона преднамеренно усилили ощущение страха, поместив у входа несвойственные Утопии предупреждения об опасном воздействии перегрузок на поворотах и посадив на выходе медсестру. Неудивительно, что футболки с надписью «Я выжил на „Машине“», продававшиеся только в Дощатых Тротуарах, стали самым популярным сувениром в парке.

По настоянию Эрика Найтингейла «Машина криков» должна была обладать самым высоким первым спуском — двести девяносто футов — из всех русских горок к западу от Миссисипи. В результате возникла проблема — на такой высоте вершина подъема оказывалась слишком близко к куполу, разрушая искусственную перспективу. Инженеры решили ее, построив аттракцион таким образом, что крайняя точка первого спуска находилась ниже «уровня земли». Часть уровней «А» и «В» под Дощатыми Тротуарами вырезали, и на их месте проложили рельсы «Машины». После подъема на первую вершину пассажиры «Машины криков» устремлялись почти вертикально вниз, попадая в конце спуска в полностью темный туннель. Трасса затем резко уходила вверх, вновь вынося на свет морщившихся от троекратной перегрузки пассажиров, так и не понявших, что в течение нескольких секунд они на самом деле ехали под парком.

Впрочем, это решение создало новую проблему. Грохот тележек, проносящихся с интервалом в одну минуту, был столь оглушительным, что никто из сотрудников Утопии, работавших в Подземелье, не желал находиться поблизости от ближайших к рельсам частей уровней «А» и «В».

Инженеры снова нашли выход.

Во время строительства Утопии подземные уровни были

опутаны множеством проводов — «Справочник экскурсовода» утверждал, что за кулисами здесь больше проводки, чем в двух Пентагонах или в городе Спрингфилд, штат Иллинойс. Проектировщики решили использовать безлюдную территорию вокруг углубления в рельсах как место, куда сходилась бы вся внутренняя проводка Утопии, назвав его Узлом. Углубление окружили двойными звуконепроницаемыми стенами. За ними, в узкой камере высотой в сорок футов, находилась центральная нервная система Утопии. По стенам ее тянулись бесконечные потоки кабелей — коаксиальных, сетевых, оптоволоконных, цифровых, — перемежавшихся разъемами и электрическими контактами. Весь Узел был полностью автономен и не требовал обслуживания, кроме месячного профилактического осмотра. В итоге он оказался безлюдной зоной, где не было никого, кроме единственного работника-уборщика.

Но сегодня у него появилась компания.

В углу Узла сидел на складном стуле человек в синем комбинезоне электрика Утопии, прислонившись спиной к большому ящику, привязанному к красной ручной тележке. Внутри открытого ящика находился мощный мини-компьютер, диагностические лампочки на передней панели которого ярко светились в полумраке помещения. Десять кабелей различной толщины шли от компьютера к ближайшей стене, где они крепились с помощью зажимов к линиям связи и передачи данных. На коленях у мужчины лежала клавиатура, а на полу перед ним стояли два маленьких монитора с плоскими экранами. Он что-то печатал, переводя взгляд с одного экрана на другой. Рядом со складным стулом валялась куча мусора — смятые салфетки, запятнанные арахисовым маслом и желе, пустые упаковки от сосисок, помятая банка из-под черри-колы.

Внутренняя стена Узла позади начала слегка вибрировать. Секунду спустя раздался ужасающий грохот — мимо пронеслись тележки «Машины криков», ныряя в темноту и вновь устремляясь на свет и воздух, в Дощатые Тротуары. Человек не обращал на него никакого внимания, продолжая работать. Грохот стал тише, затем смолк. Пара шумопоглощающих наушников военного образца на его голове полностью заглушала любой звук громче пятидесяти децибел.

Перестав печатать, незнакомец наклонился и помассировал поясницу, затем распрямил ноги и потер сначала левую, потом

правую, восстанавливая кровообращение. Он сидел здесь уже с самого утра, наблюдая за видеопотоками в Утопии, внося помехи в картинку с определенных камер, просматривая данные из внутренней сети. Наконец-то его работа почти закончилась.

Он посмотрел вверх, поворачивая голову из стороны в сторону и разминая мышцы шеи. Взгляд его задержался на двух камерах видеонаблюдения, размещенных высоко на противоположных стенах. Даже здесь, в необитаемом Узле, присутствовала вездесущая служба безопасности. Но человека это не тревожило — он сам заставил обе камеры показывать в цикле картинку недельной давности. Для наблюдателей в Улье мониторы отображали лишь абсолютно пустое пространство.

Мужчина был молод, не старше двадцати пяти. И тем не менее даже в полумраке отчетливо виднелись темные пятна от никотина на кончиках его пальцев. Курить означало тотчас же выдать себя, и потому он брал никотиновую жвачку, одну подушечку за другой, как заядлый курильщик — сигареты. Продолжая массировать шею, он вытащил использованную резинку изо рта и прилепил ее к ближайшему кабелю. Несколько десятков комочков уже теснились рядом, затвердевая в неподвижном воздухе Узла.

Снова прислонившись к ящичку, он поднял клавиатуру и снова стал печатать, проверяя состояние различных тайных процессов, которые он запускал в сети Утопии.

Затем он оторвался от клавиш и нахмурился, глядя на один из экранов.

Все шло по плану, без сучка и задоринки.

До последней минуты.

В качестве меры предосторожности хакер тайно установил в нескольких самых важных терминалах парка программы слежения за клавиатурой. Программы эти работали в фоновом режиме, собирая всю информацию, набранную на клавиатуре терминала. Раз в час каждая из них передавала эту информацию в зашифрованном виде по сети Утопии на его терминал в Узле.

Пока все сотрудники вели себя так, как от них и ожидалось. За одним исключением — компьютер, управляющий метасетью. С ним была совсем другая история.

Хакер просмотрел самый последний файл клавиатурного ввода, взятый из терминала метасети. Кто-то использовал его для просмотра старых лог-файлов, исследуя подпрограммы и наборы команд. Это явно был не случайный поиск, а целенаправленный анализ, причем проводивший его знал, что делает.

Человек обернулся, глядя вдоль коридора Узла. Коридор уходил в темноту над головой, высокий и узкий, словно гигантский дымоход, и стены его покрывало сложное переплетение проводов и кабелей. Медленно и задумчиво хакер поднес руку к голове, сняв наушники. Слышалось отдаленное гудение механизмов, жужжание двигателей робота-уборщика, трудящегося где-то в дальнем углу.

Звукоизоляция внутренней стены у него за спиной вновь начала дрожать.

Отложив клавиатуру в сторону, он посмотрел на стоящую рядом с мониторами рацию. В верхней ее части находилась большая желтая сигнальная лампочка, предупреждавшая его о вызове при надетых наушниках. Взяв рацию, он набрал код и поднес ее к губам.

— Взломщик Джек вызывает Главный Фактор, — сказал он. — Взломщик Джек вызывает Главный Фактор, как слышно?

Послышалось короткое шипение, затем в динамике раздался утонченный голос Джона Доу, абсолютно чистый благодаря цифровой обработке.

— Взломщик Джек, слышу тебя хорошо. Что у тебя?

— Еще десять минут, и все будет готово.

— Тогда зачем вызывал?

— Я просматривал логи ввода с терминалов, за которыми мы следим. Все как обычно, кроме главного компьютера метасети. Кто-то усиленно работает на нем в течение последнего часа, явно пытаясь до чего-то докопаться.

— Безрезультатно?

— Конечно. Но он, похоже, знает свое дело.

— Случайно не на уровне «В»?

— Именно.

— Похоже, мы промахнулись мимо цели. Ладно, организую

визит. Конец связи.

Рация смолкла. Мгновение спустя вдоль стены с ужасающим грохотом пронеслись вагончики «Машины криков». Пол Узла содрогнулся. Взломщик Джек невольно поморщился, затем выключил рацию, положив ее так, чтобы хорошо была видна желтая лампочка. Когда грохот стих и в Узле наступила тишина, он снова надел наушники, положил клавиатуру на колени, бросил в рот очередную подушечку и начал печатать.

15 часов 15 минут

— Что, черт побери, делает эта штука?

Эндрю Уорну потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что вопрос обращен к нему. Он неохотно отвернулся от монитора. На него смотрел своим обычным безмятежно-вопросительным взглядом Пул, который сидел на соседнем столе, опираясь руками о две стопки распечаток.

— Прошу прощения?

— Я говорю, что делает эта штука?

Пул кивнул в сторону Непоседы.

Робот двигался по комнате неуклюжими рывками, катаясь туда-сюда. Приближаясь к какому-либо предмету, он то пятился, то снова подступал к нему, то и дело выдвигая вперед головной модуль и направляя тонкую струйку бесцветной жидкости на ножку скамьи или стула.

— Метит территорию, — ответил Уорн, снова поворачиваясь к монитору.

— Что?

Ученый вздохнул.

— Такова его программа поведения. Он провел в этом помещении достаточно времени для того, чтобы счесть его частью своей модели мира. Он полагает, что с большой вероятностью снова окажется здесь, так что есть смысл составить топологическую карту. Сейчас, когда он оптимизировал свои пути перемещения по комнате, он помечает их ультрафиолетовыми чернилами. Собственно, я удивлен, что у бедняги они вообще остались.

— В таком случае не могли бы вы приказать ему остановиться? Он меня отвлекает.

— Отвлекает? — переспросила Терри. — От чего?

Она сидела рядом с Уорном, держа на коленях большую распечатку.

— От моего домашнего задания.

— Домашнего задания?

— Да. Я пытаюсь точно подсчитать, сколько законов уже нарушили эти парни.

Терри перевернула страницу распечатки.

— Пока что я дошел до тридцати девяти.

Терри подняла взгляд.

Пул начал загибать пальцы.

— Взлом третьей степени. Сознательное незаконное проникновение в помещение или на территорию с целью совершения преступления. Незаконное хранение оружия первой степени. Хранение взрывчатых веществ с незаконным намерением использовать данное вещество против чужой личности или собственности. Незаконное хранение оружия второй степени...

— Могу себе представить. — Терри закатила глаза. — И что это за домашнее задание?

— Письменный тест на лицензию АОФК.

— АОФК?

— Агента охраны федерального казначейства.

— Что ж, похоже, вы с блеском его сдадите.

Пул пожал плечами.

— Сдавал каждый раз.

— Сдавал? Раньше?

— Три раза. А также письменные и устные экзамены в Секретную службу, в Бюро по контролю за оборотом оружия, в Агентство по контролю за наркотиками.

— В таком случае почему вы уже не агент ФБР?

— Не знаю точно. Возможно, все дело в проверках на детекторе лжи.

Уорн отвлекся, углубившись в ползущие по экрану колонки шестнадцатеричного кода. Запустив отладчик, он пытался взломать программу хакера, но чем-то это напоминало попытку вдеть нитку в иголку, надев перчатки. Ему приходилось работать с чистым языком

ассемблера, без каких-либо символических имен или комментариев. Он наклонился, прижав ладонь к повязке на виске. «Интересно, как там Джорджия, — подумал он, — продолжает ли она спать? А что она решит, когда проснется и увидит, что меня нет?» После случившегося она делала вид, будто ей все нипочем, — и все же ему следовало быть с ней, а не сидеть в лаборатории, пытаясь разгадать эту головоломку. Вторжение оказалось куда сложнее и тоньше, чем он предполагал. Нужно быть безумцем, чтобы рассчитывать, будто он сумеет найти различие. Кроме того, кризис мог уже завершиться — кто знает, может быть, таинственный Джон Доу уже получил что хотел и скрылся в лучах заходящего солнца.

В его мысли ворвался голос Терри.

— Есть что-нибудь?

Он убрал руку с повязки.

— Этот мерзавец оптимизировал код. Как будто специально хотел усложнить нам задачу.

— Вполне разумное предположение, — заметила Тереза.

— Я сумел восстановить часть строк здесь и здесь, но этого недостаточно, чтобы четко понять, что происходит. — Он показал на экран. — Эта подпрограмма, похоже, добавляет побочные команды в ежедневную загрузку. — Он помолчал. — Но явно есть и что-то еще, непросто взлом системы.

— Например?

— Точно не знаю. Как будто в основную сеть Утопии тайно передаются некие данные. Я как раз пытаюсь понять какие.

Вернувшись к клавиатуре, он ввел очередную контрольную точку и пошагово прошел еще несколько десятков команд ассемблера. Те, кто это сделал, не только взломали метасеть, но еще и подорвали его веру в собственные силы. «Если только они не лучшие программисты, чем террористы...» Он понял, что ошибался в отношении того хакера. Кем бы тот ни был, он обладал выдающимися способностями.

Уорн посмотрел на Терри.

— Шпионская программа явно передает что-то в один из портов внутренней сети Утопии.

Терри отложила распечатку, подошла к нему и посмотрела на экран.

— Каким образом?

— Где-то в системе стоит устройство, которое, вероятно, крадет информацию из сети, минуя брандмауэр Утопии.

— Можете вычислить, где оно? Найти его физическое местоположение?

Он ощутил едва заметный запах ее духов. Она наклонилась к нему, и несколько прядей ее черных волос коснулись его щеки. Ему пришлось приложить некоторое усилие, чтобы заставить себя думать о деле.

— Я пытаюсь, но код слишком хорошо защищен. Придется попробовать по-другому. У вас есть доступ к снифферу [\[36\]](#) пакетов? Или, еще лучше, к анализатору протоколов? [\[37\]](#)

Терри нахмурилась.

— Конечно, в отделе сетевого администрирования. А что?

— Если эти ребята подключили к сети маршрутизатор [\[38\]](#), мы могли бы просканировать сеть, чтобы его найти. Начальная информация у меня есть. Возможно, нам удастся отследить, какой TCP/IP-порт он прослушивает.

Терри нахмурилась еще сильнее.

— Это невозможно.

— У каждого типа маршрутизаторов есть свой уникальный почерк. Тот, который они используют, может не совпадать с остальным оборудованием Утопии. А даже если и так, мы можем проверить сеть на наличие утечки пакетов. Или послать пинг-запрос, чтобы выяснить, какой из узлов не посылает назад нужный ответ.

Терри покачала головой.

— Где вы только всему этому научились?

— Потраченная зря молодость. Болтался в компьютерной лаборатории МТИ, вместо того чтобы ухаживать за девушками.

Она с сомнением посмотрела на него.

— Вы уверены, что получится?

— Да или нет — узнаем через десять минут. Все лучше, чем сидеть тут и биться над проклятым кодом.

Раздался телефонный звонок, показавшийся удивительно громким. Терри сняла трубку.

— Прикладная робототехника. Да. Да. Да, он здесь. Хорошо, конечно, я ему скажу. — Она положила трубку. — Это Сара Боутрайт. Она хочет, чтобы вы пришли в центр для почетных гостей, прямо сейчас.

Молчавший до этого Пул подал голос:

— Куда?

— В центр для почетных гостей. Я вас провожу.

Уорн встал, думая о том, что могло заставить Сару покинуть медицинский центр.

— Ладно, — сказал он. — Но сначала давайте потратим несколько минут на сниффер пакетов. Заскочим в отдел сетевого администрирования, посмотрим, удастся ли нам найти след постороннего маршрутизатора. А потом пойдем в центр для почетных гостей.

Они вышли из лаборатории. Пул цветасто выругался, когда Непоседа, прервав свое занятие, молнией пронесся мимо него, спеша нагнать Уорна. Терри заперла дверь и двинулась по коридору.

— Далеко до отдела сетевого администрирования? — спросил Уорн.

— Собственно, нам по пути. Это сразу за углом, возле...

Голос Терри неожиданно заглушил визг шин. Непоседа заметил сворачивавший в коридор перед ними электрокар и лихорадочно кинулся вдогонку.

— Что он делает? — спросила Терри.

— Я же вам уже говорил. Он обожает гоняться за чем угодно. Непоседа! — крикнул Уорн, бросаясь следом. — Не гоняйся! Не гоняйся!

Он скрылся за углом. Терри и Пул поспешили за ним.

Возгласы Уорна быстро стихли, и несколько минут в коридоре возле лаборатории прикладной робототехники царила тишина. Мимо торопливо прошел кто-то из сотрудников Утопии. Затем в конце коридора появился некто, выглядевший словно один из персонажей Газового Света — свободный плащ с капюшоном, шерстяной костюм, тяжелая деревянная трость, черные туфли на пуговицах. Взгляд его раскосых глаз перемещался от двери к двери, читая таблички.

Возле входа в лабораторию Терри незнакомец остановился, как бы случайно посмотрел в обе стороны, затем, держась в стороне от окошка на двери, взялся за ручку. Медленно и бесшумно повернув ее, он обнаружил, что дверь заперта.

Он постоял еще какое-то время, прислушиваясь к звукам внутри. Наконец он отпустил ручку и не спеша пошел прочь, скрывшись в той же стороне, откуда пришел.

15 часов 25 минут

Центр для почетных гостей напоминал скорее итальянский палаццо, чем мини-отель с номерами люкс, который ожидал увидеть Уорн. Покрытые замысловатой резьбой алебастровые колонны поднимались к высокому потолку, выкрашенному в голубой и белый цвета, создающие иллюзию неба. Между колоннами журчали фонтаны в стиле барокко. Стены украшали большие пейзажи в золотых рамах. В дальнем углу играл величественный струнный квартет.

У входа стояли тесной группой несколько охранников. Уорн назвал свою фамилию ближайшему из них, который, бросив беспокойный взгляд на Непоседу, кивнул, давая знак следовать за ним. Ученый двинулся через длинный широкий холл, стуча подошвами по розовому каррарскому мрамору, Терри за ним. Последним шел Пул, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Зал заканчивался широкими двустворчатыми дверями, ведущими в устланный коврой дорожкой коридор. Вдоль обеих его стен тянулись двери, большинство из которых были закрыты. Из-за ближайшей доносился полный негодования женский голос с сильным британским акцентом.

— Мы здесь уже целый час, — говорила женщина. — Целый час, имейте в виду! Мы гости, а не пленники. Мой муж — член палаты лордов. Вы не имеете права...

Голос затих позади. Остановившись возле одной из дверей, сотрудник службы безопасности постучал и подождал, пока ему откроют. Человек в дверях кивнул охраннику, и тот, повернувшись, направился назад по коридору.

— Где вы были? — спросил стоящий на пороге. — Мы уже начали волноваться.

Уорн узнал коренастую фигуру, глубокий загар и светлые редкие волосы Боба Аллокко, главы службы безопасности.

— Мы кое-куда заглянули по пути, — ответил Уорн, входя.

Комната оказалась небольшой, но со вкусом обставленной. Как и повсюду в Подземелье Утопии, искусственное освещение было

близко к дневному, компенсируя отсутствие окон. В ближнем углу стоял телевизор с большим экраном, настроенный на один из внутренних каналов парка. Окинув комнату взглядом, Уорн увидел Сару Боутрайт. Она сидела на корточках рядом с креслом, сосредоточенно расспрашивая о чем-то сидящего спиной к двери мужчину. Увидев Уорна, она замолчала и встала, плотно сжав губы. Подобного выражения лица он никогда прежде у нее не видел.

— Что случилось? — спросил он, быстро подходя к ней. — Где Джорджия?

— Слава богу, ты цел и невредим. Все в порядке, доктор Финч лично наблюдает за ней. Он говорит, что она проспит еще как минимум час.

Она посмотрела на Аллокко.

— Что случилось? — снова спросил ученый.

— Дрю, ты помнишь Нормана Пеппера, с которым познакомился сегодня утром?

— Пеппер, — пробормотал Уорн. Фамилия показалась ему знакомой. — Пеппер... конечно же. Специалист по орхидеям. Я ехал вместе с ним на монорельсе.

— Он умер.

— Умер? — удивленно спросил Уорн. — Как?

«Вероятно, сердечный приступ, — подумал он. — Пятьдесят фунтов лишнего веса, непривычное волнение... Какая трагедия! А он, похоже, был так рад, что оказался здесь. И еще он говорил, что у него есть дети, какой ужас...»

— Его забили до смерти.

— Что?

Уорна неожиданно бросило в холод. Он недоуменно посмотрел на Сару.

— Тяжелым тупым предметом, — послышался скрипучий голос Аллокко. Он кивнул на сидящего в кресле. — Его нашел он. Заглянул в комнату отдыха для приглашенных специалистов, чтобы выпить чашку какао. А вместо этого обнаружил Пеппера.

Человек в кресле повернулся — лысый, худощавый, с

маленькими усиками, в круглых очках с толстыми стеклами. Он выглядел еще бледнее, чем Сара. Уорн, который еще не до конца пришел в себя от потрясения, не сразу узнал Смайта, приглашенного консультанта по фейерверкам или что-то в этом роде.

— Господи, — пробормотал Уорн. Он вспомнил, как Пеппер восторгался парком, почти наигранно потирая руки от предвкушения. — Но почему? — спросил он.

— Нас это тоже весьма интересовало, — сказал начальник службы безопасности. Он отошел от Смайта, и остальные последовали за ним. — Во-первых, его не ограбили, бумажник так и остался в кармане пиджака. Но он настолько был пропитан кровью, что нам не удалось найти документов, которые можно было бы прочитать. Тогда мы сняли значок с его лацкана и просканировали метку.

Наступила тишина.

— И? — спросил Уорн.

Аллокко перевел взгляд на директора. Уорн повернулся к ней с немым вопросом.

— У него был твой значок, — сказала она.

Холод сменился неподдельным страхом. Ученый судорожно сглотнул.

— Мой значок? — хрипло переспросил он. — Как это могло случиться?

Но он тут же вспомнил — тогда, в вагоне монорельса, Пеппер уронил на пол маленькие белые конверты, поднял их, вернул один ему...

— Мы перепутали значки, когда ехали сюда, — сказал он. — Наверняка. Тот значок, который я потерял в «Темноводье», — мой значок — на самом деле принадлежал Пепперу.

Сара шагнула к нему.

— Я знаю, — сказала она. — Это ужасно... ужасно...

«Ужасно...» Перед глазами Уорна все еще стояло лицо погибшего. «На его месте мог быть я... На его месте должен был быть я...»

— И что вы собираетесь делать? — спросил Пул.

— Мы можем сделать только одно. Оставить тело на месте, опечатать комнату отдыха. И вызвать полицию. — Сара посмотрела на начальника охраны. — Как можно быстрее.

В дверь постучали. Аллокко открыл, и вошла молодая женщина в белой куртке с огромной чашкой чая в руках, которую она протянула Саре. Та невнятно поблагодарила и предложила чай Смайту, который отказался, коротко покачав головой.

— Конечно, вы понимаете, что вам на какое-то время придется остаться здесь, — сказал Аллокко, поворачиваясь к Уорну. — Или, если предпочитаете, в палате вместе с вашей дочерью. Мы обеспечили безопасность обеих зон.

До Уорна, мысли которого все еще были заняты Пеппером, не сразу дошел смысл его слов.

— Прошу прощения? — спросил он.

— Мы уже знали, что вас ищут. Теперь очевидно, что вас хотят убить.

Он почувствовал, как от страха у него подгибаются ноги.

— Но почему? Почему меня? Не понимаю.

— Все как раз ясно, — сказала Терри, и все взгляды обратились к ней. Она слегка покраснела, словно удивившись звукам собственного голоса, затем глубоко вздохнула и выпятила подбородок. — Это лишь доказывает, что вы правы. Насчет метасети и взлома.

— Поясните, — сказал Аллокко.

— Доктор Уорн планировал приехать только на следующей неделе, его появление не входило в планы преступников, кем бы они ни были. И они не стали бы пытаться его убить, если бы не знали, что он может им помешать.

— Логично, — заметил Пул.

Переместившись к кофемашине, он наливал себе чашку. Аллокко зло оглянулся на него и что-то пробормотал себе под нос.

— Полагаю, так оно и есть, — медленно проговорил Уорн, поворачиваясь к Саре. — Я не могу здесь оставаться. Мне нужно кое-

что сделать.

— Что? — язвительно спросил глава службы безопасности. — Прокатиться на парочке аттракционов? Посмотреть шоу?

— Мне кажется, я обнаружил нечто важное.

Сара молчала, не отрывая от него взгляда.

— Похоже, — продолжал Уорн, пытаясь не обращать внимания на сухость во рту, — я нашел порт, который используют эти парни.

— Порт? — переспросил Аллокко. — О чем вы?

— Ну, знаете, порт. Физический узел, через который они вторглись в систему Утопии.

— Вы что-нибудь понимаете? — спросил начальник охраны у Сары.

— Откуда ты знаешь?

Она продолжала смотреть на Уорна.

— Собственно, потому я и задержался. Сара, я нашел спрятанный в метасети троян. Он передает информацию с терминала Терри в вашу сеть. Я смог частично восстановить внутренний адрес — немного, но для начала достаточно. Мы пошли в отдел сетевого администрирования и запустили в сети сниффер, пытаясь обнаружить аномальную активность — утечку данных, что угодно, что могло бы выдать вторжение... — Он замолчал. — Послушай, я могу объяснить все позже. Суть в том, что мы нашли посторонний маршрутизатор, прослушивавший порт в... — Он повернулся к Терри. — Как называется это место?

— Узел.

— Возможно, это ничего не значит. Может оказаться, что это просто неправильно сконфигурированный коммутатор. Но если устройство действительно поставили эти люди, нужно его исследовать и понять, что оно делает.

— Поймите меня правильно, — сказал Аллокко. — Мы вам уже говорили, что «эти люди» пытаются вас убить. Кого-то уже убили вместо вас. И вы хотите отправиться туда, чтобы бросить им вызов?

— Я никому не собираюсь бросать вызов. Я просто ищу некое устройство. — Уорн окинул взглядом комнату и людей вокруг, затем

снова повернулся к Саре. — Ты же просила меня о помощи? Видишь ли, я действительно чертовски напуган. Но мне еще страшнее просто сидеть на месте и ничего не делать. По крайней мере, там я буду движущейся мишенью.

— Этот маршрутизатор, или как его там, — сказал Аллокко. — Не мог он устроить хаос в нашей системе видеонаблюдения?

— Вполне вероятно.

Начальник службы безопасности взглянул на директора.

— Что скажете?

Сара не отводила взгляда от Уорна.

— Эндрю, я хочу, чтобы ты меня выслушал. Эти люди не боятся убивать ради того, чтобы добиться своей цели. — Голос ее звучал удивительно ровно, и Уорн подумал о том, каким образом ей удастся держать себя в руках в столь ужасных обстоятельствах. — Джон Доу сам сказал мне, что нам повезло во время того взрыва в «Темноводье». Они убили невинного человека, думая, что это ты. Понимаешь, о чем я?

«Ты хочешь сказать, что Джорджия уже потеряла одного из родителей. Ты нуждаешься в моей помощи, но не хочешь нести ответственность за то, что приносишь меня в жертву», — подумал Уорн.

— Да, — ответил он вслух.

— Что ты решил?

— Если кто-то должен это сделать, то им могу быть и я.

Аллокко глубоко вздохнул.

— Господи. Что ж, я пошлю с вами моих людей.

Уорн покачал головой.

— Нет. Лучше отправьте их защищать мою дочь.

— Верно, — сказал стоящий возле кофемашины Пул. — Группа охранников лишь привлечет внимание. Для этой работы большая команда ни к чему.

— Разве я спрашивал ваше мнение? — огрызнулся Аллокко.

— Люди, с которыми вы имеете дело, явно хорошо

подготовлены, — продолжал Пул, словно не слыша его. — Мы можем также предполагать, что они хорошо вооружены. Если они увидят целый отряд охраны вокруг единственного гражданского... — Он пожал плечами и отхлебнул кофе. — Хватит одной ручной гранаты. Я бы предпочел М433А1, двойного назначения — сорок пять граммов взрывной смеси с пороховым запалом. Стоит лишь бросить одну такую, и бабах! Всю группу разнесет в клочья.

Глава службы безопасности хмуро посмотрел на него, ничего не ответив.

— Это разведывательное задание, и для него требуется небольшая команда. Главное — чтобы нашелся подходящий человек, который умеет держать оружие.

— Подходящий человек, — сухо повторил Аллокко. — Верно. И кто же это мог бы быть?

Пул скромно улыбнулся и дотронулся до своего твидового кепи.

Начальник охраны язвительно усмехнулся.

— Вы доверяете ему? — обратился он к Уорну.

— По крайней мере, мы знаем, что это не их агент. Он посетитель, а не сотрудник Утопии. Случайный элемент.

— Случайный, говорите?

Аллокко отвел Сару и Уорна в сторону.

— Откуда вы знаете, что он не один из них? — спросил он ученого.

— Потому что если бы он хотел меня убить, я уже был бы мертв. — Уорн поколебался. — Послушайте, я не герой. Но у меня больше всего опыта для того, чтобы выяснить, что к чему.

Аллокко ненадолго задумался, затем опустил руки и отступил назад.

— Я хочу, чтобы вы взяли с собой моего парня, Ральфа Пеккема, — сказал он. — Это мой лучший видеотехник, и ему можно доверять. Он также единственный в службе безопасности, кто знает, что происходит на самом деле. Если то устройство создает помехи нашим видеокамерам, я бы хотел, чтобы он это проверил.

Уорн кивнул.

— Позвоню Фреду Барксдейлу, — сказала Сара. — Пусть выделит вам техника по сетям.

— Ладно, — сказал Уорн. — Нет, погоди. Слишком мало времени. Терри знает сеть как свои пять пальцев. — Он повернулся к ней. — Пойдете с нами?

Она с наигранной беззаботностью пожала плечами.

— Это лучше, чем сидеть у себя в лаборатории.

Сара посмотрела по очереди на каждого из них, затем отстегнула с лацкана бирюзовый значок и приколола его к пиджаку Уорна.

— Это служебный значок, — сказала она. — С ним тебя никто не остановит и ни о чем не станет спрашивать.

Она повернулась к человеку в кресле.

— Мистер Смайт, почему бы вам просто немного не отдохнуть? Расслабьтесь, можете лечь, если вам так лучше. Хорошо?

Смайт молча кивнул.

Уорн взглянул на робота у своих ног.

— Непоседа, место, — строго скомандовал он.

Робот повернул к нему свои стереообъективы, словно прося отменить команду. Когда в ответ не последовало никакой реакции, он разочарованно твякнул и с неохотой покатился в ближайший угол.

Сара снова повернулась к Уорну.

— В четыре часа я должна передать Джону Доу второй диск, в Зеркальном зале. Потом останусь с Джорджией в медицинском центре до твоего возвращения. Будь осторожен, не делай ничего такого, что могло бы их спровоцировать. Но сообщи мне о том, что найдешь, и если нам каким-то образом удастся...

— Погоди, — прервал ее Уорн, — это ты должна передать диск?

Сара кивнула.

— Таково особое требование. Для гарантии, что на этот раз не будет никаких фокусов.

— Господи! — Уорн на мгновение замолчал, затем порывисто обнял ее. — Будь осторожна.

— Того же самого и тебе, — ответила Сара.

Поцеловав его в щеку, она отодвинулась. Из-за ее плеча на Уорна пристально смотрели темные глаза Терри.

15 часов 30 минут

— Что, собственно, представляет из себя этот Узел? — спросил Уорн.

Они шли по широкому коридору уровня «В», мимо ряда кабинетов — правления казино.

— Центральный маршрутизатор Утопии, — ответил Ральф Пеккем. — Вы где занимаетесь робототехникой — в Карнеги-Меллоне?

— Занимался.

— У ваших сетевиков есть там коммутационный шкаф?

— Конечно.

— Ну так вот, считайте, что Узел — коммутационный шкаф. Только на несколько порядков больше.

Парень чихнул, прикрыв лицо локтем поношенной спортивной куртки. Копна рыжих волос и многочисленные веснушки делали его похожим скорее на мальчишку, идущего на урок алгебры, чем на лучшего видеотехника Утопии. От одного взгляда на него Уорн чувствовал себя стариком.

Он вспомнил выражение лица Аллокко, с которым тот посмотрел на него в центре для почетных гостей. «Мы вам уже говорили, что эти люди пытаются вас убить, — сказал он тогда. — И вы хотите отправиться туда, чтобы бросить им вызов?»

Сердце отчаянно колотилось в груди, и он прекрасно осознавал, что ему меньше всего хотелось бы бросать кому-либо вызов. Но он также понимал, что не смог бы просто сидеть в центре для почетных гостей, пить кофе с пирожными и смотреть повторы «Атмосферы страха». Не мог он оставаться и в медицинском центре, нервно расхаживая взад и вперед в ожидании, когда проснется Джорджия или поступят очередные жертвы. Он снова вспомнил «Темноводье» — внезапный толчок, отчаянные крики в темноте над головой и, самое главное, взгляд дочери.

Он почувствовал, как его вновь охватывает злость на тех, кто стал причиной чужих страданий. Если есть возможность обнаружить

или узнать нечто такое, что могло бы помочь спасти парк Сары — он должен это сделать. Немного, но хоть что-то.

— Что мы рассчитываем найти внутри? — спросил Пул.

— Сетевые коммутаторы, — ответил Пеккем. Они подошли к перекрестку, и он повел их за угол, по более узкому служебному коридору. — Коннекторы Т-1 и Т-3. Электрические соединения. Огромное множество проводов. Фактически это большое узкое пространство вокруг подземной ямы аттракциона «Машина криков». Ящик внутри другого ящика. Никто туда не ходит, кроме обслуживающего персонала. Мне с трудом удалось найти кого-нибудь, у кого есть пропуск. — Он показал пластиковый прямоугольник, висящий на шнурке у него на шее. — К тому же я слышал, там темно. Надеюсь, кто-нибудь взял с собой фонарь.

Пул перевел взгляд с Пеккема на Уорна, затем на Терри.

— Черт, — пробормотал он. — И что же мы ищем?

— Маршрутизатор, — сказала Терри. — Серую коробочку примерно в фут длиной и четыре дюйма высотой, незаконно установленную в какой-то точке. — Она взмахнула сложенной пачкой бумаг. — У меня с собой схема архитектуры сети, так что примерное место я знаю. Как только окажемся внутри, сможем определить точнее.

— В Узле, вероятно, сотня маршрутизаторов, — сказал Пеккем. — Почему вы считаете, что именно этот — незаконный?

— Я провел внутреннее сканирование вашей сети, — ответил ученый. — Его заголовок не соответствует остальным.

На этот раз уже Пеккем удивленно посмотрел на него.

— В смысле?

— Каждый элемент сетевого оборудования имеет информационный заголовок, который он возвращает, если подать на него соответствующий пинг-запрос. Я наткнулся на один заголовок, который не соответствует стандартной конфигурации. Судя по схеме Терри, это маршрутизатор в Узле.

— Гм... — скептически пробормотал Пеккем.

Ученый взглянул на него, чувствуя, как его охватывает все большая неуверенность. Вероятно, он вынудил их участвовать в

сумасбродной затее. То, что казалось весьма разумным в лаборатории Терри, теперь выглядело глупо. Скорее всего, они будут искать целый час и ничего не найдут, кроме какой-нибудь печатной платы, вышедшей из строя. Следовало оставаться в лаборатории и трудиться над кодом, пытаясь отследить и отключить роботов с поврежденной программой.

Коридор заканчивался маленькой дверцей без надписей, за исключением красной таблички с текстом: «Внимание! Высокое напряжение! Посторонним вход запрещен».

— Здесь, — сказал Пеккем, снимая шнурок через голову и поднося карточку к считывателю.

Неожиданно Пул схватил его за запястье.

— Что вы делаете? — возмутился техник.

— Мы не составили план операции.

— Операции? — фыркнул Пеккем. — Это всего лишь кабельное помещение.

— Хотя благотворительное чаепитие в Женском обеденном обществе. Нет плана — нет результата. — Пул махнул рукой в сторону запертой двери. — Послушайте профессионала. Считайте, что это проникновение в тыл противника. Сначала проведем быструю разведку. Если опасности нет — можем начать поиски этого... маршрутизатора.

— Черт возьми, — сказал Пеккем. — Если бы я знал, что придется играть в солдатиков, я бы надел камуфляж.

Пул окинул его взглядом.

— Не помешало бы, — пренебрежительно бросил он.

Пеккем провел карточкой через считыватель.

Раздался щелчок, и дверь приоткрылась. Телохранитель дал им знак подождать, затем оглянулся через плечо и, прижимаясь к дверному косяку, толкнул дверь пальцем. Уорн заметил, что дверь очень толстая и выложена изнутри чем-то вроде звукоизолирующего материала.

Быстрым змеиным движением Пул заглянул за дверь. Несколько мгновений он оставался неподвижным, затем убрал голову, жестом

указав остальным следовать за ним.

Внутри царил полумрак. По обеим сторонам узкого коридора тянулись вдоль стен кабели и провода разнообразной толщины, цвета и вида. Уорну показалось, будто он находится внутри стен какого-то чудовищного кошмарного дома. Он посмотрел вверх, прищурившись и пытаясь разглядеть потолок. Повсюду мигали скопления крошечных огоньков. В двадцати футах дальше по загроможденному коридору к мостику вдоль внешней стены уходила металлическая лестница. В темноте, словно механические насекомые, шелестели и щелкали реле, и повсюду раздавался низкий дрожащий звук, почти на пороге слышимости.

Глядя на бесчисленные электронные приборы, Уорн почувствовал, как у него словно все обрывается внутри. Он все больше убеждался в бессмысленности их предприятия, в том, что им никогда не удастся найти маршрутизатор среди всего этого...

Низкое гудение внезапно стало громче. Звук продолжал нарастать, пока Узел не наполнился чудовищным грохотом. Стены вокруг затряслись.

— Силы небесные! — завопил Пул, перекрикивая шум. — Что это?

— «Машина криков», — крикнул в ответ Пеккем. Он достал из кармана носовой платок, высморкался и убрал его обратно. — Ее рельсы уходят в яму под парком, с той стороны. — Он показал на внутреннюю стену. — Узел — как бы ящик, охватывающий эту яму. Почему, выдумаете, все провода разместили именно здесь? Ни для чего другого это место просто не годится.

Уорн поморщился, отворачиваясь от источника шума. Ему показалось, будто он слышит сквозь грохот чьи-то восторженные крики.

Все ждали, не двигаясь с места, пока рев ослабнет, а затем полностью утихнет. Наступившая тишина показалась им еще более оглушительной.

Уорн посмотрел на Терри. Глаза ее были широко раскрыты, губы плотно сжаты. Белый халат отчетливо выделялся на фоне тусклого освещения.

— Вы, кажется, говорили, что страдаете клаустрофобией? —

прошептал он.

Она кивнула.

— В метро. В туннелях. Я даже на аттракционах кататься не могу.

— И как же вы выдерживаете здесь?

— Тут темно. Можно просто держаться за чью-то руку.

Они двинулись друг за другом по коридору.

Узел имел форму квадрата — четыре длинных узких коридора, сходящихся под прямыми углами. У первого поворота Пул остановился и медленно выглянул за угол.

В тишине громко чихнул Пеккем.

Пул вынырнул из-за угла, яростно глядя на техника и укоризненно приложив палец к губам.

Уорн почувствовал, как участилось его дыхание. Он напомнил себе, что за дверью пусто и в лучшем случае они обнаружат там какую-нибудь непрошеную металлическую коробочку, полную печатных плат и проводов, — и это если им еще повезет. Но напряжение продолжало нарастать, становясь почти осязаемым. Отчасти виной тому был Пул с его чрезмерной осторожностью и порой доходившими до абсурда попытками изображать из себя спецназовца. Отчасти — тишина, тревожная и враждебная, казавшаяся почти мистической в окружавшем их мраке. А от внезапного грохота тележек у него едва сердце не выскочило из груди. Следом за Пулом они свернули за угол и углубились в электронные заросли, стараясь двигаться как можно незаметнее.

Им встретился робот-уборщик; он медленно двигался вдоль внешней стены. Миниатюрная вакуумная щетка, закрепленная под «глазом» на длинном стебле, мягко смахивала пыль с многочисленных контактов. Уорн проскользнул мимо, отметив про себя, что нужно проверить потом его программу вместе с Терри.

На середине второй стороны квадрата вновь послышался отдаленный грохот — новый поезд из тележек мчался сверху к ним. На этот раз Уорн не стал ждать. Отвернувшись от внутренней стены, он наклонил правое ухо к плечу и прикрыл левое ладонью. Так же поступила и Терри. Грохот перешел в рев, от которого задрожали

стены; наконец он смолк, и группа снова двинулась вперед.

Меньше чем через минуту они добрались до следующего угла. Пул снова бросил взгляд по сторонам. «Какой в этом смысл?» — подумал ученый. Все равно в тусклом свете невозможно было что-либо различить уже в двадцати футах впереди. Свернув следом за Пулом за угол, он двинулся вдоль третьей стороны квадрата, ежась от холода. Еще один угол, еще один коридор, и они вернутся туда, откуда пришли. А потом, возможно, эта бесполезная разведка наконец закончится и они смогут заняться поисками маршрутизатора. Предполагая, конечно, что...

Погруженный в размышления, Уорн налетел прямо на спину телохранителя.

Тот остановился, застыв в темноте, и медленно вытянул правую руку ладонью вперед. Позади слышалось тяжелое дыхание Ральфа Пеккема. Уорн напряг зрение, вглядываясь во мрак.

Перед ними едва виднелся какой-то расплывчатый силуэт. Уорн прищурился и присмотрелся внимательнее. Осторожность Пула оказалась заразной — он чувствовал, что нервы его натянуты до предела. Теперь он уже не сомневался, что там сидит на корточках человек, над чем-то склонившись.

Пул осторожно, по-кошачьи шагнул вперед, все так же предупреждающе вытянув руку. Уорн последовал за ним. Очертания фигуры стали отчетливее — худощавый мужчина в синем комбинезоне сидел на стуле, прислонившись спиной к чему-то вроде тележки. Его уши закрывали наушники, голова была повернута в сторону. Он что-то печатал, глядя на небольшой экран на коленях.

Стены Узла вновь задрожали, знаменуя приближение очередного поезда.

Пул дал знак Уорну отойти назад. Грохот нарастал, и даже сквозь звуконепроницаемые стены отчетливо слышался скрежет колес по металлу.

Незнакомец в конце коридора поднял взгляд.

Пул тотчас же замер. Уорн увидел, как человек всматривается в темный коридор, заметил блеск остановившихся на них глаз. Мужчина снова начал печатать — сначала медленнее, потом все быстрее.

Телохранитель шагнул вперед.

Человек в комбинезоне продолжал смотреть на них. Набрав строку, он нажал клавишу ввода, затем напечатал еще одну. Похожее на дымоход пространство заполнилось грохотом несущегося мимо поезда.

Пул сделал еще шаг.

Незнакомец неожиданно вскочил, отшвырнув клавиатуру. Пул что-то кричал, но Уорн не слышал его сквозь шум. Мужчина огляделся вокруг, будто что-то искал, затем сунул руку в карман комбинезона и тут же снова ее вытащил.

Пул развернулся кругом, грубо толкнув Уорна на пол. Падая, ученый увидел яркую вспышку, осветившую смутные очертания коридора. Телохранитель молниеносно метнулся вперед. Человек в комбинезоне выставил перед собой руку, и снова последовала вспышка. Мимо уха Уорна что-то просвистело, и на фоне затихающего шума поезда прозвучало эхо пистолетного выстрела. Он инстинктивно вжался в стену, чувствуя, как врезаются в спину острые углы печатных плат, и, повернувшись к Терри, пригнул ниже ее голову.

Пул и мужчина в комбинезоне сцепились в отчаянной схватке. Оглянувшись, Уорн увидел, как телохранитель поднял кулак, высоко выставив локоть, и обрушил его на лицо незнакомца — раз, другой. Тот зашатался, трясая головой, затем неожиданно кинулся вперед, поднимая руку с пистолетом. Пул ударил по его запястью ребром ладони, и оружие с лязгом упало на пол. Незнакомец отскочил назад, приняв боевую стойку, затем быстро развернулся кругом, целя ногой в живот телохранителя. Он упал на спину; противник устремился за ним, целя в голову. Пул перекатился по полу, присев на корточки, и человек неожиданно бросился прочь, скрывшись за углом.

— Господи! — вскрикнула Терри.

Уорн ошеломленно наблюдал за происходящим, крепко прижав женщину к груди. В ушах у него звенело. Схватка оказалась столь короткой и внезапной, что он сомневался в том, видел ли он ее вообще. Хотя она длилась меньше десяти секунд, она была жестокой и продуманной — столкновение профессионалов, в котором каждый пытался как можно быстрее вывести из строя другого. Несмотря на свои армейские манеры, Пул всегда казался Уорну безобидным, даже

слегка смешным. Но меньше чем за минуту его мнение полностью поменялось.

Пул исчез за углом и тут же вернулся, жестом предложив им подойти ближе. Рядом с ним ярко мерцал ящик незнакомца, словно освещенный изнутри. Из него столбом валил дым.

Уорн медленно отпустил Терри и встал, чувствуя, как дрожат ноги. Он взял ее за руку, и они осторожно двинулись по коридору. Пеккем последовал за ними.

Телохранитель сунул пистолет за пояс.

— Стойте здесь, — сказал он, когда они подошли, затем подозвал Пеккема. — Куда ведет эта дверь? — спросил он, тяжело дыша.

Заглянув за угол, Уорн различил маленькую дверцу во внутренней стене Узла. Открытая створка загораживала лежащий за ней коридор. Вместо считывателя карт дверь была снабжена старомодным металлическим засовом.

— К рельсам «Машины криков», — ответил Пеккем, — вокруг которых и построен Узел.

— Есть отсюда другой выход?

— Нет, разве только если подняться по рельсам вверх. Но здесь очень крутой уклон. Инспекторы по технике безопасности привязываются тросами, когда обходят этот участок.

Пул колебался. Облако едкого дыма из ящика плыло к ним, заставляя слезиться глаза Уорна. Наконец Пул протянул руку к ближайшей стойке с оборудованием и, крикнув, выдернул из нее перекладину.

— Забаррикадируйте за мной дверь, — сказал он, протягивая кусок металла Пеккему. — Не открывайте, пока я сам не скажу. Если я не появлюсь через пять минут, отправляйтесь за помощью. Все сразу. Оставайтесь вместе, не разделяйтесь.

Вытащив из-за пояса пистолет, он передернул затвор и быстро зашагал по коридору.

Уорн машинально последовал за ним, но тут же остановился, почувствовав, как нога наткнулась на что-то тяжелое. Посмотрев вниз, он увидел большой вещмешок, почти невидимый под низкой

полкой. Вероятно, именно его искал человек в комбинезоне. Под расстегнутой молнией виднелось дуло большого автомата.

Заметив краем глаза какое-то движение, Уорн обернулся. Рядом стоял Пеккем. Он тоже увидел мешок, и несколько мгновений они молча смотрели на оружие.

— Пожалуй, я его возьму, — слегка неуверенно проговорил Уорн.

Пеккем посмотрел на него.

— Нет, наверное, лучше я.

— Я первым его увидел.

— Я сотрудник Утопии.

— Но именно меня пытаются убить...

— Эй!

Оба обернулись и увидели Пула.

— Ничего не трогайте. Просто забаррикадируйте за мной дверь.

Он скользнул к открытой двери, подняв пистолет, затем кивнул им, нырнул в проем и исчез.

15 часов 33 минуты

Пул шагнул во мрак, удаляясь от тусклого прямоугольника дверного проема. Освещение в Узле и без того было тусклым, но за дверью оказалось еще темнее. Он прижался к стене, стараясь дышать как можно медленнее. Светящийся прямоугольник уменьшился, затем исчез полностью. Пул услышал скрежет металла — Пеккем забаррикадировал дверь стальной перекладиной.

Он начал продвигаться вдоль стены, держа пистолет наготове. Вряд ли у человека в комбинезоне имелось другое оружие, но он предпочитал не рисковать. Вновь дали о себе знать полузабытые годы тренировок. Он несколько раз медленно вздохнул, окидывая взглядом едва различимый периметр.

Постепенно его глаза приспособились к темноте. Он стоял внутри обширного помещения, ограниченного со всех сторон стенами Узла. Перед ним тянулся лес стальных колонн, поднимающихся из креплений в бетонном полу к сложному сооружению из перекладин и балок. Где-то высоко над головой виднелся узкий квадрат света — небольшое отверстие, в которое влетали несущиеся вниз тележки аттракциона. Пока он стоял, прижавшись спиной к стене, ему показалось, будто он слышит пение или смех, доносящиеся с Дощатых Тротуаров. Здесь, в темноте, они казались невероятно далекими, словно некое сказочное королевство, которое можно лишь вообразить, но нельзя увидеть.

Пул отвел взгляд от слабого света. Сейчас ему нужна темнота.

Он снова двинулся вдоль стены, стараясь ступать как можно бесшумнее и вглядываясь в черно-белую картину впереди. Он не вполне понимал, почему человек в комбинезоне вбежал сюда. Их появление, несомненно, застало его врасплох, но даже при этом он продолжал работать, наблюдая за их приближением, на что требовалось немалое мужество. Хакер был явно не робкого десятка. Интересно, подумал Пул, что такое важное печатал этот парень, если он не спешил бежать?

Но в данный момент это не имело значения. Главное — хакер совсем не поддался панике и направился именно сюда, с некоей определенной целью.

Пул продолжал пробираться вдоль стены. Если он услышит писк помех или любой звук, напоминающий рацию, у него не останется выбора, кроме как немедленно действовать. А сейчас лучше всего затаиться в темноте и ждать, пока...

Неожиданно на него обрушился бедлам. Стальные балки содрогнулись, в уши ворвался разрывающий перепонки грохот. Он присел, прикрыв лицо. Его неожиданно окружили сверкающие искры, от стен эхом отразились крики и радостные возгласы. Тележки пронеслись над его головой вниз, затем снова взмыли вверх, оставив после себя затихающие вопли и ругательства.

На окружающую тьму вновь опустилась тишина. Пул выпрямился. «Откуда эти искры? — подумал он. — Вероятно, какой-то спецэффект». Так или иначе, еще минута — и здесь промчится очередной поезд, неся с собой свет и шум. Следовало найти место, где можно остаться незамеченным.

Оттолкнувшись локтями от стены, он двинулся от колонны к колонне, подняв пистолет. Под ногой что-то хрустнуло, ион выругался, спрятавшись за одну из опор. Над головой круто уходили вниз гигантские рельсы «Машины криков», тускло поблескивая в полумраке.

Стоя за колонной, Пул огляделся вокруг, напряженно прислушиваясь. Что, черт побери, собирался сделать этот парень?

Он попытался поставить себя на его место. Хакер не ожидал их появления и никак не мог знать, что, обнаружив его, они удивились не меньше, чем он сам. Так что он наверняка предполагал, что его специально ищут. Он не знал, сколько людей ему противостоят и двинутся ли они с одной или с двух сторон.

Скорее всего, именно так. Парень думал, что его окружили, и нырнул сюда.

Но здесь тупик. Если человек в комбинезоне собирался отсюда выбраться, ему пришлось бы карабкаться...

На этот раз, когда вокруг все начало дрожать, Пул приготовился заранее. Спрятавшись за колонной, он повернулся спиной к приближающимся тележкам. На него вновь обрушился чудовищный грохот. Из-под колес выстрелили искусственные искры, и на мгновение телохранитель увидел, как возле него осветился пол. Вокруг валялось множество разнообразных предметов — серьги,

заколки для волос, шапки, стаканы, монеты. В лужице смазочного масла поблескивала вставная челюсть. Сначала Пул решил, что это просто мусор, но тут же понял — все эти предметы вывалились у пассажиров несущихся мимо тележек.

Поезд вновь взмыл по рельсам, и невообразимый грохот начал ослабевать. Пул посмотрел вверх. Искры погасли, и совсем рядом он у видел — или ему показалось, что увидел, — чью-то фигуру с поднятыми руками.

Телохранитель снова спрятался за колонну. Да, это тот самый человек в комбинезоне. И он чем-то занят.

Но чтобы он ни делал, ему для этого требовался свет.

Пул ждал, отсчитывая секунды до следующего поезда. Он не мог пошевелиться, даже просто моргнуть — хакер мог оказаться не менее наблюдательным.

Его вновь охватила дрожь, начавшаяся, казалось, где-то в животе, а затем распространившаяся к пальцам рук и ног. Вокруг нарастало низкое гудение. А затем снова раздался оглушительный рев поезда.

Когда грохот достиг своего максимума, Пул выглянул из-за края стальной колонны. Мужчина стоял, освещенный проносящимися мимо искрами. Руки его опять были подняты, и он совершал ими такие движения, будто привинчивал что-то на место.

На глазах у Пула он закончил свое дело, опустил руки и скрылся из виду.

Но телохранитель уже догадался, каким именно образом этот человек собирался отсюда выбраться.

Не раздумывая, он сунул пистолет за пояс и метнулся вперед, туда, где до этого стоял хакер. Подняв руки, он начал лихорадочно ощупывать колонну. Вот она — холодная, похожая на резину поверхность пластиковой взрывчатки. Обхватив заряд ладонями, Пул осторожно начал обследовать его пальцами.

Внезапно на его висок обрушился страшный удар, ноги подкосились, и он тяжело осел набок. Пистолет вывалился из-за пояса и упал на пол, отлетев в сторону. Человек в комбинезоне прыгнул за ним, шаря в темноте. Поднявшись, Пул снова нашел взрывчатку и быстро ощупал ее в поисках детонатора. Наконец его

пальцы сомкнулись на взрывателе.

Позади послышался дробный стук.

Медленно, почти нежно, Пул извлек трубочку взрывателя из заряда, затаив дыхание. Повернувшись, он швырнул детонатор в темноту.

Раздался грохот очередного поезда, и в россыпи искр он увидел человека в комбинезоне, который ползал на четвереньках в нескольких футах от него, все еще пытаясь найти пистолет. Пул бросился к нему, но тот откатился в сторону. Затем оба вскочили и помчались перебежками от колонны к колонне.

Пул бежал на звук удаляющихся шагов, мимо стальных опор. Рядом мелькнул едва различимый силуэт — черный на черном, — и Пул метнулся к нему, схватив хакера за колени. Оба кубарем покатались по полу. Человек яростно отбивался, но Пул с силой ударил его в лицо — раз, другой, третий. Тот застонал и застыл неподвижно.

— Попался, — выдохнул телохранитель, прислоняясь к опоре.

Вдали послышался громкий треск, за которым последовали вспышка и клуб дыма — сработал детонатор. Пул даже не обернулся. Мимо с яростным грохотом пронесся очередной поезд. Пул не обратил на него никакого внимания. Он стоял, прислонившись к колонне и переводя дыхание, пока наконец вновь не наступила благословенная тишина.

15 часов 40 минут

Холл комплекса службы безопасности Утопии показался Уорну больше похожим на начальную школу, чем на полицейский участок. Яркие стулья из разноцветного пластика, выложенный сверкающей плиткой пол, большие настенные часы за проволочной сеткой одним своим видом демонстрировали устойчивость и надежность фирмы. Даже плакаты на стенах, рекламирующие уровень безопасности парка или сообщавшие о расположении ближайших пожарных выходов, играли свою роль. Как везде в Утопии, все здесь было тщательно спланировано. В конечном счете в большинстве своем сюда попадали посетители, заплатившие свои деньги, — жертвы карманных воришек, искавшие потерянных детей родители, задержанная за грубые выходки молодежь, — и потому сам вид приемной должен был обнадеживать, успокаивать. Никто не рассчитывал, что здесь может оказаться закоренелый преступник.

Уорн обвел взглядом стены и стулья. Рядом с ним сидела Терри Бонифацио. Справа от нее Пеккем осторожно рылся в тяжелом мешке, который они принесли из Узла. Чуть дальше Аллокко разговаривал с Пулом.

Уорн обнял Терри за плечи.

— Как вы? Нормально?

— Я? Меня обвинили, ко мне приставали, меня преследовали, в меня стреляли. А день еще не закончился. С чего бы должно быть нормально?

Он нежно привлек ее к себе.

— Это я виноват. Простите, что впутал вас во все это.

— Да ладно вам. Все интереснее, чем отлаживать сервомоторы и программировать код.

Она улыбнулась, но от ее прежнего задора не осталось и следа.

Уорн повернулся к главе службы безопасности. Он понимал, что их с Пулом разговор касается и его тоже, но, как заметила Терри, события сегодняшнего дня приобрели столь сюрреалистичный оттенок, что он чувствовал себя как во сне. Ему казалось, будто стоит ему что-то сделать или сказать, и ситуация вокруг тут же изменится

сама по себе...

«Ну вот, опять начинается», — подумал он, с трудом заставляя себя слушать.

— Говорите, этот тип сам установил взрыватель? — спрашивал Аллокко.

— Совершенно верно. Над рельсами вашего аттракциона уже был заложен мощный заряд взрывчатки — наверняка один из нескольких, которые они установили в разных местах парка. Вы меня слушаете?

Начальник охраны слегка побледнел, но кивнул.

— Продолжайте.

— В общем, когда этот парень понял, что его обнаружили, он вбежал внутрь, туда, где стоят опоры рельсов. Оружие он выронил, а схватить другое не успел. Но у него был детонатор. Он собирался установить его, а затем спрятаться, пока тот не взорвется — в тот самый момент, когда по рельсам будет мчаться очередной поезд... — Пул пожал плечами и махнул рукой. — А потом бы он сбежал.

— Господи, но это же кошмар, — недоверчиво проговорил Аллокко. — Поезда «Машины криков» вмещают по сто двадцать человек каждый.

Ненадолго наступила тишина.

Глава службы безопасности посмотрел на Уорна.

— Возможно, я плохо соображаю, но вы, кажется, говорили, что ищете некое устройство. Вы нам просто солгали, зная, что иначе мы вас туда просто не пустим?

Ученый покачал головой.

— Нет. Все оказалось очень хорошо продумано. Он организовал удаленный пункт управления, замаскировав его под простой аппаратный маршрутизатор, один из тысячи. Никто никогда бы его не нашел. Если бы я не обнаружил его код и не понял, что именно искать... — Он помолчал. — И даже при всем при этом нам во многом сопутствовала удача.

— Посмотрим, насколько нам повезло, когда Джон Доу поймет, что мы взяли одного из его подручных. Если он уже об этом не знает.

Уорн взглянул на Аллокко.

— О чем вы?

— Пока вы играли в прятки в Узле, мы лишились видеоконтроля.

— Лишились? В каком смысле?

— Отключились все камеры видеонаблюдения. В самом парке, в Подземелье, везде. Остались только казино, где своя видеосистема, и уровень «С» под нами. По сути, мы ослепли.

— Силы небесные, — присвистнул Пул.

— Думаю, за это следует поблагодарить нашего дружка, отлично владеющего слепой печатью, — сказал Уорн. Он вспомнил, как тот смотрел на них в темноте Узла, быстро вводя команды. — Он что-то набрал на своей клавиатуре после того, как нас заметил.

— Что ж, вполне заслуживает похвалы, — заметил телохранитель.

— Единственное, чего он заслуживает, — билета в один конец в тюрьму штата Невада, — сказал начальник охраны. — Так что у нас после него осталось? Можем мы исследовать его оборудование, устранить повреждения, выяснить, что он собирался сделать?

Ученый покачал головой.

— У него был мини-компьютер со встроенной защитой, спрятанный в ящике для инструментов. Прежде чем сбежать, он привел ее в действие — и компьютер сгорел.

— Термитный заряд, — добавил Пул. — Все расплавилось.

— Понятно. Значит, эти ребята по-прежнему нас опережают на два шага. — Аллокко повернулся к Пеккему. — Что у тебя, Ральф?

Парень сидел, глубоко засунув руки в мешок.

— Посмотрим. Запасная рация. — Он достал ее, шмыгнув носом, и положил на низкий столик. — Но она со скремблером, так что от нее не больше толку, чем от той, что мы нашли в Узле. Разные зажимы, провода и тому подобное. Какое-то сложное сетевое оборудование. С полсотни пачек никотиновой жвачки. И вот еще — не знаю, что это такое.

Он достал небольшой кусок похожего на веревку материала.

— Бикфордов шнур, — хором сказали Аллокко и Пул.

— Бикфордов шнур. Пара бутербродов с арахисовым маслом и желе.

Взяв один из бутербродов, телохранитель развернул промасленную бумагу и отогнул кусок хлеба.

— Сорт «Джиф». Отличный выбор.

— Давай дальше, — проворчал глава службы безопасности, проводя гигиенической помадой по губам.

— Дальше — вот это.

Пеккем достал черную пластиковую коробочку с тремя кнопками — двумя серыми и одной красной, — похожую на большой пульт от телевизора.

— Что это?

— Инфракрасный передатчик. Большого радиуса действия.

Пеккем замолчал. На лице его появилось странное выражение.

— Ну, продолжай же.

— В общем, непонятно. В смысле — зачем он мог понадобиться.

Аллокко вздохнул.

— Объясни, пожалуйста.

— Есть два типа пультов управления — инфракрасные и радиочастотные. Обычно вторые предпочтительнее, поскольку зона их действия больше. — Он поднял черную коробочку. — Но радиус действия этого инфракрасного передатчика намного превышает любой радиочастотный — как минимум полмили. Очень дорогая штука. Впрочем, как я уже сказал, это-то и непонятно — поскольку радиочастотный пульт может посылать сигнал сквозь стены, из-за угла. Этот же действует намного дальше, но только в пределах прямой видимости. Так какой смысл делать столь дорогой мощный передатчик, если все равно нужно видеть, куда его направляешь?

В наступившей тишине Уорн заметил мрачный взгляд Пула.

— Спасибо за урок, — сказал начальник охраны. — Еще что-нибудь?

— Нет. Хотя да, еще одно. — Пеккем полез в мешок и осторожно достал короткоствольный пистолет-пулемет с деревянным прикладом и тяжелым магазином, с металлическим конусом на конце ствола.

— «Хеклер и Кох MP5SD», — одобрительно кивнул телохранитель. — Обратите внимание на встроенный глушитель. Выстрел практически бесшумный — только щелчок затвора. Если вообще хоть что-то услышишь.

Несколько мгновений все молчали, глядя на оружие. Наконец Аллокко поднялся со стула.

— Лучше вернусь к нашему другу, — сказал он. — Хотя сомневаюсь, что он хоть что-то сказал с тех пор, как я ушел. Не слишком разговорчивый.

— Я с вами, — заявил Пул.

Начальник службы безопасности оглянулся.

— Зачем?

— Почему бы и нет?

Аллокко насмешливо фыркнул, затем повернулся к видеотехнику.

— Пеккем, убери все это. И последи за этими штатскими, пока я не вернусь.

Пул посмотрел вслед уходящему шефу службы безопасности.

— Похоже, товарищ Аллокко не слишком меня любит, — спокойно сказал он, вставая. — Интересно, почему?

«Мне тоже интересно», — подумал Уорн, машинально поднимаясь, чтобы двинуться следом. Он посмотрел через плечо на Терри. Та сидела выпрямившись, положив руки на прикрытые белым халатом колени.

— Не могли бы вы подождать здесь?

— Шутите? Тюремные камеры я ненавижу еще больше, чем запертые кладовые.

— Мы скоро вернемся.

Он направился к двери, оставив ее вдвоем с Пеккемом, который

очень осторожно убирал пистолет-пулемет в мешок.

В Утопии имелась лишь одна тюремная камера, в конце ведущего из приемной уединенного коридора. Даже она не выглядела слишком надежной — небольшая комнатка с тяжелой дверью и единственной койкой, привинченной к выложенной мягким материалом стене. На площадке перед дверью стояли несколько охранников.

— Вы обыскали его еще раз? — спросил Аллокко.

— Да, сэр, — ответил один из охранников, черноволосый парень. К его левому карману была приколотая маленькая бронзового цвета табличка с фамилией «Линдберг». — Ни бумажника, ни денег, ни документов — ничего. Все чисто.

— Хорошо. Откройте.

Уорн, вошедший последним, с любопытством заглянул через плечо Пула. Хакер, как он начал его называть, лежал на койке. На нем был все тот же синий комбинезон, но значок электрика с его воротника сняли. Молодой и жилистый, со смуглым лицом и собранными в конский хвост длинными черными волосами, он показался Уорну похожим на латиноамериканца. Он лежал, скрестив ноги и закинув за голову руки с коричневыми от никотина пальцами. Лицо его украшало несколько едва начавших заживать уродливых ссадин. Он без особого интереса посмотрел на вошедших.

Аллокко шагнул вперед, расставив ноги и скрестив руки на груди.

— Ладно, — сказал он. — Попробуем снова. Как вас зовут?

Молчание.

— Где остальные ваши люди?

Молчание.

— Сколько зарядов вы заложили и где?

Человек на койке закрыл глаза, устраиваясь удобнее.

Глава службы безопасности покачнулся на каблуках, шумно выдохнув.

— Полиция уже едет сюда. У вас большие, очень большие проблемы. Если станете с нами сотрудничать — возможно, сумеете выбраться. А теперь начнем сначала. Где остальные взрывные устройства?

Вопрос, как и все предыдущие, остался без ответа.

Аллокко отвернулся.

— Можно мне попробовать? — спросил Пул.

Начальник охраны взглянул на него.

— И что за методы вы намерены применить? Спички под ногти? Электрошок?

— Просто хочу с ним поговорить, и все.

Аллокко снова вздохнул, затем отошел в сторону, пропуская телохранителя вперед.

Пул разгладил пиджак, поправил твидовое кепи, но остался стоять, где стоял, обращаясь через всю камеру к человеку на койке.

— Извини за небольшую драку, — начал он. — Но сам знаешь, как оно бывает. Я просто не мог позволить, чтобы ты начал крушить все вокруг и испортил людям удовольствие. Какой же я в таком случае скаут-орел?

Человек молчал, закрыв глаза.

Уорну происходящее вдруг показалось еще более сюрреалистичным, чем раньше. Несколько минут назад эти двое жестоко дрались друг с другом. Теперь же один неподвижно лежал на койке, а второй разговаривал с ним — спокойно, почти задушевно.

— Как я понимаю, тебе стыдно сказать, как тебя зовут? — продолжал Пул. — Тогда я стану называть тебя Негодяй Двенадцатый.

Глаза лежащего раскрылись, уставившись в потолок.

— Это просто имя. Но ты явно не Негодяй Первый и даже не Негодяй Второй. Собственно, ты, скорее всего, в самом низу. Так сколько вас тут? Двенадцать?

Человек отвел взгляд и снова закрыл глаза.

— Нет, вряд ли. Ваш вожак явно не глуп и наверняка обходится

малыми силами. Пятеро, может, шестеро. Утопия очень большая, никто не станет такого ожидать. Маленькая, опытная группа — у каждого своя роль, и он точно ее исполняет. Но это должен быть очень хороший сценарий, тщательно спланированный. Ты заранее заложил все свои заряды. Но не слишком — нельзя же рисковать тем, что кто-нибудь может случайно наткнуться на один из твоих подарочков?

Глаза снова открылись, глядя на Пула.

Он рассмеялся.

— Ну, как у меня получается?

Лежащий снова отвел взгляд, уставившись в стену.

— Конечно, вряд ли ты мог работать один. У тебя наверняка есть сообщник из местных. Хотя нет — будь я на твоём месте, я бы обзавелся двумя. Мелкая сошка, кто-то подкупленный для грязной работы — и кто-то высокопоставленный. Во всяком случае, мне так кажется. — Пул удовлетворенно кивнул, поглаживая воротник свитера. — Да. Это твой рыцарь в сверкающих доспехах. Он знает, как все работает, как обмануть системы защиты от вторжения, обойти средства охраны парка. Но ему — или ей — вовсе незачем марать руки. Не обращай внимания на человека за занавеской и все такое.

Хакер продолжал смотреть в стену, плотно сжав губы.

Пул покачал головой.

— На самом деле все очень плохо. Потому что в конце дня Негодяй Первый всегда уходит чистым. А Негодяй Двенадцатый получает по заслугам. Ещё не понял?

Наступила тишина. Пул посмотрел на Уорна и подмигнул. Молчание затягивалось.

— Ну-ну, — сказал наконец Аллокко с едва заметным сарказмом. — Аргументы исчерпаны. У вас есть вопросы, Линдберг? Или у вас, доктор Уорн?

При этих его словах с человеком на койке произошла удивительная метаморфоза. Он только что лежал, словно расслабившись, игнорируя любые вопросы, но внезапно сел. Взгляд его прошелся по стоящим в дверях, остановившись на ученом.

— Уорн! — рявкнул он. — Это ты! Ты все испортил! Какого

черта полез не в свое дело?

Он вскочил на ноги.

Пул метнулся вперед. С силой оттолкнув хакера плечом, он прижал его к стене камеры, приставив локоть к горлу. Тот издал сдавленный звук, и телохранитель отпустил его, позволив сползти на койку.

Он сел, держась рукой за горло и кашляя. Пул отступил на шаг, дав знак Уорну держаться позади него.

Хакер бросил взгляд на ученого. Ярость его прошла так же быстро, как и возникла. Губы раздвинулись в презрительной улыбке, обнажив желтые зубы.

— Я все про тебя знаю, — сказал он. — Я следил за тем, как ты пытался выяснить, что стряслось с твоей идиотской программой. — Он холодно усмехнулся. — Которая, кстати, отвратительно составлена. И какой дурак учил тебя ассемблеру?

Уорн вдруг понял, что, несмотря на индейские черты лица, акцент у него чисто американский.

— Ты даже понятия не имеешь о том, что происходит. Но все равно влез не в свое дело, будто мог что-то изменить. — Он снова мрачно рассмеялся. — Знаешь что? Ты облажался. И все вы тоже облажались.

Сцепив пальцы за головой, он закрыл глаза и не произнес больше ни слова.

15 часов 40 минут

Звонок раздался, когда Сара Боутрайт отпускала руководителей отделов с поспешно созванного импровизированного собрания. Они пришли к ней всего три минуты назад — кто-то был раздражен и занят своими мыслями, кто-то возбужден и взволнован. Сара отменила обычное дневное совещание по состоянию дел в парке, и в его верхних административных эшелонах начали быстро распространяться слухи. Что случилось в «Башне грифонов» во время шоу в час двадцать? Что произошло в «Темноводье»? И что за разговоры насчет повышенных мер безопасности? Она отмахнулась от всех вопросов, сделав вид, будто это случайные происшествия, не выходящие за рамки обычного. Затем она спросила, не случилось ли еще чего-то непредвиденного, с затаенным дыханием ожидая предвестников новых злодеяний Джона Доу. Но все сообщения звучали относительно обнадеживающе. Антисанитарные условия в женском туалете в «Бедном Ричарде», ночном клубе Камелота. Жалобы на чересчур любвеобильного оператора аттракциона «Скачки с препятствиями». Кроме того, служащие парковки снова заметили особо надоедливого адвоката, искавшего потенциальных истцов на выходе с монорельса.

Директор выслушала их, а затем вежливо всех выпроводила, сославшись на незапланированное совещание. Она смотрела, как они собирают свои папки и блокноты, покидая ее кабинет. Успокоить их удалось удивительно легко. Они хотели верить, что все хорошо, поскольку иного почти невозможно было себе представить. Для руководителей Утопии нормальная работа парка являлась столь же важной, как и сама жизнь. Она подумала о том, как рассказать им всю правду, когда и если весь этот кошмар наконец закончится.

В дверь заглянула Грейс, ее помощница.

— Звонит мистер Эмори, мисс Боутрайт. И у меня на столе ваш билет.

Эмори, подумала Сара. Она разговаривала с ним полчаса назад; что могло понадобиться ему сейчас, когда передача еще не... Она вдруг поняла, что ее помощница все еще стоит в дверях.

— Прошу прощения? Что за билет?

— Ваш билет на самолет. В Сан-Франциско.

— Ах да, конечно. Спасибо, Грейс.

Сара улыбнулась, глядя, как закрывается дверь. Она совсем забыла про конференцию.

Дверь захлопнулась, и улыбка тут же исчезла с ее лица. Она сняла трубку телефона.

— Мистер Эмори?

— Да, Сара, — послышался голос генерального директора. — Должен кое-что вам сообщить. По поводу тех событий, о которых вы мне рассказали... в общем, совет директоров вне себя от ярости.

— Совет, мистер Эмори?

— После нашего последнего разговора я собрал экстренное заседание.

Она молча ждала. От Эмори подобного вполне следовало ожидать. Не в силах принять решение самостоятельно, он созвал совет в свою поддержку. И теперь вместо одного Эмори ей приходилось иметь дело с двенадцатью лихорадочно мечущимися людьми, которые отдают противоречащие друг другу приказы и в конечном счете лишь ухудшают ситуацию.

— Мне пришлось им сообщить, Сара. Очень жаль, что именно вам пришлось оказаться на переднем крае, но совет намерен взять на себя ответственность за все происходящее. За то, что уже произошло. Честно говоря, меня удивляет Боб Аллокко. Вы все еще полностью уверены, что он...

— Да, мистер Эмори, уверена, и...

— Не нужно ничего объяснять, Сара. Что сделано, то сделано. Я знаю, что вы действуете исключительно в интересах парка. Но, учитывая случившуюся задержку, травмы, которые получили люди, и в особенности два смертельных случая, совет требует принять меры, а не просто сидеть сложа руки, ожидая, чем все закончится.

— Но, мистер Эмори, я же вам говорила. Мы не просто сидим и ждем. Передача намечена на четыре часа. Еще немного, и ситуация разрешится. Джон Доу сказал...

— Я знаю. Но этот Джон Доу, похоже, не вполне адекватен. При

неработающей системе видеонаблюдения посетители подвергаются серьезной опасности, и больше рисковать мы не можем.

Сара собралась было возразить, но Эмори пришлось пойти на подобный шаг отчасти и по ее вине. Она промолчала.

— Боюсь, единогласного мнения в совете нет. Но таково решение большинства. Мы продолжим, используем наши резервные коды, чтобы записать второй диск. Но мы не можем ждать дольше получаса. Если к тому времени ситуация в парке не нормализуется, мы вызовем ФБР.

— ФБР?

— Чем дольше все это продолжается, тем опаснее становится. Совет считает, что, если проблема не разрешится немедленно, Утопия пройдет точку возврата. И тогда шума в прессе не избежать. Если нас ждет катастрофа, пусть вину за нее разделят и полицейские. Я понятно выражаюсь?

Сара прикусила губу.

— Более чем понятно, сэр.

— Полчаса, Сара. Будьте осторожны. И да поможет вам Бог.

Телефон смолк.

15 часов 45 минут

Джон Доу сидел под навесом в «Чамли», уличном кафе в Газовом Свете, переворачивая тонкими пальцами страницы свежего выпуска лондонской «Таймс» тысяча восемьсот девяносто первого года. Он пребывал в столь прекрасном настроении, что не мог удержаться от приветствий проходившим мимо по булыжной мостовой посетителям. Большинство из них перемещались между фешенебельным торговым районом Сохо-сквер и разыгрывавшимся неподалеку живым представлением «Причуды Мейфэра». «Добрый день! — говорил он, улыбаясь им из-под солнечных очков. — Добрый день!» Некоторые недоуменно смотрели на него и шли дальше. Но большинство улыбались и приветствовали его в ответ. Удивительно, как меняла людей Утопия. Почти как наркотик.

Уличная терраса больше всего подходила для того, чтобы расслабиться с чашкой в руке перед назначенной встречей. Чай в «Чамли» его разочаровал, и он переключился на кофе, который оказался лучше. Надо будет спросить у Сары Боутрайт, в каком ресторане подают тот превосходный жасминовый чай, подумал он. Впрочем, вскоре ему представится такая возможность.

К столику подошел официант, высокий парень в твидовом костюме с огромным галстуком.

— Еще чашку?

— С удовольствием, — ответил Джон Доу, удовлетворенно вздохнув и переворачивая страницу.

Официант посмотрел на него и улыбнулся.

— Наслаждаетесь жизнью, сэр?

— Мне просто нравится моя работа.

Джон Доу посмотрел вслед официанту, идущему среди покрытых белыми скатертями столиков. У парня был неплохой британский акцент, хотя настоящий лондонский кокни, вероятно, мог бы и возразить. Собственно, Газовый Свет устраивал Джона Доу куда больше, чем любой другой из Миров. Камелот был полон цветастых костюмов и лязга доспехов, а постмодернистский блеск Каллисто действовал ему на нервы. Газовый Свет казался ему более

цивилизованным, не считая, конечно, безвкусной Пикадилли с ее магазинами, где продавались футболки и разные безделушки. А это маленькое кафе оказалось настоящей находкой — без особых претензий, уютное и совсем недалеко от Зеркального зала. Оглядевшись вокруг, он заметил сначала одну, затем другую хорошо скрытую камеру видеонаблюдения. Увы, обе в данный момент не работали. Настроение Джона Доу снова улучшилось.

Официант уже возвращался с заказом.

— Прошу, — сказал он, изящным движением ставя чашку на скатерть. — Я включу в счет.

— Спасибо, — сказал Джон Доу, поднимая взгляд от газеты. — Хороший у вас кофе. Не то что в других местах.

— О да, сэр, — улыбнулся официант.

Джон Доу взял чашку обеими руками.

— Прохладно тут у вас. Дождь и тому подобное.

— Хотите столик внутри?

— Нет, там слишком много народу. Впрочем, не принесете ли меню?

— Конечно. Хотите пообедать? Или просто перекусить? — Улыбка официанта стала шире. — Разве что если вы совсем на мели?

— Нет, у меня есть деньги. Просто будьте так любезны, принесите меню.

— Одну минуту.

Официант удалился.

Джон Доу отхлебнул кофе, поприветствовал еще нескольких прохожих и поставил чашку на блюдце. За навесом вновь начинался дождь — вернее, даже не столько дождь, сколько мелкая изморось, едва увлажнявшая улицы, придавая им мягкий блеск. Джон Доу знал, что дожди в Газовом Свете идут не по расписанию, но с учетом множества условий — количества людей, температуры окружающего воздуха, яркости настоящего неба над куполом Утопии, сейчас скрывавшимся в густом лондонском тумане. Он наблюдал за людьми, которые спешили спрятаться, ожидая, когда закончится дождь, всегда длившийся не более полутора минут. Собственно, он уже

заканчивался, и люди снова выходили на улицу, отряхивая с плеч влагу, весело болтая и смеясь.

Все на самом деле оказалось до обидного просто. Даже в том небольшом сбое, о котором он только что узнал, не было ничего страшного. Всегда оставалось место случайностям. Он вздохнул, ощущая легкое сожаление. Эта работа была для него последней, и он надеялся, что она окажется более многообещающей, преподнесет несколько настоящих сюрпризов. По крайней мере, ему мог представиться шанс поупражняться в интеллекте. Было бы о чем вспомнить, уйдя в отставку. Но нет — в подобном удовольствии ему отказано. Он смотрел на беззаботно болтающих прохожих. словно стадо. Не будь он в столь прекрасном настроении, он ощутил бы презрение к ним — к человеческим нравам, человеческим слабостям, человеческим страданиям, человеческой доброте. Особенно к человеческой доброте.

Пора было предусмотреть все возможные случайности. Отложив газету, он достал из кармана мобильный телефон и набрал номер.

— А вот и вы, — сказал он, когда ему ответили.

Голос на другом конце звучал приглушенно, но в нем безошибочно чувствовались волнение, раздражение, неуверенность.

— Вы вовремя позвонили. Все идет совсем не по плану, и мне это очень не нравится.

— Не по плану? Что именно?

— Я вам уже говорил. — Голос перешел в едва слышный шепот. — То, что случилось в «Башне грифонов» или в «Темноводье». Предполагалось, что никто не должен пострадать. А тот охранник в «Галактическом путешествии» — господи, зачем его убили?

— Боюсь, что иного выхода просто не было.

— Слишком много неприятных сюрпризов. К тому же Тибболд так и не вернулся. Насколько ему можно доверять?

Джон Доу отхлебнул еще кофе, взял меню у официанта и посмотрел ему вслед.

— Я бы не стал беспокоиться за Тибболда. Он наверняка появится.

— А что это за история со второй передачей? Это полностью неприемлемо, ее никогда не было в планах...

— Возможно, не было, а возможно, что и была. Сейчас это неважно. — Голос Джона Доу слегка посерьезнел. — Куда важнее то, что Взломщик Джек перестал выходить на связь.

— Почему? Что случилось?

Неуверенность в голосе собеседника стала еще более явной.

— Точно не знаю. Похоже, кто-то начинает вести себя чересчур резво. Не исключено, это работа нашего нежданного гостя, Эндрю Уорна, который сует свой нос, куда не просят. Или, быть может, возникли некие непредвиденные обстоятельства. В любом случае, Взломщик Джек отключил систему видеонаблюдения.

— Я знаю.

— Это сигнал, что его работа наверху закончена, но что мы не можем рассчитывать на его помощь в... э... подвале. Придется вам этим заняться. Лично. Поняли?

— Я начал, как только услышал про отключение видео. Закончу через несколько минут.

— Хорошо. — Все, как и ожидалось, оказалось удивительно просто. — Мы передвинем во времени некоторые события, чтобы не потерять контроль над ситуацией. Но один вопрос остается открытым — ваш друг, Уорн. Взломщик Джек выследил его, и мы отправились с ним побеседовать. Но похоже, его значок оказался у кого-то другого. Мы пытались найти его в той лаборатории, которую вы упомянули, лаборатории робототехники, но там никого не оказалось.

— Я уже полчаса сижу здесь и не знаю, где он.

— Тогда это придется узнать нам. Это последний акт нашего маленького представления. Мы должны убедить его, что в его же интересах ни во что больше не вмешиваться.

На другом конце наступила пауза.

— Вы обещаете, что никто больше не пострадает?

— Конечно.

— Потому что денег, на которых кровь, я не возьму. Нет никакого смысла продолжать, если последуют новые жертвы.

— Нет смысла? — Голос Джона Доу стал другим — низким, презрительным, угрожающим. Даже акцент слегка изменился. — Предупреждаю, не стоит состязаться со мной в интеллекте. От проявлений альтруизма меня тошнит. Все, что мы делаем, мы делаем в наших собственных интересах. И вы, друг мой, не исключение. Полагать иначе — всего лишь самообман. Напомнить вам для начала, чья это была идея? Кто с кем связывался? Напомнить вам о последствиях ваших запоздалых угрызений совести? Не забывайте, с кем я встречаюсь через несколько минут.

Последовала новая, на этот раз более длинная пауза.

— Через несколько минут, — вкрадчиво проговорил Джон Доу, — мы получим все то, зачем мы пришли. А вы?

— У Уорна есть дочь, — наконец сдавленно произнес голос на другом конце. — Ее зовут Джорджия. Она сейчас в медицинском центре.

Джон Доу поднял брови.

— В самом деле? Очень интересно.

— Помните о своем обещании.

— А вы помните о своем. Не падайте духом. Еще сорок пять минут, и мы уйдем.

С этими словами Джон Доу убрал телефон в карман, взял чашку с кофе и продолжил просматривать газету.

На другом конце линии, в большом, но аскетичном кабинете глубоко под кафе «Чамли», слегка звякнула положенная на место телефонная трубка. Ладонь несколько мгновений лежала на ней, словно пытаясь заглушить любые дальнейшие звуки. Затем она переместилась по столу к только что записанному диску, поблескивающему, словно бледный хрусталь, внутри пластикового футляра. Рука помедлила, тревожно барабанила по столу пальцами. Затем она потянулась к клавиатуре компьютера, придвинула ее ближе и начала печатать, сначала неуверенно, затем все быстрее и быстрее.

15 часов 45 минут

— Скажите честно, — спросил Уорн, — это и есть та самая ваша «важная передышка»?

Пул остановил проходящую мимо официантку.

— «Сэм Адамс» для всех.

— Мне минеральную воду, пожалуйста, — вздохнул ученый.

Официантка кивнула, закрыла стекло шлема и заскользила между столиков.

Уорн снова повернулся к своему телохранителю.

— Знаете, Пеккему вряд ли понравится, когда он узнает, что мы сбежали от него лишь затем, чтобы выпить холодненького.

Пул лишь пожал плечами и отстраненно улыбнулся.

Они сидели в «Море Спокойствия», большом круглом помещении, тускло освещенном инфракрасными лучами. За соседними столиками о чем-то болтали посетители, потягивая напитки и жуя экзотического вида закуски. Уорн слышал доносившиеся из главного вестибюля Каллисто крики и смех; сзади раздавались звон монет и жужжание игровых автоматов из находившегося рядом казино. Над головой по полуночному небу скользили бесчисленные галактики. Пол был сделан из какого-то темного материала, сквозь который просвечивало бескрайнее, казавшееся бездонным звездное поле. Несмотря на то что мысли его занимало совсем другое, Уорна восхитила удивительная иллюзия — столики вокруг него словно парили в бесконечном космосе. От подобного ощущения становилось несколько не по себе.

Терри повесила сумку с ноутбуком на спинку кресла.

— Персоналу Утопии не положено посещать казино в служебное время.

Сказано это было в шутку, но голос ее звучал сдавленно.

— А кто посещает? — сказал Пул. — Казино — там. Да и кто из нас сейчас на работе?

— Мы должны работать, — ответил Уорн. — Есть проблема.

— Вот как? — спросил Пул. — Какая же?

— С тем трояном. Нужно его дизассемблировать, попытаться узнать, у каких роботов модифицирована программа.

Пул покачал головой.

— Вряд ли вам стоит возвращаться в лабораторию. Здесь безопаснее — общественное место, мало света. Кроме того...

Он не договорил, лишь махнул рукой, но и без того было ясно, что он хочет сказать: «Эти ребята давно вас обставили. И сидеть за компьютером нет никакого толку».

Именно в этом Уорн никак не мог себе признать. Но теперь мысли его вернулись к хакеру в тюремной камере комплекса службы безопасности. Он вспомнил, как тот ухмылялся, глядя на него, и полные презрения и насмешки слова: «Я все знаю о тебе и о твоей идиотской программе. Жалкое зрелище. Ты понятия не имеешь о том, что происходит». Код оказался куда изощреннее, чем он готов был признать. И поймать этого парня им удалось лишь благодаря чистой случайности.

«Ты понятия не имеешь о том, что происходит».

Уорн беспокойно поерзал в кресле.

Вернулась официантка с напитками, поставив их на стол. На руках у нее были серебристые перчатки. Хотя все трое выглядели не лучшим образом — грязные, забинтованные, поцарапанные, — она лишь улыбнулась сквозь стекло шлема и ушла.

Рядом послышался неожиданный взрыв смеха. Двое молодых людей за соседним столиком потягивали из высоких бокалов ярко окрашенные замороженные коктейли. На одном был явно купленный в Камелоте длинный плащ волшебника; он смотрелся совершенно неуместно на фоне футболки и потертых шортов — везде, кроме Утопии.

Краем глаза Уорн наблюдал за Пулом, который вылил пиво в стакан, поднес его к губам и сделал большой глоток. Покрытый красными пятнами бинт свободно болтался на его запястье.

Молчание нарушила Терри.

— Вы так нам и не рассказали, зачем вы всем этим занимаетесь.

Пул поставил стакан и изящным движением вытер губы.

— Верно, — добавил Уорн. — Вы могли все время сидеть здесь и отдыхать. И никаких потасовок, никто бы не стрелял в вас и бог знает что еще.

Пул улыбнулся.

— Представьте себе людей, которые тратят тысячи долларов на фальшиво-таинственные уик-энды в отелях. А так — намного лучше. И цена подходящая.

— Вы ведете себя так, будто для вас это лишь часть развлечения.

— А разве нет? — Улыбка Пула стала еще шире. — Кроме того, есть возможность держать себя в форме, отточить бывшее мастерство.

Он снова отхлебнул пива.

Уорн посмотрел на него, обреченно вздохнув. Он не думал, что ему когда-либо встретится человек, которого столь тяжело понять.

— Пожалуй, вы правы насчет лаборатории, — сказал он. — Так что, если вы не против, мы с Терри сходим и навестим мою дочь.

Он начал вставать с кресла.

— Куда спешить? Еще через пятнадцать минут Джон Доу получит свой диск. А потом он уедет в сторону заката, вспыхнут огни, и заиграет музыка. Счастливый конец...

Голос Пула прозвучал не слишком убедительно.

— Что? — сказала Терри. — К чему вы клоните?

Она отхлебнула пива, поморщилась и отставила стакан в сторону.

— Я сказал, что у нас важная передышка. Именно это я и имел в виду. Но как бы мне ни хотелось пива, именно передышка для меня по-настоящему важна.

Уорн снова сел, покачав головой.

— Вы говорите загадками.

— Вовсе нет. Вспомните, кто я здесь. Я наблюдатель, посторонний, который ничего не знает о происходящем. — Он сделал еще глоток. — И это означает, что пока вы все бежали, словно обезглавленные цыплята, я наблюдал. И слушал.

Уорн посмотрел на Терри. Та пожала плечами.

— О чем вы? — спросил он.

Пул взял бутылку «Сэма Адамса» и поскреб пальцем этикетку.

— Вы заметили нечто общее?

— Нет.

Пул продолжал скрести.

— Вам говорят, что все происходящее следует хранить в тайне. А потом гоняют вас туда-сюда, не давая передохнуть, остановиться и задать несколько вопросов. — Он поставил бутылку. — Потому что все это напоминает головоломку. Если найти правильный фрагмент, увидишь всю картину. И они не могут вам этого позволить.

— Несколько вопросов? — спросил Уорн. — Какие именно?

— Первый — если эти ребята столь опытные, почему они ошиблись в «Темноводье»? Они собирались взорвать весь аттракцион, преподать урок. И лишь благодаря везению уцелевшая балка не дала ему обрушиться. Но я не согласен. Я видел тот взрыв. Кто бы ни заложил заряд, он был просто выдающимся мастером своего дела. Если бы они хотели уничтожить «Темноводье», они бы это сделали.

«Значит, это все-таки не просчет», — мрачно подумал Уорн.

Терри нетерпеливо поерзала в кресле.

— Ладно. Считайте меня глупой, но я кое-чего не понимаю.

— Эти парни хотят кого-то сломить, выкрутить кому-то руки. Но, несмотря на то что говорит Джон Доу, им не нужна паника. По крайней мере, сейчас. Это не входит в их планы. Следует предполагать, что все, что они делают, происходит с определенной целью. Взрыв в «Темноводье»? Заряд заложили таким образом, чтобы он сработал именно так.

Последовала короткая пауза.

— Для меня это звучит совершенно по-дурацки, — сказала Терри. — Но есть еще один вопрос. Высказали, что все, что делают эти парни, происходит с определенной целью. Помните слова Аллокко о том, что хакер в Узле отключил камеры видеонаблюдения? Везде, кроме казино и уровня «С». Казино — понятно, там отдельная

система. Но уровень «С» — часть централизованной системы. Почему его тоже не отключили?

— Не знаю, — ответил Пул. — Что там находится?

— Энергостанция. Прачечная. Экологическая служба, финансовый отдел, служба питания. Ремонтные мастерские, центр обработки данных. Вспомогательные помещения.

— Эта ваша энергостанция, — сказал Пул, — она ведь не атомная?

Терри закатила глаза.

— Просто ходят слухи, — пожал плечами Пул.

Какое-то время все молчали.

— Вы говорите, это похоже на головоломку, — сказал Уорн. — Но у нас нет ни одного ее элемента. О чем может идти речь?

— Вы забываете, что у нас есть крайне важный фрагмент, — ответил Пул. — Наш приятель в камере. И он сказал кое-что интересное.

— Что именно?

— Помните его реакцию, когда он узнал, кто вы? Он явно не прикидывался, а действительно готов был вцепиться вам в глотку. Но это-то и непонятно.

— Да все как раз понятно, — сказала Терри. — Эндрю пустил насмарку его работу. Разрушил все планы.

— Возможно. Но вы помните, почему он вдруг сорвался? Обратите внимание, что он говорил. Его возмутило именно ваше вмешательство в систему.

— И что? — спросил Уорн.

— Почему его не разозлила ловушка, которую устроили в... как его там?... «Галактическом путешествии»? Ведь именно она создала им реальную проблему. Иначе они бы получили свой диск и их давно бы уже тут не было.

Уорн задумался.

Сидящая рядом Терри что-то пробормотала.

Сломанный диск. Он совсем о нем забыл. Уорн полез в карман и

достал пластиковый пакет, который оставила Сара в палате медицинского центра.

— Что это? — спросил Пул.

— То, что осталось от диска с Горнилом, — сказал Уорн. — Его раздавили во время драки. — Он положил пакет на стол. — Так что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что все это похоже на задержку. Тщательно срежиссированную и тщательно замаскированную задержку.

— Но зачем? — спросила Терри, беря пакет и с любопытством вертя его в руках. — Чего они ждут?

— Именно. Вот это и есть вопрос на миллион долларов.

В наступившей тишине Пул осушил стакан и, удовлетворенно вздохнув, поставил его на стол.

15 часов 50 минут

Хотя часы в общественных местах Утопии отсутствовали, было точно без десяти четыре.

В Газовом Свете у входа в Зеркальный зал собралась большая толпа. На самом деле аттракцион назывался иначе — в путеводителях и на витиеватой вывеске над фойе он громко именовался «Зал фантастических иллюзий профессора Крипплвуда». Это был зеркальный зал следующего поколения, где использовались технологии Горнила для создания неотличимых от реальности голограмм на основе тайно сделанных фотографий посетителей. Голограммы обрабатывались таким образом, чтобы выглядеть как зеркальные отражения, после чего отображались в реальном времени внутри тускло освещенного лабиринта. Использовались и настоящие зеркала, дьявольски сбивая посетителей с толку. Двигаясь по извилистым коридорам, посетители постоянно встречали в лабиринте изображения самих себя и других гостей, но никто не мог сказать, где настоящие отражения, а где голограммы, снятые при входе в зал. Посетители выходили оттуда ошеломленными, испуганными, восхищенными. Зеркальный зал, как его обычно называли, доставлял столь необычные ощущения, что его повторно посещали в тот же день намного чаще, чем любые другие аттракционы в Газовом Свете.

Но толпа, стоявшая снаружи, вовсе не была полна обычного восторженного ожидания. Слышались разочарованные возгласы посетителей, которые простояли почти час в очереди лишь затем, чтобы узнать, что аттракцион временно закрывается по техническим причинам. Служащие в кринолинах и фраках обходили очередь, успокаивая страсти с помощью ваучеров и фишек в казино. По одну сторону от выложенного кирпичом входа, скрестив руки, стояла Сара Боутрайт, почти невидимая в тумане, наблюдая за взбудораженной толпой. Одну руку она прижимала к карману пиджака, где лежал диск.

Высоко в безжалостном небе Невады туманная влажная дымка над Газовым Светом казалась лишь призраком более благосклонного мира. Человек по прозвищу Водяной Буйвол закончил свою работу и теперь сидел в небольшом овраге, отдыхая в тени, отбрасываемой

плавной кривой купола Утопии. У одного его колена лежала двухдиапазонная рация, у другого — пластиковая бутылка с водой. На коленях его покоился томик Пруста, который он не спеша читал. Время от времени мужчина поднимал взгляд от книги и смотрел из-за каменистой гряды на длинную темную дорогу далеко внизу, убегающую по замысловатой линии от служебной парковки и исчезающую среди высохшего плоскогорья Юкка-Флэте.

В пятнадцати милях от этого места, вне прямой видимости, по шоссе девяносто пять двигались на северо-запад два автомобиля. Позади ехал седан последней модели с желтой мигалкой на крыше и большим прожектором возле окна со стороны водителя. По обе стороны кузова торчали длинные антенны. Он был выкрашен в белый цвет, но казался коричневым из-за пыли, летевшей из-под колес идущей впереди машины.

Первым ехал бронеавтомобиль, «форд» модели F-8000, красный с белыми полосами вдоль оконных обтекателей. Недовольно ревел десятицилиндровый дизель, трудясь под грузом брони толщиной в четверть дюйма, покрывавшей панели кузова и крышу. В грузовом отделении спиной к стене сидел одинокий охранник, держа между коленями помповый дробовик. Человек и ружье покачивались в такт движению машины, подпрыгивающей на мощных амортизаторах.

Водитель вел машину вверх по склону. За пуленепробиваемым стеклом мелькали казавшиеся слегка сверхъестественными коричневые, желтые и зеленые цвета высокогорной пустыни.

Водитель поправил гарнитуру и заговорил в микрофон:

— Утопия Центр, это транспорт АБТ Девять-Эхо-Браво, прием.

В наушниках послышался треск.

— Утопия Центр, подтверждаю.

— Свернули с шоссе девяносто пять, подъезжаем. Ждите прибытия в четыре десять.

— Девять-Эхо-Браво, четыре десять, вас понял.

В наушниках снова затрещало, затем стало тихо. Броневик свернул на необозначенный съезд с шоссе, который вел к подъездной дороге. Уклон стал круче, и водитель переключил передачу,

направляя большую машину к служебному входу парка.

15 часов 50 минут

Кайл Кокран стоял у входа в «Море Спокойствия», красуясь в фиолетово-черном плаще архимага Мимантеуса. Несмотря на приглушенный свет в вестибюле, в баре было еще темнее, и он подождал, пока глаза приспособятся к полумраку. Его приятель Том Уэлш, который был чуть выше и стройнее, с трудом подавил отрыжку. Они только что влили в себя по четыре «Сверхновых» каждый — новый рекорд университета. Тот факт, что напитки эти были безалкогольными, нисколько не преуменьшал их достижения — «Сверхновая» представляла собой огромную порцию разноцветной ледяной смеси, и желудок Кайла давно онемел от негодования. Как всегда, его слегка раздражало, что ему еще год нельзя употреблять алкоголь на законных основаниях. Но в таких местах, как Утопия, это, впрочем, было и к лучшему. Их сосед по общежитию, Джек Фишер, всего несколько недель назад протащил с собой пинту бурбона, напился и облевал всех пассажиров в «Машине криков».

Уэлш снова рыгнул, на этот раз громче. Несколько прохожих обернулись.

— Неплохо, — сказал его приятель, одобрительно кивнув.

Когда Кайл только поступил в университет Санта-Барбары, он слышал кошмарные истории о потенциальных соседях по комнате — тусовщиках, которые всю ночь напролет слушают хеви-метал, и грязнулях, меняющих нижнее белье раз в неделю. Том Уэлш оказался приятным сюрпризом. У обоих нашлось много общих интересов — легкая атлетика, ямайская музыка, велосипед. Том был знатоком точных наук, в то время как Кайл писал неплохие статьи и свободно говорил по-французски, и они помогали друг другу в течение всего первого курса. На втором их пути разошлись, хотя они продолжали оставаться близкими друзьями. Но на Рождество случилась трагедия — старший брат Тома разбился на мотоцикле. Всю зиму Том был угрюм и подавлен, и Кайл даже слегка удивился, когда его друг предложил отправиться на весенние каникулы в Лас-Вегас. Постепенно Уэлш начал приходить в себя. Сначала даже казалось, что это требует от него неких усилий, но в Утопии хорошее настроение наконец вернулось к нему, и улыбка его стала такой же искренней, что и раньше. Он даже поговаривал о том, не устроиться

ли сюда на лето.

Кайл зевнул и потянулся.

— Ну так что дальше?

Том погладил себя по животу.

— Не знаю. Может, «Станция „Омега“»?

Приятель недоверчиво посмотрел на него.

— Шутишь? После четырех «Сверхновых»? Ты с ума сошел.

Том лишь криво усмехнулся в ответ.

Кайл задумался, стоя в вестибюле и не обращая внимания на потоки оживленно разговаривающих людей вокруг. «Станция „Омега“» представляла собой аттракцион «свободного падения», относительно новую разновидность, в которой посетители в буквальном смысле падали с большой высоты. Обычно пассажиров пристегивали ремнями, будто на вертикальных русских горках. Но проектировщики Утопии, взяв стандартную идею «свободного падения», воплотили ее по-своему. Посетители поднимались по эскалатору в космопорту Каллисто и входили в похожую на лифт кабину, которая по сценарию должна была доставить их к ожидающему челноку. Но как только двери лифта закрывались, начиналось нечто кошмарное — толчки, сотрясения, злобный треск. Свет гас, и кабина заполнялась дымом. А затем, без всякого предупреждения, кабина обрушивалась вниз с высоты в сто футов. Лишь в самом конце снова включался свет, срабатывали тормоза и лифт быстро, но удивительно мягко останавливался.

Аттракцион был коротким, но впечатляющим — настолько впечатляющим, что «Станция „Омега“» предъявляла наиболее жесткие требования к посетителям во всей Утопии.

И Кайл с Томом сегодня совершили падение уже шесть раз.

Кайл посмотрел на толпящихся вокруг космопорта людей. Шесть падений в «Станции „Омега“» — уже рекорд университета. Народу было довольно много, а очередь в последний раз оказалась самой длинной за день.

И все-таки стоило прокатиться в седьмой раз, закрепив свое достижение. Особенно после четырех «Сверхновых».

К тому же это предложение Тома.

Кайл обернулся и поднял большой палец. Улыбка приятеля стала шире.

— Ну что ж, — сказал юноша, взмахнув плащом. — Пошли.

15 часов 50 минут

— Погодите-ка, — сказала Терри. — Что-то тут не так.

Уорн поднял голову и посмотрел на нее. Энгус Пул тоже поставил стакан с пивом и взглянул на Терри. Его явно насторожило нечто в ее голосе.

Она открыла пластиковый пакет и держала в руке один из крупных обломков, переворачивая его.

— Диск, — сказала она. — Он чистый.

— Что? — переспросил Уорн. — Не может быть. Это технология Горнила, ее должны были передать Джону Доу.

— Я же вам говорю — он чистый. Смотрите, даже при таком освещении все видно. — Она протянула ему осколок. — Видите? Если бы на нем были записаны данные, прожженная лазером поверхность выглядела бы иначе. Но на ней ничего нет. Вообще.

Телохранитель взял пакет.

— Не вижу.

Она язвительно посмотрела на него.

— Уж поверьте профессионалу.

— Но это бессмысленно, — сказал Уорн. — Зачем нам отдавать ему пустой диск?

— Возможно, его и не отдавали, — ответила Терри.

Уорн внезапно замолчал, пытаясь разгадать хитрый замысел Джона Доу. Что там говорил Пул? «Остановиться и задать несколько вопросов».

И тут ему в голову пришла мысль.

— Терри, — сказал он. — Тот вирус, который мы нашли, в ваш компьютер внедрили месяц назад. Это можно каким-то образом сделать удаленно, по сети?

— Нет. Все терминалы Утопии снабжены индивидуальными брандмауэрами. Я даже почту на той машине не могу получать.

— Насколько это надежно?

— Ни одному хакеру не пробиться.

— Ни снаружи, ни изнутри?

Терри покачала головой.

— Тогда это может означать только одно: вирус физически скопировали на вашу машину. Из вашей лаборатории. — Уорн помолчал. — Подумайте как следует. Кто мог в то время иметь доступ к вашему терминалу?

— Никто.

— Ваши коллеги? Начальство?

— Я бы об этом знала.

— Вы уверены?

— Да.

Ученый разочарованно откинулся на спинку кресла. Но тут же у него возникла новая мысль.

— А вы сами? Вы что-нибудь устанавливали? Новые программы, обновления операционной системы?

— Ничего. С этим у нас очень строго. Никакое программное обеспечение не может быть установлено без предварительного одобрения отдела информационных технологий. Но ничего такого и не было, с тех пор как инсталлировали саму метасеть. А это было почти год назад.

Уорн еще ниже сполз в кресле. Вокруг бурлило «Море Спокойствия». Двое шумных парней за соседним столиком ушли, и их сменило семейство из шести человек. Дети пили имбирную шипучку и забавлялись поролоновыми мечами.

— Погодите-ка.

Услышав голос Терри, он быстро выпрямился.

— Кое-что все-таки было. Чуть больше месяца назад.

Уорн посмотрел на нее.

— Но это вовсе не то, что вы ищете. Скорее наоборот.

— В смысле?

— Помните, мы говорили о том, что вся система Утопии недавно

прошла полную проверку?

— Да. Со стороны «Безопасности под ключ», той же фирмы, что занималась этим в Карнеги-Меллоне. Барксдейл упоминал про это на утреннем совещании.

— «Безопасность под ключ»? — спросил Пул, допивая пиво.

— БПК. Наемные хакеры, — объяснил Уорн. — Узаконенные шпионы. Крупные фирмы нанимают их, чтобы те попытались взломать их систему, обнаружив таким образом пробелы в защите. — Он снова повернулся к Терри. — Дальше?

— Мы получили положительный отчет. Они сказали, что наша сеть достаточно хорошо защищена, но распространили системную заплатку для некоторых терминалов. Как они говорили — исправление уязвимости в Юниксе, которой потенциально могут воспользоваться хакеры.

— Системная заплатка? Сколько терминалов?

— Немного. Пара десятков, не больше.

— И ваш — один из них.

Слова его прозвучали как утверждение, а не вопрос. Тереза кивнула.

Несколько мгновений ученый сидел неподвижно, затем встал, резко отодвинув кресло, заскользившее по прозрачному полу.

— Где здесь есть телефон? — спросил он.

— Телефонные будки — в Ядре. Нужно пройти через вестибюль, и...

— Нет, — прервал он ее. — Нужно найти телефон. Любой телефон. Немедленно.

Терри молча посмотрела на него, затем тоже встала, дав им знак следовать за ней.

Уорн бросил на стол несколько банкнот, и они быстрым шагом прошли в дальнюю часть бара, в широкий коридор, ведущий в казино Каллисто. Терри направилась прямо к стене, открыв хорошо замаскированную дверь, покрытую тем же темным материалом, что и стена. Пригнувшись, Уорн вошел в нее, Пул последовал за ним.

Закрыв за ними дверь, Терри повела их вниз по металлической лестнице, а затем по служебному коридору, свернув в большой кабинет с табличкой «Отдел контроля». Вдоль дальней стены сидели в кабинках сотрудники, что-то печатая. Один или два быстро оглянулись, затем снова повернулись к экранам.

Терри показала на телефон на пустом столе. Уорн снял трубку, нажал кнопку выхода на внешнюю линию и набрал номер.

— Справочная? Дайте номер компании «Безопасность под ключ», Мальборо, Нью-Хемпшир.

Секунду спустя он снова набрал номер.

— ВПК слушает, — ответил женский голос на другом конце линии.

— Будьте добры, Уолтера Эллисона.

Ученый мысленно скрестил пальцы. Сейчас почти четыре. Насколько он помнил, Уолт Эллисон всегда был трудоголиком, и весьма вероятно, что он на месте, если не поехал к клиентам. «Ну, давай же отвечай, черт бы тебя побрал, отвечай...»

— Эллисон слушает, — послышался знакомый голос — громкий, слегка гнусавый, с бостонским акцентом.

— Уолт, это Эндрю Уорн. Помните, вы проверяли нашу систему в Карнеги-Меллоне в прошлом году?

Последовала пауза, и Уорн испугался, что Эллисон о нем забыл. Затем раздался ленивый смешок.

— Ну да, Уорн, конечно. Робототехника?

— Да.

— Как дела у вашего продавца мороженого — как там его зовут?

— Хард-Плейс.

— Хард-Плейс, точно. Отличная работа.

Он снова рассмеялся. Уорн наклонился к телефону.

— Уолт, послушайте. Мне нужна ваша помощь. Речь идет об одном из клиентов БПК.

— Карнеги-Меллоне?

— Нет.

Голос Эллисона стал более сдержанным.

— Простите, доктор Уорн, но я не вправе обсуждать других клиентов.

— Если я прав, то вам и не придется. Мне вовсе незачем знать, что именно вы делали. Скорее то, чего вы не делали.

Последовала пауза.

— Не понимаю.

— Помните, для кого я собрал Хард-Плейса?

— Конечно, для парка... ну да, я помню ту фирму.

— Хорошо. И вы знаете, что я работаю на эту... гм... фирму?

— Догадываюсь.

— Тогда вряд ли вы будете против того, чтобы ответить на один последний вопрос. БПК когда-нибудь выполняла для них проверку безопасности?

На том конце молчали.

— Послушайте, — настойчиво сказал ученый. — Мне действительно нужно это знать.

Снова молчание.

— Это вопрос жизни и смерти, Уолтер.

Послышался вздох.

— Вряд ли это секрет, — сказал Эллисон. — Мы никогда с ними не сотрудничали. Хотя работа была бы весьма интересная. Может, подкинете нам ее? Поговорите с кем надо?

— Большое спасибо, — ответил Уорн, вешая трубку. Он повернулся к Терри и Пулу. — БПК никогда не работала на Утопию.

Терри недоверчиво посмотрела на него.

— Не может быть. Я сама видела их команду. Они провели тут почти целый день.

— Вы видели передовой отряд Джона Доу.

Терри не ответила.

— А те системные заплатки, которые они выдали, — вирус-невидимка. Запустив заплатку, вы установили их троян в собственной системе.

— Вы хотите сказать... — она поколебалась, — все это обман?

— Весьма умный и весьма наглый. Чтобы инфицировать определенные системы Утопии и проложить дорогу тому, что происходит сегодня.

— Но это невозможно. БПК — реально существующая компания, вы сами сказали. Это не может быть инсценировкой.

Терри говорила быстро и сбивчиво. «Она начинает понимать, — подумал Уорн. — И ей не нравится то, что из этого следует».

— Да, это реально существующая компания. И Джон Доу об этом знал. Утопия никогда не поверила бы в подделку. Но те люди, которые там появились, — те, кто проводил проверку безопасности, дал вам те системные заплатки, — были самозванцами, а не сотрудниками БПК. Вместо того чтобы закрыть дыры, они их создали.

— Сира уло [\[39\]](#), — пробормотала Терри. — Нет.

— БПК никогда здесь не была. — Уорн показал на телефон. — Я только что выяснил это из первых рук.

— Но мы бы об этом знали, — возразила она. — Фред сам все организовывал. Он бы почуял крысу, он бы знал, если что-то...

Она замолчала. Уорн взял ее за руки.

— Терри, — сказал он, — Фред Барксдейл и есть крыса.

— Нет, — снова повторила она.

— Это он. Агент Джона Доу. Он дал ему все необходимое, чтобы устроить диверсию в вашей системе. Больше ни у кого нет соответствующего доступа и прав. Никто другой не мог этого сделать.

С ужасающей ясностью Уорн увидел, как перед ним разворачивается вся картина случившегося. Несомненно, еще раньше люди Джона Доу по его поручению предпринимали попытки вторгнуться в компьютерную сеть Утопии извне, что дало Барксдейлу законный повод обратиться к услугам «Безопасности под

ключ». Вот только в парк, чтобы проверить ее защиту, явились не люди из БПК, а команда Джона Доу. Утопия, сама того не зная, не только позволила взломать ее систему, но и сама впустила к себе хакеров. Странные сбои, о которых утром упоминала Сара, катастрофа на «Ноттингхиллских гонках» — вероятно, побочные эффекты процесса вторжения, а возможно, хладнокровные полевые испытания, проведенные Джоном Доу. И даже теперь, когда доказательства были прямо перед ним, он боялся представить себе последствия столь сложного и столь разрушительного предательства.

«Нет, только не Барксдейл, он слишком много знает о...»

При этой мысли у него отчаянно заколотилось сердце.

Терри уставилась на него со странным выражением на лице, затем медленно отвела взгляд и молча покачала головой.

— Я знаю. Это ужасно, просто ужасно. Я понимаю не больше, чем вы. — Уорн сильнее сжал ее руки. — Но сейчас у нас нет времени на размышления.

Он повернулся к Пулу.

— Найдите Барксдейла. Доставьте его в службу безопасности, остановите его, прежде чем он совершит еще что-нибудь. — Он пошарил в кармане. — Вот мой пропуск. Он мне не нужен, у меня есть значок Сары.

Телохранитель не двигался с места.

— Найти Барксдейла. А что, если он станет упираться? Думаете, мне кто-то поверит?

— Вы же герой войны, что-нибудь придумаете. Скажите им то же самое, что только что сказал вам я.

Что-то проворчав, Пул взял карточку и сунул ее в карман пиджака. Когда он вынул руку, в ней оказался пистолет.

Уорн удивленно посмотрел на оружие, затем вспомнил хакера, который стрелял в них в Узле и выронил пистолет в последовавшей драке. Странно, что он успел об этом забыть.

— А как же вы? — спросил Пул, проверяя оружие и убирая его обратно в карман. — Мне все-таки хотелось бы получить пожизненный пропуск.

— Ничего со мной не случится. Встретимся в комплексе службы безопасности. Просто доставьте туда Барксдейла.

— Берегите себя.

Пул нырнул в коридор.

Уорн снова повернулся к Терри. Она молчала. Губы ее побелели.

— Понимаете, что это значит? Если тот диск пустой — его, видимо, туда подбросили. Настоящий диск у них. Они уже получили технологию Горнила. Почему Джон Доу просит Сару доставить ему еще один, причем лично? Ему нужна она. Зачем — не знаю. Но очевидно, что ей грозит опасность.

Не успел он договорить, как у него в мозгу промелькнула новая, более ужасная картина: Барксдейл утром предлагает Терри угостить Джорджию черри-колой. «Барксдейл знает про мою дочь. А Джон Доу?»

Терри пристально смотрела на него. Внезапно глаза ее расширились, словно у нее возник тот же самый мысленный вопрос.

Уорн развернулся кругом, сжимая и разжимая кулаки. Он не знал, что ему делать. Саре Боутрайт угрожала серьезная опасность. Сама того не зная, она шла прямо в руки Джону Доу. С другой стороны, под угрозой оказалась Джорджия. А может быть, и нет. Но если они искали его... если они уже убили кого-то, считая, что это он... и если Джон Доу узнал... Джорджия, единственная его дочь...

Он не мог добраться до них обеих — времени оставалось лишь на одну. Одной опасность грозила наверняка, другой — вполне могла грозить. Одну он любил, другую любил когда-то. Он закрыл лицо руками, не в силах разрешить жуткую, невообразимую дилемму.

Чья-то рука легла ему на плечо.

— Я пойду, — слышался голос Терри.

Он повернулся к ней.

— Я пойду, — спокойно и негромко повторила она. — Постерегу Джорджию.

Он опустил руки.

— Да?

Она кивнула.

На мгновение его охватило не сравнимое ни с чем облегчение, от которого едва не подкосились ноги.

— Вы ведь знаете, где она? Все еще в медицинском центре, в одной из палат. — Он на миг задумался. — Лучше заберите ее куда-нибудь, где вы обе могли бы укрыться. Если сможете, отведите ее в службу безопасности, но в любом случае — в какое-нибудь надежное место. Просто на всякий случай. Сможете?

Женщина снова кивнула.

— Спасибо, Терри. Спасибо. Спасибо.

Он обнял ее, на мгновение прижал к себе и тут же отпустил, направившись к двери. Терри смотрела ему вслед.

Секунду спустя он уже бежал по коридору в сторону открытой для публики части Утопии.

15 часов 55 минут

Центральная костюмерная занимала обширное пространство на уровне «В». Хотя здесь почти всегда толпился народ, особое оживление царило в костюмерной около четырех часов. Королевские герцоги и странствующие рыцари из Камелота, заканчивающие свою смену, сталкивались локтями с уличными торговцами в соломенных шляпах и полосатых костюмах, идущими в Дощатые Тротуары и на вечерние представления. Придворные дамы в вуалях и пышных платьях беседовали с межзвездными исследователями в космических скафандрах. Костюмеры, модистки, консультанты, портные и постановщики произношения сновали по коридорам, то и дело что-то поправляя или давая кому-то указания. Странная, шумная, сбивающая с толку смесь старого и нового, прошлого и будущего.

Между складом костюмов и гримерной втиснулся мужской туалет. Стоящий перед рядом раковин одинокий мужчина тщательно мыл руки, вычищая остатки похожего на глину вещества из-под ногтей. Покончив с этим, он вытащил из ближайшего дозатора бумажное полотенце, глядя в зеркало, откуда на него смотрели угрюмые миндалевидные глаза.

Открылась дверь, и вошла группа жонглеров в ярких трико, весело болтая и смеясь. Выбросив полотенце, мужчина вышел из туалета и направился мимо комнат для переодевания и склада реквизита Камелота — длинного ряда мечей, копий, кольчуг, щитов, знамен и нагрудников, блестящих в фосфоресцирующем свете, — к мужской раздевалке. Найдя свой шкафчик, он набрал код и открыл серую металлическую дверцу. Свою ротанговую трость, тщательно отмытую и отполированную до блеска, он уже вернул в стойку с пятьюдесятью такими же на складе реквизита Газового Света. Плащ с капюшоном и костюм он бросил в один из многочисленных люков для грязного белья, тянущихся вдоль стен центральной костюмерной. Заглянув в шкафчик, он посмотрел на блестящую переливающуюся форму пилота челнока в Каллисто, висящую на крючке рядом с синим комбинезоном.

Раздался короткий приглушенный шуршащий звук. Человек огляделся по сторонам и, убедившись, что никто за ним не наблюдает, достал из кармана рацию. Небрежно привалившись к

соседним шкафчикам и заслонившись открытой дверцей, он включил рацию и ввел код для дешифровки.

— Крутой слушает, — сказал он в микрофон.

— Крутой, говорит Главный Фактор, — слышался голос Джона Доу. — Никто тебя не видел?

— Никто.

— Как поработал в Газовом Свете?

— Все в норме.

— Отлично, — раздался сухой смешок. — Слушай внимательно. Планы слегка поменялись. После того как закончишь в Каллисто, тебе придется сделать еще одну остановку по пути на уровень «С». Помнишь нашего неуловимого друга Эндрю Уорна?

— Да.

— Как выяснилось, он взял с собой в парк свою дочь. Она сейчас в медицинском центре, судя по всему, после неприятностей в «Темноводье». Ее зовут Джорджия.

— Понял.

— Ты должен доставить ее в пункт сбора. Она может оказаться нам полезной.

— Понял.

— От Взломщика Джека все еще никаких вестей. У меня есть запасной передатчик, так что это не страшно. Но меня беспокоит, что этому Уорну постоянно удается от нас ускользнуть. Возможно, тебе удастся найти его вместе с дочерью — и тогда все станет намного проще. В любом случае, ты можешь оказаться не один.

Человек по прозвищу Крутой заглянул в шкафчик. Там лежал полетный ранец пилота, серебристо поблескивая в отраженном свете.

— Не проблема.

— Я так и думал. Но время не терпит. Мне еще нужно кое-что сделать, и тебе тоже. Готов зажечь свечку?

— Как раз переодеваюсь.

— На этот раз пусть поджарятся. — Он помолчал. — Хотел бы я это видеть.

Смешок Джона Доу смолк, и мужчина убрал рацию обратно в карман. Снова оглядевшись по сторонам, он снял с вешалки форму пилота и начал в нее облачаться.

16 часов 00 минут

Очередь, к счастью, оказалась на удивление короткой, и Кайл Кокран все еще ощущал в желудке холод последней «Сверхновой», когда исчез барьер, преграждающий путь к эскалатору. Собственно, это был даже не барьер, а некая разновидность голограммы, высокотехнологичная имитация толстых бархатных шнуров, которые можно встретить в фойе старых театров. Она коротко вспыхнула, подернувшись пурпурно-желтыми полосами, а затем будто испарилась в воздухе. Стоящий рядом служащий шагнул вперед, улыбаясь и жестом предлагая посетителю в начале очереди ступить на эскалатор. Слегка замешкавшись, Кайл почувствовал, как сзади его подтолкнул его друг, Том Уэлш.

— Давай, приятель, — рассмеялся он.

Даже эскалатор выглядел по-особому — поручни испускали приглушенное голубое неоновое свечение, движущиеся ступени были сделаны из какого-то полупрозрачного материала. Он двигался медленно, но плавно, и с него открывалась панорама лежащего внизу космопорта. Кайл видел ее уже в седьмой раз за день, но она никогда не надоедала — извивающиеся по освещенному полу очереди посетителей, лазеры и экзотические световые эффекты, отбрасывающие глубокие тени на массивную архитектуру, бескрайний купол звезд, простирающийся над головой. Единственным аттракционом, куда не стояла очередь, был «Побег с Темноводья», таинственным образом закрытый на техобслуживание в самое пиковое время.

Семь падений на «Станции „Омега“». Черт побери!

Наверху эскалатора еще один сотрудник направил посетителей в коридоре табличкой «Проход к транспорту». Том шел вместе с толпой, окидывая взглядом людей впереди. Вот и широко открытые двери в конце коридора, бледно мерцающие стены — транспорт к челноку. Так называемый транспорт к челноку. Билет в один конец, прямо вниз. Внутренность кабины была освещена бледно-красным сиянием, напомнив ему широко раскрытый рот. По его телу пробежала приятная дрожь.

В конце коридора ждала третья служащая.

— Время в пути до челнока занимает примерно пять минут, — сказала она, направляя посетителей в ожидающую кабину. — Пожалуйста, приготовьте ваши посадочные талоны. Челнок отчаливает через двадцать минут, так что прошу не задерживаться при выходе из транспорта.

Входя вместе с остальными в кабину, Кайл улыбнулся про себя. Ему нравилось чувствовать себя осведомленным, слушая весь этот тщательно отработанный обман — словно наблюдая за искусными отвлекающими маневрами опытного фокусника. Он посмотрел на других. Некоторые из них тоже понимающе улыбались.

Для ветеранов «Станции „Омега“» само падение составляло лишь часть забавы. Вторая ее половина заключалась в наблюдении за реакцией соседей по кабине. Несмотря на известность аттракциона — статьи в журналах, веб-сайты, посвященные интересным фактам о «Станции „Омега“», — всегда находилось несколько пассажиров, которые ничего не знали. Они действительно верили, что им предстоит путешествие на челноке, а этот огромный лифт — всего лишь транспорт, который должен их доставить к настоящему аттракциону. Кайл окинул наметанным взглядом шестьдесят с лишним посетителей, толпившихся вокруг, высматривая несведущих. Группа японских туристов; оживленно беседуют в стороне — возможно. Влюбленная парочка подростков в углу; больше увлечены друг другом, чем происходящим вокруг, — тоже может быть. Пара средних лет в рубашках и шляпах одинакового цвета; вслух интересуются, сколько времени займет полет на челноке, — наверняка. Кайл удовлетворенно кивнул. Когда все начнется, стоит понаблюдать за этими двоими.

В коридоре снаружи Кайл видел третью служащую, которая негромко и убедительно разговаривала с седовласой четой. Они были не столь уж стары — лет шестьдесят, может, чуть больше, — но их явно не хотели пускать. В Утопии предпочитали не рисковать. Кайл знал из посещенных им веб-сайтов, что служащие на «Станции „Омега“» были не просто помощниками на посадке — обладая соответствующей медицинской подготовкой, они также следили, чтобы на аттракцион не попал никто из тех, кому «свободное падение» могло бы причинить даже малейший вред. На его глазах оба неохотно ушли, держа в руках новенькие ваучеры в казино. Они вполне годились ему в родители, и отчасти он был рад, что они не попадут на аттракцион.

Он посмотрел на друга, толкнув его под ребра и кивнув на туристов в одинаковой одежде. Том взглянул на них и закатил глаза. «Да, — казалось, говорил весь его вид. — Жертвы».

Кайл улыбнулся. Вместе с нарастающим чувством ожидания он ощутил и другое, похожее на удовлетворение. Том вел себя так же, как и прежде. Возможно, это было лишь временное улучшение, но, может быть, он все-таки увидел некий свет в конце туннеля.

Транспортная кабина почти заполнилась, и люди перемещались туда-сюда, бессознательно создавая маленькие оазисы свободного места, как обычно бывает в вагонах метро и лифтах. Впрочем, несколько мгновений спустя это уже не будет иметь никакого значения — все станут кричать, цепляясь друг за друга, позабыв о личном пространстве на время ужасного падения в бездну.

Кайл снова рассеянно подумал о том, каким образом удастся сделать так, чтобы при падении все оставались на ногах. На подобных аттракционах в других парках пассажиров привязывали к сиденьям так туго, словно надевали на них смирительные рубашки. Но здесь сиденья и ремни немедленно разоблачили бы любой элемент неожиданности. Он знал про одного аспиранта из Университета Санта-Барбары, у которого на этот счет имелась своя теория, что-то про использование сжатого воздуха. Кайл отметил про себя, что на этот раз стоит присмотреться внимательнее. Но это было не так-то просто — падение оказывалось столь внезапным, кратким и резким, что все заканчивалось практически еще до того, как ты успевал набрать в грудь воздуха, чтобы закричать. К тому же...

Его размышления прервало шипение — закрылись двери, отрезав заполненную людьми транспортную кабину от коридора за ней. Снаружи послышался громкий звон, затем в невидимых внутренних динамиках раздался голос: «Транспорт отправляется к причалу для челноков. В момент покидания воздушного шлюза может ощущаться легкая вибрация».

«Вибрация, — подумал Кайл. — Ну да, конечно».

Именно это мгновение нравилось ему больше всего — последние несколько секунд перед тем, как пол уйдет из-под ног. Он почувствовал, что весь дрожит от предвкушения. Поймав взгляд Тома, он показал ему большой палец, затем посмотрел на лица вокруг — одни заговорщически улыбались, другие откровенно скучали,

пребывая в блаженном неведении, — и наконец остановился на паре в одинаковых шляпах.

Снаружи кабины слышалось гудение, будто включился двигатель. Оно становилось все громче, возникло ощущение плавного спуска.

Затем последовал внезапный толчок.

— Черт! — невольно пробормотал кто-то.

Неожиданно движение прекратилось. Кабину снова тряхнуло, на этот раз сильнее, и свет коротко мигнул. Кайл наблюдал, как двое в похожей одежде обменялись слегка удивленными взглядами. Настоящий страх придет позже.

Звук двигателя перешел в вой и неожиданно оборвался. Во внезапно наступившей тишине слышались металлический стук и скрежет, потом более громкий треск, за которым последовал еще один толчок. А затем вдруг погас свет.

На мгновение наступила кромешная тьма, но почти сразу загорелся ряд кроваво-красных аварийных лампочек у самого пола. Кайлу особенно нравилась эта деталь — свет шел снизу, а не сверху, отбрасывая гротескные тени на лица пассажиров.

«Внимание, — раздался голос в динамиках. — У нас проблемы с главным двигателем. Движение возобновится в ближайшее время. Просьба сохранять спокойствие».

«Ну давайте, начинайте беспокоиться», — подумал Кайл, снова бросая взгляд на пару. Глаза их были широко раскрыты, лица напряжены.

Снаружи снова раздался оглушительный треск, а за ним — шипение искр. А потом, словно по сигналу, пошел дым.

Кайл напрягся. Вот оно — падение.

Он ждал — отчасти с нетерпением, отчасти с тревогой — того неопишуемого мгновения, когда вдруг понимаешь, что под ногами больше нет пола и ты несешься вниз, в бездну. Он вздохнул раз, потом другой.

И тут произошло нечто странное. Красные аварийные лампочки погасли.

Кайл продолжал ждать, прислушиваясь к шипению и треску за стенами кабины и чувствуя, как его слегка толкают шевелящиеся в полной темноте человеческие тела. Кажется, аварийное освещение не гасло раньше — во всяком случае, не полностью. Неужели он этого прежде не замечал от волнения?

Вокруг него стояли посетители — кто-то в ожидании падения, кто-то в полном недоумении. Такой долгой паузы он тоже не помнил. Возможно, он просто уже привык к этому аттракциону.

Но было и кое-что еще. Повсюду в Утопии было прохладно, почти холодно — как внутри аттракционов, так и на бульварах и в вестибюлях. Это воспринималось как само собой разумеющееся. Но внутри кабины, похоже, становилось жарко, и температура росла.

Вокруг слышались негромкие встревоженные голоса.

— Что случилось? — удивился кто-то.

— Когда мы двинемся дальше? — жалобно проговорил другой.

— Мы уже летим к челноку? — спросил третий.

Кайл потянул за воротник, оттягивая рубашку на груди. Плащ на плечах казался удушающе тяжелым. Господи, ну и жара же тут.

Его снова толкнули, на этот раз сильнее, и он выставил вперед руку, чтобы удержать равновесие. Рука скользнула по мужскому лицу, потному и небритому, и он тут же ее отдернул. «Что-то, похоже, сломалось, — со смесью досады и тревоги подумал он. — Думаешь, что раз потратил столько денег, чтобы сюда попасть, то ничего с тобой не случится?»

В темноте кто-то тихо заплакал.

Ропот начал нарастать, и в нем теперь безошибочно ощущались нотки страха. Кайл огляделся вокруг, всматриваясь во мрак широко раскрытыми глазами, но он оставался непроницаемым, без единого огонька — незнакомый, внушающий первобытный ужас. Он лишь однажды оказывался в полной темноте, во время похода в пещеры с друзьями-студентами. Желая пошутить, их руководитель велел всем выключить лампы на шлемах, когда они добрались до дна пещеры. Но это длилось всего мгновение. У всех были фонари. И они могли оттуда выбраться.

«И зачем нам понадобился седьмой раз? — спрашивал он сам

себя, по мере того как вокруг него нарастало беспокойство и голоса звучали все возбужденнее. — Могли бы остановиться на шести». Похоже, ничем хорошим это не кончится.

Абсолютная темнота внушала непреодолимый ужас. Он чувствовал себя беззащитным, беспомощным, сбитым толку — внутри огромного ящика, весь потный, висая над бездной, которая...

С некоторым усилием Кайл взял себя в руки. Не исключено, что все это сделано специально. Вероятно, они отслеживают фанатские сайты в сети и видят, что посетители чересчур успокоились, аттракционы им слишком приелись. Возможно, они что-то поменяли, чтобы гостям снова пришлось гадать, что будет дальше, хотели внести разнообразие. Вполне в их стиле.

Даже если это действительно какая-то поломка, рассуждал он, беспокоиться не о чем. Наверняка. В парке множество инженеров и механиков. Еще несколько секунд, и они перейдут в свободное падение. Обязательно. И ему уж точно будет о чем рассказать в общезнании...

Словно в ответ на его мысли, кабину снова тряхнуло. Послышался возбужденный ропот шестидесяти с лишним человек, пытавшихся удержаться на ногах в темноте. «Поехали», — подумал Кайл, ощутив нахлынувшую на него волну облегчения.

Но они не двинулись с места. И, стоя в душной, давящей темноте, Кайл понял, что действительно случилось нечто ужасное. В тесном пространстве становилось все жарче. Он чувствовал, как на них продолжает опускаться дым, но совсем не похожий на тот искусственный туман, что окутывал их в прошлые разы. Тот был прохладный, влажный, без запаха, даже освежающий. Этот же был горячим, почти обжигающим.

— Задыхаюсь! — крикнул кто-то.

Кайла сильно толкнули справа.

Он попытался вздохнуть, но воздух обжег ему легкие. В отчаянии он развернулся кругом.

— Выпустите нас отсюда! — крикнул другой.

— Мы в ловушке! Помогите, помогите!

Казалось, неожиданно рухнула плотина. Одним судорожным

движением к дверям, закрывшимся за ними всего несколько минут назад, устремились десятки охваченных паникой людей. Они кричали, умоляли, колотили по неподдающимся стенам. Кайл почувствовал, что толпа швыряет его в разные стороны. Он пошатнулся, теряя опору.

Он отчаянно пытался удержаться, хватаясь за чьи-то руки и ноги. Даже в столь критической ситуации некий внутренний голос подсказывал ему, что если он упадет, то его тут же безжалостно растопчут. Обжигающий воздух наполнился воплями, проклятиями, хриплыми криками. В динамиках теперь раздавался другой, мужской голос, но он казался невероятно далеким и слабым на фоне безумия вокруг.

Кто-то с воплем набросился на него. Кайл почувствовал, как чьи-то руки хватают его за волосы, ногти впиваются в лицо. Он упал на спину, ударившись о скользкие тела, и, несмотря на отчаянные усилия, почувствовал, что сползает вниз, в самую гущу ботинок, туфель и сандалий. Пол походил на раскаленную сковородку, и он перевернулся, пытаясь подняться на колени, но ему не хватало сил бороться с тяжестью навалившихся на него людей. Он слышал жуткий хруст костей тех, кто пытался пробиться к закрытым дверям. Что-то тяжелое ударило его в лицо — раз, другой, — и неожиданно вся паника, замешательство, даже обжигающая жара куда-то исчезли. Словно в тумане, он подумал о том, что случилось с Томом. А затем поток тел обрушился на него, давя своим весом, и последними проблесками сознания он ощутил, что падает, падает, будто осенний лист, чтобы обрести покой на земле.

16 часов 00 минут

Энгус Пул сидел на столе в большом кабинете отдела информационных технологий, скрестив на груди руки и фальшиво насвистывая веселую мелодию. Его окружали по крайней мере три десятка других столов, большинство из которых были заняты. На каждом стояла клавиатура и жидкокристаллический монитор, установленный в точности под одним и тем же углом. Несмотря на размеры помещения, в нем было тихо, и насвистывание Пула отчетливо слышалось на фоне тихих разговоров, стука клавиш и звяканья телефонов.

В дальнем конце помещения находилась зеленая дверь без окон с предупреждающей надписью над ней, отчетливо видной даже с того места, где сидел Пул: «Вход только для персонала. Доступ с использованием сканера сетчатки и ладони». За этой дверью располагались мощные компьютеры, мозг Утопии — средоточие кремния и меди, управляющее аттракционами, роботами, пиротехническими эффектами, голографическими изображениями, живыми представлениями, видеокамерами, работой казино, распределением электричества, обработкой мусора, противопожарной защитой, монорельсом, подачей холодной и горячей воды и прочими бесчисленными системами, необходимыми для жизнедеятельности парка. Казалось неуместным, что подобный мир чудес прячется за столь бесцветным фасадом, как этот кабинет.

Из-за соседнего стола поднялась женщина и направилась в сторону Пула. Он окинул ее взглядом — лет двадцати пяти, стройного телосложения, пять футов шесть дюймов, сто десять фунтов, зеленые глаза под окрашенными контактными линзами — и продолжал насвистывать свою мелодию.

Женщина подошла ближе, разглядывая пропуск Уорна, прикрепленный к его пиджаку. Она явно не привыкла видеть приглашенных специалистов в святая святых системы.

— Могу ли я чем-то вам помочь, сэр? — спросила она.

Пул покачал головой и улыбнулся.

— Нет, спасибо, — ответил он. — Мне уже помогли.

Он снова начал насвистывать.

Женщина посмотрела на него, затем кивнула и, бросив на него еще один взгляд, вернулась за свой стол.

Пул посмотрел ей вслед, затем на часы. Ровно четыре. Он перестал свистеть и начал мурлыкать себе под нос, быстро размышляя.

Вся операция выглядела крайне не изящно и заняла больше времени, чем следовало. Впрочем, учитывая обстоятельства, с этим приходилось мириться.

План Уорна, который, с точки зрения Пула, и названия такого не заслуживал, содержал множество досадных пробелов. Для начала, доводы против Фреда Барксдейла казались ему ни на чем не основанными и трудно доказуемыми. К тому же Пул понятия не имел, где его искать или даже как он выглядит. К счастью, в Утопии имелся внутренний телефонный справочник. И точно так же к счастью, на звонок телохранителя, сделанный из пустого кабинета в конце соседнего коридора, ответили с первого раза. Взгляд Пула упал на маленький черный дипломат, рядом со свободным столом в десяти ярдах от него. Оглядевшись вокруг, Пул соскользнул со своего места, как бы мимоходом подошел к столу и схватил чемоданчик. Вполне сгодится в качестве реквизита.

Краем глаза он заметил, что к нему кто-то быстро приближается. Повернувшись, Пул увидел высокого худощавого человека с голубыми глазами и густой копной светлых волос, идущего между столами. Он пришел со стороны зеленой двери. Хотя его хорошо скроенный костюм выглядел безупречно, так же как и безукоризненно завязанный галстук, на взгляд Пула, у него был вид успешного работника, застигнутого посреди неожиданно оказавшегося крайне напряженным дня.

Пул протянул руку.

— Мистер Барксдейл?

Блондин машинально пожал ее. Рукопожатие его оказалось сухим и очень коротким.

— Да.

Пул узнал тот же самый британский акцент, который слышал по телефону.

— Прошу прощения, но я очень занят. Чем могу...

Барксдейл неожиданно замолчал, заметив прикрепленный к пиджаку Пула пропуск, и нахмурился.

— Погодите, по телефону вы...

— Прошу прощения, — прервал его телохранитель. — Но не будете ли вы против, если мы поговорим не здесь?

Учтиво взяв мужчину под локоть, он повел его к выходу — не слишком настойчиво, но и не давая сопротивляться. Главным сейчас было увести Барксдейла с его территории на нейтральную.

Держа в другой руке похищенный чемоданчик, Пул вывел англичанина из отдела информационных технологий в широкий коридор уровня «В». Барксдейл позволял вести себя за собой, с трудом скрывая раздражение, но не говоря ни слова. Он был крупной шишкой в Утопии; Пул понимал, что в обычных обстоятельствах он наверняка бы поднял шум из-за его ничем не обоснованного вмешательства. Но если Уорн прав и Барксдейл действительно в чем-то замешан, он не стал бы рисковать непредвиденной задержкой на данном этапе плана. Не являясь профессионалом в подобных делах, он наверняка беспокоился бы, в глубине души опасаясь неожиданных осложнений. Ему ничего не оставалось, кроме как пойти с Пулом. И он действительно с ним шел. Скептическое отношение Пула к происходящему начало меняться в лучшую сторону.

Несколькими минутами ранее, обследуя окрестности, Пул заметил пустую комнату отдыха, в сотне ярдов дальше по коридору. Заведя в нее Барксдейла, он с улыбкой показал на диван у выкрашенной в голубой цвет стены.

Барксдейл высвободил руку.

— Послушайте, я, похоже, чего-то не понимаю. По телефону вы говорили, что вы один из инженеров-механиков Камелота.

Собеседник кивнул.

— Вы сказали, что возникла проблема с регуляторами на одном из аттракционов. Якобы взлом системы. Подозрение на саботаж. И вы не хотели говорить ни с кем, кроме меня.

Пул снова кивнул. Именно в том заключалась приманка — заставить Барксдейла клюнуть на то, чего он не осмелится проигнорировать.

Глава системного отдела показал на пропуск.

— Но вы — приглашенный специалист, а вовсе не сотрудник Утопии. Так в чем, собственно, дело?

Пул наклонил голову.

— Конечно, вы правы. Я не сотрудник Утопии. Прошу прощения за телефонный звонок, но до вас крайне тяжело добраться. Я просто не смог пробиться к вам по обычным каналам.

Голубые глаза Барксдейла сузились. Телохранитель прочитал в них смесь чувств — раздражение, неуверенность, тревогу.

— Кто вы? — спросил Барксдейл.

Пул обезоруживающе улыбнулся.

— Я торговый консультант сторонней фирмы. Видите ли, мой босс сказал, что я должен с вами встретиться во что бы то ни стало.

— Вы... так вы всего лишь коммивояжер, черт бы вас побрал?

Собеседник снова улыбнулся и кивнул.

Смешанные чувства на лице Барксдейла сменились неприкрытым негодованием.

— Как вы сюда попали?

— Какая, собственно, разница? Главное — я здесь, и я хочу вам помочь. — Пул похлопал по дипломату. — Будьте любезны, присядьте на минутку, и я коротко продемонстрирую вам нашу...

— Не собираюсь, — ответил начальник системного отдела. — Собственно, я намерен вызвать охрану.

Он повернулся.

— Будьте любезны, присядьте на минутку, — повторил Пул.

В то же мгновение он схватил Барксдейла за плечо и толкнул на ближайший диван.

Лицо Барксдейла побагровело, но он остался сидеть.

— Спасибо. Обещаю, это займет всего минуту. — Пул повернул дипломат, делая вид, будто собирается его открыть. — Будучи главой системного отдела этого прекрасного парка, вы должны понимать опасность, так сказать, проникновения извне.

Барксдейл молчал, глядя на него.

— Чем более автоматизированной, чем более компьютеризированной становится наша инфраструктура, тем в большей степени мы подвержены атаке, — продолжал Пул в монотонном ритме заранее заученного текста. — Печальная особенность нынешних времен. И компьютерная защита стала необходимой составляющей любого бизнеса. Кое-кому извне крайне хотелось бы проникнуть в ваши системы, мистер Барксдейл. И именно тут мы можем прийти вам на помощь.

Краска отлила от лица англичанина — столь же быстро, как и появилась.

— Фирма, которую я представляю, может диагностировать ваши сети, проверить их на уязвимость, предоставить средства противодействия. И сегодня, только сегодня, мы предлагаем специальную цену. Могу я включить вас в число наших клиентов?

Пул полез в карман за ручкой.

— На какую фирму, высказали, работаете? — Голос Барксдейла походил на-шелест старого пергамента.

— О, простите, разве я не сказал? «Безопасность под ключ».

Взгляд Барксдейла стал похож на взгляд загнанного зверя. Он быстро посмотрел налево, потом направо.

Все сомнения Пула окончательно рассеялись. Он поднес пропуск к глазам Барксдейла, давая возможность прочитать напечатанные вдоль края имя и фамилию Эндрю Уорна.

— Попался, — весело сказал Пул.

Барксдейл вскочил на ноги и бросился прочь из комнаты отдыха.

— Мистер Барксдейл! — повелительным тоном произнес телохранитель.

Что-то в его голосе заставило англичанина остановиться. Он медленно повернулся. Пул опустил два пальца в карман пиджака и показал рукоятку пистолета хакера.

— Будет намного лучше, если мы поступим по-моему, мистер Барксдейл, — сказал он.

Ободряюще улыбнувшись, он разжал пальцы, и пистолет

скользнул на место, скрывшись из виду.

16 часов 00 минут

Тереза Бонифацио шла по широкому коридору, опустив руки и глядя прямо перед собой. Было четыре часа, и после смены Подземелье заполнилось персоналом. Ее не раз приветствовали взмахом руки, кивком, улыбкой. Женщина никак не реагировала, погруженная в размышления.

День, начавшийся совершенно обычно, превратился в сон наяву. Вернее, в кошмар наяву.

И подумать только, что все началось с приятного сюрприза — приезда доктора Уорна на неделю раньше. День за днем, наблюдая за постепенным самосовершенствованием метасети и находящихся на ее попечении роботов, передавая эту информацию Уорну в бесчисленных телефонных разговорах, она начала все больше интересоваться ее создателем — тем, кто разделял ее восторг перед искусственным интеллектом, кто внес фундаментальный вклад в эту область. Уорн был остроумным, знающим человеком, со своеобразным чувством юмора, и у него многому стоило научиться. Когда до нее дошли слухи о его разрыве с Сарой Боутрайт, у нее даже возникла мечта о дальнейшей совместной работе. Ученый представлялся ей неспровергающим авторитетом гением, а она сама — техническим специалистом, мастером своего дела, способным дополнить и реализовать его идеи, воплощая их в жизнь. Рука об руку.

Но дальнейшие сюрпризы оказались куда менее приятными.

Обнаружившееся предательство Барксдейла полностью ее ошеломило. Даже сейчас она с трудом могла в это поверить. А если это некая ужасная ошибка? Не мог ли Уорн допустить непростительный промах в своих выводах?

Двустворчатые двери медицинского центра были закрыты, за матовыми стеклами горел яркий свет. Терри замедлила шаг.

Даже сейчас... И что — сейчас? Какова бы ни оказалась правда о Барксдейле, она видела схватку в Узле, полный оружия вещмешок. А теперь она направлялась в медицинский центр, вызвавшись добровольцем на бой. «Конечно. Помочь спасти ребенка от армии наемников. Отличный поступок, Терри».

Однако она тут же отбросила подобные мысли. Один шанс из тысячи, что кто-то придет за четырнадцатилетней девочкой. Даже если они знают о ее существовании, что маловероятно, у них хватит дел и без того. Нужно просто убедиться, что все в порядке. Ради Эндрю.

Глубоко вздохнув, она толкнула дверь.

Терри посещала медицинский центр всего несколько раз — чтобы сделать прививку от гриппа или когда уронила электродвигатель себе на ногу, — и всегда там было почти пусто. Центр имел форму квадрата, и два его широких главных коридора, пересекаясь, образовывали гигантский крест. Она слишком хорошо представляла, что ее встретит — полдюжины стоящих без дела медсестер немедленно спросят, что ей нужно. Но, войдя в двери, она увидела нечто совсем другое. У поста впереди слева, находящегося у пересечения двух длинных коридоров, стояла единственная сестра, прижимая к обоим плечам телефонные трубки, и что-то быстро записывала. Остальные сотрудники бежали во всех направлениях, толкая перед собой каталки или неся медицинское оборудование.

Женщина подошла к посту медсестер, с любопытством оглядываясь вокруг. К ней приближалась группа врачей, которые о чем-то быстро переговаривались. Когда они проходили мимо, Терри прислушалась. Похоже, на одном из аттракционов в Каллисто только что произошел несчастный случай. Сообщалось о многочисленных пострадавших, и ожоговое отделение было приведено в полную готовность.

Тереза почувствовала, как по спине у нее пробежал холодок. «Неужели опять...»

Она заметила двоих охранников, которые стояли у пересечения коридоров, напротив поста медсестер, и негромко разговаривали.

Терри снова замедлила шаг. У нее имелось две возможности. Первый способ — честный и непосредственный. Подойти к медсестре или к одному из охранников и сказать: «Привет, я Терри Бонифацио из отдела информационных технологий. У вас тут есть пострадавшая, Джорджия Уорн? Ну так вот, мы не уверены, что ей здесь ничто не угрожает, и ее отец хочет, чтобы я спрятала ее где-нибудь в другом месте, так что...»

Терри отбросила этот вариант, даже не рассматривая. Придется

попытаться по-другому.

Пройдя несколько шагов, она небрежно протянула руку и взяла папку, лежавшую в дальнем конце поста медсестер. Ее белый лабораторный халат вполне мог сойти за медицинский. Застегнув его до самой шеи и держа папку на виду, она прошла вдоль поста к пересечению коридоров. Впереди располагались операционная и отделение интенсивной терапии, справа — смотровые и лаборатории. Слева находились послеоперационные палаты и вспомогательные помещения. А вдоль стен поперечного коридора тянулись палаты для пациентов, с отдернутыми занавесками, за которыми виднелись койки и стулья. В некоторых из них санитары меняли белье, разглаживали простыни, словно ожидалось поступление большого количества пострадавших. Возможно, так оно и было.

Она быстро размышляла, не обращая внимания на отчаянно бьющееся сердце. Уорн говорил, что Джорджия почти не пострадала, но благодаря снотворному должна проспать еще какое-то время. Она наверняка лежит в одной из этих палат. Терри окинула взглядом коридор, подходя к перекрестку, но все помещения были пусты, занавески отдернуты...

...кроме нескольких в поперечном коридоре слева.

Тереза прошла мимо охранников и свернула, глядя в папку и стараясь идти как можно более непринужденно. Охранники бросили на нее взгляд, но разговора не прекратили.

Она направилась к закрытым палатам. Их было три, вдоль правой стены. Голубые занавески оказались задернуты, скрывая из виду койки. Подойдя ближе, она вдруг с ужасом поняла, что входы хорошо видны как со стороны охранников, так и поста медсестер. «К черту, — подумала она, чувствуя себя открытой всем взглядам, — у меня ничего не выйдет».

Усилием воли заставив себя шагнуть вперед, она подошла к пустой койке, ближайшей к трем закрытым палатам. Повернувшись спиной к задернутой шторе, она положила папку на койку и, сделав вид, будто проверяет аппарат кровяного давления в ее изголовье, украдкой посмотрела в сторону перекрестка. Никто за ней не наблюдал, и она скользнула за занавеску.

Терри повернулась и судорожно вздохнула.

В палате лежал старик, накрытый до подбородка одеялом, с

бессмысленными слезящимися глазами. Покрытые пятнами трясущиеся руки сжимали край простыни. Возле него монотонно попискивал монитор. Она обошла койку со стороны ног, стараясь не задеть шторку или каким-то иным способом выдать свое присутствие.

Отойдя от койки, она остановилась и снова глубоко вздохнула. Затем, отвернувшись от пациента и держась ближе к стене, она отодвинула занавеску, отделявшую палату от соседней.

Пусто — свежезаправленная койка, темные экраны приборов. «Сумасбродная затея, — подумала Терри. — Она может быть где угодно».

Оставалась еще одна палата. А затем она отправится прямо в службу безопасности. Никто, даже Эндрю, не сможет сказать, что она не пыталась. «Кроме того, — подумала она, обходя пустую койку и осторожно отодвигая занавеску, — Джорджия, вероятно, здесь в большей безопасности, чем где-либо еще. Скорее всего». В очередной раз глубоко вздохнув, она проскользнула в третью палату.

Девочка все так же мирно спала, разбросав каштановые волосы по подушке. Несколько мгновений Терри стояла, забыв обо всем и глядя на дочь Уорна. В ее лице она отчетливо видела черты его самого — высокий лоб, глубоко посаженные глаза, слегка припухлые губы.

Она снова заставила себя думать. Эндрю просил ли возможно, забрать Джорджию в службу безопасности. И даже если это не удастся, существует множество других мест, где ее не станут искать, мест, которые вряд ли привлекут нежелательное внимание: десятки безобидно выглядящих кабинетов, лабораторий, служебных помещений — все в радиусе двух минут ходьбы. В дальнем конце коридора располагался аварийный выход, по которому можно попасть из медицинского центра в служебный коридор. Найти укрытие очень просто.

Но вынести девочку отсюда незамеченной намного сложнее.

Терри отошла от койки, оглядывая палату. «Глупо, — подумала она. — Что я собираюсь делать — вынести ее на плече под носом у охранников?» Проще сидеть здесь и ждать, пока Джорджия проснется. Что, собственно, может случиться?

Она повернулась, глядя на спящую девочку и на свежую

царапину на ее щеке. Что-то в ней напомнило Терри ее саму. Дело было не в физическом сходстве — она знала, что не столь красива, и ей не хватало природного изящества Джорджии, столь редко встречающегося в четырнадцатилетнем возрасте. Дело было в ее поведении, в ее способе общения. В ее годы, вспомнила Терри, она была тихой и замкнутой. Когда она только что переехала в Штаты, она была способной филиппинкой, самого маленького роста в классе. Взрослые могли казаться ей глупыми, но она предпочитала их одноклассникам, которые постоянно издевались над ней. Четырнадцать — сложный возраст.

Глядя на девочку, Терри почувствовала, как у нее прибавляются силы. Шанс, что Джорджии грозит хоть какая-то опасность, мог составлять один на миллион, но это не имело значения. Она должна сохранить девочку целой и невредимой. И она сделает это ради Джорджии — и ради ее отца.

Быстро пройдя к ногам койки, Терри раздвинула занавески и взглянула в конец коридора, надеясь найти там каталку, тележку — что угодно, на чем можно было бы увезти спящую девочку. Но она ничего не увидела, и внутри у нее словно все оборвалось.

И тут взгляд ее упал на квадрат из блестящего металла — складное кресло на колесах, прислоненное к соседней стене.

Осторожно отдернув штору, она выбралась из палаты, следя за тем, чтобы занавеска отгораживала ее от перекрестка. Слышались чьи-то голоса, быстрые шаги, но, к счастью, коридор оставался пуст. Схватив коляску, она так же бесшумно затащила ее внутрь, плотно задернув занавеску за собой, и опустила рукоятки вниз, зафиксировав кресло в сидячем положении.

Тяжело дыша, она повернулась к койке. Приходилось действовать быстро, не давая себе времени на размышления о том, сколь безумным может показаться ее поступок.

Подкатив кресло к койке, она откинула с Джорджии простыню и как можно осторожнее подняла ее с матраса.

— Господи, детка, — проворчала она. — Ты такая же тяжелая, как и я.

С некоторым усилием Терри усадила ее в кресло. Джорджия вздохнула и что-то пробормотала. Схватив подушку, она подложила ее под спину девочке, затем прикрыла ее больничным одеялом.

«Все хорошо, — подумала она. — Все обязательно получится».

Обойдя вокруг койки, она слегка раздвинула занавески и посмотрела в сторону пересечения коридоров и поста медсестер. Активность уменьшилась, но двое охранников стояли там же, все еще о чем-то разговаривая.

В ее сторону никто не смотрел. Ей требовалось всего полминуты, чтобы выкатить Джорджию из палаты в дальний конец коридора и выбраться через аварийный выход. Вряд ли охранники что-то заметят. Если держаться ближе к правой стене, задернутая штора палаты Джорджии частично закроет обзор. И даже если охранники посмотрят в ее сторону, она, скорее всего, не привлечет внимания — всего лишь еще одна медсестра с креслом-каталкой.

«Ну давай же, Терри. Вперед».

Крепко схватившись за рукоятки кресла, она отдернула дальнюю занавеску и уверенно выкатила Джорджию в коридор. Колеса скрипнули, и Тереза прикусила губу, напомнив себе, что минуту спустя она будет уже за дверью.

И все же времени требовалось больше, чем она предполагала. Толкать кресло было довольно тяжело, и аварийный выход словно отдалялся от нее, будто дразня. Стиснув зубы, она попыталась ускорить шаг.

И тут позади нее послышался громкий голос.

Возле поста медсестер что-то происходило. Неужели прибыли первые пострадавшие? Терри не осмеливалась оглянуться, чувствуя себя полностью обнаженной и уязвимой. Вероятно, она уже прошла полпути до выхода — слишком далеко, чтобы возвращаться в палату. Но она не решалась двигаться дальше, не зная, что происходит за ее спиной и не наблюдают ли за ней. «Осталось немного». Чувствуя, как сдают нервы, она быстро окинула взглядом коридор.

Справа она заметила дверь с табличкой: «Кладовая для белья».

Нет, только не это.

Но других дверей поблизости не было. Можно было спрятаться за ней, пока все не успокоится, а затем снова выбраться в коридор и покатить кресло дальше к выходу.

К ней вернулись давние страхи, не до конца подавленные фобии.

«Нет. Только не кладовая».

Там наверняка тесно и темно. Намного проще идти дальше, надеясь, что никто не заметит. Но кладовая...

Сзади послышались новые, еще более громкие голоса.

Пытаясь подавить нарастающую панику, Терри направила кресло к двери бельевой. Трясущимися руками она открыла дверь и вкатила кресло внутрь.

Внутри горела единственная лампочка. Женщина огляделась, тяжело дыша. Помещение оказалось, к счастью, довольно просторным, но темным, очень темным. Зеленые комбинезоны, белые халаты и больничные пижамы всевозможных размеров висели на перекладинах или лежали в бесчисленных деревянных ящиках. В дальней части комнаты тянулась от стены к стене огромная труба из металла и пластика, от которой, словно вены, отходили трубы меньшего размера. В основную трубу были вделаны два больших люка на засовах с медными рукоятками — система подачи белья, проходящая по всем подземным частям Утопии. В течение всего дня — но в основном в конце каждой из двух главных смен — костюмы, униформы, полотенца, салфетки, скатерти и простыни доставлялись сжатым воздухом из сотен люков в центральную прачечную на уровне «С». Тереза слышала едва заметное глухое гудение, отдававшееся внутри гигантской трубы.

Она несколько раз глубоко вздохнула. Темные стены, казалось, сдавливали ее со всех сторон. С трудом подавляя панику, Терри склонилась над креслом, поправив одеяло и подушку, затем подошла к двери, слегка приоткрыла ее и выглянула наружу.

У поста медсестер стоял крепко сложенный мужчина среднего роста, в разрезе глаз которого даже с этого расстояния ей почудилось нечто экзотическое. На нем был темный комбинезон, и, разговаривая с дежурной сестрой, он не спеша, без особого интереса оглядывался по сторонам. Терри показалось, что взгляд его упал на дверь бельевой, и она попятилась, но тут же снова наклонилась вперед, прислушиваясь к его словам.

— Я хотел бы повидать пациента, — говорил незнакомец.

Акцент его казался столь же экзотическим, как и его глаза.

— Имя? — спросила медсестра, глядя на компьютерный

терминал за стойкой.

— Джорджия Уорн.

Терри крепче стиснула рукоятку кресла.

— А кто вы ей? — спросила девушка, не отводя взгляда от терминала.

— Я мистер Уорн, ее отец.

— Да, конечно. — Сестра справилась со списком. — Она в... нет, похоже, ее перевели. Палата тридцать четыре, дальше по коридору налево, крайний ряд задернутых занавесок, мистер Уорн.

«Доктор Уорн! — хотелось крикнуть Терри. — Доктор, не мистер!» Но сестра уже ушла, направляясь в противоположную сторону, а незнакомец обогнул стойку и двинулся по коридору. Когда он подошел ближе, она увидела сквозь щель в двери, что он держит в руках объемистый мешок, отливающий серебром в фосфоресцирующем свете.

Здравый смысл подсказывал ей, что нужно спрятаться. Но женщина вдруг обнаружила, что не в силах отойти от двери и вертикальной светящейся щели в ней, скрывшись в темной и затхлой кладовой для белья.

«Иисус, Мария и Иосиф, защитите меня от всякого зла. Иисус, Мария и Иосиф, защитите меня от всякого зла...» Терри не молилась со времен монастырской школы. Но вдруг она обнаружила, что шепчет когда-то знакомые и утешающие слова: «Верую в Господа нашего, Отца всемогущего, создателя неба и земли...»

Позади нее пошевелилась в кресле Джорджия. Мужчина приблизился к двери.

«Господи, прости меня за то, что прогневала Тебя, и презираю все грехи мои, ибо страшусь утраты рая и страданий ада, но больше всего того потому, что прогневала Тебя...»

Незнакомец подошел еще ближе.

16 часов 00 минут

Вокруг «Зала фантастических иллюзий профессора Крипплвуда» газовые фонари отбрасывали мерцающий свет на мокрые булыжники. Посетители разошлись, держа в руках билеты, гарантирующие вход ровно в половине пятого. Перед кирпичным фасадом натянули толстый красный канат с парчой и кисточками. Зеркальный зал стал недоступен на ближайшие полчаса.

На глубине в двенадцать футов, в низких помещениях отдела обработки изображений, Сара Боутрайт потеряла замерзшие руки. Как ни странно, здесь было даже холоднее, чем в ее кабинете. Она окинула взглядом множество огромных дисплеев и приборов, каждый с красной табличкой: «Звукооптический модуляционный массив № 10», «Процессор совмещения потоков», «Периферийный кодер А». Небольшое царство специального программного обеспечения, необходимое для бесперебойной работы голографического зеркального зала над ним. Обычно через аттракцион каждые полчаса проходило по пятьсот человек. Но сейчас он был пуст, и ей предстояло стать единственной его посетительницей.

Нет, не совсем так. Там появится и Джон Доу.

Она повернулась к Бобу Аллокко. Коренастая фигура начальника службы безопасности занимала узкое пространство между двумя модуляторами высокого разрешения. Позади него стояли Род Алленби, главный менеджер Газового Света, и Кармен Флорес, заведующая Зеркальным залом. Оба были явно встревожены.

— Думаете, он уже внутри? — спросила Сара.

Аллокко пожал плечами.

— Камеры не работают, так что узнать это невозможно. Он хитрый мерзавец. Внутрь ведут как минимум четыре служебных входа, а также есть доступ на уровень «А» и в сам парк. — Он искоса взглянул на директора. — Вы особо потребовали не выставять охрану. Ни в зале, ни вне его.

— Помните, что случилось в прошлый раз. Теперь мы поступим так, как хочет он. Я отдам ему диск, без всяких трюков. А потом он уйдет, а мы начнем зализывать раны.

— Зализывать раны. Хорошо сказано.

— Послушайте, Боб. Сейчас банк у Джона Доу. И нам осталось играть по его правилам всего несколько минут.

Сара вновь мысленно услышала печальный, обреченный голос Чака Эмори: «Мы не можем ждать более получаса. Если к тому времени ситуация в парке не восстановится, мы вызываем ФБР».

— Возможно, Джон Доу и ведет игру, но это не значит, что все карты у него на руках. — Аллокко достал что-то из кармана и протянул ей — очки, похожие на горнолыжные, в синей оправе с толстыми стеклами.

— Что это?

— Модифицированные очки ночного видения. Они ощущают тепло, а также фильтруют голографические изображения. Инженеры используют их для поиска и устранения неисправностей в Зеркальном зале. Выключатель вот здесь. — Начальник охраны немного помолчал, глядя на нее. — В конце концов, раз у нас есть технологии, почему бы ими не воспользоваться? Сами знаете, какая там путаница. А так хоть будет за что зацепиться.

— Хорошо. — Она повесила очки на шею и посмотрела на часы. — Пора. Мне нужно идти.

— Еще минуту, пожалуйста. — Аллокко протянул ей рацию. — Держите канал связи открытым. Я буду слушать его все время, пока вы там. Знаете расположение?

Сара взяла передатчик.

— Более-менее.

— Даже в очках там сложно сориентироваться, так что не задерживайтесь. Отдайте ему диск и уходите. Одно ваше слово, и тут же появится помощь.

— Мне не нужна охрана. Мне нужна операция без чьего-либо вмешательства. Если мы хотим спасти мой парк, мы должны позволить Джону Доу как можно быстрее убраться ко всем чертям.

Аллокко вздохнул.

— Да, мэм. Но за это отвечать вам, а не мне.

Директор кивнула и повернулась к выходу.

— Все равно берегите себя.

Махнув в ответ рацией, Сара начала пробираться среди голографического оборудования к лестнице у дальней стены.

Отдел обработки изображений занимал все пространство под Зеркальным залом. Каждое устройство управляло одной голограммой наверху. По распоряжению Сары комплекс освободили от всего персонала, кроме самого необходимого, и, прокладывая извилистый путь к лестнице, она уже начинала чувствовать себя все более и более одинокой.

Дойдя до лестницы, женщина положила руку на жесткие перила, затем остановилась, приложив другую руку к карману пиджака и удостоверившись, что диск все еще там. Она снова посмотрела на часы.

Директор понимала, что лишь оттягивает время. Почему он особо просил, чтобы пришла лично она? Сара вдруг с легким удивлением ощутила, что не желает подниматься по этой лестнице. Ей вовсе не хотелось затеряться в сбивающем с толку лабиринте изображений и отражений. Но больше всего ей не хотелось снова видеть Джона Доу, взгляд его разноцветных глаз, странную улыбку, тщательно подстриженную бородку. Не здесь. И не одной.

Она крепче стиснула перила. «Вспомните, что случилось в прошлый раз», — сказала она Аллокко. Они повели себя агрессивно, жестко отреагировали — в итоге это стоило им гибели охранника и множества пострадавших посетителей. И все из-за нее. Наверное, Джон Доу говорил правду, утверждая, что хочет получить диск именно от нее для того, чтобы гарантировать, что на этот раз никаких помех не будет. Возможно. Но это не имело значения, поскольку после случившегося в «Галактическом путешествии» вся ответственность лежала на ней. На ней, и ни на ком другом.

Расправив плечи и сжав зубы, Сара решительно поднялась по лестнице, взялась за ручку и распахнула дверь.

Перед ней открылось большое помещение, богато обставленное в стиле эпохи короля Эдуарда. К потолку уходили оклеенные обоями с большими красными завитками стены. Между картинами в позолоченных рамах висели изящные газовые рожки в абажурах из граненого стекла, заливая комнату мягким светом. Пол украшала паркетная мозаика из разных пород дерева, образуя сложный

спиральный лабиринт. Здесь, в фойе Зеркального зала, обычно толпились, сгорая от нетерпения, посетители, ждавшие, пока служители в костюмах пропустят очередную группу по одному в зал. Сейчас тут было тихо и пусто. По полу тянулись длинные мрачные тени, углы комнаты терялись в темноте.

Сара шагнула в холл, тихо закрыв за собой дверь. Шаги ее гулко отдавались по паркетному полу, и она остановилась, прислушиваясь. Шипели газовые рожки, раздавалось тиканье полудюжины старинных часов, висящих вдоль стен. Слева сквозь закрытые двустворчатые двери едва доносились звуки парка — смех, обрывки музыки. Справа, где открывался широкий вход в сам лабиринт, царил тишина. Где-то внутри ждал Джон Доу.

Она понимала, что нужно идти ко входу, деловито войти внутрь и объявить о своем присутствии. Но что-то в окружающей тишине словно пыталось ей помешать, парализуя волю. За всю свою взрослую жизнь Сара никогда не позволяла себе бояться чего-либо или кого-либо. Но теперь, стоя в одиночестве в пустом фойе, она ощутила во рту безошибочно узнаваемый металлический привкус страха.

Она глубоко вздохнула, потом снова перевела дыхание и шагнула к открытым дверям, крепко сжав в руке рацию. Хотя она и взяла ее мимоходом, даже не задумываясь, теперь маленькая коробочка казалась ей концом нити, на которой висела ее жизнь.

Больше медлить было нельзя. Переступив порог, она вошла в зал.

Освещение было неярким, но и не слишком тусклым. Газовые рожки в холле сменились невидимыми источниками света, падающего прямо в проход впереди. Стены покрывали большие зеркальные панели в рамах из темного дерева. Шагнув вперед, Сара увидела собственные отражения, следовавшие за ней по обеим сторонам.

Она помнила, что первая часть зала состоит только из зеркал. Но она также знала и то, что внутри лепных украшений и за односторонними стеклами скрыты камеры, которые сканируют ее изображение, передавая его компьютерам в отделе обработки. Те, в свою очередь, изменяли его путем ряда сложных цифровых преобразований и посылали результат голографическим установкам,

демонстрирующим его в других частях зала. Датчики в потолке следили за ее передвижением, определяя, в каких местах показывать вновь созданные голограммы и даже воспроизводить движение в реальном времени. Чем дальше ты углублялся в зал, тем непонятнее становилось, что ты видишь — отражение или голограмму, свою или чужую. Классическая зеркальная комната, но с присущими двадцать первому веку особенностями. Директор снова подумала о том, почему Джон Доу из всех мест выбрал для передачи диска именно это.

Сара увидела впереди приближающееся ей навстречу собственное изображение — коридор явно круто сворачивал, так что она наверняка смотрела в зеркало на своем пути. Она подошла ближе, глядя на отражение, — женщина с рацией в руке, с плотно сжатыми губами. Она подняла руку, и ее двойник послушно проделал то же самое. Сара коснулась пальцами твердого холодного стекла.

Изображение выглядело слегка размытым — зеркала в зале специально были затуманены, чтобы в большей степени напоминать голограммы, усиливая таким образом иллюзию. Опустив руку, Сара свернула в новый коридор, снова ощутив, как ее собственные отражения следуют за ней по обеим сторонам. Рация едва слышно пискнула, затем снова смолкла.

Коридор неожиданно закончился небольшим помещением в форме шестиугольника. Со всех его стен на нее смотрели одинаковые Сары Боутрайт. Сара задумалась, пытаясь воспроизвести в уме план зала. Она помнила, что три из шести стен — действительно зеркала, одна — тот самый коридор, по которому она только что прошла, а еще две — голограммы, маскирующие другие выходы.

Она внимательнее всмотрелась в окружающие ее отражения. Все они держали рацию, опустив руки по бокам коричневого костюма. Она подняла руки, и три изображения последовали ее примеру. Это означало, что оставшиеся два — голограммы. Она могла пройти сквозь них в один из двух новых коридоров. Но в какой?

Стоит ли остановиться и подождать, дав Джону Доу возможность сделать ход? Может быть, он там, в следующем коридоре. Не исключено, что все это вообще лишь обман и он со своими сообщниками уже мчится по шоссе девяносто пять во многих милях отсюда. Но в любом случае двигаться было куда легче, чем просто стоять, слушать и ждать.

Сара шагнула к ближайшей голограмме. Та посмотрела на нее и неожиданно подняла руку. Она инстинктивно отшатнулась, но тут же поняла — за зеркалом в конце предыдущего коридора была спрятана камера, фиксирующая ее движение, когда она подносила пальцы к стеклу.

Женщина осторожно прошла сквозь голограмму, которая, исказившись, расплылась вокруг нее. За ней уходил вдаль еще один коридор с зеркальными стенами. Она немного постояла, ожидая какого-то звука, движения, но все было тихо, и несколько секунд спустя она снова двинулась вперед.

Сара уже достаточно далеко углубилась в лабиринт, и вполне возможно, что стены слева и справа от нее были уже не просто зеркалами. Некоторые могли оказаться голограммами, воспроизводящими ее проход мимо предыдущих зеркал. После первого перекрестка ее воспоминания о расположении зала начали путаться. В некотором смысле находиться здесь в одиночестве было даже легче — обычно зеркала отражали целые группы из двух десятков разных людей, а не одного, и потому еще сложнее становилось понять, где голограмма, где отражение, а где живой человек. Но, несмотря на это, она чувствовала, что все больше теряет ориентацию.

Вспомнив о висящих у нее на шее очках, она включила батарею и надела их. Вид коридора внезапно изменился — голограммы впереди стали призрачными и туманными. Теперь она уже могла отличить иллюзию от отражения и оттого вновь почувствовала себя увереннее.

Коридор резко свернул и закончился развилкой. Сара посмотрела на два расходящихся под углом пути с мерцающими зеркальными стенами. Поколебавшись, она выбрала левый. Женщина успела пройти всего несколько шагов, когда ожила рация.

— Сара, вы меня слышите?

В безмолвном коридоре усиленный голос Аллокко показался ей невыносимо громким.

Она быстро уменьшила звук.

— Да.

— Что у вас?

— Ничего. Никаких следов. Почему вы меня вызываете? Мы ведь договорились...

— Послушайте, Сара. У нас авария в Каллисто.

— Авария? Какая авария?

— Не знаю. Видеокамеры не работают, и мы пока не можем точно выяснить, что произошло. Но похоже, что-то случилось на «Станции „Омега“». Мне сообщают о... — голос его на мгновение заглушили помехи, — девять-ноль-четыре.

Директор похолодела. Код означал в Утопии жертвы среди посетителей.

— Сара? Сара, вы меня слышите?

— Слышу. Вы уверены? Это не ложная тревога?

— Я получил два независимых сообщения. Похоже, дело серьезное. Может возникнуть паника.

— Тогда отправляйтесь туда и контролируйте ситуацию.

— Не могу. Вы...

— Я прекрасно себя чувствую. Вы отвечаете за людей. Сообщите медикам, пусть будут наготове, если потребуется. Отправьте на место происшествия охрану и службу инфраструктуры. Поставьте в известность отдел обслуживания посетителей.

— Хорошо. Передам рацию Флорес и скажу ей, чтобы оставалась на этой частоте. — Он помолчал. — Помните, что я вам говорил, Сара.

Рация тихо пискнула и смолкла. Сара снова прибавила громкость и убрала рацию в карман пиджака.

В отсутствие Аллокко зал обслуживал лишь минимальный персонал, ничего не знавший о ее миссии. Хотя у Кармен Флорес теперь была рация, она, как и остальные, тоже пребывала в полном неведении о происходящем.

Теперь Сара действительно осталась одна.

Несмотря на то что она говорила Аллокко, она чувствовала себя вовсе не прекрасно. Она колебалась, остановившись в левом коридоре. Еще одна авария, вскоре после случившегося в «Побеге с

Темноводья». Это никак не могло быть совпадением.

В таком случае — что произошло? Было ли все это частью плана Джона Доу? И если да, то почему? Они согласились на его требования, записали второй диск, и она пришла, чтобы его отдать. Мог ли он решить, что она не явилась и «Станция „Омега“» — своего рода возмездие? Исключено — если Аллокко только что узнал о происшествии, значит, авария была запланирована еще до четырех.

Кто знает — возможно, она была подготовлена несколько часов назад.

В любом случае Джон Доу явно с самого начала предполагал, что это случится.

Она неподвижно стояла в мерцающем коридоре, и в ней боролись злость, разочарование и тревога. Что произошло? Сколько пострадавших? Началась ли в Каллисто массовая паника?

Злость подхлестнула ее, и она быстро зашагала по левому коридору, не обращая внимания на стук каблучков по полу. По крайней мере, у нее есть очки, что дает ей преимущество. Она найдет этого негодяя, найдет и...

Внезапно Сара снова остановилась. Впереди, у очередного поворота лабиринта, стоял Джон Доу.

По крайней мере, ей показалось, что это Джон Доу, — в очках изображение было столь расплывчатым, что понять было сложно. Она сняла очки, и голограмма тут же предстала перед ней во всей реалистичности.

У Сары перехватило дыхание, и она невольно стиснула зубы. Она впервые видела Джона Доу с тех пор, как он вошел в ее кабинет, уселся на ее стол, пил ее чай, гладил ее по щеке. Сейчас он выглядел еще более расслабленным, чем тогда, — свободно опущенные по бокам руки, безупречно сидящий костюм, легкая улыбка приоткрыла белые зубы.

— Сара, — слышался его голос, — как хорошо, что вы пришли.

Слова звучали как будто издалека — настоящий Джон Доу находился где-то в глубине лабиринта.

Она ждала, не двигаясь с места и не отводя взгляда от

изображения.

— Мне нравится, как у вас тут все устроено. Вполне в моем вкусе.

Сара продолжала молча ждать.

— Вы принесли диск, Сара?

Медленно и осторожно она подошла к голограмме. Взгляд его странных разноцветных глаз упал налево, потом направо. Вероятно, одна из камер поймала его, когда он остановился на перекрестке, размышляя, в какую сторону идти.

— Я спрашиваю, диск у вас?

Губы изображения не двигались.

— Да, — ответила она.

Внезапно у нее пропало какое-либо желание снова видеть его лицо. Сара надела очки, и голограммы вокруг нее вновь стали туманными и призрачными.

— Хорошо. Тогда мы можем двигаться дальше.

— Что вы сделали, мистер Доу?

— Прошу прощения?

— Аттракцион в Каллисто, «Станция „Омега“». Что вы с ним сделали?

Она слышала, как дрожит ее собственный голос.

— А в чем дело? — В голосе Джона Доу прозвучали едва слышные насмешливые нотки. — Что-то не так?

— Я выполнила все, о чем вы просили! — крикнула она. — Я поверила вам. Подонок!

— Надо же! А я-то думал, вы хорошо воспитаны.

Сара судорожно вздохнула, чувствуя, как у нее невольно сжимаются кулаки.

— Мы почти закончили, Сара. Давайте завершим наши дела, а потом пойдете разбираться со своими неприятностями. А я... погодите-ка, я вижу теперь новое ваше изображение. Что это за украшение у вас на носу? А, понимаю. Эти очки вам не идут, Сара.

Они слишком тяжелы для ваших изящных черт. Придется принять кое-какие меры.

Последовала короткая пауза. А потом где-то в темноте раздался щелчок.

Несколько мгновений все оставалось по-прежнему, затем Сара заметила появившееся по краям ее очков зеленое свечение. Голограммы в коридоре, только что выглядевшие почти как туманные облачка, начали светиться, все ярче и ярче. Сара моргнула, отворачиваясь от режущего глаза света. В поле ее зрения промелькнули яркие зеленые полосы.

Вскрикнув, она сорвала очки и поднесла ко рту рацию.

— Кармен?

— Да, мисс Боутрайт? — послышался ответ несколько секунд спустя.

— Кармен, что там у вас происходит?

— Несколько секунд назад мощность голографических генераторов неожиданно возросла в четыре раза. Они перегреваются, все сильнее и сильнее.

— Можете это прекратить?

— Да, но потребуется время. Всем процессом управляет компьютер, и нам нужно определить, откуда исходит команда. До этого я даже не рискну отключить генераторы.

— Тогда выясняйте!

Сара опустила рацию. «Очки он тоже предусмотрел, — подумала она. — Он готов ко всему. Все, что мы могли придумать, он уже просчитал раньше».

— Поняли, что я имел в виду, Сара? — послышался ровный далекий голос Джона Доу. Раздался еще один щелчок. — О каком доверии можно говорить, когда вы сами его не демонстрируете? Просто принесите мне диск, и я навсегда исчезну из вашей жизни.

Директор не ответила — сказать больше было нечего. Ей вдруг стало ясно — она проиграла.

— В какой вы точке, Сара?

Женщина молчала.

— Сара!

— Да?

— В какой вы точке?

— Не понимаю.

— Посмотрите на раму ближайшего к вам зеркала. Левый край верхней поперечины. С нижней стороны должен быть выжжен номер.

Директор наклонилась к зеркалу. Ей потребовалась целая минута, чтобы отыскать выжженные в дереве маленькие цифры.

— Семьдесят девять двадцать три, — пробормотала она.

— Прошу прощения?

— Я сказала — семьдесят девять двадцать три.

— Очень хорошо. Теперь слушайте меня, Сара. Я поведу вас к тому месту, где сейчас нахожусь. Будем постоянно поддерживать связь. Поняли?

— Да.

— Хорошо. Вы находитесь... вы в левом коридоре после развилки. Идите до конца коридора. Когда будете на месте — скажите.

Сара неохотно двинулась вперед, глядя на движущиеся вместе с ней отражения. Неожиданно справа от нее появилось изображение Джона Доу — на этот раз другое. Он держал в руке нечто вроде плана, глядя то вверх, то вниз.

— Я в конце коридора, — сказала она.

— Посмотрите на зеркало слева от вас. Номер семь-восемь-четыре-семь?

Пауза.

— Да.

— Теперь снова сверните налево и идите по коридору. Справа будет проход, замаскированный голограммой. Найдите его.

Сара обреченно свернула в коридор. Джон Доу прекрасно знал дорогу — судя по всему, зал был ему знаком даже лучше, чем его

проектировщикам. Он догадался про специальные очки. У него имелись все схемы, вплоть до номеров отдельных зеркал на стенах коридоров.

Все ее инстинкты буквально кричали: «Не ходи!» Но у нее не было выбора — она должна отдать диск Джону Доу. Что бы ни случилось.

Неожиданно она снова остановилась. Ее окружали ее собственные изображения — как отражения в зеркалах, так и отснятые ранее голограммы. Но впереди слева виднелась мужская фигура. И это был не Джон Доу.

Она шагнула ближе, всматриваясь в голограмму.

Эндрю Уорн.

Она развернулась кругом. «Эндрю? Здесь?»

Времени на размышления не оставалось. Предполагалось, что она будет одна. Если Уорн здесь — значит, на то есть причины, и притом весьма серьезные. Видимо, он находился где-то между ней и входом. Поскольку Джон Доу ждал в глубине лабиринта, серверам требовалось чуть больше времени, чтобы передать изображение Уорна ему.

Быстро вернувшись к последнему перекрестку, она свернула направо, туда, откуда пришла. Впереди слышались приближающиеся шаги.

— Сара? — услышала она взволнованный шепот Уорна. — Сара?

Шепот на мгновение смолк, затем раздался снова, на этот раз ближе.

— Сара? Где ты?

— Здесь! — прошептала она в ответ.

У развилки появилась человеческая фигура — уже не голограмма и не отражение в зеркале. Со лба Эндрю Уорна свисала повязка, во взгляде чувствовалась тревога. Увидев Сару, он нахмурился, словно пытаясь отличить реальность от подделки. Она шагнула ему навстречу, и лицо его тут же прояснилось.

— Сара! — Он бросился к ней и схватил ее за руки. — Слава

богу.

На мгновение забыв обо всем остальном, она закрыла глаза, но тут же высвободилась.

— Что ты здесь делаешь? — яростно прошептала она. — Как ты сюда попал?

— Я должен был тебя остановить, — прошептал он в ответ. — Ты в опасности.

— Тебе нельзя здесь находиться. Мне надо отдать диск Джону Доу, одной. Я...

Уорн снова схватил ее за руки.

— Это ловушка.

Его слова подтвердили ее худшие опасения. Сара похолодела.

— Откуда ты знаешь?

Он сильнее сжал ее запястья.

— Тебе нелегко будет это услышать. Сара, мы нашли предателя. Агента Джона Доу.

Она ждала, затаив дыхание.

— Это Барксдейл.

Первым желанием Сары было ударить Уорна по лицу. Она вырвала руки.

— Лжешь!

Уорн снова шагнул вперед.

— Сара, пожалуйста, выслушай меня. Никакой внешней проверки безопасности никогда не было. БПК не приезжала в Утопию. Барксдейл все подстроил. Техники, которые проверяли в прошлом месяце защиту Утопии, — люди Джона Доу. Именно так им удалось вторгнуться в вашу систему и поставить ловушки.

Она тряхнула головой. Это не могло быть правдой. Это просто невозможно. Наверняка есть какое-то другое объяснение.

— Нет, — сказала она. — Я тебе не верю.

— Я не прошу тебя мне верить. Я просто прошу тебя уйти отсюда, и немедленно. Ты сама все поймешь. Помнишь раздавленный

диск, который ты нашла под ногой охранника? Он чистый. Это означает, что Джон Доу забрал настоящий диск и подсунул вместо него пустую болванку. Все это лишь ловушка. Как ты думаешь, зачем Джону Доу нужен второй диск? Почему он просил прийти именно тебя? Ты...

— Сара? — послышался голос Джона Доу.

Уорн тотчас же замолчал. Он быстро посмотрел на Сару; та приложила палец к губам.

— Сара, я просил вас поддерживать голосовой контакт. Почему вы замолчали?

Слова звучали теперь более отдаленно. Среди отражений вдоль коридора появилось новое — Джон Доу теперь держал планы под мышкой, наклонив голову, словно прислушиваясь. Сара молча смотрела, как голограмма раз за разом повторяет короткий визуальный цикл.

— Сара, знаете, что мне кажется? Мне кажется, что мы больше не одни.

Директор ждала.

— Собственно, я теперь даже знаю, что мы не одни. Я вижу третью голограмму, Сара, — это не вы и не я. Кто этот человек?

Молчание.

— Кажется, я догадываюсь. Это наш беспокойный доктор Уорн. Чересчур назойливый доктор Уорн. Я прав?

Сара взглянула на ученого. Тот смотрел прямо на нее.

— Мы так не договаривались, Сара. Сначала очки, теперь он. Я крайне недоволен.

Голограмма Джона Доу пошла волнами, затем сменилась новым изображением — на этот раз Джон Доу держал в руке короткоствольный пистолет.

Из глубины лабиринта послышался звук бегущих ног.

— Он идет сюда! — прошептал Уорн.

Дав ему знак следовать за ней, Сара бросилась по коридору мимо отражений и голограмм, как можно дальше от голоса Джона Доу.

Словно в тумане, она видела проносящиеся мимо ее собственные изображения. В широком коридоре эхом отдавались стук их каблуков и тяжелое дыхание. Она свернула за угол, потом еще раз.

Внезапно она остановилась.

— Стой! — приказала она Уорну.

Что-то в ней необратимо изменилось — то ли из-за потрясения, вызванного невероятным рассказом ученого, то ли из-за пистолета Джона Доу. Эмоции вдруг схлынули, и осталась лишь холодная злость.

Она достала из кармана рацию.

— Кармен! — тяжело дыша, сказала она. — Кармен, вы меня слышите?

— Да, мисс Боутрайт, — последовал ответ. — Не могли бы вы рассказать мне, что происходит?

— Потом. Нужно отключить освещение в зале.

— Отключить освещение?

— Полностью. И немедленно. Можете?

— Да... да, могу.

— Тогда так и сделайте.

Она убрала рацию в карман, наклонилась к ближайшему зеркалу и запомнила выжженный на его раме номер. Достав из кармана диск, она положила его у подножия зеркала, затем, дав знак Уорну следовать за ней, пошла назад в сторону шестиугольной комнаты. Она знала, как выбраться оттуда, даже в темноте.

Глубоко вздохнув, она повернулась и заговорила громким повелительным тоном:

— Мистер Доу! Остановитесь! Если хотите получить диск — немедленно остановитесь.

Она прислушалась. Тишина.

— Вы говорили мне, что я обманула ваше доверие. Что ж, на этот раз вы обманули мое.

— В самом деле? — Голос прозвучал уже ближе. — Я заинтригован.

— Вы устроили диверсию еще на одном аттракционе, снова пострадали люди. Без каких-либо на то причин. Я выполнила ваши требования и принесла диск. В таком случае зачем вам пистолет?

Молчание.

— Я могу ответить! — резко бросил Уорн. — Вы планировали забрать не только диск, но и Сару. В качестве заложницы. Или, возможно, просто собирались убить ее и сбежать в суматохе. Вот и весь ваш элемент неожиданности.

— Неожиданности, доктор Уорн? — вкрадчиво спросил голос. — Неожиданности еще не закончились.

— Тогда сделайте мне неожиданный сюрприз. Просто дайте ей уйти. Покажите, что можете быть другим.

Внезапно погас свет, и коридор погрузился во тьму. Сара схватила Уорна за локоть.

— Мистер Доу! — крикнула она, пятясь назад. — Послушайте меня! Диск здесь. Он в точке шесть-девять-четыре-два. Слышите? Точка шесть-девять-четыре-два. Вы найдете его у подножия рамы. Но я ухожу. Вы нарушили правила, и я не собираюсь играть дальше. Возможно, в темноте вам потребуется некоторое время, но я уверена, что вы его найдете. Зал будет оставаться пустым еще двадцать минут. Так что поступайте, как обещали. Забирайте диск и проваливайте из моего парка ко всем чертям. Иначе я сама вас найду и убью.

Из темноты послышался смех — неспешный, циничный, язвительный.

— Мне нравится эта игра, Сара. С удовольствием поучаствую.

Если он и сказал что-то еще, то она уже не слышала. Вместе с Уорном Сара бежала по коридору в сторону фойе «Зала фантастических иллюзий профессора Крипплвуда», из темного лабиринта к лестнице, которая должна была вывести их из этого жуткого места.

16 часов 03 минуты

Терри стояла за дверью, парализованная страхом и нерешительностью. Незнакомец в комбинезоне уже прошел мимо первой закрытой палаты. Еще мгновение, и он дойдет до палаты Джорджии, поймет, что пустая койка еще теплая, и...

— Простите, сэр! Мистер! — послышался голос одного из сотрудников службы безопасности.

Терри приоткрыла дверь чуть шире, чувствуя, как отчаянно колотится в груди сердце. Охранники прекратили разговаривать и смотрели в сторону человека в комбинезоне. Тот остановился, взявшись за занавеску третьей палаты, и медленно повернулся к ним.

— Простите, сэр, ваша фамилия?.. — спросил один из охранников.

Оба направились по коридору к нему.

Терри с вновь возникшей надеждой наблюдала за ними. Возможно, им специально поручили следить за каждым, кто придет навестить девочку. Они схватят этого негодяя, и все опять будет хорошо.

За ее спиной снова пошевелилась Джорджия. Тереза оглянулась, и сердце у нее ушло в пятки. Девочка проснулась и сидела в кресле, непонимающе моргая.

Женщина быстро отошла от двери и бросилась к креслу.

— Послушай, Джорджия, — сказала она, присев рядом с девочкой. — Я пришла, чтобы забрать тебя к папе. Нам придется подождать здесь минуту. Всего минуту. А потом пойдем.

Девочка в замешательстве смотрела на нее. Глаза ее блестели в тусклом свете.

Терри ободряюще сжала ее руку и вернулась к двери.

Охранники уже окружили незнакомца.

— Очень хорошо, мистер Уорн, — говорил один из них, с любопытством разглядывая его комбинезон. — Но прежде чем вы сможете забрать вашу дочь, мы бы хотели взглянуть на ваши

документы.

— Документы? — переспросил мужчина, как бы мимоходом отодвигая занавеску третьей палаты и заглядывая внутрь.

— Да, пожалуйста.

Незнакомец еще раз заглянул в палату Джорджии, затем отошел, задернув занавеску.

— Могу я поинтересоваться зачем? — медленно проговорил он, будто о чем-то размышляя.

— Прошу прощения, сэр, — сказал первый охранник, — но таков приказ. Проверять документы у всех посетителей или приглашенных специалистов, входящих в медицинский центр или выходящих из него.

«Черт, черт, черт! Значит, они все-таки не охраняли именно Джорджию. Всего лишь усиленные меры безопасности. Ну конечно, — сообразила Терри. — Иначе они внимательнее следили бы за палатой девочки и видели, как тыходишь туда, а потом выходишь с креслом-каталкой. Теперь сиди тут, в кладовке, страдая от клаустрофобии, пока...»

Человек повернулся кругом, бросив быстрый взгляд вдоль коридора. Ей снова показалось, что он смотрит прямо на нее, и она вся сжалась.

— Очень хорошо, джентльмены, — сказал он, снимая с плеча свой мешок и проходя между ними. — Если вы так настаиваете...

И он уверенно направился прямо к двери бельевой.

Едва не споткнувшись, Терри попятилась, в отчаянии оглядываясь вокруг. Кладовая была пуста, не считая стопок сложенной одежды, висящих халатов, груд полотенец и нескольких маленьких столиков. Спрятаться можно было лишь в темной тесной нише позади трубы для грязного белья.

Сама мысль о подобном приводила ее в ужас. Но выбирать не приходилось.

Она повернулась к девочке.

— Послушай меня, Джорджия, — как можно спокойнее сказала она. — Слушай внимательно. Там, за дверью, плохой человек, очень

опасный человек. Нам придется спрятаться, пока он не уйдет.

Та молча смотрела на нее, словно в шоке. В коридоре слышались приближающиеся шаги, протестующие голоса.

— Сможем, Джорджия?

Девочка продолжала смотреть на нее.

— Помоги мне! Пожалуйста!

— Хорошо, — медленно пробормотала Джорджия.

Терри откатила кресло в заднюю часть кладовой, направив его под большую белую трубу, в самый темный угол, какой только могла найти, затем присела рядом, прижав Джорджию к себе.

— Молчи, — прошептала она. — Ни звука, пока они не уйдут. Что бы ни случилось.

Труба диаметром в три фута почти полностью закрывала их. Она шла через всю комнату; большие латунные кольца крепили ее к стене. Тереза слышала, как в трубе гудит сжатый воздух.

Дверь открылась, заполнив кладовую светом из коридора. Терри сжалась в комок под трубой, обняв Джорджию. Сердце ее билось все быстрее. Она увидела на стене тень сначала одного человека, затем еще двоих.

— В чем дело? — спросил один из охранников.

— Создаете кучу проблем, вот в чем, — со странным акцентом ответил незнакомец. — Ради того, чтобы навестить собственную дочь, приходится показывать документы. Мой бумажник на дне мешка. Мне нужно место, чтобы куда-то его поставить и найти то, что вам нужно.

Что-то тяжелое легло на один из столов. Терри напрягла взгляд, слегка наклонившись вперед.

— Просим нас извинить, мистер Уорн, — слышался голос первого охранника, — но, как я уже говорил, нам приказано...

— Сомневаюсь, что вам приказали издеваться над приглашенным ученым. С меня хватает и того, что моя дочь вообще оказалась здесь, исключительно из-за халатности работников парка. Я намерен подать жалобу вашему руководству.

Вытянув шею, Терри увидела, что охранники снова окружили человека с миндалевидными глазами, который положил мешок на стол и расстегивал на нем молнию.

— Конечно, это ваше право, мистер Уорн, — ответил первый сотрудник. — Но я настаиваю на том, чтобы мы продолжили этот разговор в...

Плавным движением незнакомец сунул руку в мешок и что-то оттуда достал. Сначала Терри не поняла, что это, — нечто длинное и тонкое, с острым конусом на конце. Узкоглазый направил странный предмет на охранников, и из конца его вырвалось пламя. Первого мужчину отбросило назад, и из дыр на его форме брызнула кровь. Терри судорожно вздохнула, прикрыв глаза Джорджии.

Развернувшись перед дверью и захлопнув ее пяткой, человек в комбинезоне направил оружие на второго сотрудника. Послышался негромкий треск, со стены на Терри и Джорджию посыпались пыль и кусочки штукатурки. Не издав ни звука, охранник упал навзничь, царапая пальцами горло. Дубинка и рация отлетели в сторону.

Кресло чуть слышно скрипнуло — Джорджия застыла, стиснув руку Терри. Та крепче прижала девочку к себе, в ужасе глядя на происходящее.

Убийца шагнул в сторону, затем направил оружие вниз и полил огнем неподвижных охранников, тела которых вздрагивали в такт вспышкам выстрелов. Звука не было; Терри не могла понять, почему она ничего не слышит. Может быть, паника и ужас не только парализовали, но и оглушили ее? Раздавались лишь приглушенные механические щелчки, похожие на треск адской швейной машины, и звон пустых гильз о бетон.

А потом все закончилось, и в кладовой снова наступила тишина. К потолку поднялось облако порохового дыма. Терри, не дыша, смотрела, как незнакомец опускает дымящийся ствол и окидывает взглядом бойню. Быстрыми профессиональными движениями он убрал оружие обратно в мешок, затем приоткрыл дверь — как и она всего несколько секунд назад — и выглянул в коридор.

Рядом с Терри снова скрипнуло кресло. Джорджия в ужасе всхлипнула.

Терри прикрыла рукой рот девочки. Убийца обернулся, обводя кладовую взглядом. В полумраке глаза его бледно светились, будто у

кота.

Послышались тихий вздох и звон металла — один из охранников судорожно дернулся и затих среди разбросанных пустых гильз. Глаза незнакомца блеснули, и взгляд их упал на тело.

Неожиданно раздался хриплый шум помех. Человек в комбинезоне закрыл дверь и достал из мешка рацию.

— Крутой слушает, — сказал он.

— Говорит Главный Фактор, — послышался искаженный голос. — Где ты?

— В медицинском центре.

— Что у тебя?

— Девочка исчезла.

— Где она?

— Неизвестно.

Последовала пауза.

— У нас больше нет времени, — произнес голос по радио. — С Белоснежкой проблема, возвращайся в пункт сбора. Немедленно. Понял?

— Принято.

Рация смолкла.

Убийца отошел от двери и ногой затолкал тела под стол. Затем он свалил стопку полотенец с одной из полок, закрыв ими расползающиеся лужи крови на полу. На глазах у Терри, все еще прижимавшей к себе Джорджию, он стащил с себя комбинезон, под которым обнаружилась серебристая форма пилота челнока из Каллисто, такого же цвета, как и мешок. Одежду он небрежно бросил поверх полотенец.

В последний раз оглядевшись вокруг, человек повесил мешок на плечо, не застегивая до конца молнию, затем взялся за ручку, открыл дверь и шагнул в коридор.

Послышался тихий щелчок закрывающейся двери, и яркий свет снова исчез. Несколько мгновений было тихо. Затем по трубе с шумом пронеслась в сторону центральной прачечной очередная

порция белья. Вслед ей раздалось шипение сжатого воздуха. Наконец и эти звуки умолкли. Терри почувствовала, как дрожат ее руки и ноги. Джорджия не плакала, лишь держалась за руку женщины так крепко, что казалось, будто она никогда ее не отпустит.

16 часов 03 минуты

Увидев перед собой главный вход в комплекс службы безопасности, Пул резко замер. Фреду Барксдейлу, который шел впереди, потребовалось несколько мгновений, чтобы это осознать и тоже остановиться.

— Теперь слушай, — тихо заговорил Пул на ухо англичанину, подойдя к нему сзади. — Давай-ка обойдемся без резких движений. Ничего не говори, пока я сам тебе не скажу. И пожалуйста, без фокусов. Если потребуется, я сначала пристрелю тебя, а уже потом буду разбираться.

Если Барксдейл и слышал его, то и виду не подал. Он снова двинулся вперед. Пул молча зашагал следом.

Пока что все шло гладко. Короткой демонстрации силы и вида оружия оказалось вполне достаточно. Пул уже не раз наблюдал подобный эффект, особенно в отношении тех, кто ввязался в нечто не вполне понятное даже им самим. Молодые повстанцы, незнакомые с автоматическим оружием и парализованные страхом при одной мысли о сопротивлении, порой испытывали чуть ли не облегчение, оказавшись в плену. Барксдейл вел себя точно так же, сдавшись без борьбы. По крайней мере, складывалось такое впечатление. Но самое сложное еще предстояло — убедить Аллокко и его команду, что Фредерик Барксдейл, повелитель компьютерных систем Утопии, вступил в союз с врагом. При желании англичанин мог устроить немалый скандал — достаточно было его слова против слова какого-то лезущего не в свои дела посетителя. Пул нахмурился, глядя в покрытый светлыми волосами затылок человека впереди. Взгляд Барксдейла был решительно устремлен вперед. Пул подумал о том, что сейчас происходит в его голове.

Еще всего час назад в службе безопасности царила лихорадочная активность. Не меньше десятка сотрудников носились по комплексу, докладывая о происшествиях, отвечая на телефонные звонки, с любопытством заглядывая в камеру с задержанным. Но сейчас, когда Пул открыл дверь и провел Барксдейла через ярко освещенную приемную с окрашенными в веселые цвета стенами, его удивило, что там почти никого не оказалось. Лишь за главным столом сидели трое

охранников, и все они одновременно разговаривали — двое по телефонам, один по рации.

Заложив одну руку за борт пиджака и взяв другой Барксдейла под локоть, Пул подтолкнул англичанина к столу. Чем быстрее он с этим покончит, тем лучше. Он узнал одного из сотрудников — Линдберга, парня с черными волосами, серыми глазами и последствиями угрей на лице. Тот тоже явно его узнал — Пул понял это по его взгляду. Положив трубку, охранник открыл рот, собираясь что-то сказать.

— Где Аллокко? — перебил его Пул.

— В Каллисто, — ответил Линдберг, переводя взгляд с Пула на Барксдейла и обратно. — На месте аварии.

— Аварии?

Охранник кивнул.

— На одном из аттракционов в космопорте. «Станция „Омега“».

— Что там случилось?

— Подробности не знаю. Что-то сломалось.

— Силы небесные! — Пул подумал о своей двоюродной сестре Соне Клемм, ее муже Мартине и их троих мальчишесквернословиях. Он отправил их обратно в космопорт, предложив покататься на других аттракционах. Вероятность была мала, крайне мала... но спросить все равно было надо. — Есть пострадавшие?

— Насколько я понял, много. Там сейчас настоящий ад.

Пул повернулся к Барксдейлу.

— Слышал, урод? — прошептал он, резко дергая его за локоть. — Знаешь об этом?

Англичанин смертельно побледнел. Он не произнес ни слова, даже не пошевелился. Казалось, будто он находится где-то очень, очень далеко отсюда.

Пул снова повернулся к Линдбергу, который все еще переводил взгляд с одного на другого.

— Мне нужно поговорить с Аллокко.

Охранник продолжал молча смотреть на них.

— Я сказал — дайте мне поговорить с Аллокко.

Линдберг повернулся к сотруднику с рацией.

— Эй! С кем ты разговариваешь?

— С Танненбаумом.

— Скажи ему, пусть даст на секунду мистера Аллокко.

Второй охранник что-то сказал в рацию, затем протянул ее Линдбергу.

— Только быстро, — сказал Линдберг, передавая рацию через стол. — Похоже, им сейчас не до вас.

Пул взял передатчик.

— Господи, в чем дело? — услышал он голос начальника службы безопасности.

На заднем плане слышались крики, рыдания, неразборчивые возгласы.

— Мистер Аллокко, это Пул. Энгус Пул. Помните меня?

— Да. Я не могу сейчас говорить.

— Что случилось?

Новый шум заглушил первые слова Аллокко.

— ...пока не знаю. Здесь сейчас как на бойне.

— Что? Хотите сказать, есть погибшие? Сколько?

— Продолжаем подсчет. Медики только что прибыли.

— Послушайте, там могли быть мои родственники. Женщина в колпаке волшебника, мужчина в зеленой футболке, трое мальчиков...

— У меня сейчас нет на это времени, — раздраженно прервал его собеседник. — Никого похожего я не видел. Если что узнаю — сообщу. Вы из-за этого меня вызывали?

— Нет. Не совсем. — Пул поколебался. — Не знаю, как вам объяснить, но тут у меня Фред Барксдейл, и...

— Я уже знаю.

Пул удивленно замолчал.

— Знаете?

— Да. Несколько минут назад со мной связался по радио Эндрю Уорн, пока я шел сюда. Он все мне рассказал.

— И?

— Мне это кажется полнейшим безумием, но сейчас нет времени выяснять. Посадите Барксдейла под замок, потом разберемся. И да поможет вам Бог, если вы ошиблись.

— Вы дадите своим людям соответствующие распоряжения? Будет лучше, если они будут исходить от вас.

— Передайте им рацию. Только быстрее, ради бога.

Пул вернул передатчик Линдбергу.

— Эрик Линдберг слушает, — сказал тот.

До ушей Пула донесся рык Аллокко. По мере того как охранник слушал, его серые глаза раскрывались все шире. Он недоуменно уставился на Барксдейла.

— Да, — сказал Линдберг. — Понял. Хорошо, сэр.

Опустив рацию, он медленно протянул ее второму охраннику, не отводя взгляда от англичанина.

— Слышали? — спросил Пул.

Линдберг кивнул.

— Тогда вы знаете, что делать. Поместите его для надежности в камеру.

Охранник снова кивнул. Вид у него был почти такой же ошеломленный, как и у Барксдейла.

Повернувшись, Пул отвел задержанного от стола и бесцеремонно толкнул вперед. Дав знак одному из охранников следовать за ним, Линдберг взял дубинку, обошел вокруг стола, открыл дверь и вышел им навстречу.

За пределами приемной комплекса службы безопасности яркие краски и удобные диваны сменились серыми кирпичными стенами и покрытым линолеумом полом.

— У тебя будет шанс повидаться со своим приятелем, — сказал телохранитель, снова подталкивая Барксдейла вперед по коридору,

ведущему из приемной. — Надеюсь, он будет рад встрече.

Коридор заканчивался прямоугольным помещением, вдоль стен которого шли двери. Од на дверь слева отличалась от остальных — из прочной стали, с маленьким зарешеченным окошком. Второй охранник подошел к ней, заглянул в окошко, затем осторожно ее открыл. Линдберг встал по другую сторону двери, положив руку на рукоятку дубинки. Пул заглянул внутрь. Молодой хакер все так же лежал на койке. При звуке открывающегося замка он приподнялся на локте, равнодушно глядя на вход.

Пока они шли, Барксдейл оставался столь же отрешенным, словно в шоке. Однако едва открылась дверь камеры, с ним произошла перемена. Он заглянул внутрь и, увидев ее обитателя, судорожно дернулся. Заключенный сел на койке. На его оцарапанном распухшем лице появилась кривая улыбка.

— Заходи, — сказал Пул, толкая Барксдейла в дверь и отходя в сторону.

Второй охранник захлопнул дверь и повернул ключ в замке. Глава системного отдела бросился к маленькому окошку.

— Выпустите меня! — крикнул он. — Пожалуйста!

— Не беспокойся, — сказал Пул. — Я никуда не уйду и буду караулить тебя. Стеречь, словно сторожевой пес.

Он отступил от двери, скрестив на груди руки и не отводя взгляда от зарешеченного окошка. Двое охранников тоже отошли. Краем глаза Пул заметил, как они переглянулись.

Было бы интересно понаблюдать за реакцией Барксдейла на сидящего с ним в одной камере хакера. Их общение могло бы дать новые улики. Так или иначе, все оказалось намного проще, чем он предполагал, особенно с учетом того, что Аллокко уже знал обо всем от Уорна. Иначе проблем было бы куда больше. Ученый поступил весьма предусмотрительно, и Пул подумал, что, возможно, все-таки его недооценил.

Барксдейл тревожно расхаживал вдоль дальней стены, то и дело бросая взгляды на хакера. Пул с любопытством наблюдал за ними через окошко. Он даже наслаждался бы этой картиной, если бы не постоянно грызущий его червячок сомнения. Вероятность того, что его двоюродная сестра или ее семья могли оказаться рядом со

«Станцией „Омега“», были близки к нулю. В любом случае, поделаться он ничего не мог. И все же ему не удавалось окончательно успокоиться, пока он не узнает, что...

— Эй!

На середине коридора стоял третий охранник и махал ему рукой.

— Вы Пул?

— Да.

Телохранитель отвернулся от окошка, на время забыв о Барксдейле.

— Кто-то вызывает вас по радио, там, у стола.

Вернувшись в приемную, мужчина взял протянутую ему рацию.

— Пул слушает, — сказал он.

До него донесся чей-то плачущий неразборчивый голос.

— Кто это? — спросил он. — Что? Успокойтесь, успокойтесь. Терри, где вы находитесь? Вы ранены? Нет, оставайтесь на месте — сейчас буду.

Пул развернулся кругом, бросив рацию на стол, и метнулся к двери, крикнув в коридор:

— Линдберг! Линдберг!

Появилась копна черных волос.

— Да?

— Послушайте, мне нужно идти. Постараюсь как можно скорее вернуться. Охраняйте тех двоих, слышите? Охраняйте!

Линдберг в замешательстве поскреб подбородок.

— Хорошо, — ответил он. — Мистер Аллокко сказал...

Но Пула уже не было.

16 часов 08 минут

Как ни странно, хуже всего была музыка — стерильная, неземная, льющаяся из сотен скрытых громкоговорителей, наполняющая Каллисто обещанием спокойного будущего, обычно почти неслышная на фоне создаваемого бесчисленными посетителями шума. Но сейчас космопорт опустел. Стоявшие в очередях разошлись после предложения вернуться к другим аттракционам Каллисто. В конце вестибюля висела серебристая завеса — фрагмент системы изоляции частей парка в экстренных ситуациях, — скрывая из виду космопорт. Хотя она выглядела почти невесомой, легкой как паутина, на самом деле она была полностью непрозрачной и усиленной слоями звуконепроницаемого материала. Перед ней стояли двое охранников в обычной для Каллисто униформе двадцать второго века.

Боб Аллокко шел по космопорту, слыша, как отдаются его шаги по блестящим голубым плитам пола на фоне размеренных тактов окружающей музыки. Она казалась жестоко, дьявольски неуместной здесь, и ему хотелось прекратить ее. Ему хотелось выбросить из головы и другое — то, что когда-то было «Станцией „Омега“», — но он уже знал, что это зрелище останется в его памяти навсегда.

Ночью, когда парк закрывался и в нем не было посетителей, путь через космопорт всегда выглядел длинным.

Сегодня он казался еще длиннее. Оглядевшись, Аллокко увидел спешащего к нему старшего охранника.

— Что у вас? — спросил Аллокко, не дожидаясь, когда тот окажется рядом.

— Прочесали все еще раз, сэр, — ответил старший, тяжело дыша. — Посетителей нигде не осталось. Космопорт под надежной охраной.

После того, что Аллокко видел в «Башне грифонов», он больше не считал ни одно место в Утопии надежно защищенным, но все же что-то одобрительно проворчал. Учитывая обстоятельства, эвакуация прошла удивительно гладко. Не было ни паники, ни гневных отказов покинуть космопорт. Все гости — стоящие в очередях, входящие на аттракционы или выходящие с них, — похоже, поверили в историю о

проводимых по поручению правительства учениях. Незаметно опустилась завеса-барьер, была выставлена охрана. Подобную процедуру в прошлом лишь имитировали, и лучшее время вывода людей во время учений составляло четыре минуты. Сегодня настоящая эвакуация заняла около четырех с половиной. В иных обстоятельствах Аллокко мог быть вполне доволен.

Но подобная оперативность ничем не могла помочь пассажирам «Станции „Омега“».

— Мне нужны три патруля по шесть человек, — сказал он старшему. — Командный пункт уже организовали?

— У входа в «Полет на Луну».

— Хорошо. Пусть команды поддерживают с ним связь по радио, раз в десять минут, и патрулируют космопорт, пока все не закончится. — Он огляделся вокруг. — Кто-нибудь видел что-то необычное перед тем, как это случилось? Нечто из ряда вон выходящее?

Старший охранник покачал головой.

— Одна из служащих на посадке заметила кого-то из персонала, показавшегося ей незнакомым. И пожалуй, все.

Аллокко сразу же ухватился за его слова.

— Незнакомым? А почему она его запомнила?

— Ей просто показалось странным, что человек в костюме пилота челнока выходит из зоны высадки.

— Как фамилия этой служащей?

— Пайпер, сэр. Она все еще здесь... с остальными.

Аллокко на миг задумался.

— Отправьте в Каллисто пару групп в штатском. И во все другие Миры тоже. Небольшие группы, по две в каждый Мир. Включая Атлантиду.

— В другие Миры, сэр? — удивленно спросил старший. — И что там искать?

— Что угодно. Я приму их доклады через полчаса, и снова проанализируем ситуацию.

Свернув в сторону «Полета на Луну», Аллокко посмотрел на часы — девять минут пятого. Господи, неужели он пробыл здесь всего семь минут? Он чувствовал себя так, будто постарел по крайней мере на год.

Когда он впервые оказался на месте катастрофы, взбежав по служебной лестнице, у выхода со «Станции „Омега“» — к счастью, расположенного в невидимой из остальной части космопорта зоне — лихорадочно работали спасатели, толпились плачущие или шокированные до бесчувствия служащие. Но тогда, естественно, все было иначе — казалось, еще есть шанс сохранить чьи-то жизни. Теперь же, по прошествии всего семи минут, атмосфера полностью переменялась, словно на космопорт опустилась мрачная призрачная пелена.

За исключением проклятой музыки.

У поспешно сооруженного командного пункта собрались несколько человек. Подойдя ближе, Аллокко увидел представителей отдела обслуживания посетителей, дирекции, отдела персонала. Все стояли вдалеке от места катастрофы, словно застенчивые девицы на студенческой вечеринке, с одним и тем же ошеломленным выражением на лицах. Когда Сара сюда доберется, она...

Он вдруг понял, что совсем забыл про нее и Зеркальный зал, и ощутил мимолетное беспокойство, но тут на одном из переносных столов зазвонили несколько телефонов сразу, и Малкольм Грифф, глава отдела обслуживания посетителей, потянул его за рукав.

— Да?

Аллокко повернулся к нему.

— Мне доложили о мерах по нераспространению слухов, — сказал тот на фоне непрерывного звона телефонов.

— Продолжайте.

— Похоже, история с учениями сработала. Никаких вспышек паники не замечено.

— Хорошо.

Слушая его, начальник службы безопасности постоянно наблюдал за происходящим вокруг — за отвечающими на телефонные звонки охранниками, за разматывающим большую

катушку оптоволоконного кабеля техником, за отправкой первого патруля.

— С помощью дирекции мы способствуем оттоку посетителей из Каллисто в другие Миры. Мы уменьшили пропускную способность на входах — чтобы рассредоточить свидетелей, отсрочить возникновение слухов.

— Хорошо.

«Рассредоточить свидетелей, отсрочить возникновение слухов...» Отдел обслуживания посетителей изъяснялся еще изощреннее, чем участники социологической конференции. И все же Аллокко чувствовал, что тот что-то от него скрывает. Он снова посмотрел на Гриффа.

— Еще что-нибудь?

Тот колебался.

— Мы поставили наших людей в очереди на выходе. Знаете, просто послушать, выяснить настроения, что говорят гости...

— Дальше.

— Один из наших сотрудников подслушал разговор двоих посетительниц. Похоже, некая туристка бродила в поисках туалета и заметила какую-то вспышку внутри выходного коридора «Станции „Омега“», как раз перед тем, как огородили зону высадки.

— Вспышку?

— Гм... да. Судя по тому, что подслушал наш сотрудник, именно так.

«Господи. Только этого еще не хватало».

— У вас есть описание этой свидетельницы?

Грифф покачал головой.

— Другие подобные сообщения?

— Нет, только одно.

Снова оглядевшись вокруг, Аллокко заметил Тома Роуза, главу отдела инфраструктуры, выходящего из служебной части космопорта.

— Будем надеяться, слух не распространится. Люди всегда

слышат что-то подобное — если повезет, можно будет списать на очередную нелепую сплетню. Но пусть ваши люди продолжают следить, что говорят посетители. Мне хотелось бы знать, не появится ли эта история где-то еще.

Грифф кивнул, повернулся и быстро направился в сторону ряда телефонов.

Том Роуз медленно шел навстречу начальнику службы безопасности. Лицо его побледнело, воротник рубашки потемнел от пота.

— Том? — кивнул в знак приветствия Аллокко.

Глава отдела инфраструктуры в ответ лишь посмотрел на него.

— Есть мысли насчет того, что произошло?

Роуз задумчиво пожевал губу.

— Сейчас это выясняют инспектора и инженеры, — сказал он и замолчал.

Начальник охраны стоял, ожидая продолжения.

— Они пока точно не уверены, в чем именно дело. Но это вовсе не перегрев, как мы думали. Похоже, все дело в системе безопасности.

— В системе безопасности?

Роуз кивнул. Казалось, еще немного, и он разрыдается.

— Вы же знаете, как работает гидравлическая система замедления на «Станции „Омега“», которая срабатывает после свободного падения со ста футов? Она чрезмерно переусложнена, но иначе и быть не может, учитывая, что кабину толкает вниз инжекторный механизм.

Роуз говорил все быстрее, словно хотел поскорее покончить с причиняющим боль объяснением.

— Технические спецификации я видел. Продолжайте.

— Так вот, похоже, система замедления не сработала в нижней части аттракциона, как предполагалось. Она включилась в самом начале, наверху, как раз в тот момент, когда инжектор пытался отправить кабину вниз.

— И?

— В общем, из-за давления, толкавшего кабину вниз, и давления, пытавшегося в то же самое время ее замедлить, выработалось огромное количество тепла.

— Насколько огромное? — Аллокко тут же пожалел, что задал этот вопрос.

Вид у Роуза тоже был жалкий.

— Мои инженеры оценили его примерно в пятьсот градусов по Цельсию. И оно проникло... проникло... — Он не договорил.

— Внутри кабины, — закончил за него Аллокко.

Последовала короткая жуткая пауза.

— Но как это могло случиться? — спросил начальник охраны.

У Тома Роуза дрожали губы.

— Мы проектировали этот аттракцион с учетом максимальной надежности. Втрое выше, чем в исходных спецификациях.

— И?

— Не понимаете? Главной нашей заботой была безопасность, а не защита от несанкционированного вторжения.

Внезапно Аллокко понял то, чего Роуз не хотел говорить прямо. Систему аттракциона использовали против него самого. Дьявольская ирония.

— Каким образом можно такое совершить? — спросил он.

— Если точно знать, что делать, все относительно просто. Изменить положение полудюжины тумблеров, поменять провода на одной из панелей управления. Работа на минуту, может, на две. Но сначала нужно переключить в ручной режим модуль безопасности, а это уже намного сложнее. Требуются высокие привилегии. Вероятно, это сделали удаленно.

Аллокко шагнул назад, двигая желваками. Он мысленно представил себе, как Джон Доу просматривает украденные схемы, определяя, на каком аттракционе удобнее всего провести диверсию. А еще он подумал о неизвестном в форме пилота челнока, том самом, которого видела служащая на посадке «Станции „Омега“» перед

катастрофическим падением. Он вспомнил, что говорил ему Пул про хакера, про то, как тот сидел в Узле и печатал, не обращая на них внимания, словно должен был закончить нечто важное, прежде чем...

Словно в тумане, он понял, что Том Роуз о чем-то его спрашивает.

— Прошу прощения? — спросил он, поворачиваясь.

Роуз теперь действительно плакал.

— Кто? — шепотом проговорил он. По его щекам текли слезы. — Кто мог такое сделать? И зачем?

Не в силах вынести умоляющего выражения его лица, Аллокко снова отвернулся.

Джон Доу требовал, чтобы все оставалось в тайне. Но именно он был всему виной. Так что — к черту Джона Доу.

— Друг мой, — тихо сказал Аллокко, — сегодня в парке появились очень плохие люди.

Когда он снова повернулся, Роуза уже не было.

Вздыхнув, начальник охраны моргнул и утер рукавом лоб. Пока не появится Сара, главным оставался он. По крайней мере в пятый раз он мысленно пробежал последовательность действий в экстренной ситуации. Он уже задействовал службу безопасности, инфраструктуру, отдел обслуживания посетителей. Оставались еще медицинская служба и отдел чрезвычайных ситуаций.

Но это означало, что нужно вернуться на место трагедии. Аллокко уже один раз там побывал, и ему очень, очень не хотелось возвращаться.

Снова вздохнув, он достал из кармана гигиеническую помаду и провел ею по губам, затем медленно огляделся вокруг, словно пытаясь найти утешение в обманчиво спокойной обстановке космопорта. А потом, покинув командный пункт, он прошел вдоль периметра к выходному коридору «Станции „Омега“» и шагнул в ад.

Здесь пахло жареной свининой. У основания шахты аттракциона поспешно соорудили большую длинную палатку из белого пластика, скрывающую то место, где — когда в конце концов удалось

отключить питание абсолютно надежных механизмов — кабина аттракциона под названием «Станция „Омега“» плавно опустилась на землю и наконец распахнула двери. Аллокко был крайне признателен тем, кто поставил эту палатку. Музыка здесь звучала тише, и за это он тоже был благодарен. Он невольно вспомнил первое мгновение, когда увидел открытые двери лифта и обнаружившееся за ними содержимое кабины — клубок перепутанных конечностей, выглядевших гротескно на фоне обгоревших рубашек, брюк и ботинок...

На миг остановившись, он снова заставил себя идти дальше, в сторону тента. Сейчас было уже лучше, хоть какое-то подобие порядка.

Рядом со входом в палатку стояла стойка на колесах, поспешно позаимствованная в костюмерной. С ее верхней перекладины свисали десятки тяжелых пластиковых мешков для одежды, черных и огромных. Стойка была уже наполовину пуста.

Чуть в стороне стояли ряды систем жизнеобеспечения, а возле них — несколько кресел-каталок, пустых и бесполезных. Мимо быстро прошел видеотехник, лицо которого приобрело зеленоватый оттенок. На плече у него висели фотоаппарат и видеокамера. В зоне высадки собрались небольшие группы людей — служащие аттракциона, инженеры, охранники. Естественно, слышались рыдания, но уже не такие, как раньше. Большинство из персонала «Станции „Омега“» сидели вместе, опустив головы. Аллокко узнал Дикинсона, оператора пультовой, и Стивенса, начальника аттракциона. Их окружала группа охранников. Он мысленно отметил про себя, что нужно найти служащую по фамилии Пайпер, выслушать перед уходом ее рассказ. Проходя мимо, начальник службы безопасности услышал чей-то голос. Это была молодая женщина, работавшая на высадке. Она в очередной раз пересказывала историю, которую он уже слышал, снова и снова, срывающимся голосом, словно не в силах остановиться. Возле женщины сидела на корточках медсестра, вытирая салфеткой ее руки и лицо.

— Когда кабина опустилась, было тихо, очень тихо, — говорила она. Металлическая ткань ее рукава была закатана, вокруг руки обмотана манжета для измерения кровяного давления. — Ничего не было, вообще ничего, после всех тех криков, и я не могла ничего понять, я только знала — случилось нечто ужасное. А потом

открылись двери, и... и они так нагромодились возле нее, что просто начали вываливаться, мимо меня, мимо меня, и ни звука, но они все падали и... О господи...

Она тихо, мучительно разрыдалась.

Медсестра гладила ее по голове, что-то шепча. Кто-то встал и на негнущихся ногах направился в дальний угол. До Аллокко донеслись звуки рвоты.

Стиснув зубы, он прошел мимо охранников, отодвинул пластик в сторону и шагнул в медицинскую палатку.

Здесь запах жареного мяса чувствовался еще сильнее. Носилки и каталки стояли в два ряда, позволяя как можно быстрее обрабатывать трупы. Когда Аллокко оказался здесь впервые, еще почти ничего не началось — медицинский центр готовился оказать помощь, предполагая поступление с аттракциона многочисленных пострадавших. Но теперь врачи, санитары и медсестры, готовившиеся спасти жизни, помогали достойно оказать последние почести погибшим.

Доктор Финч, глава медицинского центра, стоял с ближнего края левого ряда, склонившись над одним из огромных пластиковых мешков. Как и у других, на нем были перчатки из латекса и двойная хирургическая маска. Аллокко подошел к нему, стараясь не смотреть на странно бугрящийся пластик, покрывавший пол в дальнем конце палатки, возле открытых дверей кабины.

— Как у нас дела, доктор? — спросил он.

Доктор Финч застегнул молнию на мешке, что-то отметил в блокноте и повернулся к нему.

— К нам летят санитарные вертолеты из Коламбия-Санрайз и Лейк-Мид.

— Когда должны прибыть?

Лицо доктора осунулось, глаза над маской покраснели.

— Примерно через двадцать две минуты.

«Даже если бы они были здесь уже сейчас, это ничего бы не изменило, — подумал Аллокко. — Нам требуется целый парк похоронных машин».

— Мы связались с шерифом и патологоанатомами в округе Кларк, — сказал доктор, словно прочитав его мысли. — Они прибудут через полчаса, самое большее минут через сорок.

Начальник охраны кивнул. Он подумал было о том, как поведет себя Джон Доу, увидев, что здесь появится половина официальных лиц Невады, но тут же понял: это его совершенно не волнует.

— Чем вы сейчас заняты? — спросил он, махнув рукой в сторону ряда носилок. Несмотря на обстоятельность руководств по действиям в чрезвычайных ситуациях в Утопии, на подобный случай в них ничего не предусматривалось.

— Мы просто приводим здесь все в порядок, чтобы патологоанатомам проще было опознавать трупы.

— Вы их уже посчитали?

Судя по показаниям автоматического счетчика, в кабину «Станции „Омега“», перед тем как закрылись ее двери, вошел шестьдесят один человек. Но всегда оставалась надежда, что счетчик ошибся и на самом деле людей на аттракционе было меньше, чем они полагали.

— Нет. Пока нет. — Доктор кивнул в сторону бугристого пластика, покрывавшего пол в передней части палатки. — На данный момент мы обработали двадцать семь.

«Двадцать семь», — подумал Аллокко.

За девяностые годы во всех парках развлечений в пятидесяти штатах насчитывался всего двадцать один смертельный случай. В прошлом году их было только пять. Здесь же, в результате одной непостижимой трагедии, их могло оказаться вдесятеро больше. Этот случай войдет в историю, станет несмываемым пятном на репутации Утопии. Люди всегда будут думать, слыша шипение закрывающихся дверей аттракциона, не случится ли то же самое снова — внезапная остановка, темнота, паника, неопишуемая безжалостная жара...

Аллокко тряхнул головой, отгоняя мрачные мысли.

— Спасибо, доктор. Не стану вас больше задерживать. Пока не прибудут официальные представители, буду наблюдать за ситуацией с командного пункта. Если вам что-то понадобится, дайте знать.

Финч взглянул на него, кивнул и вернулся к своему блокноту.

Глава службы безопасности окинул взглядом палатку. В дальнем ее конце человек в защитном комбинезоне поднимал с носилок застегнутый на молнию мешок — явно не тяжелый, фунтов сорок-пятьдесят. Отойдя на несколько шагов и повернувшись кругом, он осторожно уложил свою ношу в конце длинного ряда таких же мешков, затем подошел к закрывавшему вход в кабину пластику и приподнял его край рукой в толстой перчатке. Перед глазами Аллокко мелькнуло нечто темно-красное и лоснящееся, похожее на вареного омара. Пригнувшись, он выбрался наружу.

16 часов 10 минут

Ему казалось, будто он расхаживает туда-сюда — восемь шагов в одну сторону, восемь в другую — уже целый час, хотя вряд ли прошло более пяти минут. Фред Барксдейл изо всех сил пытался заставить себя ни о чем не думать. Это было слишком больно. И все же, несмотря на все его усилия, на его плечи тяжким бременем наваливались стыд и злость, страх, досада и разочарование.

Второй обитатель камеры снова лег и закрыл глаза. Хотя они встречались до этого несколько раз, Барксдейл не знал, как его зовут. Для него он был просто Взломщиком Джеком. С другой стороны, Барксдейл вообще не знал ничьих имен, только прозвища — Водяной Буйвол, Сладкоежка или Крутой, парень жутковатого вида. Барксдейла подобная анонимность даже успокаивала, словно незнание могло как-то защитить. Теперь он уже не был столь в этом уверен.

Когда неизвестно откуда появился тот странный тип в вельветовом пиджаке, подловив его на истории с мошенничеством по поводу БПК и показав ему пистолет, Барксдейл попросту сломался. Нараставшее всю последнюю неделю возбуждение внезапно исчезло, сменившись, как ни странно, чем-то вроде облегчения. Все закончилось. К лучшему или к худшему, но все наконец позади.

Но когда они вошли в комплекс службы безопасности, охватившее его оцепенение в очередной раз сменилось ужасающим внутренним конфликтом. Он ненавидел сам себя за то, что вообще все это начал, за то, что позволил событиям выйти из-под контроля, за то, что позволил Джону Доу то обольщать его, то угрожать ему, что и привело к столь недостойному финалу. А разговор о пострадавших в Каллисто, хотя и невнятный, словно кинжалом пронзил его сердце. И все же он тщательно постарался скрыть удивление, когда открылась дверь камеры и внутри обнаружился лежащий на койке Взломщик Джек, — любые признаки того, что Барксдейл его узнал, могли сработать лишь против него. Несмотря на душевную боль и презрение к самому себе, он все еще надеялся как-то выкрутиться.

Взломщик Джек открыл глаза и взглянул на него.

— Ну, как дела, любитель поэзии? — спросил он.

Его издевательские слова остались без ответа. Англичанин лишь ускорил шаг — туда-сюда, туда-сюда.

— Я человек, которого Фортуна жестоко поцарапала [\[40\]](#), — пробормотал он, слишком тихо для того, чтобы его мог услышать Взломщик Джек.

Тогда, в медицинском центре, он сказал Саре не всю правду. На самом деле строчка из Шекспира все-таки пришла ему на ум. «Все может быть еще и хорошо». Но слова эти были произнесены в настолько неподходящий момент и настолько неподходящим человеком — Клавдием, убийцей отца Гамлета [\[41\]](#), — что он так и не решился их сказать.

«О, мерзок грех мой, к небу он смердит...» [\[42\]](#)

Он отбросил мысли о Шекспире. Сегодня они все равно его не утешат.

Как вообще могло такое случиться? Все казалось столь просто. Все фрагменты с легкостью собирались воедино, словно кто-то складывал их за него.

Скорее всего, так оно и было, только он этого не замечал. А этот «кто-то» был Джон Доу.

Все началось с того, что он разозлился. Несмотря на то что он являлся идеальным кандидатом, его так и не сделали исполнительным директором. И что еще хуже, власти предержащие наняли на его место кого-то из Карнеги-Меллона. Безупречные характеристики Сары Боутрайт — работа в должности администратора парка Буш-Гарденс и вице-президента компании по производству микросхем в Силиконовой долине — для разъяренного Барксдейла ничего не значили. Главное, что они наняли кого-то не из их парка. Чак Эмори, надменная свинья, никогда его по-настоящему не любил. Барксдейл со злости даже чуть не ушел.

Но потом ему пришла в голову идея куда лучшая, нежели увольнение.

Сначала это была лишь интеллектуальная забава, показавшаяся ему интересной. Но позже, когда он понял, насколько остроумно и просто все складывается и только он, глава системного отдела, способен воплотить это решение в жизнь, — он начал задумываться уже серьезнее.

Ответ заключался в высокой степени автоматизации всех процессов в Утопии — от датчиков движения, отслеживающих распределение посетителей в парке, до компьютеров, управляющих освещением, температурой, влажностью, давлением воды и прочими бесчисленными параметрами окружающей среды, до системы, обеспечивавшей сбор и обработку денег.

Вышеупомянутая система — система финансовой обработки — в самом деле была великолепной. Руководя ее разработкой и наблюдая за реализацией проекта, он использовал модель сети римских дорог, когда-то тянувшихся по всей Европе и Азии. Он помнил, как очаровали его эти дороги еще в школе. Прямые, мощные, ровные — Домициева дорога, Аврелиева дорога, Аппиева дорога и бессчетные другие, и все они вели к *millarium aureum* — Золотой отметке, Римскому форуму.

Утопия с ее значками-метками и кредитными карточками для посетителей старалась по возможности обойтись без бумажных денег. Но в парке оставалось немало мест — киоски с едой и сувенирами, голографические фотогалереи, магазины футболок, билетные кассы на входе, — где они принимались. К тому же в отличие от других парков развлечений в Утопии были еще четыре огромных казино с игровыми автоматами, карточными столами и рулетками, ставшими ненасытным магнитом, притягивающим наличные.

Финансовая система Барксдейла собирала деньги из бесчисленных разбросанных по парку мест, отправляла их без человеческого вмешательства на ряд подстанций по подсчету и обработке и в конечном счете складывала в центральном хранилище на уровне «С», собственном финансовом римском форуме Утопии. А оттуда их раз в неделю, точно по часам, забирал бронеавтомобиль с сопровождением. Все это происходило автоматически, под управлением системы. Собственно, никто не мог прервать еженедельный цикл сбора и доставки денег, кроме исполнительного директора. Лишь звонок Сары Боутрайт мог отменить прибытие бронеавтомобиля. И такой звонок она совершила бы лишь в случае явной угрозы безопасности или стабильности парка.

Но что, думал Барксдейл, если бронеавтомобиль при этом все-таки приедет?

Прибытие обычного броневика от выбранного Утопией

перевозчика, компании «Американский бронированный транспорт», могла отменить Сара Боутрайт. Но за все дальнейшие действия отвечал Барксдейл. Если сделать все по-умному, персонал системы на уровне «С» никогда не узнал бы, что приезд настоящей машины отменен — Барксдейл не стал бы выполнять распоряжение директора и вообще передавать его дальше. О нем знал бы только он. А когда прибыл бы другой броневедомобиль, его точно так же загрузили бы за несколько минут и, как обычно, отправили бы в обратный путь — с содержимым, которое в последние два месяца оценивалось в ошеломляющую сумму — сто миллионов долларов в неделю.

Барксдейл остановился у стены камеры. Сто миллионов долларов. Если быть полностью честным с самим собой, следовало признать, что им руководил не только благородный гнев, но и деньги тоже.

Постоянно изображая как перед сотрудниками, так и перед начальством отпрыска благородного английского семейства, Фред Барксдейл на самом деле лишь притворялся. Он вырос в убогом домишке в Клапаме, читая рассыпающиеся книги и представляя себя в своих фантазиях студентом Итона, Харроу или Сэндхерста. Мысль о том, чтобы зарабатывать себе на жизнь, казалась ему унижительной. Он считал, что его настоящее призвание — играть на сцене в пьесах Шекспира, как Джон Гилгуд или Лоренс Оливье. Конечно, у его родителей не было денег на эти детские капризы, несмотря на явно имевшийся у него актерский талант. В итоге он пошел учиться в технический колледж в Кентербери, где у него вскоре обнаружились новые способности к проектированию компьютерных систем. По окончании он получил должность системного администратора в Штатах, и его звезда быстро взошла. Вскоре он обнаружил у себя еще один талант — умение притворяться англичанином из высших слоев общества. С его актерским даром и врожденной любовью к прекрасному это оказалось не так уж сложно, и постепенно вторая личность вышла на первый план. Никто никогда не задавал ему вопросов. Со временем Барксдейл и сам перестал задавать вопросы себе, получая удовольствие от той жизни, какой, как он знал, он заслуживал с самого начала.

Но это стоило немалых денег. Долги росли с пугающей скоростью. Впрочем, то, чего ему больше всего хотелось — цивилизованная жизнь в заслуженной роскоши, — оставалось недостижимым.

Сто миллионов долларов.

Конечно, на самом деле в одиночку у него ничего не вышло бы. Требовалась опытная команда, члены которой знали бы, где раздобыть форму, броневик и прочее, — о чем сам Барксдейл не имел ни малейшего понятия.

Несмотря на всю предприимчивость, отчаянное желание раздобыть денег и праведное возмущение, он не отличался особой смелостью. Загадочные объявления, которые он размещал в лондонской «Таймс», «Панче» и некоторых других изданиях, которые могли читать бывшие сотрудники МИ-5, скорее походили на анекдоты, чем на что-либо еще. «Необычная возможность для вложения капитала. Успешному кандидату предстоит выполнять работу в одной из специфических областей. Небольшие начальные вложения, возможен крупный доход. Малодушных и высокоморальных просим не беспокоить». Заметка Барксдейла удовлетворяла его чувство злости — мол, смотрите, что я мог бы сделать, если бы захотел.

Но потом на его объявление ответили. И все закрутилось одно за другим. А теперь он оказался здесь, в этой камере.

В камере...

За дверью, похоже, что-то происходило. Барксдейл остановился, прислушиваясь. Судя по всему, на место катастрофы в Каллисто вызывали новых охранников. Того, что стоял за маленьким зарешеченным окошком, больше не было видно. При мысли о Каллисто и об охраннике по имени Крис Грин Барксдейл ощутил очередной болезненный укол. Никто не пострадает — так ему обещали.

Взломщика Джека тоже заинтриговал шум. Поднявшись с койки, он подошел к окну, огляделся кругом и постучал в дверь.

— Эй! — крикнул он.

Никто не ответил.

— Эй! — снова крикнул он, на этот раз громче.

В окошке появилось молодое, со шрамами от угрей, лицо охранника Линдберга.

— Где здесь туалет? — спросил Взломщик Джек.

— Потом.

— Что значит — потом, черт побери? Мне нужно сейчас. Хочешь, чтобы я в штаны наложил?

Стоящий за дверью Линдберг посмотрел налево, потом направо. Лязгнул ключ в замке, и дверь медленно открылась.

— Руки перед собой, — сказал Линдберг, держа дубинку наготове. — И без глупостей. Бить тебя мне не хочется, но если придется — буду.

Дверь снова закрылась, заскрежетал замок. Барксдейл вздохнул и отвернулся. В отличие от Взломщика Джека он не догадывался, что Линдберг остался единственным охранником в комплексе службы безопасности.

Барксдейл снова начал расхаживать по камере. Теперь он понимал, что вся та легкость, с которой возник их план, была на самом деле иллюзорной. Ему казалось, будто он видит жуткий сон, в котором одно внешне невинное событие естественным образом влечет за собой другое, а потом еще одно, и ты бездумно следуешь за ними, пока внезапно не оказываешься среди кошмара, из которого нет иного выхода, кроме пробуждения. Кошмара, тщательно и тайно продуманного Джоном Доу.

Внезапно Барксдейл снова остановился. Повернувшись к стене, он прижался к ней головой — раз, другой. Если бы он только мог проснуться сейчас...

И все-таки их план должен был сработать. Со всеми возникшими проблемами, всеми потенциальными ловушками удалось справиться очень быстро. Человек, ответивший на его объявление и назвавшийся Джоном Доу, несмотря на всю свою таинственность и уклончивость, оказался крайне умен и проницателен. Он выглядел хорошо воспитанным и культурным, был знаком с творчеством Баха, Рафаэля и Шекспира — словом, оказался из тех людей, с кем Барксдейл вполне мог найти взаимопонимание. Казалось, Джон Доу искренне ему симпатизирует. По мере того как продвигался план, новый знакомый все в большей степени брал руководство на себя, точно указывая Барксдейлу, какие системы требуют дальнейших объяснений или копии каких схем ему нужны. Он позаботился о том, чтобы завлечь в их команду Тома Тибболда для выполнения более простых задач. И именно Джон Доу увидел истинный потенциал их

замысла, о котором Барксдейл не мог даже и мечтать. Сначала дело заключалось только в деньгах, но вскоре речь зашла уже о гораздо большем. Джон Доу показал ему, как с помощью той же хитрости, которая убедила бы Сару Боутрайт прибегнуть к чрезвычайным мерам — в том числе позвонить в АБТ и отменить рейс броневедомобиля, — можно завладеть Горнилом, технологией, стоившей намного больше тех денег. Все можно было сделать быстро, почти без усилий. И самое главное — без жертв.

Собственно, к тому моменту единственные сомнения Барксдейла были связаны не с самим планом, а с Сарой Боутрайт, женщиной, которую он столь ненавидел зато, что она заняла место исполнительного директора. Он никогда не предполагал, что она может ему понравиться, и даже толком не понимал, как все случилось. Сара вообще была не его типа — по-американски чересчур уверенная в себе. Барксдейл не пытался ее очаровать, а просто оставался самим собой. Как ни странно, этого оказалось достаточно. Забавно, что их отношения начали развиваться одновременно с его планами касательно парка. Если бы что-то одно возникло существенно раньше — его чувства к ней или его проект собственного обогащения, — вероятно, второго никогда бы не случилось. Внутренний конфликт неумолимо нарастал. Но каждый раз, когда он решал отказаться от своих планов, Джон Доу начинал его уговаривать, льстить ему, напоминать о том, сколь велика его доля добычи, доказывать ему беспочвенность его страхов. И Барксдейл понимал, что тот прав. Возможно, когда все закончится, думал он, он найдет способ связаться с Сарой, все ей объяснить. И может быть — как ему хотелось верить, — он даже сумеет убедить ее отправиться вместе с ним на Мадейру, зеленый кусочек рая среди лазурного моря, и...

Но в этот момент поток мыслей начал причинять ему слишком сильную душевную боль. Барксдейл потрянул головой и снова начал расхаживать по камере.

Он едва не рассказал ей обо всем тогда, у постели Джорджии Уорн. Он готов был попросить у нее прощения, умолять ее отправиться с ним. Но здесь, в камере, он понял, что обманывал сам себя. Сара никогда не смогла бы простить того, что он предал ее и, что, с ее точки зрения, вероятно, было даже хуже, ее парк. Оставалось лишь надеяться, что она сможет найти счастье с другим — и даже, может быть, несмотря на все ее возражения, с Эндрю Уорном.

Он вспомнил, что она рассказывала про Джона Доу, про то, как он словно заглядывал ей в душу, говорил в точности то, что она хотела услышать. То же произошло и с ним самим. Джон Доу производил впечатление чистокровного британца, каким Барксдейлу всегда втайне хотелось быть. Его манеры были безупречны. Он относился к Фреду как к равному и по социальному положению, и по интеллекту. Для Барксдейла оказалось немалым сюрпризом, когда он в конце концов узнал, что все его поведение — лишь игра, обман.

Затем последовали новые неожиданности. На «Ноттингхиллских гонках» пострадал мальчик — этого не должно было случиться. Джон Доу сожалел об этом, заверяя его, что больше подобных сбоев не будет. Но самый крупный сюрприз случился сегодня, когда на неделю раньше появился Эндрю Уорн.

Естественно, приезда ученого следовало ожидать. Сама суть плана предполагала, что он рано или поздно появится, чтобы отладить метасеть. Это была идея Барксдейла — использовать команду Джона Доу, чтобы, изображая сотрудников БПК, внедрить шпионскую программу в сеть Утопии. Джон Доу придумал остроумный план, поручив Взломщику Джеку изображать хакера, который пытался извне проникнуть за брандмауэр Утопии, стараясь его взломать. Его атаки, естественно, оказались безуспешными, но дали желаемый результат. Руководство Утопии потребовало немедленных действий, что позволило Барксдейлу привлечь БПК — вернее, поддельную БПК — по распоряжению кого-то другого, что оставляло его вне всяких подозрений. А привычная секретность, царившая среди руководства, дала ему возможность самому задействовать все необходимые контакты. Цикл выставления счетов в Утопии составлял десять недель, и в конце концов кто-то поинтересовался бы, почему «Безопасность под ключ» так и не прислала счет за свои услуги. Но к тому времени обо всей операции и роли в ней самого Барксдейла давно бы уже знали. А Барксдейл оказался бы уже очень далеко.

Уорна ждали через неделю. Но вместо этого он приехал сегодня утром, в самый неудачный момент. Именно тогда у Барксдейла появились первые по-настоящему дурные предчувствия. Но теперь, естественно, любезные заверения Джона Доу сменились неприкрытыми угрозами. Он больше не пытался скрывать свое презрительное отношение к Барксдейлу. Даже его собственные ссылки на Шекспира приобрели циничный, насмешливый оттенок.

Так что ничего не оставалось, кроме как продолжать операцию, несмотря на ощущение, что...

В коридоре послышался шум — Взломщик Джек возвращался из туалета. «Долго же он там просидел», — равнодушно подумал Барксдейл. В замке лязгнул ключ, открылась дверь. Повернувшись, Барксдейл увидел Линдберга, который стоял в дверях, положив одну руку на дубинку, а другой держась за дверную ручку. Рядом с ним стоял Взломщик Джек. На этот раз руки хакера были не перед ним, а за его спиной.

На глазах у Барксдейла Взломщик Джек быстро выбросил руки вперед, подняв их над головой Линдберга. Между его ладонями была туго натянута тонкая металлическая проволока. Она коротко блеснула в свете лампы, словно ее только что вымыли. Барксдейл вдруг понял, что ему не хочется думать о том, где эту проволоку прятали.

А затем руки Взломщика Джека резко опустились, и удавка погрузилась в шею Линдберга.

Охранник инстинктивно вскинул руки, хрипя и кашляя. Дубинка упала на пол, покотившись по плиткам и остановившись внутри камеры. Барксдейл наблюдал за происходящим, застыв от ужаса. Линдберг дернулся раз, другой, но Взломщик Джек оставался рядом с ним, скрестив ладони и все туже затягивая проволоку на шее жертвы.

Затем он слегка ослабил давление. Руки охранника безвольно упали, он судорожно вздохнул и закашлялся. Все так же держа руки у шеи Линдберга, Взломщик Джек наклонился к его уху.

— Где мой мешок? — спросил он.

— В шкафу... — прохрипел охранник. — В шкафу.

— Где?

Охранник показал взглядом в конец коридора.

— Заперт?

Линдберг едва заметно кивнул. Лицо его побагровело.

— Ключи?

— В кармане...

— Достань.

Охранник опустил руку в карман. Смотреть вниз он не мог, и у него получилось не сразу. Барксдейл ошеломленно наблюдал, как дергаются его пальцы, двигаясь вдоль ремня. Его охватила новая надежда, еще более сладостная из-за своей неожиданности. Он все-таки сумеет отсюда выбраться. У него все получится.

Линдберг нашел цепочку с ключами и теперь держал ее между большим и указательным пальцами. Ключи шумно гремели в его трясущейся руке.

— Который?

С некоторым усилием Линдберг поднес цепочку к глазам и выбрал маленький бронзового цвета ключик.

Взломщик Джек внимательно посмотрел на ключ.

— Не врешь?

Охранник качнул головой.

— Хорошо.

Застонав от усилия, Взломщик Джек снова затянул удавку.

Линдберг начал отчаянно сопротивляться, хватаясь руками за шею и скользя ногами по полу. Убийца пытался удержаться вертикально, выгибая тело охранника назад под давлением проволоки. Послышался отвратительный влажный треск.

Барксдейл смотрел на все это, не в силах двинуться с места от ужаса.

— Нет, — пробормотал он.

Взломщик Джек продолжал безжалостно затягивать удавку. Лицо его исказилось. Линдбергу удалось повернуться к открытой двери камеры. Рот его был раскрыт и полон крови, взгляд выпученных глаз умолял о пощаде.

— Не надо, — сказал Барксдейл, на этот раз громче.

Глаза Линдберга закатились — жуткие белки в красных глазницах.

— Нет! — крикнул Барксдейл.

Почти не соображая, что делает, он прыгнул вперед, схватил дубинку и, размахнувшись, опустил ее сбоку на голову хакера.

Послышался глухой удар дерева о кость, и дубинка вылетела из руки Барксдейла, покотившись по полу. Взломщик Джек несколько мгновений продолжал стоять, а затем осел на пол. Линдберг свалился на него сверху, раскинув руки с судорожно дергающимися пальцами.

Барксдейл присел возле охранника и осторожно перевернул его на бок. Проволока столь глубоко вонзилась в шею, что осталась на месте даже после того, как он упал. Она была скользкой от крови, и за нее тяжело было ухватиться. Сняв удавку, англичанин расстегнул воротник Линдберга и погладил его по лбу.

— Ну давай же, старина, — пробормотал он, слегка его встряхивая. — Давай же. Все у тебя получится.

Кто-то пнул его в крестец, и боль взорвалась в позвоночнике, словно мина. Вскрикнув, Барксдейл упал на бок. Взломщик Джек неуверенно поднимался на ноги. Он огляделся по сторонам. Барксдейл проследил за его взглядом, но, когда он понял намерения хакера, Взломщик Джек уже заметил дубинку. Он быстро нагнулся за ней, оттолкнув протянутую руку англичанина. Затем он снова встал, на этот раз намного быстрее. Взглянув на охранника, он заметил ключи и шагнул вперед, чтобы их подобрать.

Барксдейл отполз назад. Заметив его движение, Взломщик Джек снова повернулся к нему. Хакер поднес руку к виску и болезненно поморщился. Англичанин увидел, как побелели его пальцы, сжимавшие дубинку.

— Чертов придурак, — пробормотал он, быстро шагнув к пятящемуся назад Барксдейлу.

16 часов 12 минут

По мере того как броневик и автомобиль сопровождения поднимались по длинной подъездной дороге к Утопии, встречный поток машин становился все плотнее. Мимо проносились огромные полуприцепы, рефрижераторы и фуры, доставившие свой груз в бескрайние лабиринты Подземелья Утопии. За грузовиками ехала вереница легковушек, внедорожников и пикапов служащих парка, возвращавшихся в северные пригороды Вегаса или расположенный неподалеку Креозот. За окнами машин виднелись счастливые, беззаботные лица.

Когда за последним поворотом впереди появилась массивная задняя стена Утопии, водитель автомобиля взглянул на часы — четыре часа двенадцать минут пополудни. Точно в срок.

Сунув руку в бронированное отделение на передней панели, он достал оттуда рацию. Не выпуская из виду дорогу, он набрал код дешифровки на клавиатуре передатчика и поднес его к губам.

— Главный Фактор, говорит Сладкоежка, как меня слышите?

Он убрал палец с кнопки передачи, прислушиваясь. Мгновение спустя ему ответил голос, казавшийся хриплым и неестественным сквозь шум помех.

— Слышу тебя, Сладкоежка. Видишь цель?

— Только что появилась.

— Отлично. Продолжай действовать. Встретимся в пункте сбора.

— Конец связи.

Водитель отложил рацию в сторону и сверился с небольшим списком отпечатанных на принтере команд, приклеенным скотчем под приборной панелью, затем нажал другой рукой кнопку на радиогарнитуре.

— Утопия Центр, говорит транспорт АБТ Девять-Эхо-Браво, прием.

В наушниках сквозь треск послышался другой голос:

— Утопия Центр слушает.

— Мы прибыли, просим разрешения на въезд.

— Девять-Эхо-Браво, ждите.

Голос в наушниках смолк, и водитель замедлил ход, переключив передачу. Пересменка закончилась, и поток встречных машин постепенно ослабевал. Впереди, за будкой охраны, дорога расширялась, переходя в бескрайнюю асфальтированную площадь. По одну ее сторону стояли длинными ровными блестящими рядами автомобили сотрудников Утопии, по другую — разные грузовики и прочие служебные машины. В дальнем конце припарковался коричневый фургон без окон с надписью большими буквами на борту: «Дрессировка экзотических птиц, Лас-Вегас». словно в рекламе, на его крыше сидел, раскинув крылья и вытянув голую шею, крупный стервятник, который с интересом периодически постукивал клювом по крыше фургона.

За стоянкой возвышалась громада Утопии, официально известная под названием «Служебно-административная зона». Ее не изображали в брошюрах и фильмах для туристов, и лишь иногда ее можно было найти на тайно сделанных фотографиях в фанатских журналах и на вебсайтах. Однако вид ее по-своему впечатлял. Задний фасад парка плавно изгибался от одной стены каньона до другой, словно гигантская дамба, полностью сплошной, не считая множества крошечных окон. Над ним поднимались изящные очертания блестящего в лучах вечернего солнца купола, огромная тень которого начинала опускаться на левый край парковки.

— Утопия Центр, подтверждаю, — послышался голос в наушниках. — Можете двигаться дальше. Коридор сейчас освободят.

— Девять-Эхо-Браво, подтверждаю, — ответил водитель. — Спасибо. Конец связи.

Одиноким охранник у шлагбаума махнул рукой, пропуская броневик. Водитель ответил ему шипением воздушных тормозов, после чего покатыл по бетону к огромным воротам в основании главного корпуса Утопии, между двумя одинаковыми разгрузочными доками. Хотя въезд был достаточно велик для того, чтобы пропустить «форд», на фоне возвышающейся над ними стены он казался не более чем мышьиной норкой.

Седан сопровождения отделился от броневика и остановился по одну сторону ворот, работая на холостом ходу и медленно вращая

желтой мигалкой на крыше. Водитель инкассаторской машины посмотрел в зеркало, поймав взгляд сидящего позади охранника. Тот крепче сжал в руках дробовик и кивнул.

Требовалось въехать как положено с первого раза — любые ошибки или отклонения от нормы сразу бы заметили. Но прошло всего полгода с тех пор, как он перестал водить бронеавтомобили для компании АБТ, что очень быстро стало его второй натурой. Кроме того, маневр отрабатывался десятки раз, между выложенными из шишек линиями в высохших руслах округа Эсмеральда, и водитель действовал без каких-либо колебаний. Подъехав к воротам, он резко повернул руль, медленно развернув большой «форд». Корма броневики скользнула в утробу Утопии, и рев работающего на задней передаче двигателя стал громче, отдаваясь эхом от стен.

Постепенно голубое небо исчезло, и его сменила крыша уровня «С». Инкассаторский автомобиль осторожно двигался задом по широкому, слегка изгибающемуся коридору. Когда он проехал мимо будки охраны, сидящий внутри сотрудник кивнул водителю.

— Можно у вас заодно проверить масло и шины? — крикнул в бойницу водитель.

Охранник улыбнулся, показал большой палец и махнул рукой, пропуская его дальше.

16 часов 15 минут

Они спешили по уровню «В» — Сара впереди, Уорн за ней. Женщина смотрела прямо вперед, плотно сжав губы и почти не моргая. В правой руке она сжимала рацию, позаимствованную у Кармен Флорес в отделе обработки изображений. Идущие навстречу сотрудники, увидев выражение ее лица, тут же уступали дорогу.

— Расскажи еще раз, — отрывисто бросила она через плечо.

— Собственно, ты уже все слышал а, — тяжело дыша, ответил Уорн. — У меня нет ответов на все вопросы. Я просто понял, что, поскольку тот диск оказался пустым...

— Откуда ты знаешь?

— Терри сказала.

— Она могла и ошибиться.

От неуверенного, озадаченного взгляда Сары, который он видел в бледном свете Зеркального зала, не осталось и следа.

— Если она права, это означает, что у Джона Доу уже есть один диск. Зачем Барксдейлу давать ему пустой, особенно если он сам во всем этом замешан? Именно тогда мне пришло в голову, что, возможно, Джон Доу нужен вовсе не второй DVD. Он искал тебя.

— Меня? — скептически переспросила Сара.

— Ты явно ему для чего-то нужна. В конце концов, ты руководитель парка. Он наверняка собирался тебя похитить — если не хуже. А подобный лабиринт для этого — самое подходящее место. Почему он позволил себе встретиться с тобой лицом к лицу у тебя в кабинете? Он не из тех, кто мог бы оставить подобную улику.

Разговор шел вовсе не так, как он предполагал. Ученый понимал, что действует чисто импульсивно и что на самом деле никаких доказательств у него нет. Но по-другому просто не получилось.

— А почему именно сейчас? — спросила Сара, когда они свернули в очередной коридор.

— Возможно, в их планах наступил некий критический момент. Видимо, происходит нечто такое, о чем мы не знаем. Им требуется

отвлекающий маневр. Иначе зачем им было устраивать аварию на том аттракционе — как его, «Станция „Омега“»? — после того, как ты согласилась передать второй диск?

— Вот именно — зачем? — бросила она. — После того, как мы посадили под замок одного из их команды с твоей помощью? Кстати, мне сейчас следовало бы быть там — на «Станции „Омега“». А вместо этого я участвую в какой-то авантюре.

Уорн почувствовал, что начинает злиться. После того как они покинули Газовый Свет, Сара все время молчала и лишь теперь начала засыпать его вопросами.

— Почему ты так считаешь? — спросил он.

— Потому что так оно и есть. В твоей теории есть одна проблема — вина Фреда. Без нее все остальное разваливается. А я в это не верю. Ни на минуту.

— Но я же объяснял про БПК, про то, что никакого...

— Да-да, я слышала. Я понимаю, что ты меня к нему ревнуешь, Эндрю, но это совершенно неприемлемо. — Она ускорила шаг. — Я намерена задержаться в службе безопасности лишь затем, чтобы выслушать объяснения Фреда. А затем, естественно, я прикажу его освободить, после чего вернусь к своим прямым обязанностям — руководству Утопией. Примерно через пять минут Чак Эмори будет звонить федералам. А когда они здесь появятся, все твои гипотезы станут носить чисто академический характер.

Она мрачно посмотрела на Уорна.

Раздражение ученого росло. Еще несколько минут назад он чувствовал облегчение, даже в каком-то смысле был доволен собой, хотя и не осмеливался в этом себе признаться. Он все вычислил, распутал загадку. Он спас Сару от неведомой судьбы в лапах Джона Доу. Единственное, что его волновало, — где Джорджия и Терри. А подобной вспышки гнева и недоверия он никак не мог ожидать.

Впереди появились двустворчатые двери комплекса службы безопасности. «Она все отрицает, — подумал он. — Она не может поверить в то, что совершил Барксдейл. — Но в голове его звучал и другой голос: тихий, но при этом более холодный и настойчивый: — Что, если ты ошибся? А если есть какое-то другое объяснение, которое ты упустил? Не помutilи ли чувства твой рассудок?»

Директор толкнула дверь и вошла внутрь, но тут же, нахмурившись, остановилась.

Приемная была пуста. Никто не сидел ни на ярко окрашенных пластиковых стульях, ни за длинным блестящим столом. В помещении царила странная настороженная тишина. Где-то вдали звонил телефон.

— Что... — начала Сара.

Шагнув вперед, она огляделась по сторонам.

Уорн последовал за ней. Где Пул? Почему Терри не вернулась сюда с Джорджией? Может, все они ждут в одном из кабинетов?

Открыв дверь рядом со столом, он выглянул в коридор за ней. Никого — ни звука, ни движения. Он начал ощущать смутную тревогу.

Уорн двинулся по коридору. Пусто — лишь тиканье часов и низкое гудение кондиционера. Снова зазвонил телефон. В дальнем конце коридора одна из дверей была открыта, и за ней виднелся ряд больших металлических шкафов. Дверца одного из них была распахнута, в замке болтался ключ.

Неожиданно Уорн остановился, будто повинуюсь некоему инстинкту.

На стене коридора что-то блестело. Осторожно подойдя ближе, он увидел капли крови — все еще влажные, ярко-красные на фоне серого кирпича.

Чувствуя, как забилося сердце, Уорн пробрался вдоль стены и выглянул в открытое пространство впереди. Там тоже все было забрызгано кровью — стулья, стол и стены.

Неужели Джон Доу пришел за пленниками? Какая трагедия случилась здесь?

В тишине за спиной Уорна слышались шаги.

Обернувшись, он увидел, что к нему быстро идет Сара, про которую он совсем забыл.

— Сара! — сказал он, пытаясь ее задержать. — Нет!

Она пробежала мимо него и остановилась, увидев кровь.

— О господи, — пробормотала она.

Уорн снова огляделся вокруг, пытаясь взять себя в руки. Взгляд его упал на дверь камеры. Она была приоткрыта, и перед ней расплылась лужа крови.

Медленно, как автомат, он подошел к двери и заглянул в зарешеченное окошко.

На полу лицом вниз неподвижно лежали два тела. Через окно он мог различить лишь их головы и плечи. На обоих были черные пиджаки сотрудников службы безопасности.

«Они сбежали, — подумал он. — Оба, Барксдейл и хакер. Убили охранников и сбежали».

Но где Пул? Или его тело где-то спрятали? И где — он вдруг ощутил, как его обдало смертельным холодом, — Терри Бонифацио и Джорджия?

Неожиданно его оттолкнули в сторону. Сара заглянула в окошко, и Уорн услышал ее судорожный вздох. Затем она распахнула дверь, вошла внутрь и тут же вскрикнула, словно от боли. Не раздумывая, ученый шагнул следом за ней в дверь.

Сара стояла на коленях возле одного из лежащих. Только теперь Уорн понял, что это вовсе не охранник. На нем был светлый костюм, но верхняя часть пиджака настолько потемнела от крови, что казалась черной. Сара наклонилась, приподняв мужчину, и светловолосая голова откинулась назад.

Это оказался Фред Барксдейл.

На мгновение ученый застыл неподвижно, охваченный ужасом.

Сара быстро повернулась к нему.

— Помоги мне, ради бога! — закричала она. — Принеси воды, каких-нибудь тряпок. Вызови врачей!

Развернувшись кругом, Уорн побежал по коридору в сторону приемной.

Заметив какое-то движение, он увидел Пула, который вошел в двустворчатые двери, обнимая одной рукой за плечи Терри, а другой толкая кресло-каталку.

Взгляд Уорна упал на кресло. Там сидела Джорджия, закрыв

глаза, закутанная в больничное одеяло.

Несколько мгновений ученый не ощущал ничего, кроме ни с чем не сравнимого облегчения. Затем он посмотрел на Терри. Под ее бронзовой кожей проступала смертельная бледность. Она взглянула не него, тут же отвернулась, а потом, с некоторым усилием, посмотрела снова. Кисть ее правой руки была вся в крови.

— Вы ранены? — быстро спросил он.

— С ней все в порядке, — ответил телохранитель. — Это кровь с рации, по которой она со мной связалась.

— Что случилось?

— Мы прятались, — сказала Терри. — В кладовой.

Голос ее дрожал, она изо всех сил пыталась сохранить самообладание.

— Об этом потом, — прервал их Пул. — Думаю, сейчас куда важнее, чтобы вы рассказали мне, что происходит здесь.

Он многозначительно посмотрел на пол. Проследив за его взглядом, Уорн увидел, что его ботинки тоже в крови и кровавый след ведет через дверь по коридору. Он отвел Пула в сторону.

— Барксдейл там, — прошептал Уорн ему на ухо. — Похоже, он мертв. Он и один из охранников. А хакер исчез.

Яростно выругавшись, Пул бросился мимо него к камере.

Уорн подошел к Терри и положил руку ей на плечо.

— Как вы? — спросил он, погладив ее по щеке.

Она подняла взгляд, оторвав его от кровавых следов на полу.

— Все хорошо, — кивнула она.

— А Джорджия?.. — Он замолчал, увидев нечто в глазах Терезы.

— Проснулась. Ненадолго. Теперь снова спит.

Снова открылись двери, и на пороге появился молодой парень. Уорн узнал Пеккема, видеотехника Аллокко.

— Где вы были? — спросил Пеккем. — Я повсюду вас ищу. В Каллисто начался настоящий ад, и все отсюда ушли, так что я...

Он замолчал, увидев кровавые следы.

— Пул там, — сказал Уорн, показывая за спину. — Он вам все расскажет. Может, сумеете чем-то помочь. А мне нужно позвонить.

Пеккем исчез. Уорн осторожно вкатил кресло с дочерью в небольшой кабинет позади стола, рядом с туалетом. Девочка пошевелилась во сне и вскрикнула. Он мягко погладил ее по волосам, поцеловал в теплый лоб. Она что-то пробормотала, успокаиваясь.

— Я люблю тебя, принцесса, — прошептал он, затем вышел из кабинета и вернулся к Терри.

Женщина подняла на него взгляд.

— Она не плакала, — сказала она. Голос ее звучал монотонно, словно потрясение все еще не прошло. — После того, как ушел тот человек с оружием. Там было темно, очень темно. Она опять заснула. Наверное... наверное, из-за снотворного.

— Спасибо, — почти шепотом ответил Уорн, беря ее за руку. — Я никогда не забуду того, что вы мне сегодня помогли.

Терри посмотрела на него.

— Можете сделать еще кое-что?

Уорн пристально взглянул на нее, пытаясь понять выражение ее лица и думая, как бы лучше объясниться. В конце концов он решил рассказать ей все.

— Здесь двое тяжелораненых — один из охранников и Фред Барксдейл. Не могли бы вы позвонить в медицинский центр? Попросите немедленно прислать сюда врача.

Услышав имя Барксдейла, Терри вздрогнула и побледнела еще сильнее, но молча повернулась к телефону и сняла трубку. Та слегка дрожала в ее руке.

Зайдя в туалет, Уорн схватил несколько полотенец и намочил их в раковине, затем побежал по коридору.

В камере стало тесно — возле Барксдейла теперь стояли на коленях и Сара, и Пул. Уорн протянул пару полотенец Саре и отошел к двери, встав рядом с Пеккемом. Охранника перевернули на спину — вероятно, это сделал Пул, проверяя, в каком тот состоянии. Лицо его распухло, между раздвинутых губ торчал кончик почерневшего языка. Сара начала осторожно обтирать лицо Барксдейла. Англичанин был настолько избит, что его изящные черты стали

практически неузнаваемыми.

— Терри сейчас звонит в медицинский центр, — сказал Уорн.

Пул забрал у него остальные полотенца и отдал Саре, взяв у нее окровавленные.

— Он еще жив, — сказал он Уорну. — Но состояние критическое.

Сара мягко коснулась влажной тканью лица Барксдейла. Тот пошевелился и тихо застонал.

— Фредди, — сказала она, наклоняясь ближе. — Это я, Сара. Я здесь.

Англичанин снова пошевелился.

— Не напрягайся, тебе нельзя.

Губы Барксдейла дрогнули.

— Сара, — едва слышно проговорил он.

— Ничего не говори. Все будет хорошо.

— Нет. Я должен сказать. Сара... прости меня...

Полотенца кончились, и Уорн ушел за новыми. Терри за столом быстро говорила по телефону. Уорн обшарил несколько ящиков в поисках аптечки, но не нашел и отправился в туалет за свежими полотенцами. Возвращаясь назад, он неожиданно встретил на полпути Пула и Ральфа Пеккема.

— Думаю, вам следует это знать, — сказал телохранитель. — Он признался.

— Что он сказал?

— Пока немного. Ему очень, очень больно.

— Идем. — Уорн двинулся дальше по коридору, но Пул положил руку ему на плечо. — В чем дело?

— Послушайте, я не врач, но им необязательно быть, чтобы понять — парень не выживет.

Ученый посмотрел на него.

— И что вы хотите этим сказать?

— Дайте ей несколько минут спокойно побыть с ним.

Уорн поколебался.

— Что бы он ни говорил, она нам обо всем расскажет — если это касается нас.

— Вы правы.

Он медленно зашагал обратно в сторону приемной. Пеккем остался стоять, непонимающе моргая.

Когда Уорн вернулся, Терри уже положила трубку. В огромном кожаном кресле она выглядела маленькой и беззащитной. Глаза ее покраснели, но оставались сухими. Хотя он не знал точно, что произошло тогда в медицинском центре, кровь на ее руке говорила об этом достаточно красноречиво. Уорн почувствовал себя виноватым перед ней — стоило хоть как-то ее подбодрить.

Присев рядом с креслом, он вытер полотенцем кровь с ее руки. Она опустила голову ему на плечо, и он прижал ее к себе. Плечи ее содрогнулись от рыданий.

— Все хорошо, — сказал он. — Все закончилось.

Шли минуты — он не знал точно, сколько именно. Он чувствовал, как стихают ее рыдания, чувствовал запах бальзама от ее волос. Все закончилось. Хорошо или плохо, но закончилось. Иначе и быть не могло.

И тут он услышал голос — голос Сары, зовущий его по имени.

— Эндрю! Эндрю!

Мягко отстранившись от Терезы, он в последний раз погладил ее по щеке и побежал к камере. Пул уже был там, снова сидя рядом с англичанином и слушая Сару.

— Бронеавтомобиль, — говорила женщина, глядя Барксдейла по волосам и слегка раскачиваясь вперед и назад. — Именно он был настоящей целью. Он и технология Горнила. Все остальное, все свои роботов — лишь уловка, чтобы отвлечь нас.

— Чтобы вы не смогли понять, что происходит на самом деле, — кивнув, сочувственно сказал Пул Саре. — И что с этой машиной?

— Она совершает один рейс в неделю, по понедельникам. — Сара не смотрела ни на Пула, ни на Уорна. Взгляд ее был прикован к

Барксдейлу, голос звучал монотонно. Рукава ее пиджака пропитались кровью, прилипая к рукам. — Весь процесс автоматизирован. Только я или Чак Эмори в Нью-Йорке можем его отменить — в случае чрезвычайной ситуации или угрозы общественной безопасности. Сегодня утром я отменила нашу «молочную развозку», но Фред никому об этом не сообщил. Внизу, в хранилище, все еще ждут броневик. И Фредди говорит, что он сюда едет. Где этот чертов врач?

— Уже идет, — сказал Уорн.

— Когда должна прибыть машина? — спросил телохранитель.

— Прямо сейчас.

— Сейчас? — удивленно переспросил Пул и посмотрел на Уорна. — Тогда ясно, почему они не отключили видеокамеры на уровне «С»: чтобы не вызывать у парней в хранилище лишних подозрений. И понятно, что произошло с тем аттракционом в космопорту. Последний отвлекающий маневр. Но на этот раз им нас одурачить не удастся.

Сара резко повернулась у нему.

— Фредди не знал об этом, — проговорила она, сверля его яростным взглядом. — Его обманули. Предполагалось, что никто вообще не пострадает. Он только что мне сказал.

Она снова повернулась к неподвижно лежащему Барксдейлу. Последовала короткая пауза.

— Я не поэтому тебя звала. — Голос Сары дрогнул, но она быстро взяла себя в руки. — Они заложили взрывчатку в купол.

Оба заговорили одновременно.

— Что? — воскликнул Уорн.

— Откуда вы знаете? — спросил Пул, вставая.

— Тот негодяй принял Фреда за мертвого. Но Фредди слышал, как он говорил по радио. Они все встречаются у фальшивого броневика.

На мгновение все ошеломленно застыли, не в силах поверить услышанному. Затем Пул вышел из камеры, поманив за собой Уорна.

По знаку Пула к ним подошел Пеккем, который ждал в коридоре.

— Помните тот мощный передатчик, который мы нашли в мешке? — спросил у него Пул. — Вы еще никак не могли понять, для чего он?

Техник кивнул.

— Вы говорили, он может посылать сигнал на относительно большое расстояние. — Телохранитель повернулся к Уорну. — Но для этого цель должна находиться в пределах прямой видимости. Сигнал не может проходить сквозь стены.

— Да-да, я помню.

Пул удивленно взглянул на него.

— Так вы не поняли?

Ученому потребовалось некоторое усилие, чтобы сосредоточиться.

— Нет.

— Как только они окажутся вне здания, они намерены воспользоваться передатчиком, чтобы взорвать купол. Обрушить его прямо на головы посетителям, а затем благополучно скрыться. — По его лицу пробежала странная улыбка. — Они наверняка планировали это с самого начала. Службе безопасности, полиции — всем после подобной бойни будет просто не до них. Вот это действительно настоящий отвлекающий маневр.

На мгновение Уорну показалось, будто ощущение реальности куда-то ускользает. Взорвать купол? Невероятно.

— Можно подумать, вас это чуть ли не восхищает, — сказал он.

Пул пожал плечами и вернулся в камеру. Уорн последовал за ним, все еще не в силах прийти в себя. Взорвать купол... На миг промелькнула паническая мысль — схватить Джорджию и Терри и спрятаться где-нибудь в безопасном месте. Но он тут же понял, что даже если бы и знал, куда бежать, на это просто не оставалось времени.

— Что он еще сказал? — услышал Уорн обращенный к Саре вопрос Пула.

— Больше ничего. Сейчас он отдыхает.

Женщина мягко покачивала израненную голову Барксдейла на

руках.

— Сколько времени требуется на загрузку броневика?

— Не знаю. Финансовыми операциями занимался Фредди. Минут десять, что-то около того.

Пул взглянул на ученого.

— Десять минут. У нас большие проблемы, приятель.

Он выбежал в приемную, Уорн и Пеккем за ним. Оглядевшись вокруг, телохранитель схватил внутренний телефонный справочник и начал его листать.

— Диспетчерская хранилища, — бормотал он. — Диспетчерская хранилища...

Найдя номер, он снял трубку настенного телефона, набрал номер, но тут же, выругавшись, повесил трубку.

— Нет связи, — сказал он. — Естественно.

— Но Терри же только что смогла позвонить в медицинский центр?

— Что в этом удивительного? Джон Доу, само собой, отключил телефонную связь с хранилищем.

— Но мы теперь знаем про броневик. И можем его остановить.

— Самое главное слово в этой фразе — «броневик», друг мой. У них есть оружие, помните? Множество прекрасного оружия крупного калибра. Ау меня лишь пистолет и несколько патронов.

— Как насчет Аллокко?

В голосе Уорна слышалось отчаяние.

— Он не успеет сюда добраться.

— Охранники?

— Нам не хватит времени даже на то, чтобы их убедить. Кроме того, охрана Утопии не вооружена. Что вы предлагаете? Бросаться бумажными шариками? Организовать живую цепь?

— Но ведь надо же что-то делать, — набросился на него Уорн. Чувство нереальности исчезло, оставив после себя лишь мрачную решимость. — Мы не можем позволить машине покинуть парк.

Значит, придется действовать самим.

— Ваши слова наполняют меня уверенностью.

— Пеккем говорил, что передатчику нужна прямая видимость, — продолжал Уорн. — Это означает, что они должны находиться за пределами парка. Так что если мы сумеем остановить броневую машину до того, как он покинет здание, они не смогут воспользоваться передатчиком. Это ключ ко всему. Они не станут обрушивать купол, пока не окажутся снаружи и у них не будет возможности безопасно скрыться.

Пул задумался.

— Что-то в этом есть. Но я не стану бросаться под броневую машину в надежде, что он остановится. Почему бы вам не приказать вашему механическому песику загрызть его насмерть?

— Может, и получится. — Уорн немного подумал. — Что вы знаете о взрывчатых веществах?

— Гм... кажется, я понимаю, к чему вы клоните.

— Ответьте на вопрос. Что вы знаете о взрывчатых веществах?

— А вы как думаете? Намного больше, чем ваша бабушка.

— Оставьте в покое моих родственников. Почему бы вам не подняться туда и не посмотреть, можно ли обезвредить заряды?

— Могу назвать вам около сорока причин. Потому что для того, чтобы обрушить столь громадный купол, требуется множество зарядов. Я не знаю структуру, систему доставки...

— По-вашему, лучше оставаться здесь?

— Не знаю. По крайней мере, здесь безопасно.

— Безопасно? — закричал ученый. — С чего вы взяли, что падающий купол не расплющит Подземелье? Кроме того, это ведь вы нанялись в телохранители. Только теперь вы защищаете не только меня, но и еще около семидесяти тысяч человек. Включая тех, которые, думаю, вам лично знакомы.

Пул пристально посмотрел на него.

— Ладно. Я вас понял. — Он немного помолчал. — Если они используют стандартные заряды, пожалуй, я мог бы извлечь

достаточное число детонаторов, чтобы не дать куполу обрушиться. Но от вас, в свою очередь, потребуется найти способ задержать броневик.

Уорн кивнул.

— Они не подорвут заряды, пока машина не окажется достаточно далеко от здания. Вам придется помешать ей уехать. Все зависит от того, сколько времени у меня будет. Понимаете?

Ученый снова кивнул.

— Хорошо. Если вы не справитесь и я взлечу на воздух, мой призрак будет преследовать вас вечно.

— Вполне честно.

— В таком случае не будем терять время.

Телохранитель пересек приемную и, остановившись у дверей, оглянулся.

— Берегите себя, друг мой.

— И вы тоже, — ответил Уорн.

Двери за Пулом закрылись. Ученый повернулся к Пеккему.

— Подождите меня минуту, — сказал он.

Он быстро обошел вокруг стола. Кожаное кресло опустело, и он на мгновение испугался, но тут же увидел Терри через открытую дверь кабинета. Она стояла возле Джорджии.

Когда он вошел в кабинет, она обернулась и сразу же поняла — что-то не так.

— Что случилось? — спросила она.

Уорн поколебался.

— Я ошибся, сказав, что все закончилось. Мне нужно еще кое-что сделать.

Сара судорожно сглотнула, схватившись за ручку кресла-каталки. Джорджия вздохнула и пошевелилась. Уорн положил руку на плечо Терри.

— Послушайте, — сказал он. — Мне придется еще раз на вас положиться. Прошу вас. Ради меня.

Терри посмотрела на него, но ничего не ответила.

— Покарауйте здесь, пока меня не будет. Времени на то, чтобы выбраться из парка, у вас нет, но, думаю, здесь вам ничто не угрожает. — Он помедлил. — Терри, я люблю свою дочь больше всего на свете, больше самой жизни. Мне очень тяжело расстаться с ней, вы даже себе не представляете насколько. Но помните, что я вам говорил — про то, как я боялся, что с Джорджией что-то случится, и так оно и вышло? Так вот, сейчас я не боюсь. И я могу уйти, ведь я знаю, что могу на вас положиться. Я никому не смог бы доверять больше, чем вам. Так вы сделаете это ради меня — последите за Джорджией, позаботитесь друг о друге, что бы ни случилось? Сделаете?

Терри снова кивнула, не отводя от него взгляда карих глаз.

— Вы меня поняли? Что бы ни случилось.

Она наклонилась к нему. Он обнял ее, закрыл глаза и прошептал молитву, затем снова выбежал в приемную, где ждал Пеккем.

— Можете показать мне кратчайшую дорогу в одно место? — спросил его Уорн.

— Куда? — спросил техник, выскакивая следом за ним в коридор.

Дверь за ними закрылась, и комплекс службы безопасности погрузился в тишину.

16 часов 15 минут

В Нью-Йорке Чарльз Эмори Третий, председатель и генеральный директор холдинга «Утопия», снял трубку телефона и начал набирать номер отделения ФБР в Лас-Вегасе. Движения его были медленными и автоматическими, обычно загорелое лицо казалось серым и постаревшим.

В высокогорной пустыне к югу от базы ВВС «Неллис», на окружающей Утопию каменной возвышенности лежал в тени человек по прозвищу Водяной Буйвол. Он уже видел, как их броневладелец точно по графику подъехал к задним воротам. На мгновение оторвав взгляд от горизонта, он посмотрел через плечо на громаду из стекла и стали в форме идеальной логарифмической кривой. Места расположения зарядов с такого расстояния разглядеть было невозможно, но он мысленно воспроизвел эту схему в памяти, снова пытаясь найти скрытые ошибки или структурные недостатки. Купол был построен исключительно качественно, нагрузка идеально распределялась среди всех его компонентов. Обычно он предпочитал располагать заряды в три уровня, так, чтобы они срабатывали снизу вверх с интервалом в четверть секунды. Именно таким образом он всегда подрывал укрепленные стальными балками мосты, независимо от того, где они находились — в Чечне или в Конго. Но, учитывая масштабы данной работы и ограниченное количество взрывчатки, которое он мог сюда принести, он стремился к максимальной эффективности. Одно кольцо из двадцати зарядов, расположенных равномерно вдоль основания, подрвет заднюю часть купола; второй комплект взрывчатки, расположенный в виде кольца меньшего размера примерно на половине высоты, должен сдетонировать одновременно, уничтожив вершину и обрушив всю конструкцию внутрь.

Он отхлебнул из фляжки, мысленно воспроизводя взрыв — обрушивая купол и снова его восстанавливая, вверх, вниз, вверх, вниз. Идеальная реализация замысла. Он удовлетворенно хмыкнул. Разрушение тоже являлось по-своему прекрасной разновидностью искусства, нечто вроде архитектуры наоборот. И подобно снайперской стрельбе, оно было мастерством одиночек.

Он перевел взгляд с купола на рацию. Джон Доу мог вызвать его в любой момент. Убрав в вещмешок фляжку и томик Пруста, он снова притаился в тени, глядя на горизонт.

Далеко внизу, посреди обширного пространства космопорта Каллисто, Боб Аллокко стоял сзади ряда столов, играющих роль импровизированного командного пункта. В одной руке он держал телефонную трубку, в другой двухканальную рацию, разговаривая по обеим. По мере того как продолжались спасательные и следственные мероприятия, численность медиков, охраны и инженерного персонала возросла в несколько раз. Впрочем, несмотря на десятки людей, толпящихся у входа и выхода «Станции „Омега“», огромный космопорт казался пустынным и гулким. Закончив разговор, начальник службы безопасности положил трубку телефона, но тот тут же снова начал звонить.

В суматохе он совершенно забыл о Саре Боутрайт.

Недалеко от космопорта, в прохладном полумраке вестибюля стоял Джон Доу, прислонившись к одной из светящихся колонн у входа в «Атмосферу страха». После внезапного закрытия космопорта очереди сюда существенно выросли. Скрестив на груди руки, он прислушивался к разговорам стоящих в очереди посетителей.

— Я слышал, будто это бомба, — говорил кто-то. — Террористы заложили нейтронную бомбу.

— А я слышал, будто это газовая атака, — сказал другой. — Как тогда в Индии. Якобы погибло триста человек, и все они там так и лежат.

— Глупости. Это же Утопия, тут никто не умирает. Думаешь, если бы действительно что-то случилось, аттракционы работали и мы оставались бы здесь?

— Не знаю. Вон, видишь, какие-то люди идут к выходу? У них взволнованный вид, они почти бегут. Возможно, они что-то знают. Пожалуй, нам лучше тоже уйти. Уже пятый час, а в отель далеко ехать.

— Ни в коем случае. Я целый день ждал, чтобы посмотреть этот голофильм. Это все просто дурацкие слухи. Вероятно, кто-то

заплатил сотрудникам «Мира фантазий», чтобы они явились сюда и навели панику.

Слушая эти разговоры, Джон Доу широко улыбнулся. Для бомб и взрывов время еще не пришло — никто не слышал грохота, не видел обгоревшей одежды и внутренностей, что могло бы вызвать всеобщую панику. Но слухи могли действовать куда коварнее, и ему приятно было наблюдать их в деле. Примерно как если уронить единственную каплю крови на гладкую спокойную поверхность пруда — от нее начнут медленно и неумолимо расходиться круги. В точности, как и задумывалось.

Он посмотрел на группу сотрудников службы безопасности, которые шагали по вестибюлю, направляясь в сторону искрящейся завесы странного вида, закрывающей вход в космопорт. Естественно, они были в штатском, но для наметанного глаза они выглядели словно евнухи в турецком гареме. Кто из туристов стал бы так хмуриться или шагать почти в ногу? Он заметил и других, которые прогуливались среди толпы, наблюдая и что-то записывая. Чем шире станут распространяться слухи и сильнее будут беспокоиться посетители, тем больше прибавится у них работы. Взрыв можно скрыть. Но ограничить слухи? Все равно что запретить светить солнцу.

Начиная с его первой встречи с охранником на входе в Подземелье служба безопасности всегда реагировала именно так, как он и предполагал. С каждым последующим инцидентом — взрывом в «Темноводье», отключением камер видеонаблюдения, неприятностями на «Станции „Омега“» — росла его уверенность в том, что они, словно зомби, поступают исключительно по установленным правилам. Он посмотрел на часы. Через несколько минут работы у Аллокко и его команды станет во много раз больше, что в итоге позволит ему самому без особых проблем отсюда убраться.

Отойдя от колонны, он смешался с толпой посетителей, вновь ощутив нечто похожее на разочарование. В конечном счете все произошло в точности так, как он и рассчитывал. Он провел всестороннюю разведку, безукоризненно работая с людьми и демонстрируя каждому совершенно иное лицо. Если бы они только знали правду, увидели настоящего Джона Доу, для них это стало бы настоящим шоком.

Он замедлил шаг. На самом деле все получилось не совсем так, как он ожидал. Он бросил взгляд на «Большой Ковш», где отсутствие Хард-Плейса по-прежнему разочаровывало публику. Доктор Уорн доставил ему куда больше проблем, чем хотелось бы. Намного больше. Вне всякого сомнения, он имел прямое или косвенное отношение к временному заключению под стражу Взломщика Джека. Но еще больше раздражало Джона Доу то, как Уорн выманил Сару из Зеркального зала, появившись неизвестно откуда.

Джон Доу особенно гордился Сарой Боутрайт. В процессе многочисленных бесед Фред Барксдейл, сам того не сознавая, предоставил ему весьма детальный анализ личности руководителя парка. Джону Доу знаком был подобный тип людей — своенравные, целеустремленные, готовые защищать свою территорию. Он знал, что, если затронуть нужные струны, ее удастся спровоцировать на преждевременные действия, — и оказался прав. После того как она выставила охрану в «Галактическом путешествии», у Джона Доу появилась возможность продемонстрировать свой праведный гнев, подбросить фальшивый диск и забрать настоящий. Что еще важнее, это означало, что ему незачем придумывать причины для необходимой задержки — скажем, заявив, что информация не читается. Они решили, что диска у него нет, и им никогда не пришлось бы в голову отказаться от передачи второго. И самое главное, это означало, что Сара будет винить в случившемся себя, поэтому наверняка согласится встретиться с ним лично.

Джон Доу рассчитывал на ее гибель — от его собственной руки, в темных коридорах Зеркального зала, — что лишь увеличило бы всеобщее замешательство и облегчило бы ему уход из парка. Но Эндрю Уорн, словно ложка дегтя в бочке меда, в очередной раз все испортил.

Конечно, если так подумать, это не имело особого значения. Теперь, когда Взломщик Джек снова был в деле, потери их команды вновь снизились до нуля. Да, Фред Барксдейл испустил дух несколько раньше, чем предполагалось, но это лишь избавляло от лишних проблем по дороге, причем в буквальном смысле — Джон Доу с самого начала не собирался делиться с таким трудом завоеванной добычей. И у них в руках уже были два диска, два бесценных оригинала, которые невозможно скопировать. Это означало, что они дважды могут продать Горнило, получив вдвое больше. Кстати, о прибыли — в это мгновение броневедомитель

приближался к хранилищу.

Джон Доу посмотрел вдоль вестибюля и снова вздохнул. Он вдруг понял, что ему очень не хочется уходить. После всей подготовки, планирования и реализации плана удачный конец операции всегда казался ему разочарованием. Естественно, в данном случае разница заключалась в том, что он — в первый и последний раз — действовал в качестве собственного клиента. И работа эта должна была стать для него последней — на пенсию ему теперь вполне хватало.

Хотя, если жизнь в отставке покажется ему чересчур скучной, он, возможно, когда-нибудь и вернется, чтобы нанести визит Эндрю Уорну. Воздать ему по заслугам за его вклад в сегодняшние события. Время покажет.

Он еще немного постоял, разглядывая толпу, костюмированных персонажей и царящую вокруг фантастическую атмосферу, после чего повернулся и вошел в ближайший туалет.

Подойдя к ряду раковин, он тщательно вымыл руки, дожидаясь, пока выйдет единственный посетитель. Затем он направился к служебной двери в задней стене и набрал сегодняшний код доступа. Щелкнул замок. Достав из кармана пропуск и чистый значок — любезность со стороны покойного Тома Тибболда, — он прикрепил их к пиджаку. Открыв дверь, он вошел внутрь и аккуратно закрыл ее за собой.

В служебном коридоре с бетонными стенами было прохладно, слегка пахло фреоном. Остановившись, Джон Доу посмотрел сначала налево, затем направо, после чего достал из кармана пиджака рацию и набрал код.

— Водяной Буйвол, говорит Главный Фактор, — сказал он в микрофон. — Прием.

Он немного подождал, прислушиваясь.

— Водяной Буйвол, прием.

— Что видишь?

— Все отлично. Въехали вовремя.

— Слышал. Что-нибудь еще? Никаких подозрительных машин?

— Нет. Только обычная доставка грузов.

— Очень хорошо. Твоя работа закончена. Встречаемся в пункте сбора, поторопись.

— Принято, конец связи.

Кто бы ни приехал с этого момента — а сюда наверняка приедут, скорее раньше, чем позже, — это уже не имело значения. Через десять минут они будут удаляться от Утопии на скорости в семьдесят миль в час, на самом безопасном из всех средств транспорта.

Убирая рацию, Джон Доу заметил, что у него помялись брюки, вероятно, в Зеркальном зале. Досадно, ноне столь уж и важно — вечером костюм все равно сгорит в мусоросжигательной печи отеля.

Повернувшись, он быстро зашагал по служебному коридору в сторону лестницы, ведущей на уровень «А».

16 часов 16 минут

Уильям Верн зевнул и, вяло потянувшись, откинулся на спинку кресла, чувствуя, как трещат суставы после почти часовой неподвижности. На подсознательном уровне он понимал, что все его движения фиксирует камера видеонаблюдения, но особого значения это не имело. Служебная инструкция не запрещала ему время от времени потягиваться. Кроме того, вся его работа настолько уже превратилась в рутину, что он сомневался, что за ним вообще кто-либо наблюдает. А даже если и так, то они смотрели на броневик, а не на него.

Снова наклонившись вперед, он окинул взглядом приборную панель. Как всегда, все лампочки светились зеленым. Состояние хранилища — в норме, коридор — в норме, система финансового контроля — в норме. В норме, в норме, в норме. Порой ему даже хотелось, чтобы что-нибудь пошло не так. Хоть какая-то перемена.

Прошло пять месяцев с тех пор, как Верна переманили с его должности программиста в «Пало Альто». Предложение выглядело слишком заманчивым, чтобы от него отказаться. Ему не только предлагали место в Утопии и не только в отделе новых технологий, но к тому же работа была связана с некими секретными вопросами безопасности, что весьма его заинтриговало. Ему пришлось заполнить массу всевозможных документов и подписок о неразглашении, пройти основательную проверку. К его удивлению, выяснилось, что в парке ему придется заниматься тем же, чем он занимался в «Пало Альто». Разработка систем и их обслуживание выглядели точно так же — и в парке развлечений, и в небольшой начинающей компании. Да, здесь было больше денег, больше интересных игрушек, но куда меньше простора для творчества.

Что же касается части его работы, касавшейся «вопросов безопасности», то она заключалась в наблюдении за приборной панелью, вдыхании выхлопных газов и созерцании тыльной части бронеавтомобиля в течение семи минут раз в неделю.

Послышался негромкий писк, затем гудение — кто-то за дверью диспетчерской хранилища привел в действие сканер сетчатки. Щелкнул замок на тяжелой двери, и вошел Том Притчард, представитель отдела финансового контроля.

Верн без особого интереса посмотрел на него.

— Как у нас дела?

— Все заперто — надежнее, чем пояс целомудрия твоей сестры, — сказал Притчард, закрывая дверь. Он только что вернулся с обязательного обхода. На те несколько минут, когда совершалась передача денег, часть сектора «С» вокруг хранилища и ведущий к нему коридор были полностью отрезаны от остального Подземелья.

— Хорошо. Заканчиваем.

Из коридора слышался настойчивый предупреждающий сигнал броневедомости, проехавшего триста футов задним ходом в их сторону. Он нажал кнопку, включая мощные вентиляторы, которые должны были отправить выхлопные газы обратно в пустыню.

— Где наша нянька? — спросил Притчард, подходя к окну.

Хотя для передачи денег требовались лишь двое — специалист в диспетчерской и представитель финансового отдела, — обычно при этой операции присутствовал как минимум один сотрудник службы безопасности.

— Похоже, сегодня мы предоставлены самим себе, — ответил Верн. — Вероятно, они все опять у того чертова автомата.

Неделю назад один из охранников выиграл восемь тысяч в казино в Дощатых Тротуарах. Деньги конфисковали, и парень получил выговор за игру в рабочее время, но среди молодых сотрудников эта история вызвала немалый ажиотаж.

— Возможно, они на месте той катастрофы в Каллисто. Кто знает, что там произошло.

— Хочешь сказать — если там вообще что-то случилось. Это уже третья история о несчастном случае, которую я слышал за сегодня. Интересно, кто их придумывает?

Конечно, даже если бы это было правдой, они бы об этом не слышали еще много дней, сидя здесь в этом проклятом трюме. Верн как-то читал рассказ Джозефа Конрада про двоих англичан, работавших в каком-то далеком поселении в Африке. В конце концов они не смогли больше этого вынести и убили друг друга. По крайней мере, так ему запомнилось, однако всегда казалось чересчур надуманным. Но возможно, он ошибался.

— Не знаю, мне показалось, что все случилось на самом деле. Я слышал, что кто-то погиб.

— Кто знает? Погибших могла быть и сотня.

— Хватит тебе. Я даже слышал разговоры о террористах.

— Тебе все время мерещатся террористы, — сказал Верн, насмешливо глядя на него. — Знаешь, похоже, ты занимаешься не своим делом. Тебе бы стоило работать вместе с проектировщиками аттракционов и инженерами-дизайнерами. В любом случае, — продолжал он уже спокойнее, — если бы что-то такое случилось на самом деле, Его Светлость отменил бы рейс.

«Его Светлостью» большинство сотрудников системного отдела именовали Фреда Барксдейла, который был известен как трудолюбивый и талантливый руководитель. Но вместе с тем он слишком строго придерживался протокола. Барксдейл спроектировал систему управления финансами и всегда лично контролировал еженедельную передачу денег из автоматизированного хранилища Утопии в броневую машину. Когда Верн только начинал здесь работать, ему подробно рассказывали о здешней командной иерархии. Если бы действительно произошло нечто из ряда вон выходящее, Барксдейл бы сообщил им, что отправка отменяется. Но подобного ни разу не случилось, и Его Светлость никогда не отменял рейс. Он звонил им по многим другим поводам — к примеру, ругая за медленную или небрежную процедуру передачи, — но никогда по поводу отмены.

В динамике на приборной панели послышался треск и раздался голос водителя броневика:

— Утопия Центр, говорит Девять-Эхо-Браво. Хранилище в пределах видимости.

Верн наклонился к микрофону.

— Утопия Центр, подтверждаю. К передаче готовы.

Он посмотрел на часы — четыре часа восемнадцать минут пополудни. Точно вовремя. По крайней мере, сегодня Барксдейл останется доволен.

Встав, Верн подошел к стоящему у окна Притчарду. Вдоль плавного изгиба коридора медленно приближался задним ходом автомобиль с золотой надписью «Американский бронированный

транспорт» на бортах. Верн без особого интереса посмотрел на него. В диспетчерской уже начинало вонять выхлопными газами, несмотря на вентиляторы. И запах этот оставался еще минут на двадцать после отъезда броневика. «Интересно, — подумал он, — обладает ли дизельный выхлоп канцерогенными свойствами? Возможно, стоит потребовать доплаты за вредность».

Автомобиль поравнялся с диспетчерской и остановился, взвизгнув тормозами. Как обычно, он немного постоял, затем водитель отпер замок, и распахнулась тяжелая дверь со стороны пассажира. Из нее спрыгнул человек с дробовиком в одной руке и с папкой в другой. Он повернулся к окну и помахал им.

Верн нажал кнопку, и открылась небольшая дверца, ведущая в коридор. Распахнув ее, он спустился на десять ступеней вниз в проход с высоким потолком. Скрежет дизеля здесь раздавался громче, и он сразу же пожалел, что его нельзя выключить. Но по правилам этого не полагалось.

Охранник шел ему навстречу, жуя резинку. Это был мужчина лет тридцати с небольшим, улыбающийся, загорелый, с короткими желтыми усиками.

— Как дела? — спросил он.

Его техасский акцент вполне соответствовал манере держать себя.

— Нормально, — ответил Верн.

Инкассатор улыбнулся и кивнул, продолжая жевать резинку.

— Что-то я вас не припоминаю, — сказал Верн.

— Само собой, — продолжая улыбаться, ответил тот. — Я Эрл Кроу, маршрутный инспектор. Иногда я сам участвую в рейсах, проверяю, что все работает как надо, а клиенты довольны. А вы, черт возьми, самый крупный наш партнер.

Он подал ему папку. Верн взял ее, продолжая смотреть на инспектора.

— Джонни на самом деле тоже здесь, — продолжал Кроу. — Снаружи. Вчера ребята основательно погуляли, и он крепко напился. Так что пришлось отправить его в машине сопровождения, а не в броневике. Сорок миль по пыльной дороге любого протрезвят.

При этих словах Верн наконец усмехнулся, достал из кармана ручку, бросил взгляд на бланк и, не читая, поставил подпись.

— Вы довольны качеством нашей работы? — спросил Кроу, забирая у Верна папку. — Какие-нибудь жалобы или пожелания, которые я мог бы передать руководству?

Верна, привыкшего лишь получать приказы, его вопрос приятно удивил.

— В общем-то, нет, — ответил он. — Ничего такого.

— Рад слышать. Впрочем, если сочтете, что мы что-то могли бы улучшить, — сообщите.

— Обязательно, — сказал Верн, стараясь придать голосу начальственный тон. — Если вы готовы, я открываю камеру.

Он шагнул назад в диспетчерскую, поспешно отгородившись дверью от шума и выхлопных газов. Щелкнул замок, и красный огонек на панели вновь сменился зеленым. Он повернулся к Притчарду, наблюдавшему за их разговором через окно, и они кивнули друг другу — общение с командой броневика завершилось.

— Открываю камеру, — повторил Притчард, набирая несколько команд.

Подойдя к другой клавиатуре в дальнем конце приборной панели, Верн ввел отдельный код доступа.

Послышалось гудение механизмов, и за стеной диспетчерской начала бесшумно поворачиваться дверь хранилища. Притчард и Верн подошли к другому окну, меньшего размера. Верну казалось, что эта часть его работы никогда ему не наскучит.

С того момента, когда деньги оказывались в распоряжении финансовой системы Утопии, независимо от того, откуда они были получены — из казино в Газовом Свете, от продавца хот-догов в Дощатых Тротуарах или торговца вуалями в Камелоте, — к ним больше не прикасалась рука человека. Все делали машины: пересылали деньги в пункты сбора, сканировали, сортировали, пересчитывали, упаковывали и в конечном счете доставляли в хранилище. Людей же держали в стороне от возможного искушения. Тяжелая дверь сдвинулась в сторону, перекрыв ведущий в глубь Утопии коридор и открыв камеру за ней, и остановилась, глухо ударившись о стену.

Верн посмотрел в окошко. Обычно хранилище отгораживала от человеческих глаз огромная полукруглая дверь. Но как только они оба ввели соответствующие команды, дверь повернулась на девяносто градусов, превратив коридор в закрытый туннель. Дневной свет теперь находился по одну ее сторону, а гигантские суммы наличных — по другую. Посередине стоял броневедомобиль.

Кроу шагнул в камеру, держа в левой руке два пустых брезентовых мешка. Секунд через двадцать он появился снова, неся перекинутые через плечо тяжелые сумки. Машины упаковывали деньги в завернутые в коричневую бумагу пачки, ровно по восемьдесят купюр в каждой — как в свое время объясняли Верну, идеальный размер для обработки и транспортировки с помощью автоматизированной системы.

Кроу отправился за очередным грузом. Он двигался быстро, демонстрируя немалый опыт в подобной работе.

«Довольно-таки загорелый для инспектора, — рассеянно подумал Верн. — Наверняка много играет в гольф. А может, вообще из ковбоев, судя по его акценту». Хотя Верн не мог видеть водителя сквозь бронированное стекло, он знал, что тот внимательно наблюдает за Кроу, постоянно поддерживая с ним визуальный контакт и радиосвязь.

Инкассатор вернулся с новой порцией денег, скрылся внутри машины, а затем появился снова, все так же держа дробовик под мышкой правой руки. Верн без особого интереса взглянул на оружие — новое, аккуратное, чистое. Персоналу Утопии никогда не приходилось иметь дело с деньгами или оружием. Для этого нанимали профессионалов извне, а сами герметически запирались на время всего процесса. Страховые компании наверняка были очень довольны.

Кроу показался в очередной раз. Даже с его скоростью на то, чтобы перенести сто миллионов долларов, требовалось несколько минут. Зевнув, Верн отвернулся от окна, тяжело опустился в кресло перед приборной панелью и снова с удовольствием потянулся.

Эрл Кроу шагнул в броневик, нырнул в заднее отделение и сбросил с плеча тяжелые мешки. Ждавший его шофер перевернул их, рассыпав по полу десятки одинаковых, завернутых в бумагу пачек.

Процедура была не вполне стандартной — водитель должен был оставаться за рулем, наблюдая за погрузкой и бдительно следя за потенциальными грабителями или налетчиками, — но в этом закрытом безлюдном коридоре их никто не мог видеть.

Кроу снова забросил пустые сумки за плечо и повернулся к сообщнику, который укладывал коричневые пачки в боковые отделения машины.

— Ну как, понравилось снова водить броневик? — спросил он.

Водитель кивнул, не прекращая своего занятия.

— Еще бы, черт возьми. И впервые можно оставить себе то, что везешь.

Негромко усмехнувшись, Кроу спрыгнул с подножки и вновь направился к хранилищу.

16 часов 16 минут

Со времени последнего визита Уорна в центр для почетных гостей количество охранников там существенно поубавилось. Он заметил лишь двоих — один наблюдал за входом, второй стоял внутри, в тени алебастровой колонны, заложив руки за спину. Откуда-то из глубины доносились задумчивые, меланхоличные звуки струнного квартета.

Сотрудник у входа взглянул на служебный значок на лацкане Уорна, кивнул и пропустил его.

— Что мы, собственно, собрались делать? — спросил Пеккем, шагая следом за Уорном по мраморному полу.

— Не знаю, — ответил ученый. — Спроси через пять минут.

Но на самом деле он знал. По крайней мере, надеялся на это.

Сквозь музыку, негромкий шорох фонтана и разговоры нескольких обеспокоенных гостей, сидящих на кожаных диванах, до него снова донеслись слова Пула: «Помните тот мощный передатчик, который мы нашли в мешке? Цель должна находиться в пределах прямой видимости. Сигнал не может проходить сквозь стены. Как только они окажутся вне здания, они намерены воспользоваться передатчиком, чтобы взорвать купол. Обрушить его прямо на головы посетителям, а затем благополучно скрыться».

Возможно, Пул успел бы вовремя добраться до зарядов и обезвредить достаточное их количество, чтобы не дать рухнуть куполу. Но на это они рассчитывать не могли. Значит, остается лишь одно — не дать броневому автомобилю покинуть Подземелье.

В голове у Уорна снова прозвучал голос Пула: «У них есть оружие, помните? Множество прекрасного оружия крупного калибра. А охрана Утопии не вооружена».

Он был прав. В парке не нашлось бы ничего, что можно было бы использовать против броневика. Но возможно — лишь возможно, — она располагала кое-чем другим.

Уорн прошел через двустворчатые двери по устланному ковром коридору, пытаясь мысленно воспроизвести расположение помещений. Он плохо его помнил — и тогда, и сейчас он спешил.

«Кажется, здесь». Не заботясь о том, чтобы постучать, он взялся за ручку, повернул ее и толкнул дверь.

Услышав звук открывающейся двери, невысокий худощавый человек по фамилии Смайт повернулся к ним. Толстые очки сидели на самом кончике его носа, редкие волосы, столь аккуратно уложенные и напomaженные утром в монорельсе, свисали на лоб. Он нервно расхаживал по комнате — судя по всему, уже давно.

Из-за стола, на котором стояла кофемашина, послышался шорох, затем какое-то движение. Появился Непоседа, вертя во все стороны головным модулем. Устремив взгляд двух камер на хозяина, робот заковылял вперед, издавая громкий отрывистый лай. Уорн с облегчением погладил его по «голове». Слава богу, Смайт тоже был здесь.

— Мистер Смайт, — сказал он, — я Эндрю Уорн. Помните меня?

Пиротехник, нахмурившись, посмотрел на него из-под очков.

— Ах да. Вы ехали со мной утром на монорельсе. А потом, кажется, мы виделись здесь. Мисс Боутрайт позвала вас после того, как... после того... — Он замолчал.

— Верно, — поспешно сказал Уорн. — А это Ральф Пеккем. Он работает видеотехником в службе безопасности, у Боба Аллокко. Вы с ним тоже встречались.

«Десять минут, — прошептал у него в голове холодный голос. — У тебя осталось десять минут, может быть, даже меньше». Все эти слова, формальный обмен представлениями, казались ему проявлением агонии. Но с другой стороны, разговор этот был жизненно необходим — Уорн понимал, что если он рассчитывает хотя бы на малейший успех, ему требуется доверие со стороны пиротехника.

— Мистер Смайт, — продолжал он, — надеюсь, вы меня простите. Мы немного спешим, и мне хотелось бы знать, не могли бы вы нам кое в чем помочь.

Смайт снял очки и начал протирать их концом галстука. Без очков взгляд его голубых глаз казался беззащитным и удивленным.

— Конечно, — ответил он. — Если смогу.

— Мистер Смайт, не могли бы вы... в общем, не могли бы вы рассказать, какого рода фейерверки есть в парке?

Смайт продолжал протирать очки.

— Самые обычные, класса В.

— Класса В?

— Конечно. По классификации «Оранжевой книги», версия 1.3.
— Услышав в ответ молчание, Смайт добавил: — Это одна из классификаций ООН для опасных товаров. Один-точка-три. Воспламеняющиеся заряды. Естественно, не для частного использования.

Похоже, его потрясло столь вопиющее невежество.

— И много их?

— Много? В смысле — фейерверков? О да. Вы удивитесь, сколько их запускают на финальном шоу каждый вечер. Особенно «цветы», «кометы» и...

— Понятно. Какие из них взрываются?

Смайт перестал протирать очки.

— Взрываются? — переспросил он. У него имелась раздражающая привычка повторять последнее слово вопроса. — Что ж, посмотрим. Все фейерверки взрываются, такова их природа, — начал он объяснять медленно и терпеливо, словно маленькому ребенку. — Естественно, имеются две разновидности черного пороха — неизмельченный, использующийся для выброса заряда, и другой, для...

— Нет-нет, — прервал его Уорн. — Я имел в виду — какие из них взрываются по-настоящему?

— По-настоящему? Это зависит от того, что понимать под взрывом. У нас есть кроссеты и турбильоны, которые взрываются во все стороны — вверх, вниз, вправо, влево. Или разноцветные фонтаны, которые...

— Нет! — Уорн едва сдерживался. — Какие из них могут причинить вред?

Потрясенно глядя на него, Смайт снова надел очки.

— Я бы сказал, большинство из них. Особенно если неправильно ими воспользоваться. — Он поколебался, пристальнее посмотрев на Уорна. — Хотя, вероятно, бураки [\[43\]](#) и высотные фейерверки, предназначенные для запуска на открытом воздухе... — Он замолчал.

— И где они хранятся? — спросил Уорн, чуть ли не подпрыгивая от нетерпения.

— На складах, на уровне «С».

— У вас есть туда доступ?

— Естественно. Я как раз проверял, как они оборудованы.

Уорн посмотрел на Пеккема, который слушал их разговор с все возрастающим недоверием, затем снова повернулся к Смайту.

— Видите ли, — сказал он, — нам действительно нужна ваша помощь. Это имеет отношение к... к тому, что вы обнаружили в комнате отдыха для специалистов. Не могли бы вы показать нам эти склады?

Пиротехник снова заколебался.

— Прошу вас, мистер Смайт. Это крайне важно. Я все потом объясню. Нам нужно спешить.

Наконец Смайт кивнул.

— Тогда идем, — сказал Уорн, беря пиротехника под руку и почти толкая его к двери. — И чем быстрее, тем лучше.

Он оглянулся и отрывисто бросил:

— Непоседа, рядом!

Довольно твякнув, робот метнулся вперед, следом за ними.

Быстро шагая по коридору, Уорн задумчиво поглаживал эхолокатор Непоседы, вертя его на запястье.

16 часов 20 минут

Энгус Пул бежал по узкой металлической лестнице, перепрыгивая через две ступеньки и подтягиваясь обеими руками за перила. Прошло слишком много лет с тех пор, как ему приходилось совершать марши с полной выкладкой, и он запыхался куда сильнее, чем рассчитывал. Слева уходила вверх бетонная стена лестничного колодца с закрепленными на ней флюоресцентными лампами, справа за односторонним стеклом простирались зеленые лужайки и разноцветные палатки Камелота — пышный ковер из зубчатых стен, знамен и ярких средневековых зрелищ. Но на все это Пул не обращал никакого внимания.

На то, чтобы найти лестницу, ему потребовалось больше времени, чем он предполагал, — пришлось польститься одной из служащих Камелота, обманом пробраться мимо охранника с помощью пропуска Уорна. Взявшись за лестницу, телохранитель старался забыть о том, сколько минут он уже потратил впустую.

Не хотелось ему думать и о том, насколько безумно выглядела вся эта затея. Мысль о том, что в массивный купол заложена взрывчатка, способная обрушить бесчисленные осколки стекла и обломки металла на всю территорию парка, казалась ему чрезмерной даже для такого типа, как Джон Доу. В самом ли деле та женщина, Сара Боутрайт, поняла, что говорил разбитым ртом Барксдейл?

И вообще, можно ли ему верить? Возможно, он просто бредил или пытался таким образом сбежать, оставшись один в медицинском центре. Но в душе Пул в этом сомневался. Англичанин явно хотел успеть сказать как можно больше, захлебываясь кровью, пытаясь предупредить руководителя Утопии о том, что должно произойти. Даже просто открыть рот наверняка было для него мучением. Вне всякого сомнения, он говорил правду.

Коридор плавно свернул, картина Камелота исчезла, и лестница впереди закончилась металлической дверью, очерченной тонкой линией солнечного света. Навстречу ему спускался по лестнице рабочий в комбинезоне, с огромным мешком в руке. Он бросил быстрый взгляд на спешащего мимо мужчину. Пул продолжал карабкаться наверх — меньше всего ему сейчас хотелось останавливаться и отвечать на вопросы какого-то бездельника. К

счастью, никто его не окликнул, не потребовал остановиться, и Пул продолжал взбираться к двери, сосредоточившись на предстоящей задаче.

Если под купол действительно заложена взрывчатка — что, собственно, он мог бы сделать за несколько оставшихся минут? «Ты бежишь не в ту сторону, придурок!» — кричал ему инстинкт самосохранения. Те парни явно были профессионалами — что бы ни ожидал о его впереди, это явно не самодельная бомба с часовым механизмом. Тут работа для команды саперов, располагающих первоклассными ресурсами и свободным временем...

Но потом он подумал о своей двоюродной сестре и ее семье — хоть и достаточно несносной, но все-таки семье — и бесчисленных тысячах других посетителей Утопии, которые пребывали в блаженном неведении, улыбались и болтали, прогуливаясь в тени огромного купола... и начал карабкаться вверх с удвоенной скоростью.

Возможно, все не так уж и безнадежно. Все-таки здесь не зона военных действий, и вряд ли взрывчатку и оборудование тащили сюда больше двух человек. Уже лучше. И если у них имелся передатчик, то где-то должен быть и приемник. Найти его куда быстрее и надежнее, чем извлечь несколько детонаторов, надеясь спасти купол. Приемник наверняка находится где-то на задней стороне, над ведущей из парка служебной дорогой — в этом Пул не сомневался. Тот техник, Пеккем, говорил, что передатчик должен быть в пределах прямой видимости.

Еще четыре шага, еще два — и он у двери. На одно тошнотворное мгновение он испугался, что она окажется непреодолимым препятствием, с каким-нибудь датчиком линий ладони, типа той двери, которую он убедил открыть ему ту служащую из Камелота, но затем он с облегчением понял, что на ней всего лишь простая стальная ручка. Хватило одного мощного удара, чтобы сломать замок и открыть дверь.

На него обрушились ослепительный свет и обжигающая жара. Пул на миг остановился, отвернувшись и плотно зажмурив глаза, слегка ошеломленный после прохладной темноты лестничного колодца. Он сделал шаг, за ним другой; ослепительное белое сияние ослабло, и окружающее приняло реальные очертания.

Лестница заканчивалась в маленькой металлической будке, расположившейся, словно детская игрушка, на вершине широкого плато. На изрытом трещинами и оврагами красноватом песчанике перед ним росла скудная высокогорная растительность — можжевельник и клочковатая полынь. Плато окружало круглую чашу, внутри которой находилась Утопия. А над ней возвышался купол, крыша парка, стальные ребра и шестиугольные стеклянные панели которой мерцали в лучах солнца, подобно крыльям стрекозы.

При виде купола Пул снова остановился как вкопанный. Сооружение было столь массивным, кривая его простиравшейся над изрытым неровным песчаником поверхности так точна, что казалось, будто оно принадлежит нереальному миру, миру снов. Пул заставил себя отвести взгляд. Посмотрев в небо, он сориентировался и с некоторым усилием двинулся вперед.

Приближаясь к куполу, он различил сеть мостиков и лестниц, хитроумно встроенных в поддерживающие ребра и крестовины. Нигде не было видно следов какой-либо деятельности, никаких подозрительных предметов. Он едва не вздохнул с облегчением — возможно, Барксдейл все-таки ошибался...

И тут он увидел провод детонатора.

Он тянулся под самым нижним мостиком, вдоль основания купола. Пул подошел ближе, присел и осторожно взял пальцами за покрытую пластиковой изоляцией проволоку — тонкую, легкую и очень надежную. Он с трудом подавил желание ее перерезать, понимая, что заряд наверняка заложен таким образом, что любое вмешательство вызовет преждевременный взрыв.

Снова поднявшись и чувствуя внезапную слабость в ногах, он побежал вдоль основания купола, следуя за проводом. Футов через пятьдесят ему встретился первый заряд — маленькая горка пластика, аккуратно уложенная у основания фермы. В иной ситуации он бы оценил утонченное изящество подобного расположения и одобрил экономию материала. Специалист по разрушениям — Пул более не сомневался, что именно такой человек руководил закладкой взрывчатки, — явно избрал путь «хирургической» атаки, предпочитая точность объему заряда.

Он продолжал двигаться вдоль основания сооружения, в сторону задней части парка. По пути он наткнулся еще на один заряд, потом

еще. Все они были тщательно размещены таким образом, чтобы причинить максимальный ущерб при минимальном количестве взрывчатого вещества. Этим явно занимался один человек, самое большее два. И действовал тут профессионал. Очень аккуратная работа, не позволявшая ни ошибок, ни промахов.

Чувство усталости, охватившее его, усилилось.

Пул не отрывал взгляда от проволоки, тянущейся под мостиком. Впереди наверху виднелась металлическая коробка, в которую уходили провода. «Вероятно, приемник», — с новой надеждой подумал он.

Неожиданно он заметил на дне неглубокого оврага впереди какой-то предмет и попытался было его обогнуть, но тут же остановился и присел рядом.

— Силы небесные, — пробормотал он.

Перед ним лежало тело человека лет за тридцать в форме ремонтного рабочего. Ноги в ботинках на резиновой подошве были подогнуты, с пояса свисало какое-то электронное устройство. На белом комбинезоне расплылось большое кровавое пятно. Пул коснулся ткани пальцем — тело окоченело, со времени смертельной раны прошло несколько часов.

Снизу мостика, меньше чем в пяти футах от мертвеца, был установлен еще один заряд. Пул наклонился, чтобы внимательнее его рассмотреть.

Краем глаза он заметил какое-то движение. Сработали старые полузабытые рефлексy, и Пул тут же распластался на камнях рядом с телом. Он осторожно поднял взгляд, используя труп в качестве прикрытия.

Сначала он ничего не увидел — неровная высохшая поверхность плато выглядела совершенно неподвижной. Затем он заметил в тени купола человека — тот медленно пробирался вдоль основания сооружения; Пулу была видна лишь левая половина его тела. Он был одет в бежевый рабочий комбинезон, и телохранитель выругался про себя, узнав того, с кем разминулcя на лестнице. Тогда его мысли настолько были заняты текущей проблемой, что ему даже не пришло в голову задаться вопросом, кто может спускаться по служебной лестнице. Он считал, что все люди Джона Доу уже собрались вместе, готовые уехать в бронев автомобиле. Но он ошибался — главарь

оказался чересчур предусмотрителен, оставив одного из своих подручных наблюдать за дорогой до последней минуты. «Никогда ничего не предполагай, — учили его. — Всегда спрашивай. Ничего не принимай как должное».

Застыв неподвижно позади трупа, он наблюдал, как человек на мгновение остановился, огляделся вокруг и снова двинулся вперед. Пул догадался, что незнакомец кого-то преследует. И он прекрасно понимал, кого именно.

Приблизившись к границе тени, Пул отошел от купола, словно обходя некое невидимое препятствие. Стала видна его правая рука, и отблеск солнца упал на ствол крупнокалиберной винтовки.

Телохранитель снова яростно выругался про себя. Подобное оружие полностью меняло расстановку сил. Бесполезно выходить один на один против снайпера. Он мог лишь занять оборонительную позицию, постараться остаться незамеченным. Кроме того, на игры просто не было времени.

Оставалось лишь одно — застать противника врасплох, дать ему подойти достаточно близко для того, чтобы винтовка не смогла дать ему преимущества.

Он снова поднял взгляд: человек в комбинезоне входил в тень купола. Пул быстро отполз дальше за тело, пытаясь слиться с его окоченевшими очертаниями. Тот человек наверняка знал о трупе — несомненно, это его работа. Вряд ли убийца ожидает, что рядом с ним окажется еще кто-то.

Сунув руку в карман пиджака, Пул осторожно достал пистолет хакера. Стараясь как можно меньше двигаться, он убедился, что патрон в стволе, затем, держа руку поперек груди, стал ждать, прислушиваясь. На свои глаза он рассчитывать больше не мог — противник теперь тоже находился в тени, и если бы телохранитель поднял голову, сразу же заметил бы его движение. Пул ждал, когда послышится предательский звук приближающихся шагов. Острые камни вонзались в спину, запах дешевого лосьона мертвеца забивал ноздри. «Неплохой выбор, Пул, — подумал он. — Сейчас ты мог бы сидеть с очередной кружкой пива в „Море Спокойствия“. А вместо этого лежишь рядом с покойником, и в любую минуту тебя либо пристрелят, либо взлетишь на воздух...»

Послышались шаги. На мгновение они смолкли, затем снова

начали приближаться. Пул ждал, почти не дыша. Еще пять секунд, и на него упала тень приближающейся фигуры.

Когда появилась голова незнакомца, Пул поднял оружие, поддерживая правую руку левой.

— Стой, — сказал он.

Человек резко остановился, затем медленно опустил на землю поднятую ногу. Пул продолжал лежать, направив пистолет ему в голову. Несколько мгновений оба молча смотрели друг на друга.

— Хорош был денек, да дождь помешал, — наконец сказал телохранитель.

Если мужчина его и слышал, то никак не прореагировал — крепко сложенный, с коротко подстриженными, слегка волнистыми волосами. Винтовку он держал в правой руке, в стороне от тела, дулом к земле.

Пул медленно поднялся на ноги, все время держа противника под прицелом. Чувствуя, как со спины осыпаются камешки, он отошел на несколько шагов назад, аккуратно ставя ноги и стараясь не потерять равновесие, после чего кивнул на винтовку.

— Я знаю, кто предпочитает подобное оружие. Служил в морской пехоте?

Незнакомец молчал.

— Я служил в Девяносто шестом экспедиционном корпусе, — продолжал Пул. — По крайней мере, пока их не утомило мое общество. Целая история из моей жизни.

Человек продолжал молчать, безразлично глядя на него.

— Что ж, — вздохнул Пул, — если разговор по душам у нас не получается, то, может быть, просто бросишь это?

Тот не двигался, и пару секунд спустя Пул резко опустил пистолет, целя в ноги. Шутки кончились — он прострелит противнику коленную чашечку, обездвижит его и добудет нужные ему сведения.

Правая рука незнакомца тут же расслабилась, и винтовка упала на землю. Пул улыбнулся. Тот оказался достаточно умен, чтобы прочитать все в его взгляде.

— Хорошее начал о, — сказал он. — А теперь — руки за голову, и рассказывай быстрее, как отключить все то, что вы тут наворотили.

Мужчина начал медленно поднимать руки. Пул уже собирался его поторопить, но тут правая рука незнакомца молниеносно метнулась за спину.

Пул поднял пистолет и нажал на спуск. Выстрела не последовало, лишь негромкий сухой щелчок. Когда телохранитель понял, что произошла осечка, и передернул затвор, рука противника появилась снова, с кольцом сорок пятого калибра, а затем из его дула вырвалось пламя, и Пул почувствовал, словно ему в живот вонзилось раскаленное копыто. Его пистолет отлетел в сторону, но он уже падал на спину, видя, как кружится над ним черная кривая купола и голубое небо. Он ударился о твердый камень плато, у него перехватило дыхание, и все вокруг внезапно окутала тьма.

16 часов 20 минут

На тяжелой стальной двери висела табличка: «Опасно для жизни. Посторонним вход воспрещен». Уорн стоял рядом с ней, бросая нервные взгляды вдоль коридора, пока Смайт набирал код на клавиатуре, проводил пропуском через считыватель и прикладывал к сканеру ладонь. Послышался щелчок, и дверь распахнулась. Из-за нее со свистом вырвался сухой воздух. Уорн заметил, что края двери покрыты резиновыми полосами.

— Что-то тут совсем безлюдно, — произнес Уорн.

Хотя замечание выглядело совершенно бессодержательным, ему хотелось хоть что-то сказать, неважно что. По пути сюда он уклонился от ответа на большую часть вопросов Смайта, признавшись только, что Утопии грозит серьезная опасность и один Смайт может им сейчас помочь. Лучше было заполнить тишину пустой болтовней, чем выслушивать новые вопросы. Напротив двери ждал Пеккем, лицо которого не покидало недоверчивое выражение.

— Пока бронеавтомобиль в здании, доступ сюда закрыт, — ответил Смайт. — Для всех, кроме специалистов и сотрудников с допуском второго уровня и выше.

Он шагнул внутрь, Уорн и Пеккем за ним.

Помещение за дверью показалось ученому очень большим и просторным, напомнив размерами спортивный зал. Пол покрывали квадраты черной резины. На голых стенах висели разнообразные плакаты и предупреждающие надписи: «В одежде из синтетики не входить. Избегать открытых поверхностей тела. Соответствие техническим условиям АРА 87-1». В центре помещения на расстоянии метров двадцать друг от друга стоял ряд одинаковых металлических контейнеров, каждый примерно семь футов в высоту и пятнадцать в длину, привинченных к бетонной платформе. На их передних стенках висели тяжелые замки. Рядом с каждым стояла маленькая зеленая мусорная корзина с надписью: «Опасные отходы», сделанной по трафарету черными буквами.

— Это и есть склад? — спросил Уорн, показывая на контейнеры.

Смайт кивнул.

— Как видите, он расположен на достаточном удалении, чего требуют правила Бюро по контролю за оборотом алкоголя, табака и огнестрельного оружия. Собственно, здесь все соответствует нормам, за исключением одного. — Он подошел к небольшой двери в задней стене помещения и дернул за ручку. — Видите? — хмуро сказал он, вернувшись назад. — Закрыто.

— И что?

— Эта дверь запирается на электрический замок. Мера безопасности на время загрузки броневедомобиля. И вопиющее нарушение требований Администрации по охране труда и здоровья, по которым полагается иметь несколько выходов. Я уже несколько раз выражал свое недовольство, но мне все время говорят, что это всего на десять минут, раз в неделю. Как только хранилище закрывается и машина уезжает, электрический замок отпирается. Но все равно это нарушение. — Смайт внезапно посмотрел на Уорна, словно в голову ему пришла новая мысль. — Может, сумеете поговорить на этот счет с нужными людьми?

«Значит, броневедомик все еще здесь», — подумал ученый.

Он снова повернулся к Смайту.

— Покажите мне, пожалуйста, где хранятся...

— Мощные заряды, — закончил за него пиротехник.

Уорн кивнул. Смайт неодобрительно поджал губы, но повел обоих по резиновому полу к ряду контейнеров. Непоседа следовал за ними, двигаясь осторожнее обычного и обводя взглядом камеры стены и потолок, пока его процессоры строили топологическую карту обширного помещения.

Смайт остановился у четвертого контейнера и полез в карман за ключами. На полу у контейнера лежал прорезиненный коврик, в переднюю стенку было вмонтировано устройство защиты от остаточного тока в водонепроницаемом корпусе, а сбоку виднелась большая оранжевая табличка с надписью: «Взрывчатые вещества, 1.3g».

Открыв замок, пиротехник включил свет, распахнул тяжелую металлическую дверь и вошел внутрь. Уорн шагнул следом. На полу стоял гигрометр, с потолка свисали полосы фильтровальной бумаги. Вдоль обеих стенок контейнера тянулись высокие деревянные полки,

на которых лежали десятки картонных коробок с одинаковыми этикетками: «Фейерверки UN 0771. Обращаться осторожно. Беречь от огня». На каждой коробке были написаны черным маркером длинные ряды цифр. В дальнем конце контейнера ученый увидел множество трубок из похожего на толстый черный картон материала. Верх каждой из них был окрашен в свой цвет, в соответствии с высотой трубки.

Смайт повернулся к ближайшей полке и провел пальцем по рядам написанных от руки цифр на одной из коробок, затем снял ее с полки, поставил на пол и осторожно открыл. Внутри, запечатанные в отдельные пластиковые пакеты, лежали несколько шарообразных предметов, завернутых в коричневую бумагу.

— Это фейерверки для применения на открытом воздухе, — сказал Смайт. — Мы запускаем их над куполом при закрытии парка.

Взяв одну из упаковок, он осторожно освободил ее от пластиковой обертки и поднес к свету, поворачивая в руках, словно проверяя на наличие дефектов, затем протянул ее Уорну.

Шар оказался удивительно тяжелым. Взвешивая его в ладонях, Уорн заметил прикрепленный сбоку белой ниткой фитиль и несколько маленьких этикеток на его оболочке. «Внимание! — гласила одна из них. — Крайне опасно. Для использования только профессионалами».

— Это «Золотая ива», — сказал Смайт. — Не особо яркая, зато очень мощная — поднимается на тысячу футов, прежде чем раскрыться. Впечатляющее зрелище. Для их запуска требуется не меньше чем десятидюймовая мортира.

Уорн поспешно вернул шар обратно. Смайт положил его на пол рядом с коробкой и прошел дальше в глубь контейнера.

— А здесь у нас «Двойные хризантемы», очень большие заряды, которые обычно используются в самом конце вместе с осветительными ракетами. — Он переместился к противоположным полкам и показал на ряд ящиков. — А это «Серебряные драконы», заполненные алюминиевым и магниевым порошком. Магний придает им особую яркость, смесь горит при невероятно высокой температуре. Отличное дополнение к буракам.

— Буракам, — повторил Уорн. — Вы уже про них говорили.

Смайт моргнул и протер очки, затем, дав знак следовать за ним, вышел и двинулся дальше. Остановившись возле другого контейнера, он отпер замок, и они вошли внутрь. Непоседа остался снаружи, негромко жужжа и беспокойно катаясь туда-сюда.

Стены этого контейнера были покрыты деревянными панелями. В нем не было полок, лишь на полу стояли в два ряда тяжелые металлические ящики.

— Бураки, — сказал Смайт, открывая ближайший ящик. — Салюты, как обычно называете их вы, американцы. Сделаны целиком из черного пороха. Никаких звезд, никакого освещения — просто очень мощный и очень громкий взрыв. Любимое творение испанских пиротехников.

— Черный порох, — проговорил Уорн, глядя на цилиндрические упаковки, лежащие внутри ящика. — Чистый черный порох.

— Да. Или дымный порох.

Неожиданно раздался низкий гудок.

— Сигнал из хранилища, — сказал Смайт. — Это означает, что оно снова заперто, а наш запасный выход открыт. Вероятно, через пару минут мы услышим сигнал отбоя — как только броневедомитель покинет Подземелье.

Уорн развернулся кругом.

— Покинет? — Он показал на открытый ящик. — Нам придется позаимствовать несколько штук.

— Прошу прощения? — моргнул из-под очков пиротехник.

— И несколько зарядов из первого контейнера, просто на всякий случай. «Золотые ивы» и мортиры для них.

— Позаимствовать, — все так же моргая, повторил Смайт.

— Ну же, быстрее!

Смайт осторожно извлек из ящика несколько салютов, затем вышел из контейнера, направляясь обратно к первому.

Уорн повернулся к Пеккему.

— Сколько у нас еще времени до отъезда броневика?

Парень посмотрел на него.

— Точно не знаю. Немного. Если хранилище заперто, значит, броневик уже движется к выходу.

— Черт! — На мгновение Уорна охватило отчаяние. — Слушай, ты ведь знаешь, что я собираюсь сделать?

Глаза Пеккема сузились.

— Думаю, да.

— И ты согласен, что у нас нет другого выбора?

Техник медленно кивнул.

— Я пойду со Смайтом, прослежу, чтобы он взял все, что нужно. Возможно, у нас еще есть время — будем молиться, что это так. А тебя я кое о чем попрошу.

Он отстегнул эхолокатор с запястья.

— Это устройство для вызова Непоседы, — сказал Уорн, протягивая его Пеккему. — Если я прикажу, он придет на зов, где бы ни находился.

Видеотехник осторожно взял эхолокатор, так, будто Уорн дал ему один из пороховых зарядов из ящика. Робот ждал снаружи, с интересом наблюдая за ними.

— Знаешь, что с ним делать?

Пеккем кивнул.

— Тогда вперед. Бегом. Не рискуй больше необходимого. Смайт покажет мне нужное место. Если время еще осталось и мы не опоздаем — встретимся там.

Парень снова кивнул. С выражением мрачной решимости на бледном лице он повернулся и, не говоря больше ни слова, бросился к аварийному выходу.

Уорн вышел из контейнера.

— Идем, малыш, — мягко сказал он Непоседе.

Он посмотрел на часы. Двадцать четыре минуты пятого.

16 часов 24 минуты

Последний брезентовый мешок завернутых в коричневую бумагу банкнот скрылся в утробе броневика. Все подписи были проставлены, а переданная сумма проверена, и улыбающийся усатый Эрл Кроу махнул рукой в сторону мониторов в диспетчерской. Верн помахал в ответ. Кроу забрался в броневику со стороны пассажира, дверца с глухим звуком захлопнулась, и, после ряда введенных с панели управления команд, огромная полукруглая дверь из сверкающей стали встала на место, открыв коридор и перекрыв доступ в опустевшее хранилище. Негромкий гудок сигнала затерялся на фоне рева дизеля.

Помахав на прощание, водитель включил передачу и медленно двинулся назад по коридору. В пятидесяти ярдах впереди, невидимый за плавным поворотом, находился единственный перекресток, а за ним, еще через пятьдесят ярдов, — пост охраны. Дальше — асфальтированная площадка парковки для персонала, служебная дорога, идущая с плато к федеральному шоссе девяносто пять, и открывающиеся перед ними бесконечные возможности.

Но, проехав несколько ярдов, броневику остановился, затем очень медленно пополз вперед, пока не перегородил поле зрения двух находившихся поблизости камер видеонаблюдения, и замер. В соседней стене тотчас же открылся люк, негромко ударившись о корпус броневика. Дверь броневика с шипением открылась.

Первым из люка появился Джон Доу. Он посмотрел направо и налево, разгладил рубашку и поднялся по ступенькам в броневику. Затем показалась еще одна фигура — Крутой, снова в той же кожаной куртке, в которой он встречался утром в фургоне с Томом Тибболдом. Окинув коридор безразличным взглядом миндалевидных глаз, он тоже скрылся внутри машины. Последним выбрался молодой хакер, Взломщик Джек. Лицо его распухло от ссадин, костяшки пальцев на одной руке кровоточили, словно от порезов о какой-то острый предмет, а возможно, о чьи-то зубы. Вытащив из люка мешок, он закрыл панель за собой и забрался в броневику. Дверца со стороны пассажира снова закрылась.

Джон Доу пробрался мимо Эрла Кроу в заднюю часть кузова. Кроу смотрел, как Джон Доу открывает один из боковых отсеков и

ощупывает сначала взглядом, а потом руками стопки аккуратно упакованных банкнот, уложенные в четыре ряда на полки.

— Как говорил Джордж Бернард Шоу, корень зла в отсутствии денег. — Джон Доу закрыл отсек. — Нам этого хватит очень, очень надолго.

— Диски у тебя? — спросил Кроу.

Джон Доу кивнул, рассеянно поглаживая карман пиджака, и посмотрел на часы.

— Водяной Буйвол в пункте сбора не появился. Он что-нибудь сообщал по радио?

Водитель, Сладкоежка, покачал головой. В его наушниках раздался писк, и он нажал кнопку передачи.

— АБТ Девять-Эхо-Браво, прием.

— Девять-Эхо-Браво, говорит Утопия Центр. Мы видим, что вы остановились в подъездном коридоре. Сигнал о закрытии хранилища подан, мы готовы дать отбой. Сообщите причину задержки. Прием.

— Утопия Центр, ничего серьезного. Двигатель слегка заело. Похоже, забился воздуховод. Пытаюсь его прочистить.

— Девять-Эхо-Браво, вас понял. Если проблемы продолжатся, просьба проводить дальнейший осмотр машины снаружи. Повторяю, снаружи.

— Утопия Центр, повторяю, ничего серьезного. Еще пара секунд, и поедem.

Сладкоежка выключил радио и оглянулся назад.

— Я прослушивал внутренние разговоры охраны, — сказал он. — Слухи о «Станции „Омега“» добрались до уровня «С». Местные начинают беспокоиться.

— Ничего страшного, — ответил Джон Доу. — Дадим Водяному Буйволу еще несколько минут, потом поедem.

— Мне выйти и открыть капот? — спросил Кроу.

Джон Доу покачал головой.

— Незачем. Камеры нейтрализованы.

Водитель взглянул в огромное зеркало заднего вида, затем в

вогнутое зеркало на обтекателе переднего крыла.

— Верно, — сказал он и снова перевел взгляд на сканер, отслеживающий переговоры охраны Утопии.

В итоге он не заметил человека — почти мальчишку, веснушчатого и перепуганного, со слезящимися глазами и почти таким же красным, как и его волосы, носом, — который выбрался из аварийного выхода позади броневика, прикрепил нечто похожее на часы с ремешком под задний бампер и снова скрылся из виду.

16 часов 24 минут

Уорн почти бежал по коридору, держа под мышкой несколько пустых мортир — просмоленных черных трубок с нанесенными по трафарету цифрами, обозначающими объем заряда. С другой стороны он крепко зажал под мышкой несколько фейерверков в защитной пластиковой обертке — Смайт в весьма неприятных подробностях рассказал ему, что может произойти с порохом или взрывчатой смесью, если случайно уронить их на бетонный пол.

Позади шел сам Смайт, неся завернутые в коричневую бумагу бураки и что-то еще, незнакомое Уорну. За пиротехником быстрыми короткими рывками двигался Непоседа. К его корпусу были прикреплены четыре мощных салюта, за которыми тянулись длинные фитили из плотно скрученной бумаги.

Коридор был пуст. Уорн рассеянно отметил про себя, что двери, мимо которых они проходили, — хранилище декораций для сезонных представлений, склад видеотехники, подстанция очистки воды — вели в не слишком часто посещаемые помещения, которые не перекрывались во время еженедельных рейсов броневедомости. Как только прозвучал сигнал о закрытии хранилища, пропуск Смайта позволил им пройти в зону ограниченного доступа. Но основная масса персонала Утопии смогла бы вернуться в эти коридоры лишь после полного отбоя.

— Вы уверены, что мы идем куда надо? — крикнул Уорн через плечо.

Тяжело дышавший Смайт ничего не ответил, пытаясь крепче удержать свою ношу. Ученый обернулся. На лице пиротехника отражались смешанные чувства — смятение, беспокойство, страх. Интересно, подумал Уорн, как бы тот поступил, если бы он подробно посвятил его в свой план? Согласился бы он с тем, что иного выхода нет? Или отказался бы наотрез?

В прохладном воздухе Подземелья начал ощущаться запах выхлопных газов. «Не опоздали ли мы?» — с тревогой подумал Уорн. Уже прошло достаточно времени, отбой наверняка прозвучал. Если деньги уже у Джона Доу и его парней, они вряд ли станут здесь задерживаться.

И тут на фоне их отдающихся эхом шагов послышался шум работающего на холостом ходу дизеля — низкий рокот, звучавший совершенно неуместно среди бетонных коридоров. Уорн вспомнил, что говорила ему утром Аманда Фримен: «Единственная не электрическая машина, которой позволено здесь появляться, — броневедомка, который еженедельно забирает деньги».

Ученый замедлил шаг. Впереди коридор упирался в другой, более широкий, идущий в обе стороны. Слева Уорн заметил — или ему показалось — слабый отблеск дневного света на бетонных стенах.

Он повернулся к Смайту, молча показав на развилку. Пиротехник кивнул. Это был именно тот самый коридор.

Уорн приближался к перекрестку. Звук дизеля явно доносился с правой стороны. Это означало, что для того, чтобы покинуть Подземелье, броневедомка должен проехать прямо перед Уорном.

Его охватили смешанные чувства — облегчение оттого, что они все-таки успели, несмотря ни на что, и вместе с тем неприкрытый страх. И еще — что вообще делает здесь он, мятежный теоретик симпозиумов и лабораторий? Сейчас ему следовало пытаться спасти гибнущую карьеру — писать статьи в научные журналы, заниматься лабораторными исследованиями. Как он тут оказался?

Этот вопрос он уже задавал себе раньше, и ответ всегда оказывался один и тот же. Здесь ему действительно не место — но именно ему выпал шанс помешать этим людям обрушить купол. А для этого нужно было не дать им покинуть Утопию.

В ста футах от перекрестка он остановился. Присев и чувствуя, как слегка дрожат пальцы, он опустил трубки на землю. Непоседа ждал неподалеку. Его движения изменились: казалось, он все еще пытался приспособиться к дополнительному весу четырех больших брикетов черного пороха, завернутых в бумагу и привязанных к его спине. Если бы он мог, то наверняка выглядел бы несчастным.

Уорн положил заряды рядом с мортирами.

— Что дальше? — как можно спокойнее спросил он Смайта.

Пиротехник осторожно положил на землю свою ношу.

— Ну... при запуске фейерверка вручную нужно обложить мортиру мешками с песком. Потом проверить каждый заряд, не

просыпается ли из него порох. Если порваны подвески, нужно их починить, обеспечив надежное закрепление груза на конце заряда...

Ученый слушал, скрипя зубами. Запах выхлопа и рев невидимого броневика как будто усилились. И все же он чувствовал, что ничего нельзя сделать — Смайт должен высказаться до конца.

— А как вы нацеливаете заряд? — спросил он.

Смайт посмотрел на него, разглаживая пальцами крошечные усики.

— Прошу прощения?

— Я спрашиваю, как вы нацеливаете заряд? Скажем, если вы хотите выпустить его горизонтально, а не вертикально?

— Но так никто не делает, — удивленно, почти оскорбленно заявил пиротехник, словно подобная идея никогда не приходила ему в голову. — Этот заряд способен взлететь в воздух на сотни футов, его мощность эквивалентна нескольким динамитным шашкам. Ни один пожарный инспектор такого не позволит. Потребовалось бы свободное пространство во много раз больше обычного...

— Мистер Смайт, — прервал его Уорн, — сейчас мы не говорим об обычной ситуации. Просто скажите, как это сделать.

Пальцы пиротехника замерли, но лицо сохраняло удивленное выражение.

— В общем, я полагаю, процедура примерно такая же. Опустить заряд в мортиру, убедиться, что он свободно скользит. Проверить, ровно ли заряд лежит на ее дне. Затем... — Смайт замолчал и кисло поморщился. — Затем нужно положить мортиру набок. Естественно, не полностью горизонтально. Иначе... — Он покачал головой.

— Понятно. — Уорн показал на самый большой заряд. — Продемонстрируйте мне вот на этом. Как его там...

— «Золотая ива».

— «Золотая ива», да.

Смайт осторожно снял пластиковую обертку, развязал удерживающую фитиль нитку и размотал его. Затем, держа заряд за конец фитиля, он осторожно опустил его в одну из больших черных мортир, снова вытащил и опять опустил. Проверив таким образом

соответствие, он перекинул конец фитиля через край, затем взял самую меньшую мортиру, положил ее поперек на землю и медленно опустил на нее заряженную мортиру, так что она легла под углом на маленькую трубку.

— Понятно, — кивнул Уорн. — И как вы его поджигаете?

— Поджигаю?

— Я собираюсь им выстрелить, мистер Смайт.

Взгляд пиротехника стал еще более удивленным.

— Выстрелить? Но зачем?

Времени оставалось лишь на краткое объяснение или на угрозы. Уорн выбрал первое.

— Потому что сейчас в этом коридоре появятся очень опасные люди. В бронеавтомобиле. Если мы позволим им уйти, они взорвут купол над Утопией. Уничтожат парк. Мы не должны допустить этого.

Позади них открылся люк и появился Пеккем. Посмотрев по сторонам, он подошел к ним — колени в пыли, затравленный взгляд.

Пиротехник даже не оглянулся.

— Вы хотите выстрелить «Золотой ивой»? Здесь?

— Если потребуется, мистер Смайт. И этой... как ее... «Двойной хризантемой» тоже, если будет нужно. Но для начала у меня есть Непоседа — как видите, доверху нагруженный черным порохом. Я собираюсь послать его под броневик.

Глаза Смайта расширились.

— Так вы хотите сказать... — начал он. — Хотите сказать, что это может быть опасно?

Уорн молчал. Выражение ужаса и недоверия на лице пиротехника вдруг показалось ему неописуемо смехотворным. Возможно, тот считал, что это просто какие-то учения по поведению в чрезвычайных ситуациях или некое тайное испытание, устроенное руководством Утопии. Несмотря на отчаянно колотившееся в груди сердце, густую вонь дизельного выхлопа и скрежет двигателя броневика за углом, Уорн неожиданно расхохотался. Он смеялся, пока его хохот, отражавшийся эхом от стен Подземелья, не заглушил даже звук работающего на холостом ходу дизеля. А потом смех

оборвался, сменившись судорожными всхлипываниями.

— Да, мистер Смайт, — простонал он, утирая глаза. — Полагаю, это в самом деле может быть опасно.

Пеккем подошел сзади к пиротехнику.

— Просто покажите ему, как поджечь заряд, прежде чем сбежать отсюда, — сказал он.

Смайт посмотрел на Пеккема, затем на Уорна. Несколько раз молча кивнув, он снял очки и начал неуверенно протирать их краем рубашки.

— Все в порядке? — спросил Уорн Пеккема. — Эхолокатор на месте?

Пеккем кивнул.

— Хорошо. — Уорн подошел к Непоседе и открыл крышку на верхней панели робота, затем отошел назад. — Видишь эти кнопки? Когда я дам сигнал, нажми вторую справа. Обычно он запрограммирован на то, чтобы следовать за своим аватаром, то есть за мной. Но я кое-что в нем изменил, и нажатие кнопки отменяет программу, переводя его на аппаратный уровень. Он будет стремиться к эхолокатору, где бы тот ни находился. Заряды на его спине выведут броневую машину из строя, а мы воспользуемся фейерверками, чтобы не дать кому-либо выбраться из него и сбежать. Понял? Итак, когда машина... — Он замолчал, заметив странное выражение на лице Пеккема. — Что случилось?

Техник показал в сторону перекрестка.

— Броневику потребуется не больше секунды или двух, чтобы проехать мимо нас. Как вы собираетесь все это проделать за столь короткое время?

Уорн ошеломленно уставился на него. Лихорадочно составляя свой план, он об этом даже не подумал.

— Значит, придется найти какой-то способ его остановить, — сказал он. — Задержать хотя бы ненадолго, когда он окажется у перекрестка.

Но он тут же понял, что сделать это не удастся, и его вновь охватило отчаяние. Ему вспомнились слова Пула: «Я не стану бросаться под броневик в надежде его остановить». Он был прав. Все

равно никак...

И тут ученый кое-что вспомнил.

— Оставайтесь здесь, — сказал он Смайту, затем повернулся к технику и поманил его за собой. — Идем со мной.

Уорн бросился по коридору, Пеккем за ним. Остановившись у двери, которую уже заметил раньше: «Склад видеотехники», он дернул за ручку. Заперто. Молодой человек провел через считыватель свой пропуск, и дверь открылась. Уорн метнулся внутрь, включив свет и лихорадочно оглядывая загроможденный склад. «Они весь день имели над нами превосходство, — подумал он. — У нас не было никаких шансов. Может, хоть раз повезет?»

Вот он — невысокий черный цилиндр, который он надеялся найти. Он стоял в дальнем углу, рядом с двумя такими же — портативный голографический проектор, такой же, как и тот, что показывала ему утром Терри у себя в лаборатории.

Подбежав к цилиндру, он выкатил его наружу. Пеккем, прищурившись, с любопытством наблюдал за ним. Внезапно он что-то понял, и глаза его широко открылись.

— Успеем? — спросил он.

Уорн остановился, прислушиваясь. Звук дизеля здесь казался тише, но слышно было, что двигатель продолжает работать на холостом ходу.

— Попробуем, — ответил он.

— Но если броневик тронется с места до того, как...

Уорн махнул рукой.

— Не все сразу. Пошли.

Толкая перед собой цилиндр, он побежал по коридору.

16 часов 25 минут

Терри расхаживала по маленькому кабинету в комплексе службы безопасности, бессознательно сжимая и разжимая кулаки. Наконец она заставила себя остановиться. Где Эндрю? Что происходит? Жив ли он? Ожидание и неуверенность доставляли ей немалые мучения. Она выглянула из кабинета, посмотрев на ведущую в коридоры уровня «С» дверь. Вбежавший несколько минут назад врач оставил ее открытой. Почувствовав, как у нее снова сжимаются кулаки, она взглянула на беспокойно пошевелившуюся в кресле Джорджию.

«Что бы ни случилось, — напомнила она себе. — Что бы ни случилось».

Минуту или две назад за стеной послышался приглушенный плач. Хотя Терри не могла себе представить, что директор парка может проливать по кому-то слезы, она знала, что голос может принадлежать только Саре. Чувствуя растущую тревогу, она ускорила шаг.

За спиной Терри послышался шорох, и она оглянулась. Джорджия стояла, держась за кресло. Девочка непонимающе моргнула раз, другой. «Все еще не может прийти в себя», — подумала Терри. Она не знала, что было тому причиной — снотворное или потрясение от сегодняшних событий.

Джорджия, пошатываясь, шагнула вперед, направляясь к двери кабинета. Туда, откуда раздавался плач.

Терри мягко положила руку ей на плечо.

— Куда ты, Джорджия?

— Я ищу папу. Мне показалось, я слышала его голос.

— Его сейчас здесь нет.

Девочка впервые взглянула на нее. Взгляд ее стал более ясным, туман в глазах исчез.

— Где он?

Терри облизнула губы.

— Точно не знаю. Он... занят.

Джорджия моргнула, продолжая смотреть на нее.

— Он просил кое-что тебе передать. Он сказал, что скоро вернется. А до тех пор мы должны заботиться друг о друге.

Неожиданно в тишине послышался голос Сары:

— Фредди, не уходи. Слышишь меня? Не уходи, Фредди. Пожалуйста!

Джорджия насторожилась.

— Кто это?

Терри молчала. Плач возобновился снова.

— Похоже, это Сара. — Джорджия повернулась к Терри. — Это Сара? Что случилось?

Терри поколебалась. Что ей ответить? Она понятия не имела, как стал бы реагировать Уорн, как бы он поступил на ее месте.

«Я бы предпочла узнать правду», — подумала она.

Слегка сжав плечо девочки, она повернула ее лицом к себе.

— Помнишь то совещание сегодня утром, где были другие взрослые?

Джорджия кивнула.

Терри взяла девочку за другую руку.

— Помнишь того человека с акцентом?

Джорджия снова кивнула.

— Так вот, он тяжело ранен. Сара очень переживает и пытается ему помочь.

— А разве мы не можем им помочь?

— Думаю, Саре сейчас нужно побыть одной. Но я знаю, она была бы рада твоему предложению.

Плач стал громче — душераздирающий, безутешный, одинокий. Джорджия подняла взгляд, и в ее глазах Терезе почудилось нечто, чего она не могла до конца понять.

Все это время, даже в бельевой медицинского центра, девочка стойчески переносила все происходящее с ней. Но теперь ее

симпатичное личико неожиданно сморщилось, губы задрожали, на глазах выступили слезы.

Терри порывисто привлекла девочку к себе — также, как и Уорн ее саму совсем недавно, в этом же кабинете. А потом Джорджия внезапно разрыдалась — будто наконец прорвало долго находившуюся под давлением плотину. Терри позволила Джорджии выплакаться, поглаживая ее по волосам.

— Взрослые не должны плакать, — наконец сказала девочка.

— Взрослые тоже плачут, — ответила Терри, продолжая гладить ее волосы. — Ты никогда не видела, чтобы твой отец плакал?

— Один раз, — всхлипнула Джорджия.

Наступила тишина. Слышались лишь всхлипывания девочки и далекий плач.

— У вас есть сестры? — шмыгнув носом, спросила Джорджия.

Вопрос прозвучал столь неожиданно, что Терри на мгновение перестала гладить ее по волосам.

— Нет, — помолчав, сказала она. — Я единственный ребенок. Это довольно необычно, ведь Филиппины — католическая страна.

— Я всегда хотела, чтобы у меня была сестра, — пробормотала Джорджия.

Женщина не ответила и снова начала гладить ее волосы.

— Что нам велел делать мой папа? — спросила девочка.

— Оставаться здесь. Охранять друг друга, быть начеку. Защищать Сару.

Джорджия слегка отодвинулась от нее.

— Быть начеку? — В ее глазах вновь вспыхнул страх. — Думаете, он вернется — тот человек с оружием?

Терри снова привлекла ее к себе.

— Нет, милая. Не думаю. Но мы все равно должны быть осторожны.

Джорджия пошевелилась в ее объятиях.

— Тогда, наверно, лучше закрыть дверь?

Женщина огляделась вокруг. От пережитого потрясения она забыла о том, что врач оставил главный вход в службу безопасности открытым.

— Знаешь, — кивнула она, — а это неплохая идея.

Мягко отстранившись от Джорджии, она вышла в приемную.

— Может быть... может быть, стоит ее даже запереть.

Терри прошла по блестящим плиткам пола приемной и осторожно выглянула в коридор. Он был пуст. Где-то вдалеке звонил тревожный сигнал. Женщина закрыла дверь и тщательно заперла ее на замок.

Звуки плача утихли, и когда она вернулась в кабинет, на комплекс службы безопасности опустилась глубокая тишина.

16 часов 25 минут

Бескрайний голубой океан — нетронутые лазурные просторы, оттененные редкими белыми пятнышками, — был невозмутим и спокоен; тишину нарушал лишь далекий монотонный шум волн, ударявшихся о песок идеального пляжа, который, как известно любому мечтателю, лежит где-то на краю земли, в полном твоём распоряжении, надо только его найти.

Затем взгляд Пула прояснился, и иллюзия пропала.

На мгновение он пожалел о её исчезновении. Никакого спокойного океана не было — лишь простиравшийся над ним голубой с черным купол Утопии, грани которого блестели в лучах вечернего солнца. Звук прибоя на самом деле был лишь отдающимся в ушах шумом его собственной крови. Не было и никакого мягкого белого пляжа, лишь твердые ребра песчаника, вонзавшиеся в спину и затылок. Кроме того, он ощущал резкую пульсирующую боль в висках и еще более острую и пронзительную — в животе.

А потом он все вспомнил — и попытался сесть.

Боль пронзила его живот, словно огненное копье. Застонав, он снова упал на спину.

Его обвели вокруг пальца. Пистолет, засунутый сзади за ремень, — самый старый из всех известных трюков. Он сам не раз к нему прибегал. Похоже, он слишком стар для подобных игр.

Но на то, чтобы лежать и хандрить, у него не было времени.

Снова поднявшись, Пул прополз через овражек, отталкиваясь ногами и руками. Боль в животе становилась невыносимой, и он наконец со стоном упал между двумя массивными балками у основания купола, под самым нижним мостиком. Там был заложен заряд взрывчатки — никто не осмелился бы стрелять в Пула, если бы он сумел держаться к ближе нему.

Схватившись за мостик над головой, он медленно подтянулся вверх. Перед глазами плясали черные пятна, и он отчаянно боялся, что потеряет сознание.

Прислонившись к куполу, он огляделся по сторонам. В овражке в нескольких футах от него распростерся мертвый рабочий. Рядом

лежал на спине тот самый человек в комбинезоне. Из-за каменной бровки Пул мог видеть только его ноги и откинутую в сторону правую руку. Конечности не шевелились — вероятно, Пул ухитрился попасть в специалиста по взрывам, когда падал, отброшенный выстрелом.

Он попытался размышлять, преодолевая боль. Здесь могли быть и другие, и первым делом следовало вооружиться. Но для этого нужно было сдвинуться с места.

«Оцените ситуацию, — вспомнил он слова инструктора в тренировочном лагере. — Определите опасность ранения. — На экране появился слайд — черно-белая фотография старинного поля боя, где лежали в траншеях солдаты в маленьких шляпах, странных сапогах и разорванной одежде. — Взгляните на этих убитых конфедератов, — говорил инструктор. — Почему, по-вашему, у них так разорваны рубашки? Это не мародеры, а сами солдаты их разорвали, пытаясь найти входные и выходные отверстия. Они знали, что если пуля попала в живот, то они умрут. Оцените ситуацию. Определите опасность ранения. И делайте выводы».

Все это пронеслось в мозгу Пула за долю секунды.

Прерывисто дыша, он посмотрел вниз. Его вельветовый пиджак выглядел нетронутым, не считая серой пыли с плато. Потом Пул заметил аккуратную дырочку в нескольких дюймах над левым карманом. Заскрежетав зубами, он взялся за полу пиджака и очень осторожно отвел ее в сторону.

Первым, что он увидел, была кровь — много крови. Она пропитала нижнюю часть его рубашки, и на мгновение при виде ее у него закружилась голова. Он прикусил губу, пытаясь сосредоточиться, затем расстегнул рубашку и медленно оторвал ее от тела. Снова пошла кровь.

Теперь он видел рану — маленькую дыру с рваными краями внизу слева. Похоже, пуля не задела жизненно важные органы, но кровь текла струей. Он знал, что выходное отверстие наверняка намного больше. Пула учили перевязывать огнестрельные ранения, и он знал, чего ожидать. Но он никогда не предполагал, что боль будет столь безжалостной и всепоглощающей.

Он снова осел на землю, убрав руку от раны. Ему опять вспомнились слова инструктора: «В боевой обстановке нет никакого

смысла лежать и ждать санитаря. Вы должны преодолеть боль. Боль — ваш друг. Она означает, что дела еще не настолько плохи, что от вас нет никакой пользы. Поместите свою боль в ящик. Заприте ящик и выбросите ключ. Затем поместите этот ящик в другой, большего размера. Его тоже закройте и выбросите ключ. Потом поместите второй ящик в третий, еще больше. Заприте его, но на этот раз ключ не выбрасывайте, а положите его в карман. А затем отставьте ящик в сторону. Откроете его позже, когда придет время».

Какое-то время Пул лежал неподвижно, тяжело дыша. Затем он поднял правую руку и посмотрел на часы — двадцать семь минут пятого.

Снова схватившись за мостик, он подтянулся, встав сначала на колени, а затем, с невероятным усилием, на ноги. Мир вокруг него опасно накренился, и он закрыл глаза, крепко держась за перила. Несколько секунд спустя он снова открыл глаза.

В тени купола впадины и хребты плато напоминали неглубокие серо-коричневые лабиринты. Он поискал свой пистолет, но смог заметить на фоне одноцветного ландшафта лишь снайперскую винтовку, лежащую там, где он приказал незнакомцу бросить ее. Повернув голову направо, он увидел футах в пятидесяти маленькую квадратную коробочку, которую заметил раньше, перед тем как обнаружить труп.

Он сделал шаг вперед, за ним другой. Мир вокруг снова пошатнулся, и он опять на мгновение закрыл глаза. Медленно, словно старик, он присел, чтобы подобрать винтовку. Боль согнула его пополам, и он с трудом подавил невольный стон. Его снова окутала темнота, и он немного подождал в тени купола, пока боль утихнет. Затем он неуверенно поднялся на ноги и, держа оружие наготове, приблизился к человеку в комбинезоне.

Тот лежал, раскинув ноги, отбросив в сторону правую руку и положив левую на грудь. На мгновение Пулу показалось, что все это лишь странная игра его воображения, и на самом деле это он сам лежит в овражке, умирая, и реальность давно его покинула.

Затем он заметил дыру с красными краями на месте правого глаза и маленькое темное пятно под головой, расплывавшееся по сухому потрескавшемуся камню.

Пул отвернулся, прерывисто дыша и пытаясь заглушить боль. Он

знал, что рана его продолжает кровоточить, но у него не было времени об этом думать. От тяжелой винтовки в его руке не было никакой пользы. Что ему действительно требовалось, так это вывести из строя приемник.

Медленно подойдя к основанию купола и схватившись за перила самого нижнего мостика, он подтянулся вперед, делая один мучительный шаг за другим, следуя за идущим к устройству проводом. Прямо над ним, примерно в тридцати ярдах от основания купола, виднелась верхушка задней стены Утопии. За ней тянулась от одного края каньона до другого длинная плоская бетонная крыша, испещренная вентиляционными трубами, дымоходами, платформами, кожухами лифтов и антеннами — целый искусственный лес балок и перекладин. За другим краем, в двух сотнях футов внизу, простиралась служебная парковка. А еще дальше уходила по высокогорной равнине в сторону шоссе девяносто пять подъездная дорога.

Но все это Пула не интересовало — взгляд его был прикован к коробочке, всего в нескольких футах над его головой. Он старался не думать о времени, о том, что в любой момент бронеавтомобиль может выехать из Подземелья, Джон Доу или один из его подручных включают передатчик, и Энгуса Пула придется долго, очень долго собирать по кусочкам. Если он сумеет добраться до приемника и нейтрализовать его — тогда, возможно, у него есть шанс.

Устройство было прочно закреплено снизу на перилах мостика, и от него в нескольких направлениях расходились провода. Пул попытался присесть рядом с ним, но из-за нового приступа боли рухнул в пыль, выронив оружие. Он подтянулся, изо всех сил желая, чтобы боль прошла хотя бы ненадолго, дав ему возможность протянуть руку, снять коробочку и обезвредить адскую машину.

Его пальцы бессильно скользили по гладкой поверхности. Напрягая зрение, он внимательнее пригляделся к устройству.

Это был вовсе не приемник — обычный разветвитель, соединявший провода.

Телохранитель заморгал, оцепенев от удивления и не веря собственным глазам.

В нескольких футах дальше от мостика уходила вверх лестница, вдоль перил которой тянулась более тонкая проволока, ведущая от

разветвителя. Пул проследил взглядом за проводом, уходящим вверх по куполу. Там, словно насмехаясь над ним, висел приемник, который он искал. Специалист-подрывник прикрепил его снизу второго мостика, окружавшего купол на высоте примерно пятьдесят футов, обеспечив прямую видимость для передатчика Джона Доу.

У Пула подкосились колени, и он упал на каменистую землю.

— Господи, — простонал он. — О нет. Нет, нет, нет.

До мостика было всего пятьдесят футов, но с тем же успехом их могло быть пять тысяч. Добраться до него Пул не мог. Он закрыл глаза. Слишком поздно — он все равно не успел бы обезвредить приемник и отойти на безопасное расстояние. Слишком поздно...

16 часов 28 минут

Сладкоежка за рулем броневика с озадаченным выражением на лице прижал ладонь к наушнику. Наконец он убрал руку и медленно покачал головой.

— Что такое? — спросил сидевший рядом Эрл Кроу.

— Не знаю. Могу поклясться, что слышал чей-то смех.

Кроу переглянулся с Крутым и Взломщиком Джеком и пожал плечами.

Сидящий в одиночестве в грузовом отделении Джон Доу распечатал одну из многочисленных пачек с деньгами и складывал из ее содержимого бумажных журавликов. Возле него лежал наготове инфракрасный передатчик. Он посмотрел на часы.

— От Водяного Буйвола никаких вестей?

Сладкоежка покачал головой.

— Дадим ему еще минуту.

Внутри броневика наступила тишина. Джон Доу закончил складывать журавлика, аккуратно отложил его в сторону, вытащил очередную банкноту и сделал еще одного. Прошла минута. Он посмотрел вперед.

— Ладно, поехали, — сказал он. — Водяной Буйвол может дойти до Вегаса и пешком.

Сладкоежка поправил наушники и сказал в микрофон:

— Утопия Центр, говорит Девять-Эхо-Браво. Проблема устранена. Повторяю, проблема устранена. Мы едем.

— Утопия Центр, подтверждаю, — послышался сквозь треск ответ. — Наконец-то. Доложите, когда выедете на шоссе девяносто пять. Конец связи.

Протянув руку, Сладкоежка включил полицейский сканер, затем нажал желтую кнопку на панели справа с надписью «Регулятор нагрузки». Двигатель заработал на более высоких оборотах, вырабатывая дополнительную электроэнергию. Водитель снял машину с ручного тормоза и снова оглянулся.

— Поехали, джентльмены, — сказал он.

Когда Уорн и Пеккем уже бежали назад к Смайту, звук дизеля внезапно изменился, став более низким и хриплым. Зашипели тормоза, протестующе взвизгнули шины, заскрежетали шестерни коробки передач. Ученый и техник быстро переглянулись.

Несколько мгновений слышались лишь рев двигателя и шумное дыхание Пеккема.

— Мы что, в самом деле собираемся это сделать? — спросил видеотехник.

— Не знаю. Думаю, да. — Уорн повернулся к Смайту. — Ну, так как его поджигать?

Пиротехник что-то бормотал, но слов не было слышно. Ученый наклонился ближе.

— Средств пожаротушения нет, — говорил тот, качая головой. — Вспомогательного персонала нет. Наблюдателей тоже нет.

Казалось, будто он отсчитывает что-то на пальцах — вероятно, все местные и федеральные законы, которые предстояло нарушить.

Коридор наполнился громоханием приближающейся машины. Еще минута, и перед ними появится броневик.

— Смайт! Покажите, как это делается!

Смайт удивленно посмотрел на него.

— Снимаете с огнепроводного шнура защитную ленту.

Уорн сорвал перфорированные концы с тянувшихся из-под мортир фитилей.

— Поджигаете фитили запалом на расстоянии вытянутой руки. Задержка очень короткая, не больше полсекунды, так что быстро отходите. Отвернитесь от вспышки, она может вас ослепить...

— Чем, вы сказали, поджигают фитиль?

— Запалом.

Пиротехник махнул в сторону кучки маленьких красных предметов. Уорн схватил один и повертел в руках.

— Он не зажжен, — тупо сказал он.

Смайт заморгал, глядя на него.

— Он не зажжен! — крикнул Уорн сквозь нарастающий рев.

— Конечно. Вы же не станете поджигать запал, пока вы не готовы запустить заряд?

— Тогда дайте мне спички. Я сам его подожгу.

Смайт недоуменно уставился на него.

Уорн внезапно охватил страх.

— Спички, мистер Смайт.

Пиротехник снова моргнул и развел руками, словно говоря: «Откуда у меня спички?»

Уорн похолодел. Господи. Только не это...

Он опустился на бетон. Вокруг все плыло, словно в тумане. И тут он почувствовал, как ему что-то вложили в ладонь.

Пластиковая зажигалка.

Обернувшись, он увидел Пеккема, вновь отошедшего назад к Непоседе. Видеотехник пожал плечами и нервно рассмеялся.

— Люблю иногда покурить сигару, — сказал он.

Уорн присел, поднеся запал к пламени зажигалки. Тот тут же вспыхнул, шипя и разбрасывая искры. Бросив зажигалку Пеккему, он вернулся к ряду мортир, и в ту же секунду появилась передняя часть бронеавтомобиля.

На фоне туннеля он казался невероятно огромным, как слон, неуязвимым. Бронированные окна и ниши колес окружали широкие полосы из выкрашенной в красный цвет стали. Из усиленного бампера торчали высокие стальные стержни с белыми верхушками. Желтые огни на крыше и рев двигателя наполнили коридор светом и шумом. Уорн смотрел на машину, сжимая в руке запал. Появилась кабина водителя, отбрасывая зеленые отблески в флюоресцирующем свете. Уорн затаил дыхание. Туша фургона заполнила собой весь перекресток. На мгновение Уорн испугался, что что-то пошло не так и броневи́к поедет дальше. Но он тут же остановился, взвизгнув тормозами и сотрясаясь от работающего на холостых оборотах

двигателя.

— Поджигать? — крикнул Пеккем, стоящий позади Непоседы.

Уорн оглянулся. Робот нес на себе внушительный заряд — четыре больших брикета черного пороха. О длине фитиля можно было лишь догадываться, и он вполне мог сгореть слишком рано. Но времени уже не оставалось. Уорн кивнул Пеккему и, когда тот поджег фитиль, нажал кнопку на панели управления Непоседы. Голова робота повернулась кругом в поисках сигнала эхолокатора, затем он застыл неподвижно, нацелившись прямо на броневик.

Уорн наблюдал за ним, ощущая, несмотря ни на что, боль и вину за то, что вынужден пожертвовать роботом.

— Прощай, Непоседа, — пробормотал он. — Прости.

Непоседа еще мгновение оставался на месте, направив головной модуль на бронеавтомобиль. У Уорна вдруг возникло странное чувство, будто робот знает, что должно произойти, и некий инстинкт самосохранения не позволит ему выполнить самоубийственную команду. Но тот устремился вперед, прямо к бамперу броневика, гудя мощными моторами.

Мгновение спустя робот снова остановился. Фитиль позади него продолжал искриться и шипеть.

Уорн в ужасе уставился на робота, пытаясь понять, что пошло не так. Неужели он прав и Непоседа отказывается выполнять программу? А потом, посмотрев в конец коридора, он все понял.

Под кормой содрогающегося броневика на бетонном полу лежало нечто похожее на большие пластмассовые часы, разбитые на куски. Из-за сотрясений машины эхолокатор слетел и разбился при падении. И теперь Непоседа застрял в коридоре с десятью фунтами мощной взрывчатки на спине, не зная, как выполнить данную ему директиву.

— Что случилось? — спросил из грузового отделения Джон Доу.

Прислонившись к металлическому шкафу, он закинул руки за голову. Пиджак его распахнулся, открыв изысканную шелковую подкладку и спрятанную под мышкой кобуру.

— Там кто-то стоит в коридоре, — ответил водитель. —

Появился, когда я свернул за поворот.

— Тогда подожди немного, и он уйдет.

— Он не двигается с места.

— Посигналь ему.

Сладкоежка исполнил его просьбу.

— Все равно стоит. И не желает уходить.

Джон Доу опустил руки и наклонился вперед.

— Он что, глухой?

— Смотрит прямо на нас.

— Это охранник?

— Нет, кто-то в штатском.

Джон Доу нахмурился.

— Вполне возможно, даже вероятно, что...

Он встал и, держась за поручень над головой, посмотрел сквозь ветровое стекло.

— Я уже видел этого человека, — пробормотал он, и его лицо вдруг исказилось от ярости и удивления.

— Это Уорн! — крикнул он. — Дави его! Ну, давай же!

Двигатель взревел, и водитель снова нажал на газ. Уорн перевел взгляд с Непоседы на стоявшие позади на земле мортиры и поднес запал к фитилю «Золотой ивы». Поскольку Непоседа замер на месте, лишившись каких-либо указаний, оставалось лишь одно — самому выпустить заряд по броневику. Внезапно его охватила странная апатия, будто для него застыло само время.

Перед его мысленным взором одна за другой промелькнули картины — Норман Пеппер в вагоне монорельса улыбается и оживленно жестикулирует; Сара, широко раскрыв глаза, стоит в Зеркальном зале; Терри плачет на его плече в комплексе службы безопасности; Джорджия в зале «Метаморфоз» разглядывает свое волшебным образом повзрослевшее отражение. А потом она же, в палате медицинского центра...

Уорн шагнул вперед и коснулся запалом фитиля.

Он вспыхнул, и пламя удивительно быстро поползло по нему, шипя и разбрасывая искры. В последний момент ученый вспомнил, что нужно отвести взгляд. Послышался странный звук, будто под водой выпустили сжатый воздух, а затем «Золотая ива» с яростным шипением вылетела из трубы. Обернувшись, Уорн увидел, как фейерверк с невероятной скоростью понесся по коридору, словно яркая комета с дымящимся хвостом, отскакивая от стен, пока в конце концов не врезался в потолок над бронеавтомобилем.

Долю секунды ничего не происходило, затем все вокруг окрасилось в ослепительно-белый цвет.

С оглушительным грохотом взорвался оставшийся заряд. В коридор выстрелили сотни огненно-золотых языков, шипя и извиваясь по стенам и потолку, окутывая огненными лентами бронеавтомобиль. Раздалась оглушительная канонада, словно рвались одна за другой бесчисленные гранаты. Белый свет затмила странная дымящаяся золотистая корона, повергающая в трепет и ужас. Огненные щупальца пронеслись над головой Уорна, становясь все ярче и ярче, прежде чем наконец исчезнуть.

Когда стихло эхо разрывов, Уорн услышал другой звук — отдаленное завывание тревожных сирен. Дымная пелена начала рассеиваться, и Уорн напряг зрение, вглядываясь сквозь нее.

Нос бронеавтомобиля отбросило взрывом в сторону. Уорн видел, как вращаются колеса машины, которую отчаянно пытался выправить водитель.

Он прицелился слишком высоко, и заряд взорвался над броневиком.

Уорн обернулся. Смайт лежал позади него на полу, скорчившись и закрыв голову руками. На лице сидящего рядом на корточках Пеккема застыло изумленное выражение.

Уорн повернулся назад. Израсходованная мортира дымилась рядом с ним. Непоседа все так же стоял в нескольких ярдах дальше по коридору, и прикрепленный к нему фитиль становился все короче. Его большая голова повернулась к Уорну, будто он хотел о чем-то спросить. В конце коридора все еще пытался выровняться броневик, раскачиваясь вперед и назад под натужный рев двигателя. Еще мгновение, и он скроется в коридоре.

Уорн посмотрел на оставшиеся мортиры. Трубу, на которую они опирались, отбросило отдачей, и теперь они валялись на полу. Он не успел бы подготовить еще одну для второго выстрела, а даже если бы и сумел, точно прицелиться было почти невозможно. Он взглянул на Непоседу. Если бы как-то удалось добраться до него, изменить его программу... Но времени уже не оставалось. Робот стоял на месте, с готовым взорваться зарядом на спине, не получая никаких команд...

Впереди, у перекрестка, из одной из бойниц броневика высунулось дуло.

Уорн быстро присел, и тут ему внезапно пришла в голову мысль. Возможно, все же стоило попытаться дать Непоседе указания. Подобной команды он никогда прежде не слышал, более того, она противоречила всему, чему его учил и. И все же...

— Непоседа! — рявкнул он, показывая на броневик. — Догони!

Робот не двигался с места.

— Догони! — снова крикнул Уорн. — Догони!

Непоседа еще немного постоял, словно пытаясь обработать незнакомый сигнал, затем двинулся вперед, сначала медленно, потом быстро набирая скорость. Уорн сел, не в силах произнести ни слова. Фитиль ярко искрился между широкими задними колесами робота. Непоседа все целеустремленнее и быстрее мчался к огромной машине.

Уорн закрыл глаза и отвернулся.

Ослепительная вспышка обожгла ему глаза даже сквозь закрытые веки, за ней последовал оглушительный грохот, от которого, казалось, сотряслась вся Утопия до самого основания. Уорна сбilo ударной волной на пол. Он попытался подняться, тяжело дыша. Несколько мгновений мускулы отказывались ему повиноваться, но с некоторым усилием ему удалось встать на четвереньки.

Броневик опрокинулся набок, решетка радиатора вклинилась в стену коридора. Верхние колеса медленно вращались, краска на боковых панелях почернела и дымилась. Мощная броня, закрывавшая нижнюю часть машины, была разорвана, словно алюминиевая фольга. Сработали пожарные гидранты в конце коридора, и сквозь завесу порохового дыма лились потоки воды.

Уорн присел, не отводя взгляда от автомобиля и прерывисто дыша. В течение долгих секунд он слышал лишь собственное хриплое дыхание, отдаленный плеск воды о металл и бетон и вой пожарных сирен.

А затем дверца броневика вдруг дернулась.

Сначала Уорну показалось, что это лишь обман зрения, вызванный потоками воды и клубами дыма. Но дверца снова шевельнулась, словно ее толкали снизу.

Кто-то пытался выбраться.

Дыхание Уорна участилось. Он посмотрел на лежащие перед ним мортиры, на их разбросанное вокруг содержимое, на торчащие, словно хвосты, фитили, пытаясь привести мысли в порядок. Он различил «Двойную хризантему», тяжелые брикеты пороховых зарядов. Что там говорил о них Смайт? Эквивалент нескольких динамитных шашек...

Дверца броневика отлетела вверх, с лязгом ударившись о стену коридора. Уорн увидел появившуюся голову, затем верхнюю часть туловища в обтягивающей кожаной куртке. Человек пытался вылезти из опрокинувшейся набок машины, держа в руках угрожающего вида автомат.

Уорн упал на спину, в отчаянии озираясь вокруг. Запал лежал в стороне, продолжая разбрасывать искры и освещая красноватым сиянием бетонный пол.

Времени на размышления не оставалось. Схватив запал, он бросил в ближайшую мортиру пороховой заряд, за ним еще один, лихорадочно расправляя фитили. Мужчина в кожаной куртке поднял оружие, прислонившись к раме дверцы. Из дула вырвалось пламя, и что-то просвистело над головой Уорна.

Тяжело дыша, он кинул в трубку огромную «хризантему», затем направил ее в сторону от себя и негнувшимися пальцами поднес запал к концам фитилей. Снова раздалась автоматная очередь, мимо просвистели пули. Бетонная крошка попала Уорну в глаза, но фитили уже горели, и он, держа мортиру как можно дальше от себя, нацелил ее прямо на стрелка.

Раздалось громкое шипение, и из мортиры повалил черный дым. Жестокая отдача швырнула Уорна на пол. Снова в коридор

устремилась светящаяся комета, более яркая, чем первая, мчась прямо к открытой дверце броневика. Уорн упал на пол, закрыв руками голову.

Долю секунды было тихо, затем раздался ужасающий двойной взрыв, яркая вспышка, а затем в воздухе неожиданно один за другим расцвели огненные цветы, разбрасывающие вокруг красные, желтые и бирюзовые звезды, сотни крошечных солнц, слишком ярких для того, чтобы на них можно было смотреть. Свет почти ослепил Уорна. Он попытался подняться, но ударная волна вновь бросила его на пол. Оглушенный, он несколько мгновений ничего не чувствовал, затем ощутил — или ему лишь показалось, — будто вокруг него сыплются конфетти, мягко падая на землю. Он продолжал лежать, весь дрожа, крепко зажмурившись и боясь пошевелиться.

Сначала он ничего не слышал кроме шума в ушах, затем постепенно начали возвращаться другие звуки — раскатистый грохот салюта, эхом отдававшийся в коридорах уровня «С», далекие отголоски сработавшей сигнализации сотен машин на служебной парковке.

— Я ничего не вижу! — кричал рядом с ним Пеккем. — Я ничего не вижу!

Сработали новые гидранты; вода лилась по волосам Уорна, по его шее, между лопатками. Наконец он с трудом поднялся, держась за стену, открыл глаза и посмотрел вперед.

Броневик лежал так же, как и раньше, медленно вращая колесами; по его бокам струями текла вода. В воздухе висел густой запах пороха и фосфора. Повсюду валялись потемневшие от воды обрывки денег, устилая борта броневика, пол и стены. Человек с автоматом исчез. Открытая дверца броневика была вся в крови и ошметках, кровь разбрызгалась по стене позади нее, струйками стекая вниз. Потoki воды прочерчивали на окровавленной стене чистые полосы.

Уорн сполз по стене, не ощущая ни облегчения, ни страха, лишь неприятный зуд в руках. Посмотрев вниз, он с легким удивлением обнаружил, что раскаленная трубка сожгла кожу на ладонях. Медленно, словно во сне, он опустил руки и выглянул в коридор. Пеккем сидел у стены, прижав руки к глазам. Смайта нигде не было видно.

Медленно выдохнув, Уорн прислонился к холодной стене затылком. Запал лежал у него на коленях, промокший насквозь. Боль в ладонях усилилась, но он не ощущал ничего, кроме крайней усталости. Вой сирен и плеск воды, казалось, раздавались где-то очень далеко. Возможно, закрыв глаза, он мог бы заснуть.

Взгляд его снова упал на броневик, и он резко сел, словно получив удар током. Запал упал и покатился по полу.

На капот броневика выбирался Джон Доу. Лицо его почернело, волосы обгорели, пиджак дымился на спине. Из носа и ушей текла кровь. Казалось, он не замечал ни Уорна, ни разбросанных денег, вообще ничего. Взгляд его был прикован к выходу из туннеля.

Ученый с трудом поднялся, глядя на руки Джона Доу. В одной тот держал пистолет, в другой — черную коробочку передатчика.

Уорн затравленно огляделся по сторонам. Он не смог бы зажечь запал обожженными руками, к тому же все вокруг слишком промокло, для того чтобы гореть. Все возможности были исчерпаны.

В отчаянии он снова посмотрел на броневик. Но Джон Доу уже соскользнул с радиатора и скрылся в туннеле.

16 часов 32 минуты

Джон Доу шел по коридору, прочь от дыма, воды и неописуемого ужаса, который он только что видел внутри броневика. Он то и дело спотыкался, но все так же крепко сжимал в руке передатчик. Сработала сирена пожарной тревоги, но он ее не слышал — его барабанные перепонки лопнули после взрыва третьего заряда. Костюм был весь в крови, но в основном не его собственной, и он не обращал на нее никакого внимания.

Навстречу ему бежал по коридору охранник с искаженным от ужаса лицом. Губы его шевелились, он, вероятно, кричал: «Что случилось, черт побери? Вы ранены?» Джон Доу поднял пистолет и выстрелил в него. Глаза жгло от порохового дыма, но он все еще мог различить полукруг дневного света в конце коридора. Уже недалеко.

Навстречу спешил еще один охранник. Джон Доу поднял руку, снова спустил курок и пошел дальше. Миновав безлюдный пост контроля, он еще через несколько шагов оказался снаружи, на асфальтированной площадке. Позади него и над ним возвышалась обширная задняя стена Утопии. На парковку падала тень купола, но свет все равно казался Джону Доу слишком ярким. Шатаясь, он двинулся вперед, чувствуя, как из ушей течет кровь. Несколько служащих, выбежавших из погрузочных доков при звуках взрывов, остановились, уставившись на него. Он шел дальше, не обращая на них внимания. Словно в тумане, он видел едущие через парковку одну или две машины, но его интересовала лишь одна — автомобиль сопровождения, который забрал бы его отсюда, от того смертоносного кошмара, который он намеревался обрушить на парк. Как там говорил Вишну в «Бхагавадгите»? «Я — смерть, великий разрушитель миров». По крайней мере, ему так казалось — мысли его были не столь ясны, как он хотел бы.

Деньги, конечно, пропали, зато остались диски — вполне достаточная компенсация. Впереди виднелась широкая кривая, отмечавшая край тени купола. Он крепче сжал в руке передатчик. Дойдя до нее, он обернется и направит луч в нужную точку.

Осталось немного.

Преодолевая боль в обожженных ладонях, Эндрю Уорн перебрался через капот броневедомобиля и, шатаясь, двинулся по коридору. Он не знал точно, что собирается делать, но понимал, что должен любой ценой остановить Джона Доу.

Портативный голографический проектор, который они с Пеккемом поставили, чтобы задержать броневедомик, лежал на боку, опрокинутый взрывами, продолжая отображать голограмму самого Уорна с расставленными ногами и скрещенными на груди руками, покачивавшуюся на фоне потолка. Быстро пройдя мимо него, Уорн увидел в коридоре впереди неподвижно лежащего сотрудника службы безопасности, затем еще одного. Позади слышались крики, топот ног. Миновав пост охраны и ревущие вентиляторы воздухоочистительной установки, он вышел на служебную парковку.

На мгновение он остановился, ища взглядом Джона Доу. И тут, к своему ужасу, он увидел его прямо впереди, ярдах в ста. На его худощавую фигуру падала тень купола Утопии. Как он сумел оказаться там так быстро?

Уорн увидел, как окровавленная рука медленно поднимается вверх.

— Нет! — крикнул он, бросаясь вперед.

Но уже на бегу он увидел нацеленный в небо передатчик, пустую, безжизненную улыбку на лице Джона Доу и понял, что опоздал.

Внезапно голова Доу разлетелась на куски, разбрызгивая кровь и мозг.

Тело упало навзничь, передатчик покотился по асфальту. Только затем ушей Уорна достиг звук выстрела, отдавшийся эхом над парковкой, перекатываясь, словно мяч, между стенами каньона на фоне пронзительных воплей сигнализации десятков машин.

Подбежав к передатчику, Уорн раздавил его каблуком, затем обернулся, вглядываясь в широкую бетонную стену Утопии. Высоко на крыше, в тени купола, стоял человек в твидовом кепи и вельветовом пиджаке, опираясь на винтовку с длинным стволом. Он слабо махнул Уорну рукой, а затем сел. Оружие упало, скрывшись из виду.

Уорн тоже сел. На парковке до сих пор было жарко, несмотря на

тень. В нескольких ярдах от него лежало неподвижное тело Джона Доу.

Ученый огляделся вокруг, положив руки на колени и ошарашенно моргая. Невдалеке быстро промчался седан последней модели с желтой мигалкой, направляясь к шоссе. Уорн не обратил на это внимания. Взгляд его был устремлен на неровную красную линию горизонта, откуда приближался ряд приземистых силуэтов, поднимая с земли облака пыли. Ему показалось, будто он слышит звук бьющих по воздуху гигантских крыльев.

Прибыло подкрепление.

Эпилог

Солнечные лучи падали на стены каньона, покрывая песчаник красными, желтыми и коричневыми пятнами. Уорн сидел в одиночестве у окна, наслаждаясь согревающим лицо теплом. На этот раз он не забыл взять темные очки. Мягкое покачивание вагона успокаивало, принося с собой воспоминания из далекого детства. Из громкоговорителей раздавался знакомый приятный голос, но на этот раз к нему добавлялась информация о вновь открытом всего две недели назад космопорте Каллисто и новых аттракционах.

Ученого вывел из задумчивости послышавшийся за его спиной вопрос. Обернувшись, он увидел человека лет сорока с редющими волосами и румяным лицом.

— Простите? — переспросил Уорн.

— Я говорю — вы здесь впервые?

Уорн покачал головой, вспомнив последний раз, когда он видел эти красные стены — из санитарного вертолета, мчащегося в сторону Вегаса. Руки его были тогда обложены льдом, и какой-то человек в форме что-то кричал, задавая вопросы. Покачивание вагона на миг показалось ему не таким приятным.

— Я — да. То есть впервые. Никак не могу поверить, что в самом деле нахожусь здесь. — Незнакомец говорил быстро, на одном дыхании. — И все из-за той статьи, что я написал.

Неприятное ощущение прошло, и Уорн отбросил воспоминания.

— В самом деле?

— В «Эпикурейском ежеквартальном обзоре». Про средневековую кухню. Я ведь историк кулинарии.

— Историк кулинарии?

Но незнакомца не требовалось переспрашивать.

— Да. И вот на прошлой неделе мне позвонил Ли Данвич, глава службы питания Утопии, — представляете, сам Ли Данвич, который отказался от трехзвездного парижского ресторана и прочего ради работы в парке? В общем, он попросил меня приехать и оценить

некоторые меню Камелота; знаете, они открывают два новых ресторана, и опрос гостей показывает, что некоторые блюда им не нравятся, поскольку средневековая еда отличается... Господи, вот она!

Монорельс обогнул узкий изгиб каньона, и впереди открылся обширный фасад Утопии, мерцающий в лучах солнца, словно некий монументальный мираж. Поток слов внезапно оборвался, и его собеседник уставился на представшее перед ним зрелище.

Глядя на него, Уорн невольно улыбнулся.

— Приятно вам провести время, — сказал он.

Внутри Ядра все часы показывали ноль пятьдесят. Длинные гулкие галереи, казалось, затаив дыхание, ждали внезапного притока посетителей. Уорн стоял на платформе, окидывая взглядом отполированный металл и светлое дерево, пустые рестораны и магазины, изящную голубую ленту купола над головой. Он медленно вздохнул, потом еще раз. Историк кулинарии — Уорн уже забыл, как его зовут, — спешил по пандусу в сторону выстроившихся как на параде служащих в белых куртках. По мере приближения приглашенных специалистов и всевозможных важных персон шеренга начала распадаться, и Уорн увидел, как навстречу историку шагнула молодая женщина. Ему показалось, что он узнал Аманду Фримен, которая встречала его самого девять месяцев назад.

Неожиданно он увидел, что к нему быстро идет по пандусу Сара Боутрайт.

Сначала ему, как обычно, бросились в глаза простые, строгие черты ее лица. Но когда она подошла ближе, он заметил кое-что еще. Слегка опущенные уголки рта и едва заметные темные полосы под глазами говорили о пережитом глубоком личном горе.

За недели, последовавшие за его возвращением в Питсбург, ему пришлось разговаривать с бесчисленными представителями службы охраны правопорядка, агентами Бюро по контролю за оборотом алкоголя, табака, оружия и взрывчатых веществ, сотрудниками отдела обслуживания посетителей Утопии. Чуть позже у него состоялись десятки телефонных бесед с проектировщиками парка и специалистами по компьютерным системам. Но с Сарой Боутрайт ему предстояло говорить впервые. Последний раз, когда он ее видел,

она сидела на полу камеры, поддерживая голову умирающего Фреда Барксдейла.

Он подумал было ее обнять, но вместо этого лишь протянул руку.

— Сара! Какой приятный сюрприз!

Она пожала его руку — коротко, но крепко.

— Я видела твое имя в сегодняшнем списке специалистов. Вот и решила сама тебя встретить.

— Тебе разве не надо где-то быть? — спросил он. — На этом вашем утреннем совещании, как оно называется...

— Военный совет? Там могут обойтись и без меня.

Они начали спускаться по пандусу следом за идущими в сторону Ядра специалистами и их сопровождающими в белых куртках. Уорн бросил взгляд на еще одни часы. Ноль сорок восемь.

— Собственно, даже приятно вырваться хоть разок, — сказала Сара. — Дел сейчас по горло, готовимся к празднованию второй годовщины. Да еще вся эта новая бюрократия — не одна комиссия, так другая. По охране здоровья и безопасности, по охране окружающей среды, по промышленной гигиене... Порой кажется, будто от чиновников некуда деться.

— Все так плохо?

— Даже хуже. Но бизнесу не мешает. Посещаемость парка выросла за прошлый квартал на пятнадцать процентов. Мы теперь на третьем месте.

Уорн понимал, что, приводя цифры и проценты, Сара пытается таким образом себя утешить. Что-то в ней изменилось; это крылось глубоко в ее взгляде, но он не мог сообразить, что именно.

Они прошли между расположенными в форме подковы фонтанами, мимо голографических картин и входного портала Камелота. Появляясь из потайных дверей или исчезая за стенными панелями, быстро шагали служащие, торопливо завершая последние приготовления. Впереди, у входного портала Каллисто, музыкант в блестящем комбинезоне нес инструмент, похожий на футуристическую виолончель.

— Идем, — сказала Сара, нарушив тишину, становящуюся тягостной. — Покажу тебе кое-что.

Они прошли мимо ряда магазинов и галереи «Мысленный взгляд», затем Сара свернула к дальней стене Ядра, к массивному шестиугольному portalу. Над ним виднелась колеблющаяся, словно в воде, вывеска: «Атлантида». «Ну конечно», — подумал Уорн, взглянув на надпись.

Увидев их, группа служащих у портала отошла в сторону, улыбаясь и кивая начальству. Сара и Уорн прошли по широкому коридору с низким потолком и оказались в месте, напавшем на ученому экваториальный пляж, где шли обширные археологические раскопки. Уорн удивленно уставился на решетки и балки, рычажные весы и опорные плиты, на тщательно выровненные слои почвы — все признаки настоящей профессиональной работы. В этот ранний час здесь никого не было.

— Что это такое? — спросил Уорн.

Сара с любопытством взглянула на него.

— Ты не читал предварительную концепцию?

— Только краткое описание. Я был слишком занят техническими спецификациями.

— Это модель настоящих раскопок в Акротери [\[44\]](#). Полностью действующая, вплоть до фотограмметрических записей. Идея заключается в том, чтобы посетители сначала проходили через современные раскопки Атлантиды, как бы привыкая к тому, что им предстоит увидеть, а затем портал вернет их назад во времени, в золотой век этого города. Мы попытались сделать иллюзию погружения как можно более реалистичной. Строительство завершено, мы лишь откладываем открытие на месяц, чтобы кое-что... усовершенствовать.

Она бросила взгляд на Уорна.

— Задержка — не моя вина, — ответил он.

— Я этого и не говорила. Мы заканчиваем третью фазу испытаний, и все отчеты, которые мы получаем, полны оптимизма. — Она махнула рукой. — Давай я покажу тебе сам Мир. Тебе понравится.

Пройдя территорию раскопок, они вошли в одну из больших цилиндрических кабин. Двери закрылись, и Уорн на мгновение оказался в темноте. Затем по обеим сторонам цилиндра раздвинулись боковые панели, и он понял, что их окружает вода. На стенах и потолке плясали зеленовато-голубые отблески отраженного света. Послышалось гудение, затем легкий толчок, вдоль стен цилиндра побежали пузырьки, и кабина начала опускаться.

Уорн повернулся к Саре.

— Мы ведь на самом деле не движемся?

— Тихо. Испортишь впечатление.

Далеко внизу, на подобии океанского дна, Уорн различил туманные силуэты. Прижавшись лицом к плексигласовому окну, он увидел шпили и минареты фантастического города. В подводных течениях мерцали похожие на драгоценные камни огоньки. Свет потемнел, и картина исчезла. Уорн отошел от окна.

Слегка вздрогнув, цилиндр остановился. Двери в его противоположном конце с шипением открылись.

— Идем, — слегка улыбнувшись, сказала Сара.

И Уорн шагнул в рай.

По крайней мере, ему показалось, что рай должен выглядеть именно так.

Они стояли на просторной перламутрово-белой набережной. У их ног плескалось спокойное море, такое ярко-синее, что Уорну захотелось окунуть в него кисть. Во всех направлениях расходились широкие дороги из того же белого материала, плавно изгибаясь над водой и уходя к большим скоплениям зданий, башен и серебристых стен, казалось, простиравшимся до бесконечности. По обочинам росли экзотические пальмы и яркие цветы. Неподалеку покачивались на якоре несколько деревянных лодок с высокими изящными носами в форме лебедей. Тот тут, то там из воды выпрыгивали маленькие серебристые рыбки, сверкая на солнце чешуей. А над всем этим простирались купол и чистое безоблачное небо.

Сара молча повела его к мраморной скамейке под раскидистой пальмой. Уорн сел, зачарованный окружающим зрелищем. Дул свежий ветерок, прохладный и бодрящий, доносивший некий бесконечно многообещающий аромат. Казалось, будто этот вечный

город поднялся из морских глубин, чтобы сделать подарок лично ему.

— Как тебе? — услышал он вопрос Сары.

Уорн покачал головой.

— Великолепно. Просто потрясающе.

Сара улыбнулась, явно довольная комплиментом.

— Это хорошо, учитывая, что тебе предстоит провести здесь большую часть недели. Мы не жалели расходов. Некоторые из водных эффектов, созданных нашими инженерами, нужно увидеть собственными глазами, чтобы в них поверить. Предполагается, что один из водных аттракционов, «Последние мгновения Помпеи», станет крупнейшей достопримечательностью Утопии. Возможно, ты о нем слышал. С помощью портативных голографических технологий мы поместили в каждую пассажирскую кабину изображение Эрика Найтингейла, и...

Неожиданно вода у их ног забурлила. К поверхности поднялся вихрь пузырей, а затем появилась длинная узкая голова, по чешуйчатым бокам которой стекала пена. На них уставились немигающие желтые глаза.

— Вот ты где, — улыбнулся Уорн.

Морское чудовище пристально смотрело на него, поднимаясь все выше из воды, фут за футом, высокое и гладкое, похожее на гигантскую змею. Шкура его переливалась и блестела, отражаясь в сверкающей поверхности воды. С идущих вдоль боков механических плавников стекали похожие на жемчужины капли. Несколько мгновений оно оставалось неподвижным, балансируя среди пены, затем начало кувыркаться и прыгать на волнах.

Уорн покачал головой. Он смог испытать это существо лишь в Олимпийском бассейне в Карнеги-Меллоне, несмотря на протесты тренера по плаванию, и вид его здесь, на широких водных просторах, стал для него откровением. Создание водного робота, достаточно впечатляющего для Атлантиды, — с разумом дельфина и гибкостью угря — стало для него самой сложной на данный момент задачей. К счастью, у него была возможность воспользоваться помощью весьма опытного коллеги. И все же фальстартов и проведенных за компьютером бессонных ночей оказалось намного больше, чем он мог предполагать. Но конечный результат — Леди Макбет, как

назвали этот прототип, — стал для него наиболее успешной демонстрацией искусственного интеллекта. И, увидев плод своих трудов в его родной среде, он понял, что работа того стоила.

Неожиданно чудовище перестало резвиться и скрылось под поверхностью моря. Несколько мгновений все было тихо, и вдруг оно высоко выпрыгнуло из воды в отдалении, раскрыв пасть с рядами сверкающих зубов. Взревев, оно выплюнуло длинный язык пурпурного пламени, затем снова нырнуло под воду. Так повторилось несколько раз, прежде чем создание наконец вернулось к их скамейке, балансируя среди пены и глядя на них, словно ожидая одобрения. Из его ноздрей поднимались тонкие струйки дыма.

— Какая Атлантида без морских змей? — пробормотал Уорн. Он повернулся к Саре. — Она хорошо себя ведет?

— Она проходит бета-тестирование с тех пор, как ты ее сюда прислал. Насколько я слышала, ежечасные представления прошли без сбоев. Впрочем, у нее есть одна дурная привычка.

— Дурная привычка? Какая?

Сара кивнула в сторону змеи.

— Смотри. Скоро увидишь.

Ученый нахмурился.

— Гм... В любом случае, два первых рабочих образца ждут в аэропорту. Они прибыли вчера грузовым самолетом. После того как я прослежу за их запуском, я заберу Леди Макбет к себе в лабораторию, проверю на сбои или аномальное поведение.

Он замолчал. Казалось странным, что он снова здесь, в Утопии, рядом с Сарой. В прошлый раз его вызвали, чтобы отключить метасеть, сделать лоботомию взбунтовавшимся роботам. Но этому помешали другие события. И теперь, по иронии судьбы, круг замкнулся. Он добился ощутимого прогресса в своей работе по машинному обучению. Его теории, когда-то считавшиеся радикальными, воплотились в жизнь. И сегодня он вернулся, чтобы запустить новых, лучших, более интеллектуальных роботов.

Откашлявшись, он обвел рукой сверкающий пейзаж.

— Что ж, это воистину прекрасно, Сара. Ты можешь гордиться.

Женщина кивнула.

— Мы создали современную систему циркуляции, которая очищает и распределяет двести тысяч галлонов воды в минуту, — к нам даже обращались власти Венеции. Когда в следующем месяце откроется Атлантида, все остальные водные парки в мире немедленно устареют.

Она помолчала, глядя по сторонам. Легкий ветерок шевелил ее каштановые волосы.

— Все будет отлично, — очень тихо сказала она.

Уорн посмотрел на нее. Она все так же улыбалась, взгляд грустных глаз был ясен.

И тут он понял, что в ней показалось ему иным. С первого дня, когда он с ней познакомился, Сара всегда отличалась некоей инстинктивной, почти агрессивной уверенностью в себе. Он и сейчас ощущал эту энергию, словно исходящее от жаровни тепло, но после всего пережитого ее основательно поубавилось.

По пути из Питсбурга он уже думал о том, что скажет, когда наступит такой момент. Отчего-то здесь, среди водяного великолепия, он сумел найти лишь самые простые слова.

— И все-таки... как у тебя дела, Сара? — спросил он.

Она продолжала смотреть вдаль, на шпили Атлантиды.

— Все хорошо. Я не сразу справилась. Но сейчас все в порядке.

— Когда ты не хотела со мной разговаривать, не отвечала на мои звонки, я боялся, что... — Он на мгновение замолчал. — Я боялся, что ты не сможешь меня простить. За Барксдейла.

— Я не могла, Дрю. Сначала не могла. Но теперь могу. — Она наконец повернулась к нему. — Ты ведь помог спасти Утопию. Парк для меня — вся моя жизнь, и я должна быть тебе благодарна. Но это тяжело. Порой это невыносимо...

Женщина отвернулась. Уорн некоторое время смотрел на нее, затем снова повернулся к воде, глядя на прыжки Леди Макбет.

— Знаешь, — медленно сказал он, — это не я в конечном счете спас Утопию. Ее спас Непоседа.

Он замолчал, вспоминая финальную сцену в коридоре уровня «С».

Сара вопросительно посмотрела на него.

— Пеккем наверняка все вам рассказал. Про взрывчатку на спине Непоседы, про эхолокатор, который мы прикрепили к броневику.

Сара кивнула.

— Но эхолокатор прекратил передачу, и робот остановился, потеряв сигнал. Весь план был под угрозой. Почти не думая, я дал Непоседе команду «догони». И он подчинился. Он погнался за броневиком. И остановил его.

Женщина снова кивнула.

— Дело в том, Сара, что Непоседу никогда не учили команде «догони». Я программировал противоположный приказ. Но каким-то образом он сам обработал директиву, определил, что следует делать. Вот этого я не могу понять. Может, дело было в тоне моего голоса, в жестах? Или эта способность случайным образом возникла у него раньше и требовался лишь некий неизвестный импульс? И мне стало любопытно. Когда я узнал, что Хард-Плейса восстанавливать не будут, я попросил Терри прислать его логический модуль ко мне в Питсбург. Я предполагал, что причина его внезапного безумия заключается в том, что он был заражен вирусом Джона Доу, который я заставил преждевременно сработать. К счастью, мне удалось отключить его, прежде чем он успел причинить вред мне или кому-то другому возле того прилавка с мороженым. По крайней мере, так я думал.

— Продолжай, — сказала Сара.

— Когда я проверил его внутренние логи, оказалось, что я был прав насчет программы-шпиона. Она на самом деле существовала и действительно подействовала преждевременно. Но в другом я ошибался. Сара, я его вовсе не выключал. Аварийный тумблер не сработал. И все же я не понимаю. Хард-Плейс не мог сам отрубиться. Он на это просто не способен.

— Но он смог перегрузить свою нейросеть, — ответила Сара. — Искусственно вызвать отключение. Он понял, что делает что-то не предусмотренное его исходной программой, и предпринял нейтрализующие действия. Иными словами, он этому научился.

Уорн ошеломленно посмотрел на нее.

— Ты знала?

— Я читала секретный официальный документ на эту тему, который ты нам присылал, и твою статью «Машинное обучение в стрессовых ситуациях». — Она кивнула в сторону Леди Макбет. — Вот почему нам даже в голову не приходило предложить заняться ее разработкой кому-то другому.

— Да? А я все время думал, что это из-за истории обо мне в «Журнале робототехники», вынесенной на обложку.

Сара коротко улыбнулась.

Уорн вытянул ноги и сунул руки в карманы. В неподвижной воде проплыл косяк рыбок. Леди Макбет изрыгнула огонь и устремилась за рыбками, рассыпавшимися во все стороны.

— Что это? — удивленно спросил Уорн. — У нее в программе такого не было.

— Небольшой сбой, который зафиксировали наши техники, — ответила Сара. — Та самая дурная привычка, про которую я тебе говорила. Она любит гоняться за рыбой.

Сверкающее хромом и деревом пространство транспортного центра заполнялось посетителями, которые нетерпеливо толпились перед кассами, ожидая наступления волшебных девяти часов. Уорн шел среди них рядом с Сарой, окидывая взглядом толпу в поисках Джорджии. Неожиданно он заметил ее у металлической колонны возле выхода. Она покачивала ногой, глядя по сторонам; наушники ее слегка подпрыгивали в ритме неслышимой музыки.

Рядом с ней стояла Терри Бонифацио. Яркие солнечные лучи золотили ее темные волосы.

Краем глаза Уорн заметил, что Сара помедлила. Она тоже их увидела.

Директор быстрым и целеустремленным шагом направилась к девочке.

— Привет, Джорджия, — поздоровалась она, кладя ей руку на плечо. — Как дела?

— Плохо, — последовал ответ.

— Почему?

— Потому что я тут. Папа не пускает меня внутрь.

Сара вопросительно посмотрела на Уорна.

— Я решил, что в первый день не стоит спешить, — сказал он. — Ну знаешь, разведать обстановку, не заходить дальше транспортного центра. Как оказалось, беспокоиться не о чем. Так что завтра придем уже как обычно.

Сара снова повернулась к Джорджии.

— Когда будет свободное время, найди меня. Если не буду на совещании, покажу тебе Атлантиду.

Девочка с интересом взглянула на нее.

— Папа мне про нее рассказывал. Похоже, там в самом деле здорово.

Не снимая руки с плеча Джорджии, Сара повернулась к Терри.

— Рада вас видеть, — сказала она. — Как новая работа?

— В Карнеги-Меллоне ее выше крыши, — с ослепительной улыбкой ответила филиппинка. — Но мне нравится. Эндрю завалил меня работой по горло. — Уорн почувствовал, как она слегка сжала его руку. — Если бы там еще были казино и ярмарка неподалеку, я вообще бы себя чувствовала на седьмом небе.

— Что ж, нельзя иметь все сразу.

— Знаю. Так что удовлетворюсь тремя бесплатными пропусками в парк на завтра.

— Считайте, что вы их получили.

Уорн внимательно наблюдал за ними. В разговоре двух женщин не ощущалось никакой неловкости.

Сара, улыбаясь, повернулась к нему.

— Мне бы следовало навешать на тебя всех собак за то, что ты помог Карнеги-Меллону похитить у нас Терри.

— Ты всегда можешь вернуть ее обратно.

— Запомню, — сказала она, пристально глядя на них. — Дай только время.

На асфальтированной площадке перед транспортным центром уже трудились служащие, руководя парковкой ста машин в минуту. Между рядами машин катились армады желтых трамвайчиков, полные улыбающихся лиц в темных очках. Сара проводила их до взятого напрокат автомобиля, оживленно болтая с Джорджией. Был один из редких для Невады дней — приятно теплый, но не жаркий.

Уорн отвел Терри в сторону.

— Это ты добавила подпрограмму погони в Леди Макбет без моего ведома? Нехорошая девочка. Получишь трепку, когда вернемся в мотель.

— Все обещаешь и обещаешь. Кроме того, Непоседа наверняка бы это одобрил.

Уорн посмотрел на Сару.

— Знаешь, — сказал он уже громче, — я так и не получал никаких вестей от Пула.

— Он писал мне.

— Тебе?

— Несколько месяцев назад пришла открытка. Без имени, без обратного адреса, лишь марка с портретом Хуареса [\[45\]](#). Он спрашивал, действителен ли еще его пожизненный пропуск.

Уорн рассмеялся и покачал головой.

— Лучше садитесь сзади, — сказала девочка Терезе, когда они подошли к машине. — Я еще не закончила.

— Не закончила что? — спросил ученый.

— Убеждать Терри прокатиться с нами завтра на «Машине криков».

— Ни за что, — тотчас же ответила женщина.

— Придется. Без вас неинтересно.

— Я же тебе говорила, я не выношу русских горок.

— Да ладно!

Тереза поколебалась и искоса посмотрела на девочку.

— Отдашь мне диск Брубeka [\[46\]](#), который «одолжила» три месяца назад?

— Хорошо.

— А Арта Тэйтума? [\[47\]](#)

Джорджия скорчила гримасу.

— Ладно.

— Тогда я подумаю над твоим предложением.

Сара рассмеялась и придержала перед Джорджией дверцу. Подождав, пока девочка пристегнется, она наклонилась и крепко ее обняла.

— Пока, Джорджия, — сказала она.

— Это правда? — спросила девочка. — В смысле, про Атлантиду?

— Конечно. Спросите на информационной стойке, у твоего папы есть разрешение от меня.

Обойдя вокруг машины, Сара наклонилась к открытому окну со стороны Уорна. На ее лице не было макияжа, и из-за яркого солнца глаза казались бледно-желтыми.

— Удачного запуска, — сказала она.

Потянувшись к ней, он поцеловал ее в щеку.

— Увидимся в парке.

Она улыбнулась, выпрямилась и кивнула.

Выезжая с парковки в сторону шоссе и Лас-Вегаса, Уорн все еще видел ее в зеркале заднего вида. Она стояла неподвижно, словно позолоченная тень, на фоне ярких очертаний транспортного центра, с поднятой в прощальном жесте рукой.

Благодарности

Многие люди помогли этой книге выйти в свет. Мой кузен Грег Тиар фактически с самого начала помогал мне, проявив себя неутомимым слушателем и дав массу ценных советов. Эрик Симонофф, мой агент издательства «Джанклов и Нэсбит», проделал огромную работу, неоднократно перечитав рукопись и внося важные коррективы. Бетси Митчелл также была внимательной и проницательной читательницей, и роман, несомненно, стал лучше благодаря ее вкладу, а также участию ее коллег. А Мэтью Снайдер из «Криэйтив артистс эдженси» снова доказал, что он — лучший стрелок Западного побережья.

Я хочу поблагодарить Джейсона Кауфмана, моего редактора из «Даблдэй», за неоценимую помощь в работе над рукописью. Специальный агент Дуглас Марджини дал мне консультацию по вопросам оружия, а также помог разобраться с правовыми моментами в романе. Я очень признателен моему старому другу Марку Менделю за информацию о компьютерных системах. Отдельная благодарность моему сообщнику и соавтору Дугласу Престону за поддержку, ведь эту книгу я писал один. После совместной работы над семью романами мы стали не только надежными партнерами, но и близкими друзьями и, я надеюсь, вскоре напишем еще семь книг. Дуг, мой поклон тебе.

Хотелось бы отметить вклад еще нескольких людей: Боба Уинкотта, Ли Сакно, Пата Аллокко, Тони Тришки, Стэна Вуда, Боба Пшибыльски. К сожалению, я не могу упомянуть всех и приношу свои искренние извинения тем, кого я не назвал.

Благодарю участников обсуждений на сайте Престона-Чайлда — ваш вклад нельзя не оценить.

И наконец, самое важное. Я хочу поблагодарить трех женщин моей жизни: мою мать Нэнси, мою супругу Люси и мою дочь Веронику. Благодаря им эта книга вышла в свет.

Безусловно, все персонажи «Утопии» — сотрудники и посетители — вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми или событиями случайны.

---

notes

Примечания

Культура коренных жителей юго-запада Северной Америки, предков современных пуэбло.

Замок короля Эдуарда Первого (1239–1307); одна из величайших крепостей Европы. Входит в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Среднеанглийский — язык конца XI — конца XV в.

Шекспир У.Гамлет. Перевод М. Лозинского.

Соловей по-английски nightingale. Найтингейл — фамилия основателя Утопии.

Аудиоморфинг — способ создания нового звука с характеристиками, полученными из параметров двух существующих звуков. Данная технология широко используется для создания различных звучаний и эффектов.

Известная джазовая композиция Кларенса и Спенсера Уильямсов (1919).

Популярные американские фильмы 1930-40 гг.

Фэтс Уоллер (1904–1943) — американский джазовый пианист, органист и композитор.

Джон Доу — термин, использующийся в англоязычных странах для обозначения анонимного или малозначимого персонажа.

Книга пророка Иоия, 3, 14.

Элиот Т. Бесплодная земля. Перевод Я. Пробштейна.

Вальтер Адольф Георг Гропиус (1883–1969) — немецкий архитектор, один из основоположников функционализма.

Джованни Баттиста Пиранези (1720–1778) — итальянский археолог, архитектор и художник-график, мастер архитектурных пейзажей. Оказал сильное влияние на последующие поколения художников романтического стиля и — позднее — на сюрреалистов.

Герой американского фольклора, обычно изображается в виде босого длинноволосого старика с седой бородой, в рубахе из грубого холста и с мешком яблочных семечек за спиной.

Намек на «Волшебника страны Оз» Фрэнка Баума.

Шекспир У. Король Лир. Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Для учета всех действий, совершаемых как с сервером, так и с сайтом, используются лог-файлы (или логи). Лог — это файл с записями о событиях в хронологическом порядке.

Сфера Шварцшильда — условная граница черной дыры.

Имена роботов заимствованы из выражения *between a rock and a hard place*, то есть «между молотом и наковальней».

Прозвище главного героя сериала «Одинокий рейнджер», к которому так обращается индеец Тонго, на чьем языке это означает «Верный друг».

Центр приема новобранцев морской пехоты в штате Южная Каролина.

Бета-версия — версия программного продукта, предшествующая выпуску коммерческой версии. Предоставляется на льготных условиях с целью тестирования и выявления ошибок в новой системе.

Скремблер — устройство, осуществляющее шифрование речи, передаваемой по каналам связи.

Бак Роджерс десять лет возглавлял службу маркетинга IBM.

Шекспир У.Гамлет. Перевод с английского М. Лозинского.

Уолтер Уильям Грей — английский нейрофизиолог, один из основателей электроэнцефалографии, автор моделей нерва и центральной нервной системы, изобретатель первых простейших кибернетических самообучающихся моделей. «Черепашки» представляли собой самодвижущиеся электромеханические тележки, способные ползти на свет или от него, обходить препятствия, заходить в «кормушку» для подзарядки разрядившихся аккумуляторов.

Место действия романа Г. Метэйлис, маленький идиллический городок Новой Англии. Сюжет, изобилующий адюльтерами, взаимной ненавистью и убийствами, лег в основу одноименной мыльной оперы (1964).

29

Разговорное название монеты достоинством в пять центов.

Герой «Сказок дядюшки Римуса» американского писателя Дж. Харриса.

Коварный Братец Лис подсунул Братцу Кролику соломенное чучело, вымазанное смолой. Братец Кролик так разозлился на упорное молчание непонятого существа, что полез в драку и колотил его до тех пор, пока не увяз в смоле.

Шекспир У. Мера за меру. Перевод М. Зенкевича.

Шекспир У. Все хорошо, что хорошо кончается. Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Шекспир У.Гамлет. Перевод М. Лозинского.

Солист рок-группы «Ганз энд роузис». Слэш — лидер-гитарист этой же группы.

Сниффер — сетевой анализатор трафика, программа или программно-аппаратное устройство, предназначенное для перехвата и последующего анализа данных, передаваемых на другие узлы. Во время работы сниффера сетевой интерфейс переключается в так называемый режим прослушивания, что и позволяет ему получать пакеты, адресованные другим интерфейсам в сети.

Анализатор протоколов — программная или программно-аппаратная система, которая позволяет поставить некоторые логические условия для захвата отдельных пакетов и выполняет полное декодирование захваченных пакетов данных.

Маршрутизатор, или роутер, — сетевое устройство, на основании информации о топологии сети и определенных правил принимающее решения о пересылке пакетов между различными сегментами сети.

Безумие (*тагальский*).

Шекспир У. Все хорошо, что хорошо кончается. Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Так у автора. На самом деле эти слова принадлежат Полонию.

Шекспир У.Гамлет. Перевод М. Лозинского.

Бурак представляет собой картонную гильзу, в нижней части которой расположен вышибной заряд, а в верхней пиротехнические элементы. Как и высотные фейерверки, он заряжается в пусковую mortiru, но образует светящиеся от самой земли траектории.

Акротири — крупные археологические раскопки на месте поселения бронзового века на греческом острове Санторин. Название раскопкам дано по имени современной деревни, расположенной на холме неподалеку. Оригинальное название античного поселения, относившегося к минойской культуре, неизвестно. Оно было погребено под слоем пепла после извержения вулкана около тысяча пятисотого года до нашей эры, в результате чего удивительно хорошо сохранилось.

Бенито Хуарес — президент Мексики в 1858–1878 гг.

Брубек Дэвид Уоррен (р. 1920) — американский джазовый композитор, аранжировщик, пианист.

Тэйтум Артур(1909–1956) — знаменитый американский джазовый пианист.